ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
SEP 15 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

8

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

ЛЕНИН В. И. **О Средней Азии и Казахстане.** (Сборн.) Ташкент. Госиздат УзССР. 1960. 631 стр. 20 000 экз. 10 руб.

ХРУЩЕВ Н. С. **40 лет Азербайджанской ССР и Коммунистической партии Азербайджана. Выступление на торжеств. заседании в Баку, посвящ. 40-летию установления Сов. власти и создания Коммунистич. партии Азербайджана, 25 апр. 1960 г.** М. Госполитиздат. 1960, 35 стр. 125 000 экз 40 коп.

АЛЕСКЕРОВ Ю. **Письма трудящихся Самарканда В. И. Ленину.** Самарканд. Изд-во Узбек. ун-та. 1960. 50 стр. 2 000 экз. 2 р. 85 к.

АШРАФЯН К. З. **Делийский султанат.** К истории экон. строя и обществ. отношений XIII – XIV вв. М. Изд-во вост. лит. 1960. 256 стр. 9 р. 70 к.

БЕЛАН Ю. Я. **Отечественная война украинского народа против немецких оккупантов в 1918 году.** Киев. Изд-во Киевского ун-та. 1960. 330 стр. 5 000 экз. 15 р. 05 к.

БЕЛЯЕВСКИЙ С. и ГОРОДЕЦКИЙ Н. **Здесь был В. И. Ленин.** По местам, связ. с пребыванием В. И. Ленина в Енисейской губернии. Красноярск. Кн. изд-во. 1960. 71 стр. 10 000 экз. 85 коп.

БЕРЕГОВАЯ Н. А. **Палеолитические местонахождения СССР.** М.-Л. Изд-во АН СССР Ленингр. отд-ние. 1960. 218 стр. 2 200 экз. 17 р. 75 к.

ВИЛЬЯМС А. Р. **О Ленине и Октябрьской революции** (пер. с англ.). М. Госполитиздат. 1960 287 стр. 100 000 экз. 5 р. 50 к.

ГАДЖИЕВА С. Ш. **Материальная культура кумыков XIX—XX вв.** Махачкала. Дагкнигоиздат. 1960. 170 стр. 3 000 экз. 10 р. 95 к.

ГОЛУБЕВ С. **Бестужев-Марлинский.** Изд. 2-е, испр. М. «Мол. гвардия». 1960. 367 стр. 40 000 экз. 7 р. 65 к.

ГРИНИШИН Д. М. **Военная деятельность В. И. Ленина.** 2-е, доп. изд. М. Воениздат. 1960. 592 стр. 11 руб.

ДОЛГИХ Б. О. **Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.** М. Изд-во АН СССР 1960. 622 стр. 1 500 экз. 33 р. 65 к.

ЖАРОВ Л. И. и УСТИНОВ В. М. **Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР.** М. Воениздат. 1960 159 стр. 3 р. 55 к.

История города-героя Севастополя. 1783—1917. Киев. Изд-во АН УССР. 1960. 364 стр. 5 000 экз. 15 р. 40 к

История Харьковского тракторного завода им. Орджоникидзе. Сб. докум. и матер. Т. 1. 1930 г. — июнь 1941 г. Харьков. Кн. изд-во. 1960. 431 стр. 5 000 экз. 8 р. 70 к.

КАДИШЕВ А. Б. **Интервенция и гражданская война в Закавказье.** М. Воениздат. 1960. 510 стр. 16 р. 30 к.

КОЗЕВ Н. **Июньский Пленум Центрального Комитета КПСС 1959 года.** М. Госполитиздат. 1960. 85 стр. 90 000 экз. 1 р. 15 к.

КУЗНЕЦОВ И. и МАТВИЕНКО С. **Газета «Социал-демократ». 1908—1917 гг.** М. Госполитиздат. 1960. 191 стр. 12 000 экз. 2 р. 30 к.

ЛАРИНА В. И. **Очерк истории городов Северной Осетии. XVIII—XIX вв.** Орджоникидзе. Сев.-Осет. кн. изд-во. 1960. 218 стр. 1 500 экз. 5 р. 10 к.

МАКАРОВ Е. М. **Отец заводов. Очерки из истории Уралмашзавода.** М. «Сов. Россия». 1960. 152 стр. 100 000 экз. 5 р 30 к.

Начало рабочего движения и распространение марксизма в России. 1883—1894 гг. Докум. и матер. М. Госполитиздат. 1960. 371 стр. 30 000 экз. 6 р. 60 к.

Некоторые вопросы истории Советского Казахстана. (Сб. статей). К 40-летию Казах. ССР. Алма-Ата. Казгосиздат. 1960. 177 стр. 2 000 экз. 10 р. 30 к.

О мероприятиях по завершению перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на сокращенный рабочий день. Материалы пятой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (май 1960 г.). М. Госполитиздат. 1960. 40 стр. 100 000 экз. 40 коп.

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М. Изд-во вост. лит. 1960. 195 стр. 1 600 экз. 10 р. 50 к.

Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. Сб. статей. М. Госполитиздат. 1960 г. 664 стр. 10 000 экз. 14 руб.

Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. М. Изд-во АН СССР. 1960. 216 стр. 2 800 экз. 12 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВ С. М. **История России с древнейших времен. В 15-ти кн. Кн. 2. Т. 3—4.** М. Соцэкгиз. 1960. 782 стр. 35 000 экз. 17 руб.

ЦЕРЦВАДЗЕ М. В. **Революционное движение в Грузии в 1914—1917 гг. Ч. 2. 1917 год.** Тбилиси. «Сабчота Сакартвело». 1960. 341 стр. 3 000 экз. 8 р. 25 к.

ЯКУБОВСКАЯ С. И. **Строительство Союзного Советского социалистического государства. 1922—1925.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 400 стр. 4 000 экз. 14 р. 50 к.

Всеобщая история

Вопросы новой и новейшей истории. Сб. статей. М. Изд-во ИМО 1959. 233 стр. 8 р. 40 к.

ГОРДЛЕВСКИЙ В. А. **Избранные сочинения. (В 4-х т.). Т. 1. Историч. работы.** М. Изд-во вост. лит. 1960. 551 стр. 2 000 экз. 31 руб.

ЗАБОРОВ М. И. **Папство и крестовые походы.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 263 стр. 10 000 экз. 4 руб.

ЗЕЛЬИН К. К. **Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте. II—I вв. до н. э.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 467 стр. 1 300 экз. 19 р. 70 к.

История Чехословакии. В 3-х т. Т. 3. Изд-во АН СССР. 1960, 662 стр. 8 000 экз. 43 р. 50 к.

КРАМИНОВ Д. **Правда о втором фронте.** Записки военного корресп. Петрозаводск. Госиздат Карел. АССР. 1960. 232 стр. 50 000 экз 4 р. 60 к.

НАМБУДИРИПАД Е. М. Ш. **Махатма Ганди и гандизм.** (Пер. с англ.). М. Изд-во иностр. лит. 1960. 199 стр. 6 руб.

ПОЛЛИТ Г. **Годы политического ученичества.** (Воспом.). (Пер с англ.). М 1960. 271 стр. 30 000 экз. 4 р. 65 к.

Проблемы истории первобытного общества. М.—Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение. 1960. 262 стр. 2 000 экз. 15 р. 65 к.

Счастье и мир — народам! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане. 11 февр. — 5 марта 1960 г. М. Госполитиздат. 1960. 350 стр. 200 000 экз. 7 руб.

ЧЕКА Х. К. **Очерки о странах Латинской Америки.** (Пер. с испан.). М. Изд-во иностр. лит. 1960. 555 стр. 11 р. 15 к.

ШИЛИНЦЕВ Н. **Пылающий Рур. Стачка рурских металлистов 1928 года.** Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1960. 120 стр. 1 500 экз. 1 р. 70 к.

ШТЕРН Л **Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию и германское рабочее движение.** (Пер. с нем.). М. Изд-во иностр. лит. 1960. 403 стр. 9 р. 50 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вопросы истории

№ 8 АВГУСТ 1960 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Советская историческая наука на новом этапе развития 3
О профиле и структуре журнала «Вопросы истории» 19

СТАТЬИ

Академик **Е. М. Жуков** — О периодизации всемирной истории . . . 22
В. П. Данилов — К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР 34
В. П. Шушарин — О сущности и формах современного норманизма . 65
М. А. Барг — О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV веках 94
И. А. Ходош — Из истории проникновения американских монополий в Либерию (1924—1933 гг.) 114

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР
В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

М. И. Ассатурова — Пополнение Отделения исторических наук . . . 123
Ю. С. Борисов — Научная сессия по историографии социалистического и коммунистического строительства 124
Совещание академиков и членов-корреспондентов АН СССР в редакции журнала «Вопросы истории» 132

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Карасев, И. И. Шинкарев — По страницам «Военно-исторического журнала 136
В. В. Мавродин (Ленинград) — «Повести о Куликовской битве» . . 145

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

И. Е. Зеленин — М. А. Вылцан. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.);

И. Е. Тропп (Свердловск) — М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг.; **М. М. Шейнман** — В. И. Волгин. Ватикан — центр реакции и мракобесия . . . 149
Статьи в советских исторических журналах 154

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В. И. Злобин, М. И. Хейфец — Ленинская научная сессия на историческом факультете Московского университета 160
Н. Я. Иванов (Ленинград), **А. Л. Фрайман** (Ленинград) — Научные сессии в Ленинграде, посвященные 90-летию со дня рождения В. И. Ленина 168
К. Н. Бараков — 15-летие освобождения Венгрии 171
Б. И. Колыбин — К 150-летию войны за независимость в Латинской Америке 172
С. М. Пенчковская — 60-летие доктора исторических наук В. И. Шункова 174
Хроникальные заметки 175

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

РЕЦЕНЗИИ

В. А. Федоров — Николай В. Рязановский. Николай I и «официальная народность» в России (1825—1855) 177

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Е. А. Лебедев — «Суэцкий канал (факты и документы)». Сборник статей; **К. Л. Майданик** — Р. Г. Колодны. Борьба за Мадрид; **В. Г. Сироткин** — Робер Арон. История освобождения Франции (июнь 1944 — май 1945) 183

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии . 191
Заметки о статьях 195
Рецензии на книги советских авторов 211

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А. И. Пушкаш — Общее собрание Венгерской академии наук и научная сессия венгерских историков 213

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Ю. Е. Савельев — Журнал должен перестроить свою работу 215
Л. М. Орехова — Несколько советов читателя 216
Н. Н. Блохин — Мои пожелания журналу «Вопросы истории» . . 217
В. Б. Вилинбахов (Ленинград), **М. Ф. Мурьянов** (Ленинград) — Новый факт знакомства Руси с огнестрельным оружием . . . 218
Резюме статей на английском языке 220
Сведения об авторах статей, помещенных в данном номере журнала . 222

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА НОВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Занятия историей никогда не были простым любопытством, уходом в прошлое ради самого прошлого. В течение многих веков человечество старалось проникнуть как в близкое, так и в отдаленное прошлое, стремясь найти в истории объяснение настоящему, познав прошлое, предвидеть будущее. Историческая наука — и об этом свидетельствует многовековой путь человечества — всегда служит прежде всего запросам современности. По своей природе, по своей общественной функции историческая наука всегда была призвана обслуживать наиболее актуальные потребности идеологической жизни общества, и вся история исторических знаний, весь путь развития исторической науки неопровержимо свидетельствуют об этом. Историческая наука была и остается ареной острой идеологической борьбы; она была и остается классовой, партийной наукой.

Опыт истории является критерием правильности всякой исторической теории. Борьба идей, направлений, теорий, составляющая основное содержание процесса развития исторической науки, основывается на реальных противоречиях общественного развития, отражает борьбу классов и их партий. Историческая наука и современность неразрывно связаны между собою. Не может быть правильного осмысления современности без данных исторической науки. Знание путей развития общества в прошлом помогает понять настоящее и предвидеть будущее. Такова диалектика связи истории с жизнью.

Опыт истории неопровержимо доказал, что единственно верное, соответствующее объективной реальности объяснение закономерностей исторического процесса дается учением марксизма-ленинизма. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, построение социализма в нашей стране, возникновение мировой социалистической системы наглядно и убедительно свидетельствуют о том, что марксизм совершенно правильно предвидел ход истории, вскрыл ее закономерности, указал путь «к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»[1]. Марксизм-ленинизм поставил учение об обществе на прочные научные основы, создал историю как науку о поступательном развитии общества с древнейших времен до современности, науку, рассматривающую весь многовековой путь человечества как закономерный естественноисторический процесс, основное содержание которого составляют смена общественно-экономических формаций, неизбежная гибель эксплуататорских обществ, победа коммунизма. В этом состоит великая действенная сила советской исторической науки. «...За наши взгляды вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность»[2],— писал В. И. Ленин.

Успешное развитие советской исторической науки обеспечивается заботой и руководством со стороны коммунистической партии, политика которой основывается на творческом применении и развитии марксизма-ленинизма.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 41.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 7.

Наши идейные противники утверждают, будто партийность советской историографии несовместима с объективным научным исследованием. В этом сказывается нежелание одних и неспособность других замечать достижения марксистской историографии. Великая сила марксистско-ленинского учения состоит в том, что оно дает в руки исследователя единственно правильный, научный творческий метод объективного, всестороннего изучения общественных явлений и процессов. Этот метод требует тщательного, точного анализа фактов и событий, взятых в их реальной взаимосвязи. Не отрывочные фактики и примеры, не отдельные иллюстрации, а вся совокупность относящегося к исследуемому вопросу фактического материала должна лежать в основе исторического исследования. Историки-марксисты следуют указаниям основоположника советской исторической науки В. И. Ленина, который учил: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [3].

В. И. Ленин подчеркивал, что в исследовательской работе «надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела» [4].

Марксизм-ленинизм, открыв объективные закономерности общественного развития и вооружив историков знанием этих закономерностей, впервые создал возможность строго научного исследования фактического материала.

Советская историческая наука успешно развивается именно потому, что она руководствуется творческим методом марксизма-ленинизма, последовательно проводит принципы историзма, глубокого объективного анализа исторической действительности в сочетании с классовым, партийным подходом к явлениям общественной жизни, постоянно памятуя об органической связи истории с живой деятельностью народных масс — творцов истории, о том, что «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [5]. Коммунистическая партийность не может не совпадать с высшей научной объективностью, ибо марксизм-ленинизм является единственно верной теорией общественного развития, что подтверждено практикой истории. Вечно живое, развивающееся марксистско-ленинское учение лежит в основе успехов советской исторической науки.

Превосходство марксистско-ленинской методологии над буржуазными теориями общественного развития не означает нигилистического отношения ко всей буржуазной историографии. Мы по достоинству оцениваем

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266.
[4] Там же, стр. 266—267.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. Изд. 2-е, стр. 102.

вклад, который был внесен в свое время буржуазной историографией в развитие науки, и доныне пользуемся по ряду вопросов трудами выдающихся историков прошлых времен. Советские историки внимательно относятся ко всему положительному, что было достигнуто их предшественниками, что создается в настоящее время не только прогрессивными зарубежными учеными, но и добросовестными исследователями, не стоящими на позициях марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин отмечал, что марксистская наука завоевала сознание миллионных масс потому, что опирается на прочный фундамент человеческих знаний. Маркс, изучив законы развития человеческого общества, «понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму, и, главное, он доказал это только на основании самого точного, самого детального, самого глубокого изучения этого капиталистического общества, при помощи полного усвоения всего того, что дала прежняя наука. Все то, что было создано человеческим обществом, он переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания» [6].

Двадцатый век явился временем углубления кризиса буржуазной историографии. Обострение всех противоречий капитализма в период империализма и особенно в период общего кризиса капитализма вызвало резкое размежевание в рядах буржуазной интеллигенции, в частности среди историков. Реакционные буржуазные ученые стремятся использовать историческую науку для защиты эксплуататорского строя, оправдания всех мерзостей империализма. Наше отношение к трудам таких историков можно охарактеризовать словами В. И. Ленина. Называя буржуазных профессоров политической экономии и философии «учеными приказчиками» класса капиталистов и теологов, Владимир Ильич отмечал: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),—и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» [7].

Советские историки знают, что мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем не означает ослабления идеологической борьбы, в частности на фронте исторической науки. В этой борьбе они отстаивают методологические принципы советской исторической науки, ее достижения, активно пропагандируют исторический материализм, убедительно раскрывают теоретическую несостоятельность буржуазной историографии и политическую реакционность ее различных направлений, разоблачают фальсификаторов истории, дают отпор ревизионистам.

Среди буржуазных историков имеются ученые, которые видят противоречивость буржуазного строя, осуждают его отдельные стороны, стремятся разобраться в ходе исторического процесса. Неправильные методологические позиции этих исследователей не позволяют им создать подлинно научные труды по истории. Однако их перу принадлежит ряд полезных работ по конкретной истории, ценных своей источниковедческой базой, систематизацией фактического материала. Советские ученые охотно и искренне идут на всемерное расширение международных связей не только с историками-марксистами, но и с добросовестными буржуазными историками. Они это делают потому, что такие связи служат делу укрепления мира, распространению достижений советской историографии, позволяют зарубежным ученым увидеть успехи нашей исторической науки и убедиться в правоте марксистско-ленинской методологии. В свою очередь, марксистским историкам необходимо знать современную буржуаз-

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 261—262.
[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 328.

ную историческую науку, ее достижения в области исследования конкретных вопросов, ее направления, приемы, тенденции. Советские историки идут на развитие международных контактов с открытой душой и чистым сердцем; последовательно отстаивая свои принципиальные позиции, они стремятся честно и активно сотрудничать во всем том, что необходимо для развития исторической науки и для выполнения ею ответственных задач перед современностью, перед народами, борющимися за мир, за лучшее будущее человечества.

Пять лет назад советские историки приняли участие в работах X Международного конгресса исторических наук в Риме. Наши ученые выступили на конгрессе с рядом докладов и сообщений, вызвавших большой интерес международной научной общественности [8].

Ныне в Стокгольме собирается очередной, XI Международный конгресс исторических наук, на котором достойно будет представлена наша историческая наука [9]. Историки СССР идут на Стокгольмский конгресс в условиях нового подъема советской исторической науки. Зарубежные ученые смогут снова убедиться в том, что в стране победившего социализма созданы самые благоприятные условия для развития исторической науки.

После XX и XXI съездов КПСС наступил новый этап в развитии советской исторической науки. Большие и ответственные задачи встают перед историками в свете постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Теперь, когда Советский Союз вступил в период развернутого строительства коммунизма, в огромной степени возрастает роль общественных наук в коммунистическом воспитании трудящихся. Историки призваны внести свой вклад в великое дело созидания коммунистического общества.

В решениях Коммунистической партии Советского Союза и братских коммунистических и рабочих партий получило творческое развитие марксистско-ленинское учение, в них дан всесторонний анализ современного этапа в развитии общества. Это идейно обогатило и вооружило нашу историческую науку. Ликвидация последствий культа личности способствовала подъему творческой активности историков, оживлению работы во всех областях исторической науки.

Вместе с тем кое-кто воспринял исправление ошибок, порожденных культом личности, как пересмотр принципиальных положений и выводов, выработанных в советской исторической науке в предшествующий период. Отдельные историки допускали теоретические и методологические ошибки, имевшие тенденцию к отходу от ленинских принципов партийности в науке. Такого рода тенденции, проявившиеся, в частности, в журнале «Вопросы истории», встретили дружный отпор советской научной общественности, подвергшей решительной критике допущенные ошибки и извращения. В укреплении боевых принципов партийности в советской исторической науке, в борьбе против всяких проявлений ревизионизма историкам большую помощь оказало постановление ЦК КПСС «О журнале «Вопросы истории» от 9 марта 1957 года. В нем подчеркнута необходимость последовательного соблюдения ленинского принципа партийности в исторической науке.

За время, прошедшее после принятия этого постановления, советские историки добились немалых успехов в борьбе против буржуазной идеологии и ревизионизма. Опубликованы многие статьи и специальные сборники, в которых разоблачаются буржуазная фальсификация истории и

---

[8] См. «Труды историков СССР, подготовленные к X Международному конгрессу исторических наук в Риме». М. 1955.

[9] Программу работы конгресса см. «Вопросы истории», 1960, № 3.

ревизионизм в историографии. Следует, однако, сказать, что усилия историков в этом направлении должны возрасти еще более. Мы не всегда ведем подлинно наступательную борьбу против буржуазной идеологии по всему фронту исторической науки; подчас мы недооцениваем необходимость борьбы с идеологическими противниками и в области новейшей истории и в области истории более отдаленных эпох. Борьба против буржуазной историографии — и тем более борьба наступательная — не может сводиться только лишь к полемике и разоблачению работ реакционных историков. Важно прежде всего создавать полноценные научные исследования, охватывающие весь исторический процесс, в особенности историю советского общества и новейшую историю зарубежных стран.

Борьба против буржуазной идеологии была и остается первейшей задачей наших историков. Она помогает лучшим представителям буржуазной исторической науки понять порочность ее методологических принципов и политических тенденций, приблизиться к подлинно научной методологии марксизма-ленинизма. Это налагает на советских историков особую ответственность и требует от них вести борьбу против буржуазной идеологии систематически, предметно, убедительно на всех участках исторической науки.

Глубокое изучение теории марксизма-ленинизма является первостепенным фактором, обеспечивающим успешное развитие советской науки. Крупнейшим событием в идейной жизни нашей страны является начавшаяся публикация второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и пятого, Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Советские историки ведут большую работу по изучению трудов основоположников марксизма-ленинизма. Но в этой области предстоит еще многое сделать. До сих пор у нас нет обобщающих исследований, посвященных значению ленинского наследия для исторической науки, хотя количество статей, в той или иной степени рассматривающих отдельные стороны этой темы, значительно. Особенно много таких статей было опубликовано в связи с 90-летием со дня рождения Владимира Ильича.

Большое значение для историков имеет издание документов КПСС, работ Н. С. Хрущева и других деятелей Коммунистической партии Советского Союза и международного коммунистического и рабочего движения.

Важнейшей областью исследований советских историков является изучение истории Коммунистической партии Советского Союза. Историки КПСС составляют один из ведущих отрядов советской исторической науки. За последние годы получила большой размах исследовательская разработка историко-партийных вопросов. Крупным успехом в этой области явился новый обобщающий труд «История Коммунистической партии Советского Союза», в котором освещена героическая история КПСС, впервые обстоятельно проанализировано насыщенное крупнейшими событиями истекшее двадцатилетие в истории партии и исправлен ряд ошибок, имевших место в историко-партийной литературе прошлых лет.

Огромный размах приобрело исследование деятельности основателя коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина, изучение богатейшего ленинского наследства. Девяностолетие со дня рождения В. И. Ленина было ознаменовано выходом в свет большого количества книг и статей. Среди них важнейшее значение имеет новое издание «Биографии В. И. Ленина».

Характерной особенностью нового этапа развития советской исторической науки является расширение проблематики научных исследований, создание обобщающих трудов, охватывающих весь процесс развития человеческого общества или отдельные эпохи.

Широкий размах исследовательской работы во всех направлениях, творческое содружество ученых различных специальностей подготовили условия для выпуска такого крупного обобщающего труда, как многотомная «Всемирная история».

В этом издании, являющемся результатом творческой работы большого коллектива историков, подводятся итоги более чем сорокалетнего периода развития советской исторической науки. Советская «Всемирная история» впервые рассматривает весь мировой исторический процесс в свете единой и цельной концепции, основанной на марксистском учении об общественно-экономических формациях. «Всемирная история» на огромном и разнообразном материале истории различных стран и народов показывает единство всемирно-исторического процесса, правильность тех общих закономерностей развития человеческого общества, которые открыты К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Во «Всемирной истории» последовательно проведен важнейший принцип советской историографии — принцип исторического равноправия всех народов мира. Этот труд показывает полнейшую несостоятельность всякого рода расистских, европоцентристских, панисламистских, шовинистических и националистических теорий. Свойственное социализму глубокое чувство уважения ко всем народам, к их истории, их вкладу в сокровищницу мировой культуры руководит советскими учеными, создающими «Всемирную историю»— историю народов, а не королей и полководцев.

Обобщение итогов исследований специалистов содержится в учебниках и учебных пособиях по истории СССР и всеобщей истории, вышедших в свет за последнее время. Огромным тиражом издан в СССР и переведен на многие иностранные языки специальный том БСЭ (2-е изд.) «Союз Советских Социалистических Республик», в котором даны систематический очерк истории СССР с древнейшего времени до наших дней и очерк истории отечественной исторической науки.

Теперь, когда достигнуты новые значительные успехи в марксистско-ленинском исследовании различных этапов отечественной истории, ученые приступают к созданию обобщающего многотомного труда «История СССР». Осуществляется фундаментальное издание «История русского искусства», ведется работа над «Историей русской культуры». Впервые в стране готовится универсальное справочное издание по всемирной истории — двенадцатитомная «Советская историческая энциклопедия».

Характерным для развития советской исторической науки в наши дни является решительный поворот историков к изучению процессов, непосредственно связанных с современностью, с жизнью, с практикой коммунистического строительства. Внимание исследователей все больше и больше привлекает история советского общества, а в области зарубежной истории — новейший период.

Изучение современности связано с рядом трудностей. Исследователям здесь приходится идти, образно выражаясь, «по целине», ставить и решать совершенно новые вопросы в науке. В их распоряжении нет того богатого арсенала ранее проделанных исследований, которыми располагают историки, работающие над проблемами прошлого. Нередко уже самый сбор материала по тому или иному вопросу представляет собой немалую ценность, подготовляя условия для будущих, более углубленных исследований.

Советская историческая наука за последние годы сделала шаг вперед в этом направлении. Еще несколько лет назад научная продукция по истории советского общества состояла главным образом из журнальных статей; монографии были довольно редким явлением. Конечно, сейчас размах и уровень исследований по истории советского общества еще не отвечают требованиям современности и растущим потребностям советского читателя. У нас мало фундаментальных исследований по истории советского общества. Ученые должны смелее браться за разработку вопросов современности. Но нельзя не видеть и того, что появляется все больше научных книг (не говоря уже о массовой научно-популярной ли-

тературе), посвященных вопросам истории строительства социализма и коммунизма. Это становится основным направлением исторических исследований в СССР.

Много внимания советские историки уделяют всестороннему изучению величайшего события всемирной истории — Великой Октябрьской социалистической революции. Свыше 600 книг вышло в свет в нашей стране в связи с 40-й годовщиной Октября; кроме того, было опубликовано громадное количество статей и других работ. Коллективом ученых будет создана фундаментальная «История Великой Октябрьской социалистической революции». Немало исследований и документальных публикаций подготовлено по истории «генеральной репетиции» Великого Октября — революции 1905—1907 гг. в связи с ее пятидесятилетием.

Советские исследователи сосредоточивают свои усилия на изучении истории народных масс — подлинных творцов истории. Руководящая роль коммунистической партии, история рабочего класса, колхозного крестьянства, история союза рабочего класса и крестьянства — таковы важнейшие темы, разрабатываемые нашей наукой.

Героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. глубоко и всесторонне изучается историками. Выходят в свет монографии, мемуарная литература. Следует отметить важность ведущейся в настоящее время работы по созданию многотомной «Истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (первый том уже вышел в свет). Этот труд призван всесторонне и глубоко раскрыть величественную эпопею борьбы советского народа, руководимого коммунистической партией, за свою свободу и независимость, за освобождение от фашизма народов других стран.

Развертывается исследовательская работа и в области истории послевоенного периода: ведется сбор материалов, делаются первые попытки его обобщения в монографиях, брошюрах, диссертациях, статьях. Надо, однако, подчеркнуть, что жизнь, практика коммунистического строительства требуют от историков более энергичной разработки истории советского общества послевоенного периода.

Успехи в изучении истории советского общества позволили создать обобщающую книгу «История СССР. Эпоха социализма». Этот труд является серьезным достижением нашей историографии. Задача ученых заключается теперь в том, чтобы выпустить многотомную историю советского общества.

Значительные успехи достигнуты историками союзных республик. Известно, что буржуазная историография, отражая шовинистические и националистические устремления эксплуататорских классов, исходит из глубоко реакционного принципа деления народов на «исторические» и «неисторические». В условиях победы социалистического строя народы СССР во всей полноте проявили богатство своих творческих сил. Историки союзных и автономных республик в тесном контакте с учеными Москвы, Ленинграда и других научных центров страны успешно разрабатывают важнейшие проблемы истории всех советских народов. Ими создано много монографических исследований и обобщающих работ по истории народов СССР с древнейших времен до наших дней.

Большое внимание советские историки уделяют борьбе против реакционной буржуазной историографии и разработке истории исторической науки. Вышли в свет сборники статей, направленные против фальсификации истории. Опубликован первый том «Очерков истории исторической науки в СССР», подготовлены второй и третий тома. Готовится труд по истории исторической науки за годы Советской власти (1917—1960 гг.).

Усилившееся в последнее время изучение методологических вопросов требует дальнейшей активизации работы в этом направлении. Глу-

бокая разработка теории исторического процесса, методов исторического исследования — таковы важные задачи историков. Для этого следует наладить деловое сотрудничество с учеными других отраслей общественных наук: философами, экономистами, правоведами, литературоведами.

Широким фронтом ведется исследование истории стран народной демократии, новейшей истории капиталистических стран. Созданы не только монографические исследования, но и обобщающие труды: два тома «Истории Болгарии», три тома «Истории Чехословакии», три тома «Истории Польши», подготовленные Институтом славяноведения АН СССР.

В работах наших ученых по всеобщей истории характеризуются процессы, связанные с общим кризисом капитализма, освещается история международного коммунистического и рабочего движения, разоблачается ложь апологетов буржуазии о современном состоянии капиталистических стран, раскрывается всемирно-историческая роль Великой Октябрьской социалистической революции.

Советская историческая наука, убедительно разоблачая разбойничью природу империалистических поджигателей войны, служит благородному делу сохранения мира во всем мире. Важную роль в этом призвано играть правдивое освещение истории внешней политики Советского государства, а также международных отношений в эпоху империализма. В настоящее время осуществляется второе (пятитомное) издание «Истории дипломатии».

Наряду с углубленным изучением процессов, протекающих в капиталистических странах Запада, советские ученые уделяют большое внимание истории народов Азии, Африки и Латинской Америки, бывших в течение длительного времени объектом колониальной эксплуатации империалистических держав. Вышли в свет коллективные труды: «Великий Октябрь и народы Востока», «Ленин и Восток», «Очерки истории Китая в новейшее время», «Новейшая история Индии», «Арабы в борьбе за независимость», многие публикации, монографии. Большое внимание уделяется изучению кризиса и распада колониальной системы в эпоху империализма.

Исследование современной истории советские ученые сочетают с дальнейшей разработкой истории предшествующих периодов. Понятие актуальности в исторической науке не исчерпывается хронологической близостью того или иного события к сегодняшнему дню. Развитие исторической науки в целом немыслимо без исследования исторического процесса во всем его объеме. Поэтому вопросы истории первобытнообщинного строя и античности, феодализма и капитализма не могут игнорироваться в нашей науке, наоборот, они подвергаются систематическому и углубленному изучению.

Естественно, что главное место в этом направлении занимают работы по истории народов СССР досоветского периода. За последние годы всемирную известность получили выдающиеся открытия советских археологов, которые вносят ценный вклад в изучение первобытнообщинного строя и древнейших государственных образований на территории СССР, а также эпохи феодализма. Широкое признание заслужили труды выдающихся советских ученых — академика Б. А. Рыбакова, членов-корреспондентов АН СССР С. П. Толстова, П. Н. Третьякова и других. Значительные успехи достигнуты Новгородской археологической экспедицией (под руководством члена-корреспондента АН СССР А. В. Арциховского), находки которой раскрывают замечательное богатство материальной культуры древнего Новгорода. Обнаруженные экспедицией берестяные грамоты представляют собой новый вид источников, драгоценный фонд новых уникальных материалов для историков и лингвистов.

Активизируют свою деятельность советские этнографы. Связывая исследования с жизнью, анализируя процессы современности, они ведут

этнографическое изучение советского рабочего класса и колхозного крестьянства. Советская этнографическая наука вносит важный вклад в разработку истории народов Азии, Африки, Америки, Австралии. В серии «Народы мира» выпускаются такие обобщающие коллективные труды, как «Народы Африки», «Народы Америки».

Большая исследовательская работа ведется по истории СССР феодальной эпохи. Создан многотомный коллективный труд «Очерки истории СССР. Период феодализма», обобщивший результаты многолетних исследований советских ученых во всех областях исторического развития народов нашей страны до конца XVIII века. Важное место отводится исследованию истории общественно-политической мысли, антифеодальных движений. Проблемы образования и развития Русского централизованного государства подвергнуты анализу в монографиях Л. В. Черепнина и И. И. Смирнова. Истории Сибири посвящена капитальная монография В. И. Шункова. Глубоко изучаются крестьянские войны и классовая борьба в феодальной и капиталистической России.

Советские историки активно участвуют в борьбе за преодоление религиозных предрассудков в сознании людей. Последние годы ознаменовались расширением исследований в области истории религии и атеизма, истории церкви и антицерковных движений.

Опираясь на результаты конкретных исследований, историки стремятся решить ряд общих проблем. Продолжается интересная дискуссия среди ученых о проблеме генезиса капитализма в России, в особенности о природе русской мануфактуры XVII—XVIII веков. Характерно, что эта дискуссия обусловила появление не только многочисленных журнальных статей, но и монографических исследований.

Имеются достижения в исследовании истории народов СССР периода капитализма, революционно-освободительного движения в России. Оживилась исследовательская работа в области истории народничества 70—80-х годов. Значительным вкладом в изучение социально-экономического развития России XIX в. явились фундаментальные труды академика Н. М. Дружинина и др.

Изучение истории России конца XIX — начала XX в. осуществляется широким фронтом: освещаются вопросы экономики, классовой борьбы, политического строя и культуры.

Советские историки ведут успешные исследования в различных областях всеобщей истории, ее древнего, средневекового и нового периодов. Обстоятельно изучаются проблемы древней истории (работы академиков А. И. Тюменева, В. В. Струве и др.). Плодотворно трудятся советские медиевисты, решая сложные вопросы социально-экономической и политической истории европейского средневековья (работы академика С. Д. Сказкина и др.). Начата работа над трехтомной «Историей Византии». Расширяется изучение истории народов Азии и Африки. Создан коллективный труд «Очерки новой истории Японии». Ведется работа над книгой «Новая история Индии». Развертывает свою научную деятельность вновь созданный Институт Африки. В последнее время написаны коллективами ученых второй и третий тома «Новой истории».

История — наука конкретная, опирающаяся на точно установленный фактический материал. Поэтому для развития науки очень важное значение имеет развитие ее источниковедческой базы. За последние годы документальная база советской историографии заметно расширилась, в первую очередь за счет введения в научный оборот большого количества документов по новейшему периоду. На основании решения правительства, принятого в 1956 г., исследователи получили широкий доступ к документам по истории советского общества. Это один из важнейших факторов, обусловивших новые успехи наших историков в исследовании истории советского общества и международных отношений новейшего времени.

Расширилась публикация архивных документов. Только в связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции было издано более 100 сборников документов, которые содержат 22 тысячи новых материалов. Публикуется многотомная серия документов «Великая Октябрьская социалистическая революция», выходит в свет академическое издание «Декретов Советской власти». Серия документальных сборников издана также по истории революции 1905—1907 годов. Выпускается ряд весьма важных для освещения истории внешней политики и международных отношений многотомных публикаций: «Документы внешней политики СССР», «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел». Опубликованы документальные материалы по истории второй мировой войны, имеющие исключительное значение для разоблачения буржуазных фальсификаторов истории: «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», «Французско-советские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Много документов издается по вопросам истории народов СССР периодов феодализма и капитализма. Следует отметить плодотворную работу Археографической комиссии Академии наук СССР под руководством академика М. Н. Тихомирова по изданию Полного собрания русских летописей. Продолжается публикация «Актов социально-экономической истории Северо-Востока Руси». Историки и литературоведы сообща издали ряд памятников общественно-политической мысли и литературы русского средневековья. Несколько новых публикаций посвящено крупнейшим народным движениям — крестьянским войнам XVII—XVIII вв., крестьянскому движению в XIX веке. Немало документов издается в союзных и в автономных республиках, где археографическая работа приобретает все больший размах. Много внимания уделялось в последнее время публикации документов по истории отношений России со странами Востока.

Развивается творческое сотрудничество советских и зарубежных историков в области публикации документов. Государственные архивы СССР и стран народной демократии опубликовали три тома документов «Из истории международной пролетарской солидарности». Эти сборники являются вкладом в дело борьбы против ревизионизма, за чистоту марксизма-ленинизма, за пролетарскую солидарность и интернациональное содружество народов. Историками СССР, Чехословакии, Болгарии, Польши готовятся документальные издания о советско-чехословацких, советско-польских дружественных отношениях, об освобождении Болгарии от турецкого ига.

Расширение источниковедческой базы — яркий показатель развития советской науки за последние годы.

Партия и правительство проявляют неустанную заботу о расширении издательской базы исторической науки. Выросло количество исторических журналов в нашей стране. С 1957 по 1959 г. выходят «Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Военно-исторический журнал», «Украинский исторический журнал», «Исторический архив», «Современный Восток», «Советская археология». Выходят «Исторические записки» Института истории Академии наук. В системе высшей школы выпускается журнал «Исторические науки» (в серии «Научные доклады высшей школы»). Систематически выходят в свет сборники, посвященные определенным эпохам или проблемам («Средние века», «Византийский временник», «Проблемы источниковедения», «Вопросы истории религии и атеизма», «Материалы по истории СССР», «Материалы по истории земледелия и сельского хозяйства в СССР», «Ежегодник музея истории религии и атеизма», «Археографический ежегодник», «Скандинавский сборник»), издаются многочисленные «Труды» и «Ученые записки» научных и высших учебных заведений страны.

Растет число публикуемых книг по истории. Наряду с выпуском новых исследований переиздаются как труды крупнейших советских историков (С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле и др.), так и лучшие работы дореволюционных историков (восьмитомное собрание сочинений В. О. Ключевского, многотомная «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева, «История Российская» В. П. Татищева и др.).

Расширение возможностей для издания книг по истории создало благоприятные условия для активизации научных исследований. Надо, однако, отметить, что в настоящее время издательства все еще не обеспечивают своевременного выпуска в свет всех подготавливаемых советскими историками исследований.

Весьма примечательные явления советской действительности — все более развивающееся сотрудничество советских историков с учеными других наук, использование комплексных методов исследования, дающих большой научный эффект. Ведется совместная работа историков и философов по изучению развития социалистического общества; историков и экономистов — по исследованию проблемы империализма в России; археологов, историков и лингвистов — по исследованию берестяных грамот; историков и литературоведов — по изучению общественно-политических движений российского средневековья. Успешно применяются новейшие технические средства в археологических исследованиях, включая авиацию, рентгенографию, спектральный, термический и химический анализы, подводную археологию, радиокарбонный метод исследования и т. п. Наряду с развитием специализации в исторической науке происходит процесс взаимопроникновения истории и других наук как гуманитарного, так отчасти и естественного профиля. Это намного обогащает методику исследований и дает богатые результаты синтезированного изучения исторических явлений. Организованы комплексные экспедиции работников разных наук по изучению отдельных районов страны (Прибалтийская, Туркменская, Таджикская, Киргизская и др.). Но все же содружество историков с работниками других наук в настоящее время осуществляется еще недостаточно широко. Между тем такое содружество является необходимым условием дальнейшего подъема советской исторической науки.

Изменились и расширились организационные формы научной работы. Возник ряд новых научных учреждений (например, Институт Африки, Институт мировой экономики и международных отношений); произошли некоторые изменения в организации деятельности ранее существовавших научных учреждений. Созданы научные советы по проблемам, координирующие исследования, проводимые историками различных учреждений в масштабах всей страны: по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР (председатель М. П. Ким), по истории национально-освободительной борьбы народов против колониализма и истории развития стран Востока, ставших на путь независимости (председатель Б. Г. Гафуров), по истории Великой Октябрьской социалистической революции (председатель И. И. Минц), по изучению исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции (председатель А. Л. Сидоров), по генезису капитализма (председатель С. Д. Сказкин). В Институте истории АН СССР работают творческие группы по изучению важнейших проблем отечественной истории, а также истории отдельных стран Запада: по изучению истории крестьянства и сельского хозяйства в СССР (руководитель В. П. Данилов), по исследованию революционной ситуации в России в 50—60-х годах XIX в. (руководитель М. В. Нечкина), по изучению истории социалистических идей (руководитель Б. Ф. Поршнев), по истории Франции (руководитель В. П. Волгин), Испании, Англии (руководитель обеих групп И. М. Майский), Италии (руководитель С. Д. Сказкин), Германии (руководитель А. С. Ерусалимский). В Институте истории также плодотворно работают комиссии по истории исторической науки (руководи-

тель М. В. Нечкина), по истории сельского хозяйства и крестьянства России (руководитель Н. М. Дружинин).

Деятельность научных советов, комиссий и творческих групп позволяет более четко координировать исследовательскую работу широкого круга историков в области отечественной и зарубежной истории. Примечательной особенностью этих новых форм руководства исследовательской деятельностью и координации ее является то, что научные советы и группы по странам и проблемам представляют собою не административные, а общественные творческие организации. Это — свидетельство того, что в период развернутого строительства коммунизма все более возрастает роль общественных форм в управлении различными областями общественного и культурного развития.

Создание научных советов и групп по проблемам и странам способствует расширению творческих научных дискуссий. Они проводятся как на научных конференциях, сессиях, заседаниях, так и в печати. Широкое обсуждение различных вопросов, живой обмен мнениями дают хорошие научные результаты. Коллективному творческому обсуждению были подвергнуты за последние годы такие важнейшие проблемы, как закономерности перехода от социализма к коммунизму, вопросы периодизации истории советской исторической науки, характер и периодизация второй мировой войны, значение присоединения народов Средней Азии к России, характер движения горских народов Кавказа в XIX в., проблема Крестьянской войны и Реформации в Германии и многие другие.

Другой особенностью развития советской исторической науки на современном этапе является увеличение удельного веса коллективных трудов. Такая форма научной работы создает большие возможности для эффективного проведения исследований. Она способствует обстоятельному освещению всех аспектов проблемы, позволяет максимально использовать силы и знания каждого специалиста для решения определенных вопросов. Создание коллективных трудов отнюдь не исключает необходимости расширения индивидуальной монографической работы.

В нашей стране заботливо выращиваются новые кадры историков, которые вместе с крупными учеными старшего поколения успешно решают сложные исследовательские задачи. В последние годы были осуществлены многие мероприятия, направленные на улучшение подготовки молодых специалистов, повышение качества диссертаций. Установлены более строгие требования приема в аспирантуру, куда привлекается наиболее способная молодежь, как правило, имеющая опыт научной и педагогической деятельности. Диссертационные работы подлежат теперь еще до защиты обязательному, хотя бы частичному опубликованию. Повышены требования к защищаемым диссертациям, особое внимание уделяется их научной актуальности.

Важное значение для укрепления научных кадров имеет недавнее решение ЦК КПСС и советского правительства, которое упорядочивает систему защиты диссертаций, предоставляет право Высшей аттестационной комиссии по представлению ученых советов высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений лишать ученых степеней лиц, которым было ошибочно присвоено ученое звание, а также лиц, не ведущих активной творческой работы в науке. Научная деятельность находится ныне под внимательным контролем со стороны общественности, что помогает упрочению тесной связи науки с жизнью, с практикой коммунистического строительства. Все это способствует укреплению нашей науки, росту научных кадров.

С каждым годом в нашей стране растет интерес к историческим знаниям, а их пропаганда приобретает все более широкие масштабы.

О возрастающем интересе широких слоев трудящихся к изучению истории свидетельствуют такие факты, как ежегодный наплыв молодежи на исторические и историко-филологические факультеты высших

учебных заведений. В связи с осуществленной недавно перестройкой системы высшего образования в СССР особенно усилился приток молодежи, желающей заниматься изучением истории, на вечерние и заочные отделения высших учебных заведений.

История — один из важнейших предметов в средней школе. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» (8 октября 1959 г.) говорится: «...Курс истории в средней школе должен способствовать выработке у учащихся в доступной для них форме научного понимания закономерностей развития общества, формировать у учащихся убеждение в неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, последовательно раскрывать роль народных масс как подлинных творцов истории, создателей материальных и духовных ценностей и значение личности в истории» [10].

Советские трудящиеся приобретают исторические знания также в широкой сети партийного просвещения, в университетах культуры, лекториях, а также путем самообразования.

Долг ученых — активно пропагандировать исторические знания, популяризировать их. Особенно важной является задача создания хороших учебников для высшей и средней школы. В этом отношении проделана за последние годы немалая работа. Созданы новые учебники для высшей школы по всем трем периодам истории СССР. Вышли в свет новые учебники по истории средних веков, истории нового времени, истории стран Востока. На очереди — создание учебников для средней школы. В этих целях объявлен открытый конкурс. Школа ждет полноценных, хороших учебников.

Однако этим не исчерпываются потребности советской школы. Очень важно издание общих и специальных лекционных курсов для высших учебных заведений (это особенно необходимо в связи с развитием системы вечернего и заочного образования). Средняя школа нуждается в различных хрестоматиях, книгах для чтения учащихся, пособиях для учителей. Наконец, для широкого круга читателей нужна научно-популярная литература по различным вопросам истории.

Все это налагает почетные задачи на советских историков. Их долг — нести знания в народные массы, способствовать великому делу коммунистического воспитания масс, развития социалистической культуры.

Важной особенностью развития советской исторической науки на нынешнем этапе являются значительно расширившиеся международные контакты. Особенно тесным стало сотрудничество наших историков с учеными других социалистических стран. Советские ученые приняли активное участие в подготовке историками этих стран ряда обобщающих работ. Проводились совместные сессии археологов СССР, Болгарии, Польши, ГДР, Румынии, Монголии. В совещаниях по древнерусской литературе, состоявшихся в Ленинграде, участвовали ученые Польши, Чехословакии, Болгарии. Советские ученые приняли участие в работах III съезда историков Чехословакии. Совместно с историками ГДР была проведена дискуссия о характере Ноябрьской революции в Германии.

За последние годы состоялось много полезных встреч советских ученых с историками капиталистических стран. Историки Советского Союза поддерживают связь более чем со 150 зарубежными научными учреждениями. Успешно прошли англо-советский коллоквиум и франко-советская конференция историков. Советские специалисты приняли участие в международных конгрессах и съездах византинистов, востоковедов, архивистов, нумизматов, синологов, в работах международных комиссий по истории парламентских и представительных учреждений, истории социальных движений и социальных структур, семинара по культурным свя-

---

[10] «Учительская газета», 3 ноября 1959 года.

зям Запада и Востока, международного конгресса «классической» филологии и истории. Советские исследователи работали в архивах Франции, Швеции, шведские историки — в архивах СССР. Многие ученые капиталистических стран принимали участие в работах ряда конференций, сессий и в других научных мероприятиях, проводившихся в СССР (конгресс славистов и др.), выступали с лекциями в советских научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях. Между СССР и зарубежными странами развивается взаимный обмен студентами и аспирантами, направляемыми для обучения в научно-исследовательские и учебные заведения.

★

Неустанная забота коммунистической партии и советского правительства обеспечила новые успехи исторической науки, выразившиеся прежде всего в повышении научно-теоретического уровня и увеличении количества научной продукции, расширении источниковедческой работы и проблематики исторических исследований, совершенствовании организации научной работы, дальнейшем укреплении, росте научных кадров, создании новых научных учреждений, расширении издательской базы.

Вместе с тем нельзя не отметить недостатки, которые имеют место в деятельности научно-исследовательских учреждений, в работе историков. В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» говорится: «Многие экономисты, философы, историки и другие научные работники не преодолели элементов догматизма, не проявляют смелого и творческого подхода к жизни, к опыту борьбы масс, слабо разрабатывают актуальные теоретические и практические вопросы, часто находятся в плену устарелой и бесплодной проблематики» [11].

Коммунистическая партия призывает историков направлять всю свою энергию и творческие силы на разработку проблем, выдвигаемых процессом строительства коммунистического общества. Для этого ученые должны активно использовать весь арсенал средств. Их долг — показывать великую правду истории, глубже обобщать опыт человечества, убедительно раскрывать на конкретном историческом материале закономерности общественного развития, героические традиции нашего народа и трудящихся масс других стран, пропагандировать идеи советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Научные учреждения должны активно участвовать в коммунистическом воспитании трудящихся, изучении процессов и явлений, происходящих в СССР, во всей социалистической системе, в капиталистических странах.

Одной из центральных задач историков СССР является борьба с буржуазной идеологией, разоблачение буржуазной реформистской и ревизионистской историографии. Советские исследователи должны давать отпор враждебной идеологии по всем разделам исторической науки, прежде всего по вопросам истории советского общества и новейшей истории. Это, разумеется, не означает ослабления внимания к разработке актуальных проблем и более ранних периодов истории. Нельзя допускать, чтобы изучение отдаленных эпох было отдано на откуп реакционным силам капиталистического мира, фальсифицирующим историю.

Правильно и своевременно решать эти задачи можно только на основе строго продуманной системы планирования научно-исследовательской деятельности. Исследовательские институты должны вести более целеустремленное планирование научной работы с тем, чтобы главное внимание уделялось актуальной тематике, решению важнейших задач в наибо-

[11] «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». Постановление Центрального Комитета КПСС. Госполитиздат, 1960, стр. 10.

лее короткие сроки, с концентрацией всех творческих сил. Необходимо так упорядочить планирование, чтобы оно обеспечило правильную расстановку людей, создание творческих групп для написания коллективных исследований, умелое сочетание работы над монографиями с созданием обобщающих трудов, вдумчивое использование сил опытных ученых и талантливой молодежи.

Решающее значение имеет оперативное издание научной продукции, ибо только при этом условии данные науки могут стать достоянием масс. Своевременная публикация книг и статей на актуальные темы обеспечит активное участие историков в коммунистическом воспитании трудящихся, в борьбе с буржуазной идеологией.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы историки боролись за дальнейшее повышение качества исследований, а институты, издательства и журналы — за всестороннее освещение важнейших проблем истории и увеличение выпуска научной продукции, за широкую популяризацию исторических знаний, за повышение требований к авторам, за тщательный отбор рукописей для публикации.

Создание капитальных обобщающих трудов на актуальные темы можно обеспечить только при хорошо налаженной координации творческих усилий деятелей всех общественных наук. В настоящее время еще недостаточно налажена координация работы не только между историками, экономистами и философами в масштабе всей страны, но и между историками, археологами, этнографами и специалистами других смежных наук. Осуществление координации — важная задача не только работников Академии наук СССР, но и Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

В ликвидации дублирования тематики исследований, в борьбе за актуальность и высокий уровень научной продукции большую роль должны играть научные советы по проблемам. Надо систематически обобщать их опыт, критически анализировать их деятельность. Они призваны внести серьезный вклад в налаживание координации научной работы, давать рекомендации по конкретным научным вопросам, способствовать творческому обмену мнениями и коллективному решению дискуссионных проблем. Жизнь показывает, что некоторые советы проводят свои научные сессии без должной организованности, не имея заранее подготовленных текстов докладов и сообщений. В результате не получается активного обсуждения. В таких случаях научные сессии теряют драгоценное качество — творческий обмен мнениями.

Советская историческая наука предстает перед всем миром как передовая наука, раскрывающая объективное содержание исторического процесса. Ее отличительной чертой является высокий гуманизм, ибо она служит благородным целям мира и прогресса. Изучая события как недавнего, так и отдаленного прошлого, советская историческая наука в то же время всем своим содержанием неразрывно связана с современностью, она устремлена также в будущее, служит делу коммунизма.

Наша наука показывает великую силу народа — творца истории, значение созидательного труда во всех сферах материального и духовного производства. Она будит в людях благородные чувства любви к Родине, уважения к труду и ненависти ко всякой эксплуатации человека человеком. Анализом конкретного материала истории советские ученые показывают, что все дороги в наш век ведут к коммунизму, что капитализм обречен на гибель. Советская историческая наука воспитывает у народов СССР чувство оптимизма и уверенности в своих силах, раскрывает широкую историческую перспективу сегодняшнего дня, дает возможность глубоко и всесторонне понять современность в свете всего опыта истории и объективных закономерностей исторического процесса.

Правдивые работы советских историков, в особенности труды, посвященные новейшему времени, вызывают крайне враждебную реакцию в лагере империалистов. Значит, удары попадают в цель.

Ныне, когда наша страна вступила в полосу развернутого строительства коммунизма, когда развернулся решающий этап мирного соревнования социализма и капитализма, значение и ответственность исторической науки не только перед современниками, но и перед будущими поколениями возросли как никогда. Победа социализма в мирном соревновании с капитализмом исторически обусловлена и неизбежна. Агрессивные силы мирового империализма стремятся к тому, чтобы сорвать мирное соревнование и развязать новую мировую войну. Единственным исходом третьей мировой войны может быть только полная гибель капиталистической системы. Но народам всех стран нужна не война, а мир. Могучий лагерь социализма, являясь надежным оплотом мира, преисполнен решимости не допустить возникновения новой войны. Теперь сложилось такое соотношение сил, при котором война может быть исключена из жизни человеческого общества. Но чтобы отстоять мир, нужны решительные и энергичные действия. Одной из самых важных задач, стоящих перед историками, является разоблачение сущности агрессивной политики империализма.

Советские историки в сотрудничестве с прогрессивными учеными всех стран неустанно борются против реакции. Значение международных контактов историков особенно возрастает в наши дни, когда империалистические круги встают на путь открытых провокаций и пытаются воспрепятствовать победе идей мирного сосуществования стран с различными социально-экономическими системами. Не поддаваясь на провокации, Советский Союз твердо и решительно борется за ослабление международной напряженности, за осуществление программы всеобщего и полного разоружения. Горячую признательность и широчайшую поддержку всех народов мира снискала энергичная деятельность великого борца за мир Никиты Сергеевича Хрущева, неустанно разоблачающего происки империалистических поджигателей войны и с исключительной твердостью защищающего достоинство СССР и всех социалистических стран. Как и весь советский народ, историки полностью одобряют и поддерживают твердую миролюбивую политику коммунистической партии и советского правительства.

Беззаветная преданность своему народу, родной коммунистической партии, защита интересов простых людей во всем мире, пропаганда идей равноправия и дружбы всех народов на земле, решительное разоблачение реакционной идеологии империализма — таковы основные качества, характеризующие советскую историческую науку. Свое назначение она видит в служении лучшему будущему всего человечества. Таким будущим явится коммунизм — самое справедливое общество на земле. Самоотверженный труд советских историков направлен к этой благородной цели.

О ПРОФИЛЕ И СТРУКТУРЕ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Недавно Отделение исторических наук АН СССР утвердило профиль и структуру журнала «Вопросы истории».

При выработке профиля и уточнении структуры журнала Отделение исторических наук исходило из того, что «Вопросы истории» должны быть центральным общеисторическим журналом советских историков.

По своему характеру журнал представляет собой научное издание, освещающее разработку на основе марксистско-ленинского учения проблем, являющихся главными в деятельности всех учреждений, ведущих исследовательскую работу в области истории. В «Вопросах истории» должен найти широкое отражение принцип комплексной разработки проблем исторической науки. В этих целях план работы журнала должен учитывать главные направления работы институтов и научных советов, входящих в состав Отделения исторических наук.

В то же время журналу необходимо учитывать интересы и требования широкой исторической общественности; он должен опираться на участие историков, работающих в системе Академии наук СССР, в академических учреждениях союзных и автономных республик, на научную общественность всех исследовательских и учебных заведений страны.

«Вопросы истории» должны быть журналом широкого профиля, затрагивающим важнейшие вопросы различных отраслей исторической науки. При этом, в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», журнал главное внимание должен уделять освещению коренных проблем истории Коммунистической партии Советского Союза и советского общества, мировой системы социализма, мирового коммунистического, рабочего и общедемократического движения, современного этапа общего кризиса капитализма, распада колониальной системы империализма и развития национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки, борьбе против буржуазной идеологии в различных ее проявлениях; он призван также систематически освещать крупнейшие проблемы истории нового времени, средних веков и древнего мира, археологии и этнографии, истории искусств, вспомогательных исторических дисциплин.

Материалы, публикуемые в журнале, должны представлять собой творческие научные работы, в том числе и итоговые обзоры, написанные на солидной документальной базе с обстоятельной научной аргументацией, теоретическими выводами и обобщениями, делающими безусловный шаг вперед в изучении исследуемого вопроса, вскрывающими общие и специфические закономерности развития истории. Только при этом условии журнал «Вопросы истории» выполнит задачи, вытекающие из решения ЦК КПСС от 9 января 1960 г., станет надежным помощником партии в деле партийной пропаганды и коммунистического воспитания трудящихся.

Журнал должен стремиться к тому, чтобы публиковать главным образом теоретические, крупные проблемные и историографические статьи. На подготовку и публикацию статей, в которых разрабатывались бы вопросы теории исторического процесса, должно быть обращено особое внимание. Вместе с тем в журнале должны находить место и статьи по

конкретным вопросам исторического процесса. Эти статьи могут также касаться проблем, затрагиваемых в той или иной мере в других журналах по истории. Публикация сходных по тематике материалов в различных журналах предотвратит установление вредной для науки монополии того или иного издания в определенных областях исторической науки. Однако при этом необходимо избегать дублирования одного журнала другим. В этих целях следует наладить более тесные контакты между редакциями, чтобы обеспечить координацию планов их работы.

«Вопросы истории» призваны систематически публиковать дискуссионные материалы по крупным проблемам исторической науки.

Передовые статьи журнала должны намечать конкретную программу работы, нацеливающую историков на решение наиболее актуальных задач исторической науки.

Журнал должен подробно и регулярно информировать читателей о состоянии всех разделов исторической науки в СССР, а также о положении исторической науки за рубежом. В этих целях следует печатать статьи, освещающие достижения и недостатки советской историографии, состояние исторической науки в СССР и в других странах социалистического лагеря; статьи, анализирующие борьбу различных школ и течений в буржуазной историографии, критикующие ее философские основы и новейшие буржуазные и ревизионистские концепции. Следует помещать также критические обзоры советских и зарубежных журналов, тематические обзоры новых книг и статей, рецензии на отдельные издания, представляющие серьезный интерес, заметки о новых книгах и статьях.

Журнал должен давать подробную информацию о деятельности Бюро Отделения исторических наук АН СССР и его учреждений, о научно-исследовательской работе и научной жизни высших учебных заведений и других научных учреждений страны.

В журнале нужно печатать материалы о творческой жизни выдающихся историков СССР и других стран социалистического лагеря, а также прогрессивных историков капиталистических стран.

«Вопросы истории» смогут стать ведущим центральным советским историческим журналом в том случае, если значительно повысится научно-теоретический уровень публикуемых статей и научной критики в журнале. Беспощадно разоблачая несостоятельность, реакционность буржуазных и ревизионистских концепций, журнал должен служить также образцом принципиальной, товарищеской, аргументированной, терпеливой и добросовестной критики отдельных ошибок советских и прогрессивных зарубежных ученых.

В соответствии с новым профилем журнала Отделение исторических наук внесло некоторые изменения в его структуру. В «Вопросах истории» вводится четыре раздела: «Статьи», «Историческая наука в СССР», «Историческая наука за рубежом», «Письма и заметки».

Раздел «Статьи» является основным разделом журнала, ему отводится половина объема каждого номера. В этом разделе будут публиковаться проблемно-теоретические, историографические, источниковедческие и конкретно-исторические статьи по всем периодам истории, а также по археологии, истории искусств, этнографии. Статьи по узловым проблемам, как правило, могут иметь объем до двух авторских листов; в отдельных случаях их объем может быть увеличен. Статьи по конкретным вопросам не должны превышать полутора авторских листов.

В разделе «Историческая наука в СССР» будут помещаться материалы о деятельности Отделения исторических наук АН СССР и научных советов, рецензии на наиболее крупные труды советских историков, заметки на книги, обзоры советских исторических журналов. В этом разделе предполагается систематически печатать перечень научных и научно-популярных книг советских историков, вышедших в свет за месяц, предшествующий сдаче номера «Вопросов истории» в печать, а также пере-

чень статей, опубликованных за тот же месяц в исторических журналах, сборниках и ученых записках научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений СССР. Здесь же предполагается помещать информацию об издании за границей трудов советских историков.

Редакция журнала «Вопросы истории» стремится к тому, чтобы в этом разделе каждый его читатель нашел информацию о том, какие книги и статьи опубликовали советские историки, археологи, этнографы по интересующим его разделам исторического знания. Значительно больше, чем до сих пор, будет отводиться места для публикации информаций о работе институтов Отделения исторических наук, научных советов и групп, о научных конференциях и сессиях историков, о научно-исследовательской работе исторических факультетов и кафедр истории высших учебных заведений Советского Союза.

Раздел «Историческая наука за рубежом» будет информировать читателя о развитии исторической науки в странах народной демократии, а также о деятельности историков капиталистических стран путем публикации рецензий на наиболее крупные труды зарубежных авторов, обзоров иностранных исторических журналов, заметок о книгах. Систематически будет публиковаться перечень статей, помещаемых в исторических журналах стран народной демократии, а также сведения о рецензиях на работы советских ученых в иностранных изданиях. В каждом номере будет даваться краткое критическое изложение 15—20 наиболее интересных для советского историка статей, опубликованных в различных зарубежных исторических журналах. Здесь же будут даваться информации о деятельности зарубежных научно-исследовательских учреждений в области истории, о научных конгрессах, сессиях, происходящих за границей.

В разделе «Письма и заметки» наши читатели смогут поделиться своими открытиями в научно-исследовательской работе в области истории, археологии, этнографии, в тех случаях, когда это можно и нужно сделать в рамках небольшого сообщения, а не пространной статьи, высказать соображения о тех или иных материалах, опубликованных в нашем журнале, или о работе журнала в целом, возразить в необходимых случаях автору статьи или рецензии, предложить конкретные меры, направленные на улучшение исследовательской работы в области истории, преподавания истории и пропаганды исторических знаний в широких массах.

В каждом номере редакция будет публиковать краткие сведения об авторах, статьи которых напечатаны в журнале.

Поскольку «Вопросы истории» распространяются не только в СССР, но и за рубежом, журнал будет публиковать на английском языке резюме помещаемых статей. Это должно облегчить зарубежным читателям знакомство с содержанием нашего журнала.

Новые профиль и структура «Вопросов истории» вводятся начиная с восьмого номера журнала. Обсуждение их историками Москвы и некоторых других научных центров страны показало, что эти изменения встречают одобрение со стороны нашей исторической общественности. Пожелания и критические замечания, которые журнал надеется получать от сотрудников научно-исследовательских институтов, работающих в области истории, археологии, этнографии, истории искусств, преподавателей исторических факультетов и кафедр высших учебных заведений, а также — что является крайне важным — более широкое и активное, чем до сих пор, участие этих ученых в своем журнале в качестве авторов помогут редакционной коллегии и редакции «Вопросов истории» продолжить работу по улучшению журнала.

СТАТЬИ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ *

Академик Е. М. Жуков

Проблема периодизации всемирной истории давно привлекает внимание историков и социологов. Излишне доказывать сложность этой проблемы и вместе с тем ее огромное значение для исторической науки в целом: периодизация исторического процесса помогает его осмыслению, облегчает выявление его внутренних закономерностей и, следовательно, дает возможность научного обобщения.

Вряд ли можно найти историка, который вообще отказался бы от периодизации, каковы бы ни были его субъективные методологические взгляды. Хорошо известно, однако, что по вопросу о научном критерии периодизации всемирной истории среди историков, в особенности тех, которые стоят в целом на идеалистических позициях, существует большое разнообразие взглядов. Само понятие «всемирная история» порождает определенные разногласия или оттенки мнений.

В задачу настоящего доклада не входит обзор довольно большого количества существующих и нередко сталкивающихся концепций и взглядов на проблему периодизации всемирной истории.

Надо думать, что носители некоторых отличных от наших взглядов или несогласные с теми положениями, которые развиваются в данном докладе, примут участие в дискуссии и дадут докладчику материал для полемики.

Основное же содержание доклада заключается в раскрытии и обосновании той периодизации всемирной истории, которая уже принята советскими историками и которая, как нам кажется, разделяется историками-марксистами и в других странах, за пределами СССР.

Прежде всего я хотел бы коротко коснуться самого понятия «всемирная история». Под всемирной историей мы понимаем путь, пройденный человечеством в целом. Всемирная история призвана давать обобщенное (хотя вовсе не абстрактное!) представление о развитии человеческого общества в его поступательном движении от низших ступеней к более высоким. Всемирная история — это история всех народов. При такой постановке предмет всемирной истории, естественно, не может ограничиваться какими бы то ни было условными, чаще всего произвольно отобранными этническими или культурно-историческими комплексами, «цивилизациями». Достаточно хорошо известно, что и в глубокой древности и в более близкие эпохи огромные массы людей находились за пределами сравнительно лучше изученных культурно-исторических комплексов.

Невозможно понять общий ход всемирной истории, отвлекаясь от судеб той части человечества, которая развивалась вне традиционных «цивилизаций».

---

* Доклад, подготовленный для XI Международного конгресса исторических наук.

Публикуя доклад академика Е. М. Жукова, редакция приглашает читателей журнала принять участие в обсуждении вопросов, поставленных в докладе. Редакция предполагает опубликовать ряд статей или писем читателей, посвященных как периодизации всемирной истории, так и периодизации истории групп стран или отдельных стран, а также критике взглядов буржуазных ученых по этим вопросам.

В современной литературе, конечно, уже редко можно встретить такой явный анахронизм, как деление народов на «исторические» и «неисторические». Но связанная с таким делением тенденция классифицировать народы, исходя из их принадлежности к известным нам (или изобретенным!) «культурным комплексам» и «цивилизациям», удивительно живуча.

Советские историки отдают себе отчет в том, что на данной стадии мобилизации источников практически трудно восстановить во всех ярких деталях исторический путь, пройденный всеми народами. Но советская историческая наука все же добивается того, чтобы выявлять действительную роль во всемирно-историческом процессе каждого народа, безусловно отказавшись от каких бы то ни было субъективных предпочтений одной этнической общности другой. Невозможно ни написать, ни понять подлинную историю человеческого общества, не порвав окончательно с субъективистскими поползновениями подменить самый предмет исторического исследования — историю народов — историей государств, религий. Выдавать историю религий или цивилизаций, произвольно отобранных исследователем, за всемирную историю так же антинаучно, как настаивать на архаических представлениях в космогонии, помещавших именно нашу небольшую планету — Землю — в центр вселенной.

Основой научной периодизации всемирной истории является признание общих закономерностей развития человеческого общества. Марксистская историческая наука, которая покоится на гранитном фундаменте диалектического и исторического материализма, исходит из того, что главным определяющим условием существования и развития любого народа, как и общества в целом, во все исторические эпохи, и на заре цивилизации и в наше время, является материальное производство. Необходимость добывать себе пропитание, иметь одежду и жилище (отвечающие местным условиям) практически является единственным, никем не придуманным, но действительно неотъемлемым атрибутом любой человеческой общности, будь то отдельная семья, род, племя, народность или нация, независимо от того, идет ли речь о древнем Вавилоне или о Соединенных Штатах Америки.

Глубокие различия в образе жизни и мышлении самых одаренных профессоров современных исторических факультетов и, скажем, неандертальцев можно объяснить только вполне конкретным различием материальных средств производства в современную эпоху перехода от капиталистической формации к социалистической и в каменном веке.

Марксистская историческая наука различает крупные прогрессивные эпохи в развитии человечества, последовательно сменяющие друг друга, хотя смена эта происходит, как мы увидим, не обязательно прямолинейно. Именно эти прогрессивные эпохи, соответствующие определенным стадиям развития общественного производства, выражают самое общее, генеральное направление поступательного движения общества, то есть исторического процесса в целом.

Человеческое общество существует сотни тысяч лет. Наиболее длительный по времени период, охватывающий много десятков тысячелетий,— это период существования доклассового общества. Первую прогрессивную эпоху во всемирной истории составляет первобытнообщинный строй, возникновение и развитие которого протекало исключительно медленными темпами в условиях незрелых производительных сил и примитивной техники. Все народы, живущие на нашей планете, без какого бы то ни было исключения прошли эту начальную стадию становления общества. Однако первобытнообщинный строй не был абсолютно однотипным, и его возникновение и развитие на земном шаре не было ни одновременным, ни равномерным.

На отдельных территориях, природные условия которых благоприятствовали трудовой деятельности человека, естественно, раньше, чем на

других, складывались объективные предпосылки для того, чтобы не все производимое обществом сразу потреблялось и чтобы создавались определенные излишки. Таким образом, в известных районах возникали условия, способствовавшие постепенному выделению социальной верхушки, сперва лишь распоряжавшейся накопленным общественным богатством по поручению общества, а затем ставшей на путь присвоения этого богатства и противопоставления себя обществу. Процесс разделения общества на классы, появление государства и права были обусловлены конкретным развитием производительных сил, изменявшихся в ходе воздействия человека на природу, совершенствования орудий труда и его организации. Отсюда очевидно, что этот процесс не мог быть повсюду одновременным и равномерным, хотя бы только в силу одного того, что разнообразие природных условий в одних случаях ускоряло, в других тормозило развитие общественного производства и, следовательно, влияло на сроки, темпы и даже формы социальной дифференциации[1].

Тысячелетия потребовались для того, чтобы развитие производительных сил позволило разделиться обществу на классы.

Первой формой классового общества и соответственно второй прогрессивной эпохой в общем развитии человечества явился рабовладельческий строй.

Поскольку экономическое созревание общества в недрах первобытнообщинного строя было неравномерным, внутренние противоречия, приведшие к разложению и распаду этого строя и к замене его новым, классовым, рабовладельческим строем, также развивались неравномерно. Поэтому классовое общество не возникло и не могло возникнуть повсюду одновременно. Оно не было и единообразным.

Первые государственные образования — а это были именно рабовладельческие государства — начали возникать в окружении огромного количества племен, находившихся на различных стадиях развития первобытнообщинных отношений. Надо заметить, что самое возникновение рабовладельческих государств, а затем более быстрые темпы экономического и культурного развития в рабовладельческих обществах оказывали огромное и все возраставшее влияние на значительно более отсталый, но количественно преобладавший мир племен. В свою очередь, племена также воздействовали на рабовладельческие государства.

Историкам достаточно хорошо известно, что рабство существовало в самых различных формах, что наиболее распространенной и архаичной его формой было так называемое патриархальное рабство. Еще более важно напомнить, что население рабовладельческих государств вовсе не состояло из двух лишь категорий: рабовладельцев и рабов. Наряду с этими основными классами первого антагонистического общества значительную часть населения (а во многих случаях и большинство его) составляли свободные земледельцы, продолжавшие отстаивать общинный уклад от посягательств со стороны рабовладельцев. Порабощение, самая примитивная и грубая форма эксплуатации, наталкивалось на ожесточенное сопротивление не только со стороны общинников, но и со стороны окружавших рабовладельческие государства племен, которые были постоянным объектом завоевательных походов рабовладельцев.

Рабство существовало практически повсюду, хотя и в различных формах. Патриархальная форма рабства находила довольно широкое распространение и у племен, которые не дошли еще сами до стадии классового общества, но испытывали на себе мощное воздействие соседних рабовладельческих государств.

Несмотря на то, что рабовладельческие отношения возникали разновременно и далеко не везде становились господствующими, рабовладель-

---

[1] Само собой разумеется, влияние географической среды на развитие общества никогда не было определяющим.

ческая формация составила важную прогрессивную эпоху в развитии человечества, поскольку она в невиданных ранее масштабах расширила сферу применения труда и двинула вперед развитие производительных сил, создала необходимейшие предпосылки для дальнейшего общественного прогресса.

Необходимо со всей силой подчеркнуть, что хотя прогрессивная смена социально-экономических формаций подготовлялась и в конечном итоге определялась ходом развития производительных сил, она осуществлялась отнюдь не эволюционным, а революционным путем, осуществлялась людьми в ожесточенной борьбе реакционного и прогрессивного, отживавшего старого и нарождавшегося нового.

Переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу, представлявший собою гигантский скачок в мировом общественном развитии, носил революционный характер. Ему сопутствовала острая борьба, растянувшаяся на столетия. Рабовладельцам приходилось силой навязывать свое господство. Оценивая политическую борьбу в древних Афинах, Ф. Энгельс считал реформу Клисфена (VI в. до н. э.) революцией, низвергнувшей последние остатки родового строя[2].

Переход от рабовладения к феодализму — так же как и переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому обществу — не был единообразным и единовременным. Он не был возможен, прежде чем экономически не исчерпал себя рабовладельческий строй и не созрели объективные условия для замены малопродуктивного рабского труда трудом более производительным.

Современное состояние исторической науки позволяет считать, что революционный переход от рабовладения к феодализму впервые происходил в Древнем Китае. По вопросу о точной датировке этого процесса еще нет единства мнений между китайскими учеными. Но некоторые весьма важные положения представляются бесспорными.

Во-первых, как и в Европе, где под ударами рабов, колонов и так называемых варварских племен в конце концов рухнула рабовладельческая Римская империя, раздиравшаяся внутренними противоречиями, задолго до своего конца деградировавшая в социальном, экономическом и культурном отношениях, так и в Китае рабовладельческий строй был уничтожен в результате совместной революционной борьбы рабов и свободного крестьянства.

Во-вторых, борьба носила весьма длительный характер, растянувшись на несколько столетий. Трудности, связанные с датировкой победы феодального способа производства в Китае, в значительной степени обусловлены именно тем, что столкновения противоположных классовых интересов в течение длительного времени не приводили к решающему результату. На огромной территории Китая имело место временное сосуществование различных социально-экономических укладов. Потребовалось немало туров революционного натиска на рабовладельческий строй для того, чтобы он окончательно потерпел крушение.

В-третьих, широкие народные массы свергали рабовладельческий строй в результате стихийного взрыва ненависти и гнева в отношении угнетателей со стороны угнетенных. У восставших в силу их социальной природы не было ни единой четкой программы, ни политической партии. Их предводители руководствовались преимущественно личными мотивами, добиваясь для себя власти и богатства. Главным объединяющим моментом была чисто негативная программа — стремление разбить и уничтожить ненавистное рабовладельческое государство.

Наконец, в-четвертых, феодальные отношения, завоевавшие положение господствующего уклада, приводили к замене одних эксплуататоров другими и накладывали на основную массу населения путы новой, феодальной эксплуатации.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 256.

Тем не менее феодальное общество было значительным шагом вперед по сравнению с рабовладельческим. Производительные силы получили новый мощный толчок. Открылись перспективы дальнейшего подъема земледелия и ремесла. Пробивало себе дорогу промышленное производство, которое, что особенно важно, по мере своего распространения обнаруживало преимущества наемной рабочей силы перед использованием труда рабов или крепостных.

Феодальный строй, как и рабовладельческий, характеризовался многообразием конкретных форм и проявлений, обусловленных местными особенностями. К. Маркс различал, например, специфические азиатские формы феодальных отношений [3]. Эта общая черта углублялась неодинаковым сочетанием феодальных отношений в разных странах как с пережитками и остатками предшествовавших социально-экономических укладов (первобытнообщинные или рабовладельческие отношения), так и с зародышевыми формами будущих капиталистических отношений.

На смену феодальному обществу пришло общество капиталистическое, зародившееся и созревшее в рамках феодального строя. Вполне естественно, что и победа капиталистического способа производства не могла быть единовременным актом.

Хорошо известно, что начальные формы капиталистических отношений возобладали в городах Италии еще в XIII—XIV веках. Нидерландская революция XVI в., несомненно, носила характер общенародной борьбы против иноземного владычества, но она имела глубокие социально-экономические корни — развитие капиталистических отношений. В середине XVII в. произошла английская буржуазная революция. Несмотря на свой компромиссный характер, английская революция разрушила, по выражению К. Маркса, все старые экономические формы, соответствовавшие им общественные отношения и политический строй. Капиталистические отношения победили в наиболее развитой европейской стране. И хотя эта победа не получила немедленно отклика в других странах, она, несомненно, подготовила торжество новых, буржуазных порядков, продемонстрировав их силу и жизненность.

Наконец, в конце XVIII в. произошла Великая французская буржуазная революция, открывшая историческую полосу ликвидации феодализма и торжества капитализма.

В отличие от условий свержения рабовладельческого строя, когда революционный натиск народных масс носил стихийный и неорганизованный характер, буржуазные революции происходили в иной обстановке. Народные массы, выступавшие против феодальных твердынь, имели свою политическую программу, свои партии, свою организацию. Тем не менее здесь необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство, которое имеет принципиальное значение. Народные массы, составлявшие главную движущую силу буржуазных революций, как правило, не могли воспользоваться плодами своих усилий и жертв. Эти плоды пожинала сравнительно узкая эксплуататорская верхушка, стремившаяся ограничить цели, поставленные революцией, лишь одним — ликвидацией рогаток для частного предпринимательства. Если подобная цель достигалась путем компромисса с феодалами, крупная буржуазия с большой готовностью шла на такой компромисс. Она без малейших колебаний жертвовала при этом интересами народных масс, мало беспокоясь об их судьбе. Интересы индивидуального собственника, психология «священного эгоизма», завуалированная рассуждениями о свободе личности, были возведены в принцип, оказались высшим законом новой, капиталистической цивилизации.

---

[3] В знаменитом «Предисловии» к работе «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 7).

Энгельс писал о трех крупных, решающих битвах европейской буржуазии против феодализма. Первой он считал Реформацию в Германии, наиболее радикальным последствием которой была великая крестьянская война 1525 года. Второй великой битвой была, по Энгельсу, английская революция. И третьей — французская революция XVIII века [4].

Эти три крупнейших революционных события сближает прежде всего огромная активность народных масс, в особенности крестьянства и городского плебса. Энгельс писал, что «во всех трех великих буржуазных революциях боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы» [5]. Действительно, активнейшее участие крестьян, в особенности в первых двух случаях — в Германии и в Англии,— позволило нанести чувствительные удары феодальной реакции, на что сама буржуазия не решалась. И именно против интересов народных масс, в том числе против крестьянства, оказались объективно направлены ближайшие последствия революции. После поражения великой крестьянской войны немецкое крестьянство было беспощадно подавлено и закрепощено. Английские йемены через 100 лет после Кромвеля почти исчезли с лица земли вообще. Французский крестьянин, ставший рабом парцеллы, да еще вдобавок обескровленный в наполеоновских походах, оказался лишенным всякой экономической самостоятельности.

Другой общей чертой трех вышеназванных буржуазных революций, отмеченной Ф. Энгельсом, было то, что хотя буржуазия выступала от имени всего народа, но при каждом крупном движении возникали самостоятельные акции того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таковы были анабаптисты и Томас Мюнцер в Германии, диггеры в Англии, Бабеф и его сторонники во Франции. Буржуазия достигала определенных целей в революции для себя руками народа, и наиболее дальновидные, передовые представители народа уже видели ограниченность поставленных буржуазией целей.

Буржуазия никогда не добилась бы разрешения даже своих узких классовых задач ни в английской, ни во французской революциях, если бы народные массы не опережали буржуазию, если бы революция, по выражению Энгельса, не зашла значительно дальше цели [6].

Первой победоносной революцией, утвердившей господство буржуазии, была английская революция XVII века. В этом ее непреходящее всемирно-историческое значение. Великую французскую буржуазную революцию отделяет от английской полтора столетия. За это время феодально-крепостнические отношения еще отчетливее обнаружили свою гнилость и внутреннюю слабость. Французские буржуазные революционеры не нуждались в том религиозном плаще, в котором выступали их немецкие и английские предшественники. Французская революция XVIII в. была наиболее последовательной, наиболее решительно покончившей с феодальными порядками.

Революционность буржуазии достигла своего зенита во французской революции.

Но и эта великая революция показала, во-первых, что народ, то есть городской плебс и крестьяне, составили основную армию революции, что они были главной революционной силой, обеспечившей разрешение поставленных антифеодальных задач; во-вторых, что уже в ходе революционных событий происходило расщепление, расхождение интересов буржуазии и народа; в-третьих, что предшественники современного пролетариата формулировали уже свои, отличные от буржуазных, интересы

[4] См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 94—98.
[5] Там же, стр. 95.
[6] См. там же.

и, в-четвертых, что буржуазия, добившись руками народа осуществления своих целей в революции, поспешила совершить контрреволюционный переворот. Реставрация 1660 г. и так называемая «славная революция» 1688 г. перекликаются с термидором и воцарением Бонапарта. Один из важных исторических уроков состоит в том, что по мере созревания сил своего грозного спутника — рабочего класса — буржуазия все дальше и дальше отшатывалась от своих прежних демократических идеалов и вступала в союз с представителями самой махровой реакции.

Бурный подъем производительных сил, выдающийся прогресс в области науки, техники и культуры принесла с собой капиталистическая эра в мировой истории. Однако быстрый взлет капитализма сопровождался исключительно резким обострением неразрешимых внутренних противоречий, вследствие чего период подъема был коротким и вскоре последовала столь же быстрая деградация и упадок.

В отличие от предшествовавших социально-экономических формаций, срок существования которых измерялся тысячелетиями, капитализм прошел все фазы своего развития — от зарождения до старости — за 3—4 столетия. При этом знаменательно, что период безусловного господства капиталистического способа производства занял немногим более 100 лет.

Это само по себе — яркое свидетельство гигантского ускорения темпов исторического процесса, показатель того, что в производительных силах общества, являющихся главным двигателем прогресса, произошли и продолжают происходить радикальные изменения революционного характера.

Капитализм победил в результате нескольких революций, отделенных одна от другой столетиями, однако одна из последних — революция 1848 года — уже непосредственно смыкается с революционной борьбой пролетариата, направленной против капитализма.

Первая пролетарская революция произошла во Франции в 1871 году. Она не победила и не могла победить, так как буржуазное общество еще не исчерпало тогда всех своих возможностей. Парижские коммунары, несмотря на свой героизм, были лишены революционного авангарда — партии, не смогли обеспечить руководства крестьянством и повести за собою непролетарские слои народа. Но Парижская коммуна навсегда останется в мировой истории знаменательной вехой, свидетельствовавшей уже тогда о приближении человечества к эре ликвидации классового общества, основанного на эксплуатации.

Эта новая эра наступила с переходом капитализма в свою последнюю, империалистическую фазу — фазу крушения буржуазного общества.

В 1905 г. российский пролетариат возглавил народную революцию, которая получила живейший отклик на всех континентах. Это была первая в мировой истории революция, в которой рабочий класс, руководимый передовой партией, взял на себя роль вождя широких народных масс, прежде всего крестьянства, в борьбе против полуфеодальной и капиталистической эксплуатации. Революция 1905—1907 гг., как известно, потерпела поражение прежде всего потому, что революционные выступления рабочих и крестьян происходили не в едином потоке, а разновременно, и это позволило реакции собрать все свои силы и подавить движение. Но революция 1905 г. оставила неизгладимый след, как всемирно-историческое событие, самым непосредственным образом повлиявшее на судьбы народов Европы и Азии, как преддверие Великой Октябрьской социалистической революции, свершившейся в 1917 г. в России.

Полстолетия отделяет французскую буржуазную революцию конца XVIII в. от революции 1848 года. Несколько меньший период — 34 года лежит между первой попыткой установить диктатуру пролетариата — Парижской коммуной и революцией 1905—1907 гг. в России. Ускоре-

ние темпов исторического развития все больше и больше сокращало сроки существования капитализма как единой, всеохватывающей мировой системы.

Через 10 лет после поражения первой русской революции произошли сперва Февральская, а затем Октябрьская революция 1917 г., открывшая новую эпоху в истории человечества — эпоху социализма.

Широчайшие народные массы, осуществившие в октябре 1917 г. революционный переворот, не только не были отодвинуты на задний план и лишены плодов своей победы, как всегда бывало при самых великих буржуазных революциях. Напротив, эти массы стали полновластными вершителями своей собственной судьбы.

Октябрьская революция в России стала отправной точкой, исходным моментом для становления новой, наиболее передовой социально-экономической формации — социалистической. Именно в этом состоит гигантское всемирно-историческое значение Октябрьской революции, как бы установившей водораздел между антагонистическими системами прошлого и новыми путями в развитии человечества.

Последовательная смена социально-экономических формаций — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и становление социалистической — представляет собою незыблемую основу единого и закономерного исторического процесса.

Именно таков логический путь поступательного движения человечества. Конкретная история людей следует этому логическому пути, направляется выраженной в нем закономерностью. Но логическое всегда пробивает себе путь через толщу конкретно-исторических «случайностей», которые приводят к той или иной модификации, к тем или иным специфическим формам проявления общих и единых закономерностей.

Некоторые критики марксистского понимания исторического процесса изображают дело таким образом, будто бы марксизм «обедняет» историю, искусственно укладывает ее в прокрустово ложе социологических схем, объясняет все исторические события автоматическим действием экономических законов. Это, конечно, карикатурное изображение марксизма, не имеющее ничего общего с действительностью.

Объективные законы общественного развития действуют отнюдь не механически. Они проявляются только через посредство конкретной деятельности людей, народных масс, являющихся подлинными творцами истории. Большая или меньшая активность народных масс, распространенность передовых или реакционных идей, конкретные соотношения сил старого и нового, проявляющиеся в деятельности классов, партий, оказывают стимулирующее или тормозящее воздействие на ход исторического процесса. Историческое развитие никогда не бывает схематичным, однотонным, прямолинейным. В конкретном жизненном пути отдельных стран или народов нередко можно обнаружить явления более или менее длительного застоя или даже регресса, а также другие частные и временные отклонения от общей закономерности, от логического. Равным образом трудно себе представить существование социально-экономических формаций в чистом виде, без разного рода «примесей», преимущественно в виде сохранившихся остаточных укладов прошлого или зародышевых форм будущего.

Марксистская периодизация всемирной истории имеет своей теоретической основой смену социально-экономических формаций, но она отнюдь не сводится к ней.

Нельзя периодизировать всемирную историю, исходя из одного признака — существования той или иной социально-экономической формации. Это невозможно, поскольку народы нашей планеты разновременно проходили определенные стадии исторического процесса. Достаточно напомнить, что и теперь, в современную нам эпоху, на земном шаре не только сосуществуют социализм и капитализм, но в ряде стран сохраня-

ются еще различные виды феодальных, рабовладельческих и первобытнообщинных отношений.

Поэтому марксистская периодизация всемирной истории, которая, естественно, не может игнорировать реальное многообразие социально-экономических отношений, существующих одновременно, не отказывается от использования традиционного условного подразделения истории на древнюю, средневековую, новую и новейшую. Однако эти понятия расшифровываются в соответствии с марксистским пониманием закономерностей развития общества.

Советские историки полагают, что рубежами, разделяющими древнюю, средневековую, новую и новейшую историю — при всей условности такого подразделения,— являются такие крупнейшие исторические события, которые знаменуют революционный переход от одной социально-экономической формации к другой. Иначе говоря, вехами всемирной истории служат такие события, которые свидетельствуют о поступательном движении человечества от сравнительно низших к более высоким формам организации общества.

В соответствии с этим под древней историей понимается наиболее длительный по времени этап развития человечества, характеризующийся господством первобытнообщинных отношений, их разложением и упадком, возникновением и развитием на этой основе первой антагонистической формации — рабовладельческого строя. Поскольку неравномерность исторического процесса исключает возможность установления единых для всех стран и народов хронологических рубежей, советская историческая наука принимает в качестве условной конечной даты периода древней истории крушение в V в. н. э. Римской империи — одного из крупнейших рабовладельческих государств мирового масштаба, оказывавшего огромное воздействие на окружавшие его племена и народы Европы и значительной части Азии и Африки. Эта условная дата — с теми или иными отклонениями — отражает революционные перемены, которые происходили и в других районах земного шара, в частности в странах Восточной Азии. Как мы уже указывали, имеются веские основания полагать, что феодальные отношения значительно раньше сложились в Китае. Однако современный уровень исследования не позволяет остановиться на какой-либо точной дате.

Различная степень феодализации так называемых варварских племен Европы, сыгравших столь важную роль в революционном ниспровержении рабовладельческого Рима, глубокий кризис рабовладельческого хозяйства, в частности появление колоната, ярко свидетельствовали о том, что во всемирной истории человечества действительно произошел важный перелом.

Поэтому сама по себе условная дата падения Римской империи (410 г.; 476 г.) представляется достаточно обоснованной для того, чтобы служить водоразделом между древней и средневековой историей.

Если древняя история была в основном эпохой существования доклассового общества и рабовладельческого строя, эпохой их острейшей борьбы, кризиса и крушения, то средневековая история в основном (но не целиком) совпадает с существованием и господством феодальной формации.

Условной конечной гранью средневековья советская историческая наука принимает середину XVII в., исходя из того, что к этому времени феодализм экономически уже начал изживать себя, став тормозом дальнейшего развития производительных сил. Именно поэтому английская буржуазная революция привела к победе новых, более передовых, капиталистических отношений над феодальными в одной из крупных стран мира. Ростки капитализма подымались и во многих других странах.

Некоторые марксистские историки склонны считать, что французская буржуазная революция конца XVIII в. была бы более точным рубежом

между средневековой и новой историей. Они ссылаются на тот общеизвестный факт, что французская революция послужила толчком и примером для целого ряда успешных антифеодальных выступлений в Европе и не только в Европе. В данном случае спор идет не о принципе, который должен быть положен в основу периодизации всемирной истории — он никем из марксистов не оспаривается,— а о выборе конкретной условной даты. Нам все-таки кажется, что методологически правильнее датировать новую историю от того события, которое впервые показало воочию несостоятельность старых, феодальных производственных отношений и продемонстрировало возможность и необходимость их революционной замены новыми, капиталистическими, то есть от английской революции XVII века. В этой связи здесь уместно напомнить, что американская война за независимость, которая, по существу, также была буржуазной революцией и значение которой во всемирной истории никак нельзя недооценивать, имела место до Великой французской революции. К тому же и после французской революции капитализм победил феодализм не сразу и далеко не везде. Остаточные формы феодальных и дофеодальных отношений в некоторых районах Африки, Азии, Полинезии и Латинской Америки дожили до наших дней.

Конечной гранью новой истории, которая в основном совпадает с господством капиталистического строя, советские историки считают 1917 год — год первой в мире победоносной социалистической революции, происшедшей в России.

В отличие от капитализма, который вызревал в недрах феодального общества, социалистические производственные отношения начинают складываться в результате сознательной планомерной деятельности людей только после революционного свержения капитализма. Капиталистическая формация оставляет после себя в наследство лишь некоторый строительный материал, необходимый для того, чтобы человечество могло приступить к сооружению величественного здания социализма.

От момента Октябрьской революции 1917 года до построения социалистического общества, то есть становления новой, социалистической формации в России, прошло приблизительно 20 лет. Этот срок оказался минимально необходимым для того, чтобы, победив экономический хаос, оставшийся от прошлого, преодолев огромные трудности, обусловленные иностранной интервенцией и гражданской войной, народы Советского Союза смогли заложить прочный фундамент нового, социалистического общества. Потребовалось еще около одного десятилетия для того, чтобы молодая социалистическая общественно-экономическая формация появилась на международной арене уже как система социалистических государств.

Неоспоримо, что 1917 год открыл перед человечеством новую историческую эпоху, которую мы именуем «новейшая история». Независимо от того, долго ли будет существовать капитализм или другие, еще более архаичные формы производственных отношений в той или иной части планеты, определяющим моментом в развитии всемирной истории является факт появления социализма, который неуклонно растет и оказывает влияние на все народы.

Марксистская периодизация всемирной истории, принятая советскими историками, как следует из вышеизложенного, отправляется от факта закономерности и единства экономического процесса, проявляющихся в последовательной смене социально-экономических формаций. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что при общей тенденции к последовательной смене всех социально-экономических формаций у всех народов некоторые из них при определенных условиях могут миновать отдельные ступени общего поступательного движения человечества. Так, в частности, большинство славянских и германских племен миновали рабовладельческую формацию и перешли от первобытнооб-

щинных отношений непосредственно к феодализму. Среди народов, входящих в состав Советского Союза, есть такие, которые миновали капиталистическую формацию и перешли от феодальных отношений непосредственно к социализму. Как правило, это объясняется тем, что внутренние «частные» закономерности развития каждого народа иногда модифицируются под мощным воздействием внешней среды, подчиняются более общим закономерностям общественного развития. Первые государственные образования у германцев и славян складывались в то время, когда рабовладельческий строй переживал уже глубочайший кризис и когда в недрах распадавшихся рабовладельческих империй малопродуктивный рабский труд постепенно уступал дорогу сравнительно более производительному труду зависимых крестьян. Это способствовало развитию у славян и германцев именно феодальных отношений, а не отживавших рабовладельческих. Ранее отставшие в своем развитии народы, входившие в состав окраинных областей бывшей Российской империи, сохранявшие феодальные и даже патриархальные отношения, после победы социалистической революции в России пошли не по дискредитировавшему себя мучительному капиталистическому пути, а по пути социалистическому.

Для всемирной истории человечества характерно неуклонное нарастание взаимосвязи и взаимовлияния всех стран и народов.

Если для древнейших эпох это взаимовлияние было сравнительно невелико и лимитировалось контактами непосредственных соседей, то уже в классовых обществах — в рабовладельческом, феодальном и особенно в капиталистическом — экономические и культурно-политические связи самых отдаленных районов стали обычными. Естественно, что это способствовало не только ускорению темпов исторического развития, но и тому, что общие закономерности этого развития начали выявляться более рельефно, с меньшим количеством частных отклонений. Общение народов вообще подрывает иллюзорные представления о существовании якобы особых, специфических законов развития европейцев и азиатов, чернокожих и белых и т. п. Эти законы всегда являются общими, хотя форма проявления их иногда и не совпадает.

Именно это важное обстоятельство подтверждает марксистскую периодизацию всемирной истории, которая исходит из того, что социальные революции — «локомотивы истории», употребляя выражение К. Маркса[7], возвещающие победу новых социально-экономических отношений над старыми, не носят локальный характер, а образуют узловые моменты общемирового исторического процесса и, следовательно, одинаково важны для понимания исторических судеб всех народов на всех континентах.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе — о соотношении общей периодизации всемирной истории с более частной периодизацией истории отдельных эпох, а также стран и народов. Несомненно, ни один историк не в состоянии удовлетвориться таким крупноплановым подразделением всемирной истории, о котором шла речь. Историки древнего мира, историки-медиевисты, историки нового и новейшего мира не могут обойтись без внутренней периодизации соответствующих разделов исторической науки. Точно так же специалисты по истории отдельных стран обязательно нуждаются в обоснованном внутреннем хронологическом членении исторического материала.

Что касается принимаемых нами условно больших исторических периодов (например, история нового времени), то их внутренняя периодизация, естественно, должна исходить из тех же принципов, на которых строится периодизация всемирной истории. Иначе говоря, история нового времени подразделяется прежде всего на такие крупные внутрен-

[7] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 185.

ние периоды, которые соответствуют фазам развития господствующей социально-экономической системы, то есть капитализма. Исторические события, характеризующие процесс подъема капиталистических отношений, их успешной борьбы с феодализмом и окончательной победы над ним, естественно, образуют первый период (с возможными более мелкими подразделениями) новой истории. Соответственно второй период охватывает время полного господства капитализма, превращения его в мировую систему и одновременно выявления органически присущих капиталистическому производству острейших внутренних противоречий, проявляющихся, в частности, в экономических кризисах и нарастающих классовых боях. Наконец, третий период обнимает десятилетия, связанные с деградацией капитализма, переходом его в империалистическую стадию, с мировыми войнами и с созреванием предпосылок социалистической революции.

Иначе говоря, периодизация должна помогать выявлению внутренних закономерностей исторического процесса в соответствующую эпоху и отправляться от главного — состояния и развития производительных сил.

Периодизация истории отдельных стран и народов также не может не исходить из этих общих принципов, хотя, разумеется, она должна быть более индивидуализирована, отражая специфические формы проявления общих закономерностей. Массовые социальные движения, отражающие активность народа — главного творца истории,— несомненно, образуют важнейшие вехи внутренней истории каждой отдельной страны.

Советская историческая наука уделяет большое внимание вопросам периодизации исторического процесса как в масштабе всемирной истории, так и в более частных его проявлениях. Это связано с постоянным стремлением советских историков вскрыть внутреннюю логику исторических событий, обнаружить подлинные движущие пружины и закономерности общественного развития.

Нет сомнения, что в этой сложной, но плодотворной работе весьма полезно было бы объединение творческих усилий представителей исторической науки самых различных стран. Советские историки горячо приветствовали бы сотрудничество в этом направлении.

К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА И КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР

В. П. Данилов

Краеугольное положение марксистско-ленинского учения о народе как творце истории обязывает советских ученых уделить максимум внимания исследованию истории трудящихся масс, прежде всего истории рабочего класса и крестьянства, их роли в развитии общества. Без тщательного и всестороннего изучения истории народных масс нельзя правильно понять процесс общественного развития в прошлом и настоящем, нельзя объяснить величайшие завоевания, достигнутые нашей страной, нельзя представить себе ее дальнейшие пути и судьбы. Научная разработка истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в СССР приобрела особенно актуальное значение в свете исторических решений XXI съезда КПСС, положившего начало развернутому строительству коммунизма, когда творческая активность и самодеятельность трудящихся достигает небывалого размаха, когда их решающая роль в развитии общества проявляется особенно отчетливо.

В советской историографии всегда занимали по праву большое место проблемы истории крестьянства, его социально-экономического и политического положения. Крестьянство в нашей стране до недавнего времени составляло подавляющее большинство населения, основной по количеству контингент трудящихся масс. Недаром Россию называли крестьянской страной.

В союзе с крестьянством рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, совершил Октябрьскую революцию, построил социализм и ныне ведет развернутое строительство коммунизма. В развитии советского общества союз рабочего класса и крестьянства является решающей социальной силой.

С историческими судьбами крестьянства были связаны наиболее сложные и трудные задачи социалистического преобразования нашей страны. В результате революционной перестройки сельского хозяйства коренным образом изменился социальный и культурный облик крестьянства, характер его производственной деятельности, его быт. Путь, пройденный советским крестьянством под руководством Коммунистической партии, исторический опыт преобразования деревни и развития коллективного хозяйства в СССР привлекают внимание трудящихся стран народной демократии. Этот опыт тщательно изучают и в странах, только что освободившихся от колониального ига, народы которых ищут пути наиболее быстрого подъема экономики и культуры. Обобщение и разъяснение опыта СССР имеют жизненно важное значение.

Враги коммунизма избрали историю советского крестьянства и колхозного строительства объектом постоянной клеветы и фальсификации. Поэтому одной из насущных задач научной разработки исто-

рии советского крестьянства является разоблачение буржуазных фальсификаторов.

Советские историки имеют все необходимое для выполнения этих задач. Они вооружены самой передовой социологической теорией — историческим материализмом. В произведениях В. И. Ленина глубоко раскрыта роль народных масс в борьбе за победу социализма, дан научный анализ коренных изменений в положении рабочего класса и крестьянства, совершившихся в результате Великой Октябрьской социалистической революции, определены пути их дальнейшего развития. В распоряжении советских ученых имеется такой замечательный источник, как решения съездов и конференций Коммунистической партии, пленумов Центрального Комитета КПСС, в которых обобщены итоги экономического, политического и культурного развития нашей страны на каждом этапе строительства социализма и коммунизма. Перед ними открыты двери государственных архивов, хранящих неисчислимое количество документов по всем вопросам новейшего этапа отечественной истории. В библиотеках имеются богатейшие собрания законодательных, статистико-экономических и т. п. изданий, многочисленных центральных и местных газет.

Как же обстоит дело с изучением истории советского крестьянства? В рамках журнальной статьи нет возможности обстоятельно изложить развитие историографии этого вопроса, проанализировать литературу по каждому периоду, по всем проблемам. Мы ограничиваем свою задачу попыткой в самых общих чертах обрисовать итоги изучения узловых проблем истории советского крестьянства.

Даже самое беглое и общее обозрение советской литературы показывает, что главное внимание наших исследователей было обращено на разработку проблем истории советского крестьянства в моменты крутых поворотов в развитии общества. Аграрные преобразования 1917—1918 гг., подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства — вот две проблемы, на разработке которых сосредоточены были до сих пор усилия историков-аграрников. Сквозной разработке подверглась лишь одна проблема — развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства. Свыше $^4/_5$ книг, брошюр и статей по истории советской деревни посвящено этим трем темам.

Вполне понятным является особый интерес исследователей к этим вопросам; именно в моменты революционных переломов решаются судьбы народных масс, подводятся итоги их развития и деятельности в прошлом, определяются пути будущего. Но это не может оправдать отставания в изучении истории советского крестьянства со времени Октябрьской революции до коллективизации и особенно в период победившего социализма. Полная история советского крестьянства может быть создана только тогда, когда ученые выйдут за «традиционные» рамки тематики, когда будет обстоятельно и всесторонне изучено социально-экономическое, политическое и культурное развитие деревни на протяжении всей советской эпохи.

Особое место в историографии советского крестьянства и колхозного строительства, как и в изучении всех остальных проблем истории советского общества, занимают такие обобщающие работы, как «История Коммунистической партии Советского Союза» (М. 1959), «История СССР. Эпоха социализма» (М. 1957), П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР» (Т. III. М. 1956), «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР» (М. 1954), труды по истории союзных республик. В этих работах рассматривается весь процесс развития нашей страны, в том числе и деревни. Определенный интерес представляет значительная группа книг и брошюр о подъеме сельского хозяйства за 40 лет Советской власти, опубликованных в 1957—1959 гг.,

и аналогичных изданий более ранних лет[1]. Однако эта литература не может восполнить имеющиеся пробелы. Задача создания капитальной научной истории советского крестьянства и колхозного строительства настоятельно требует развертывания исследовательских работ на отстающих участках.

★

В последние годы, особенно в связи с 40-летием Октября, советские историки много сделали для разработки политических проблем истории пролетарской революции в России, в том числе для изучения роли союза рабочего класса и беднейшего крестьянства как решающей силы, обеспечившей победу Советской власти. Появились ценные труды по истории крестьянского движения в 1917 г., раскрывающие одну из важнейших сторон революционной ситуации в России. Много внимания уделялось изучению такого важного завоевания Октябрьской революции в деревне, как возникновение и развитие колхозного движения, строительство первых совхозов. В работах И. А. Конюкова, В. Н. Лаврентьева, Н. Н. Скрыпнева, В. А. Милованова, В. М. Селунской и других исследователей раскрывается процесс возникновения нового социалистического уклада в деревне, освещаются первые этапы его развития[2]. Продолжается изучение основных законодательных актов Советской власти об аграрных преобразованиях в 1917—1918 годах. Все это свидетельствует об известных успехах в исследовании истории Октябрьской революции в деревне. Однако в этой области далеко не все обстоит так благополучно, как может показаться на первый взгляд.

Наиболее существенным недостатком современной исторической литературы является отставание в изучении социально-экономического содержания и итогов аграрной революции, в исследовании того грандиозного переворота в аграрных отношениях, который совершился после Октября.

В 20-х — начале 30-х годов весьма интенсивно разрабатывалась история аграрной революции в нашей стране, и уже тогда были достигнуты некоторые положительные результаты. Во-первых, была проделана большая работа по подготовке источниковедческой базы. Наряду с публикациями документов по истории крестьянского движения в 1917 г.[3] историческая наука получила тогда единственные в своем роде издания: сборник ЦСУ «Экономическое расслоение крестьянства в 1917—1919 гг.» (М. 1922) и два больших тома «Материалов по истории аграрной революции в России» (М. 1928), подготовленные Комиссией по изучению аграрной революции при Коммунистической акаде-

[1] «Победы социалистического сельского хозяйства СССР». М. 1958; Г. Ризаев. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет. Ташкент. 1957; «Развитие сельского хозяйства Таджикской ССР за годы Советской власти». Сталинабад. 1957; «Сельское хозяйство Казахстана за 40 лет». Алма-Ата. 1957; «Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет». Иркутск. 1957; М. Г. Гавриш и С. Я. Островский. Сельское хозяйство Харьковщины за 40 лет. Харьков. 1958; «Советский Узбекистан в борьбе за развитие хлопководства (1918—1948 гг.)». Ташкент. 1949, и др.

[2] И. А. Конюков. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия. М. 1949; Н. Н. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М. 1951; В. Н. Лаврентьев. Строительство совхозов в первые годы Советской власти (1917—1920). М. 1957; В. А. Мілованау. Першыя крокі калгаснага руху у Беларусі. Мінск. 1958; В. М. Селунская. Коммунистическая партия — организатор и руководитель строительства первых совхозов и колхозов (ноябрь 1917—1920 гг.). «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия». № 4. 1957; А. Г. Долгополов, С. И. Родионов, П. А. Бутылкин. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти. «История СССР», 1959, № 5; Г. В. Шарапов. Начало социалистических преобразований в деревне в первые годы Советской власти. М. 1960, и др.

[3] «Крестьянское движение в 1917 г.». М.-Л. 1927; «1917 год в деревне». М.-Л. 1929, и др.

мии. Эти издания в сочетании с другими источниками, прежде всего с партийными документами, материалами комитетов бедноты, местных Советов и земельных органов, дают возможность научно раскрыть социально-экономические процессы и итоги аграрной революции.

Материалы вышеуказанного сборника ЦСУ начали изучаться в 20-х годах, в частности А. И. Хрящевой[4], работа которой не утратила своего значения и поныне. Однако в дальнейшем попытки научно обработать и анализировать эти данные практически не предпринимались. Авторы трудов по истории Октябрьской революции берут из статистических материалов лишь итоговые сведения, благо таковые уже имеются.

Еще более печальная участь постигла «Материалы по истории аграрной революции в России». К сожалению, с момента выхода их в свет ни один историк или экономист не подверг систематическому исследованию данные этого уникального сборника, содержащего ценнейшие сведения о социально-экономических итогах первых аграрных преобразований Советской власти. В работах современных историков они используются лишь в качестве иллюстраций, отдельных примеров, да и то очень редко[5].

Отсутствие новейших исследований в области социально-экономических процессов аграрной революции отрицательно сказывается на разработке проблем всей последующей истории советской деревни. Нельзя правильно понять ни истории деревни в годы нэпа, ни особенностей социалистической реконструкции сельского хозяйства в нашей стране, пока во всей полноте не исследованы результаты аграрных преобразований, осуществленных в ходе Октябрьской революции. Те, кто сейчас работает над историей крестьянства и колхозного строительства в годы нэпа, в эпоху социалистической реконструкции сельского хозяйства, могут использовать конкретные наблюдения и материалы не столько из работ своих современников, сколько из трудов историков и экономистов 20-х годов. В них освещаются те или другие стороны аграрного переворота в России, особенно перераспределение земель, приводится материал, характеризующий социально-экономические сдвиги в крестьянстве, изменение классовой структуры деревни. Назовем хотя бы книги и статьи А. И. Хрящевой, П. Н. Першина, В. Келлера, И. Романенко, И. А. Кириллова, Б. Н. Книповича[6].

Однако методологическая основа этой литературы была несостоятельна. Во многих работах, по сути дела, вообще отрицался социалистический характер Октябрьской революции в деревне. Вслед за М. Н. Покровским она трактовалась лишь как «туземная, русская крестьянская революция» (то есть буржуазно-демократическая), развивающаяся параллельно с пролетарской, социалистической революцией в городе[7]. Правда, авторы конкретных исследований, как правило, не

---

[4] А. И. Хрящева. Группы и классы в крестьянстве. М. 1926.

[5] Е. Н. Кочетовская. Национализация земли в СССР. М. 1947; Н. А. Жихарев. Борьба большевистской партии за осуществление ленинского декрета о земле (октябрь 1917 г.— ноябрь 1918 г.). «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; Е. А. Луцкий. Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 года. «История СССР», 1957, № 5.

[6] А. И. Хрящева. Указ. соч.; ее же. Крестьянство в войне и революции. М. 1921; П. Н. Першин. Формы землепользования. Сборник статей «О земле». Вып. I. М. 1921; его же. Участковое землепользование в России. М. 1922; В. Келлер, И. Романенко. Первые итоги аграрной революции. Опыт исследования результатов землеустройства на примере Задонского у. Воронежской губ. Воронеж. 1922; И. А. Кириллов. Очерки землеустройства за три года революции. 1918, 1919, 1920 гг. Птгр. 1922; Б. Н. Книпович. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917—1920). М. 1920.

[7] М. Н. Покровский. Контрреволюция за 4 года. М. 1922, стр. 11, ср. стр. 6; его же. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.-Л. 1927, стр. 3.

давали определения характера революции, но в трактовке конкретных событий исходили из тех же позиций, что и М. Н. Покровский. Именно поэтому социально-экономические сдвиги в деревне за годы революции историками того времени связывались почти исключительно с переделом земель, как таковым. Роль комитетов бедноты в этом отношении недооценивалась или вовсе отрицалась. Возникновению и развитию коллективного землепользования уделялось очень мало внимания.

Чтобы изжить эти недостатки, потребовалось сравнительно длительное время. Преодоление ошибочной концепции двух революций в октябре 1917 г. явилось свидетельством успешного развития марксистско-ленинской историографии. Оно сопровождалось углубленным изучением истории создания и деятельности комитетов бедноты, без уяснения которой невозможно правильно понять и оценить сущность важнейшего этапа аграрной революции. С начала 30-х годов вышла в свет серия сборников документов и материалов о комбедах[8], появился ряд научных трудов[9]. Однако документальные сборники и исследования того периода, как уже отмечал Е. А. Луцкий[10], оставляли в тени одну из чрезвычайно существенных сторон деятельности комбедов — их роль в перераспределении земли и других средств производства среди крестьянских хозяйств, в изменении социальной структуры деревни. Существенную роль в преодолении этого недостатка сыграл «Краткий курс истории ВКП(б)». Его авторы подчеркнули огромное значение удара, который нанесли комитеты бедноты по кулацкому землепользованию и хозяйству[11]. В опубликованном в 1954 г. сборнике документов «Аграрная политика Советской власти (1917—1918)» введена в научный оборот большая группа материалов, раскрывающих эту сторону деятельности комбедов. Однако задача исследовательской разработки этой проблемы еще не решена. Ценнейший материал по истории комбедов, накопленный с середины 30-х годов, по-настоящему еще не освоен. Он используется в работах по истории Октябрьской революции лишь иллюстративно, в виде отдельных примеров, а не в совокупности, не в качестве системы фактов, раскрывающих картину в целом.

К сожалению, существенный недостаток в изучении истории аграрной революции, выявившийся в начале 30-х годов, не только не был устранен, а, напротив, закреплялся «Кратким курсом истории ВКП(б)». Его авторы даже не упоминали ленинского положения о двух этапах Октябрьской революции в деревне: первом — когда решались в основном задачи буржуазно-демократической революции (до весны 1918 г.), и втором — когда деревня по-настоящему включилась в решение задач собственно социалистических (с лета 1918 г.)[12]. Известный тезис о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция решила буржуазно-демократические задачи мимоходом, стал в конечном счете рассматриваться как основание для игнорирования целого этапа в развитии революции в деревне. Между тем В. И. Ленин писал о соотношении задач буржуазно-демократической и социалистической революций

---

[8] «Советы в эпоху военного коммунизма (1918—1921 гг.)». Сборник документов. Ч. I. М. 1928; «Комитеты бедноты». Сборник материалов. Тт. I—II. М.-Л. 1933; «Комбеды РСФСР». Сборник декретов и документов о комитетах бедноты. М. 1933; «Комбеды Воронежской и Курской областей». Материалы по истории комитетов бедноты. Воронеж. 1935. и др.

[9] А. В. Шестаков. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Вып. I. Воронеж. 1930; И. Т. Кизрин. К истории комитетов бедноты. Воронеж. 1932; Е. А. Соколова. Комитеты деревенской бедноты. М. 1940, и др.

[10] См. «История СССР», 1957, № 5, стр. 57—60.

[11] См. «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Краткий курс. М. 1938, стр. 212.

[12] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 121—123; 276—278; 450—451; т. 29, стр. 168, 180, 187; т. 30, стр. 112; т. 33, стр. 29—31.

в деревне как о важнейшем теоретическом и политическом вопросе[13].

Глубоко ошибочной была бы попытка абсолютизировать эти этапы, оторвать один от другого, рассматривать их без взаимной связи. В ленинских работах особенно подчеркивается недопустимость попыток поставить между ними «искусственную, китайскую, стену..., отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой...»[14]. Как на первом этапе революции в деревне решались не только буржуазно-демократические задачи, так и на втором, высшем ее этапе в процессе жесточайшей борьбы с деревенской буржуазией доводились до решительного конца, закреплялись результаты, достигнутые к весне 1918 года.

Раскрывая сущность революции в деревне, ее буржуазно-демократического и социалистического этапов, В. И. Ленин отмечал наличие «ряда переходов, переходных ступеней»[15], без учета которых связь и соотношение указанных этапов не могут быть правильно поняты. Вместе с тем он показал основные объективные и субъективные факторы этого процесса. «Буржуазная революция,— писал Владимир Ильич,— была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом... Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918-го года. Чехословацкое контрреволюционное восстание разбудило кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний. Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии»[16]. Внутренняя логика классовой борьбы на селе, как и в стране в целом, обусловила переход революции в деревне летом — осенью 1918 г. на новый, более высокий этап. Особую роль в этом процессе сыграло активное вмешательство городского пролетариата, руководство Коммунистической партии. «Советская республика посылает в деревни отряды вооруженных рабочих, в первую голову более передовых, из столиц,— указывал В. И. Ленин.— Эти рабочие несут социализм в деревню, привлекают на свою сторону бедноту, организуют и просвещают ее, помогают ей подавить сопротивление буржуазии.

Все, знающие дело и бывавшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает сама «Октябрьскую» (т. е. пролетарскую) революцию. Наступает перелом. Волна кулацких восстаний сменяется подъемом бедноты, ростом «комитетов бедноты»»[17].

Без учета обоих факторов, объективного и субъективного, без глубокого изучения развития классовой борьбы в деревне, переходов ее от одной фазы к другой, смены ее форм, без выяснения роли городского пролетариата и Коммунистической партии, обеспечивших внесение сознательной социалистической борьбы, внесение раскола в деревню[18], нельзя правильно понять развитие революции в деревне.

Отставание в изучении социально-экономического содержания аграрной революции и односторонняя трактовка ее характера объясняют, в частности, появление странной, ни на чем не основанной концепции Е. А. Луцкого, пытавшегося изобразить требование уравнительного землепользования как требование, соответствовавшее большевист-

---

[13] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 281.
[14] Там же, стр. 277.
[15] Там же, стр. 281.
[16] Там же, стр. 278.
[17] Там же, стр. 279.
[18] См. там же, стр. 155, 275, 316 и др.

ской программе, а само уравнительное землепользование — переходной ступенью к социализму[19].

Долгое время из социально-экономических проблем аграрной революции изучались почти исключительно вопросы развития первых колхозов и совхозов. Правда, мы располагаем сейчас рядом весьма ценных работ, в которых на интересном фактическом материале прослеживается ход ликвидации помещичьего землевладения[20]. Начато изучение роли комитетов бедноты в аграрных преобразованиях[21]. Главное внимание в этих статьях и брошюрах уделено освещению процесса с организационно-политической стороны. Социально-экономической проблематике в них внимание уделяется и редко и мало. Работы, в той или иной мере показывающие социально-экономические изменения в крестьянстве, у нас только начали появляться. Таковы, например, работы М. И. Снегирева, Е. И. Медведева, В. М. Губаревой, И. Е. Марченко, Ю. С. Афанасьева, В. М. Фефелова[22]. Новое явление в историографии аграрной революции — исследования М. А. Рубача и П. Н. Першина[23]. Их выделяет прежде всего серьезный научный анализ социально-экономических проблем революции в деревне. К сожалению, работа П. Н. Першина доведена лишь до момента победы Советской власти. Книга М. А. Рубача является пока единственным крупным исследованием, шаг за шагом, на большом конкретном материале раскрывающим процесс революционной перестройки аграрных отношений с октября 1917 г. до лета 1918 года.

Вместе с тем делаются попытки теоретического осмысления ленинских указаний о характере и этапах развития революции в деревне. В сборнике Московского государственного университета, опубликованном кафедрой истории СССР советского периода к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, помещена интересная статья Ю. А. Полякова

---

[19] Е. А. Луцкий. О сущности уравнительного землепользования в Советской России. «Вопросы истории», 1956, № 9.

[20] М. И. Снегирев. Великая Октябрьская социалистическая революция и распределение земель в 1917—1918 годах. «Вопросы истории», 1947, № 11; Е. А. Луцкий Конфискация помещичьих имений в 1917—1918 гг. «Известия АН СССР». Т. V, 1948, № 6; его же. Передел земли весной 1918 г. «Известия АН СССР». Серия истории и философии», 1949, № 3; Н. С. Журавлева. Конфискация помещичьих имений в Тверской губернии в 1917—1918 гг. «Исторические записки». Т. 29, 1949; Л. А. Говорков. Вопросы конфискации помещичьих имений в Курской губернии. «Ученые записки» Тамбовского педагогического института. Т. VII, 1949; В. Р. Копылов. Конфискация помещичьих имений в Московской губернии в 1917—1918 гг. «Труды Московского историко-архивного института». Т. 6, 1954; А. Д. Малявский. Конфискация помещичьих имений во Владимирской губ. в 1917—1918 гг. «Ученые записки» Курского педагогического института. Вып. 5, 1956; В. М. Фефелов. Из истории конфискации помещичьих имений в Воронежской губ. в 1917—1918 гг. «Труды Воронежского университета». Т. 60. Вып. 2, 1957; Г. В. Чернов. Начало революционных преобразований в деревне на основе ленинского декрета о земле. «Ученые записки» Горьковского государственного университета. Вып. 42, 1958.

[21] В. С. Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М. 1953; В. Р. Герасимюк. Начало социалистической революции в деревне 1917—1918 гг. М. 1958; Е. А. Луцкий. Развитие социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 г. «История СССР», 1957, № 5; В. А. Крайнов. Комитеты бедноты и осуществление ленинского декрета о земле в Тверской губернии. «Ученые записки» Калининского педагогического института. Т. 23, 1957, и др.

[22] М. И. Снегирев. Указ. соч.; Е. И. Медведев. Аграрные преобразования в Самарской деревне в 1917—1918 гг. Куйбышев. 1957; В. М. Губарева. Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 году. По материалам Петроградской губернии. Л. 1957; И. Е. Марченко. Аграрные преобразования в Белоруссии в 1917—1918 гг. Минск. 1959; В. М. Фефелов. Распределение помещичьих земель в Воронежской губернии в 1917—1918 гг. «Известия» Воронежского государственного педагогического института. Т. 27, 1959; Ю. С. Афанасьев. Первые социально-экономические сдвиги в костромской деревне в 1918 году. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Исторический факультет. Вып. 30, 1959.

[23] М. А. Рубач. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине в период проведения Октябрьской революции. Киев. 1957; П. Н. Першин. Нариси аграрної революції в Росії. Київ. 1959.

«В. И. Ленин о расслоении крестьянства в условиях диктатуры пролетариата»[24], в которой показывается значение ленинских высказываний о союзе рабочего класса и крестьянства на разных этапах развертывания Октябрьской революции в деревне. В этой связи автор затрагивает и вопрос о последовательности решения и взаимосвязи буржуазно-демократических и социалистических задач в революции.

Следует, наконец, отметить еще одну существенную особенность, характеризующую изучение истории аграрных преобразований Советской власти. Большинство исследователей истории Октябрьской революции в деревне ограничивает эти преобразования хронологическими рамками: октябрь 1917 г.—1918 г. (исключение делается для национальных районов). Но в 1918 г. аграрные преобразования были проведены лишь в Центральной России и в Поволжье. На Дону, Северном Кавказе, Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке аграрный переворот либо еще не начинался, либо был прерван иностранной интервенцией и гражданской войной. Окончательно аграрные преобразования, прежде всего перераспределение земель, в этих районах были осуществлены после их освобождения от сил контрреволюции, главным образом в 1920—1922 годах. Иным было время, иной была здесь и обстановка проведения аграрного переворота. Естественно, что эти преобразования несли на себе новые черты, имели существенные особенности. К сожалению, аграрные преобразования в этих районах пока не изучались.

Лучше обстоит дело с изучением аграрных преобразований в национальных республиках Востока, осуществленных в 20-х годах. Интересные работы посвящены земельно-водной реформе 1920—1921 и 1925—1929 гг. в Узбекской ССР. Среди них исследования Г. Ризаева, Х. Ф. Чикаева, Р. Ю. Бабаджановой, А. М. Гуревича, М. Х. Давлет-Юсупова[25]. Аграрные преобразования 1921—1922 гг., передел сенокосно-пастбищных угодий и ликвидация баев-полуфеодалов в 1925—1928 гг. в Казахстане освещены в статьях А. П. Кучкина, Г. Ф. Дахшлейгера, З. А. Акишевой, Ф. П. Рыбакова и А. И. Кузнецова[26]. Имеются работы о земельных реформах 20-х годов в других союзных и автономных республиках[27]. Этим вопросам большое место отводится в общих трудах по истории национальных республик.

---

[24] «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина». Сборник статей. М. 1960.

[25] Г. Ризаев. Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане. Ташкент. 1947; Х. Ф. Чикаев. К истории борьбы за разрешение аграрного вопроса и земельных отношений в Узбекистане (1917—1921 гг.). «Труды» Узбекского государственного университета. Исторический факультет. Новая серия. Вып. 51. Самарканд. 1952; Р. Ю. Бабаджанова. Партийно-массовая работа Коммунистической партии Узбекистана в кишлаке в период земельно-водной реформы (1925—1926 гг.). Ташкент. 1959; А. М. Гуревич. Земельно-водная реформа в Узбекской ССР (1925—1929 гг.). «Вопросы истории», 1948, № 11; М. Х. Давлет-Юсупов. Союз «Кошчи» и его роль в борьбе за проведение земельно-водной реформы в Узбекистане (1925—1929 гг.). «Ученые записки» Ташкентского педагогического института. Исторический факультет. Вып. 9. Ташкент. 1958.

[26] А. П. Кучкин. Ликвидация казахских баев-полуфеодалов в 1928 г. «Исторические записки». Т. 35, 1950; его же. Земельная реформа в Казахстане в 1925—1927 гг. «Вопросы истории», 1954, № 9; З. А. Акишева. Экономические и политические предпосылки и результаты конфискации собственности крупных баев-полуфеодалов в Казахстане (1928 г.). «Известия АН Казахской ССР», № 65. Вып. I. Алма-Ата. 1949; Ф. П. Рыбаков, А. И. Кузнецов. О земельно-водной реформе 1921—1922 гг. в Семиречье. «Ученые записки» Алма-Атинского педагогического института. Т. XIV (2). Серия общественно-политическая. Алма-Ата. 1957; Г. Ф. Дахшлейгер. К истории аграрных реформ в Казахстане (1921—1922 гг.). «Вестник АН Казахской ССР» № 10. Алма-Ата. 1958.

[27] Р. М. Раимов. Аграрная революция в Башкирии 1917—1923 гг. «Исторические записки». Т. 32, 1950; П. И. Ухванов. Земельно-водная реформа в Киргизии в 1921—1922 годах. Фрунзе. 1957; Ю. С. Кузнецов. Проведение земельно-водной реформы в Полторацком и Мервском округах Туркменской ССР (1925—1927 гг.). «Труды» Института истории партии при ЦК КП Туркменистана. № 4. Ашхабад. 1958; Я. Шарипов.

Осуществление аграрных преобразований в национальных районах, не успевших до победы Октябрьской революции пройти стадию капиталистического развития и находившихся еще на стадии феодально-патриархальных отношений, проводилось по отдельным этапам на протяжении значительного времени, в ряде случаев исчисляемого 10—12 годами. Здесь был необходим целый период, чтобы классовый антагонизм пробил покровы патриархальщины, чтобы в ауле и кишлаке противоречия между эксплуататором и эксплуатируемыми оказались сильнее родовых связей. Земельно-водные реформы, переделы пастбищных и сенокосных угодий, ликвидация баев-полуфеодалов в этих республиках явились важнейшей предпосылкой социалистической реконструкции сельского хозяйства, крупным шагом на их пути к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. В данных процессах чрезвычайно ярко проявилось своеобразие социалистического строительства в ранее отсталых республиках.

Вопрос о характере и месте этих преобразований вызвал довольно острую дискуссию среди историков, в частности на объединенной научной сессии по истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма, состоявшейся в Алма-Ате весной 1957 года. Столкнулись две точки зрения. Согласно одной из них, основным критерием оценки социального содержания реформ должен служить принцип: «где, кем, когда и с какой целью» они осуществляются. Преобразования 20-х годов, утверждали сторонники этой точки зрения, были по своему социальному содержанию социалистическими, ибо, во-первых, они осуществлялись диктатурой пролетариата, во-вторых, они проводились тогда, когда в стране развертывалось строительство социализма, наконец, в-третьих, цель их состояла в нанесении сокрушительного удара по основам господства эксплуататорских классов [28].

Противники этой точки зрения также подчеркивали значение всех факторов, предопределивших особенности этих преобразований. Однако определяющим при оценке содержания и характера социально-экономических преобразований, говорили они, могут быть только их объективные результаты. В данном случае объективные результаты не были социалистическими. В итоге этих реформ на смену феодально-патриархальному хозяйству пришли хозяйства мелких крестьян, хозяйства непосредственных производителей — частных собственников. Однако коллективизация, вскоре последовавшая за реформами 1925—1928 гг., не дала возможности развиваться капиталистическим элементам. Что же касается той системы хозяйства, которая создавалась реформами 20-х годов, то из нее капитализм не мог не расти «ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». Именно поэтому они являлись по своему характеру буржуазно-демократическими [29].

К вопросу о земельно-водной реформе в Южном Таджикистане (1924—1929 гг.). «Известия АН Таджикской ССР». Вып. 8. Сталинабад. 1956; Н. С. Журавлева. Земельно-водная реформа в Северном Таджикистане (там же); Б. А. Антоненко. Октябрьская революция и борьба за разрешение аграрного вопроса в Таджикистане в 1917—1929 гг. «Труды» Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Т. LXXX. Сталинабад. 1957; Н. Р. Мангутов. Аграрные преобразования в Советской Бурятии до победы колхозного строя. «История СССР», 1959, № 6; В. Л. Кузьмин. Из истории реализации ленинского декрета о земле в Чувашии. «Записки научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Вып. 7. Чебоксары. 1953; В. Н. Чемезов. Из истории земельной реформы 1929 г. в Якутии. «Доклады на 2-й научной сессии Якутского филиала АН СССР». Якутск. 1951, и др.

[28] Эта точка зрения была изложена в докладе С. Б. Баишева «Закономерности и особенности социалистического строительства в республиках Средней Азии и Казахстане» и в его заключительном слове. См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма». Алма-Ата. 1958, стр. 223—245, 492—495.

[29] См. выступления М. Д. Каммари, С. И. Якубовской, А. Б. Турсунбаева, Г. Ф. Дахшлейгера и автора настоящей статьи (там же, стр. 379, 390—391, 409—410, 411—412, 434—435).

Дискуссия по данному важному вопросу не завершена. Предстоит еще большая работа по исследованию и теоретическому осмыслению этого сложного процесса.

Начато изучение истории аграрных преобразований, осуществленных Коммунистической партией и Советской властью в Прибалтике, Молдавии, Западной Украине и Западной Белоруссии. Они проводились в условиях, когда на территории СССР уже победил социализм, что не могло не наложить на них существенный отпечаток. Наиболее крупным исследованием по этой проблеме является книга доктора экономических наук С. А. Удачина «Земельная реформа в Советской Латвии» (Рига. 1948), содержащая большой фактический материал.

Изучение истории аграрных реформ в различных частях нашей страны, имевших поистине колоссальное значение для исторических судеб крестьянства, было и остается одной из первоочередных задач историографии советского общества.

Второй узловой проблемой истории советского крестьянства, на разработке которой были сосредоточены усилия исследователей, является социалистическое преобразование сельского хозяйства, его коллективизация. Лет десять — двенадцать тому назад она стала одной из центральных в историографии советского общества. С тех пор у нас появилось значительное число книг, брошюр и особенно статей по истории подготовки и проведения социалистического преобразования деревни.

В изучении становления и развития колхозного строя советскими историками истекшее десятилетие в целом можно было бы охарактеризовать как начальный этап, на протяжении которого шла работа по определению основной проблематики и, правда, в меньшей мере—по накоплению фактического материала. Этот этап не был единым. Первый период его (до 1953 г.) приходится на то время, когда культ Сталина распространился особенно широко и стал препятствием для научных исследований по истории советского общества. Все же работы по истории коллективизации, изданные в те годы [30], очертили определенный круг проблем, послужили основой для их обсуждения среди историков, вовлекли в оборот первый, хотя и небогатый фактический материал. Вместе с тем тогда же появились исследовательские работы И. А. Конюкова («Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия») и О. Б. Джамалова («Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации в Узбекистане»), в которых дается научный анализ конкретного материала. Выделяет эти работы интерес авторов к объективным процессам, к социально-экономическим отношениям в деревне.

Преодоление последствий культа Сталина открыло новый этап в развитии советской исторической науки, в том числе и в изучении истории социалистического переустройства сельского хозяйства. Свидетельством этому служит появление ряда серьезных научных работ, рассматривающих как весь комплекс проблем истории подготовки и проведения коллективизации, так и отдельные крупные проблемы. Назовем книги

---

[30] Помимо уже названных работ И. А. Конюкова и Н. Н. Скрыпнева, в те годы вышли в свет следующие книги: Г. М. Овсянников. Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934). М. 1949; О. Б. Джамалов. Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации в Узбекистане. Ташкент. 1950; С. П. Трапезников. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М. 1951; М. С. Смирнов. Борьба партии Ленина — Сталина за подготовку массового колхозного движения. М. 1952; Б. А. Абрамов. Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М. 1952; Е. В. Семенихина. Большевики Казахстана в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Алма-Ата. 1952.

М. А. Краева, А. Б. Турсунбаева, С. П. Трапезникова, А. Ф. Чмыги, Х. Н. Дриккер, М. Л. Богденко, С. И. Ильясова[31]. В эти годы появилось немало журнальных статей по отдельным проблемам истории колхозного строительства в СССР. Возобновилась публикация документов по истории колхозного строительства.

В результате проделанной историками и экономистами работы у нас создана литература по одной из важнейших проблем новейшего периода отечественной истории. Был начат качественный переход — от первого, зачастую поверхностного обозрения процесса революционного переустройства сельского хозяйства в целом к глубокой исследовательской разработке кардинальных проблем этой отрасли историографии советского общества, что подготавливает условия для широкого научного обобщения. Дальнейшая работа исследователей позволит создать полную и правдивую картину важнейшей эпохи в историческом прошлом советского крестьянства.

Значительный сдвиг за последние годы произошел в изучении руководящей роли Коммунистической партии в подготовке и проведении социалистической реконструкции сельского хозяйства. Увеличилось число книг, брошюр и статей на эту тему: о разработке партией теоретических проблем колхозного строительства, развитии ленинского кооперативного плана, о политике партии в деревне, о ее организаторской и идейно-воспитательной работе среди крестьянства. Подход к изучению этих проблем стал более творческим, улучшилась методика исследования. Положительное значение имело проведение в мае 1958 г. в Ростове-на-Дону Всесоюзной межвузовской конференции на тему «Всемирно-историческое значение опыта КПСС по коллективизации сельского хозяйства». В докладе М. В. Гамаюнова о разработке В. И. Лениным кооперативного плана было отмечено, что этот важнейший вопрос почти не освещен в печати. Докладчик подчеркивал, что «В. И. Ленин разрабатывал кооперативный план в течение длительного времени, неоднократно возвращался к нему на разных этапах своей революционной деятельности, обогащал его новыми идеями»[32]. Положительно должна быть оценена, на наш взгляд, сделанная в последнее время В. М. Селунской попытка конкретно-исторического освещения истории создания ленинского кооперативного плана[33].

Творческое развитие Коммунистической партией и Центральным Комитетом ленинского кооперативного плана на новом этапе колхозного строительства — в решениях XX и XXI съездов КПСС и пленумов ЦК — также привлекает внимание исследователей[34]. Однако для действительно научного изучения этой важной проблемы сделано еще очень мало. Она нуждается в специальном исследовании.

---

[31] М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954; А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. 1957; С. П. Трапезников. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М. 1959; А. Ф. Чмыга. Очерки по истории колхозного движения на Украине (1921—1925 гг.). М. 1959; М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. М. 1958; Х. Н. Дриккер. К истории коллективизации сельского хозяйства в Таджикистане в период первой и второй пятилеток (1929—1937 гг.). Сталинабад. 1959; С. И. Ильясов. Кооперативно-колхозное строительство в Киргизии (1918—1929 гг.). Фрунзе. 1959.

[32] «Тезисы докладов на Всесоюзной межвузовской конференции на тему «Всемирно-историческое значение опыта КПСС по коллективизации сельского хозяйства». Ростов-на-Дону. 1958, стр. 3—4.

[33] В. М. Селунская. Разработка В. И. Лениным кооперативного плана. «Вопросы истории КПСС». 1960, № 2.

[34] См. раздел «Творческое развитие теории и практики колхозного строительства» в книге С. П. Трапезникова «Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства», а также брошюру И. В. Русакова «Ленинский кооперативный план и его дальнейшее развитие в решениях ЦК КПСС (1953—1959 гг.)». Алма-Ата. 1959.

Организаторская и политико-воспитательная работа партии в деревне накануне и в период сплошной коллективизации сельского хозяйства освещается во многих брошюрах и статьях [35]. Особо следует отметить выход в свет ряда работ, содержащих конкретный материал по истории борьбы местных партийных организаций за социалистическое преобразование деревни [36]. Нет сомнения, что начавшаяся подготовка многотомной «Истории КПСС» послужит серьезным толчком для дальнейшего развертывания конкретно-исторических исследований в этой области.

К числу наиболее крупных и сложных относится проблема объективной необходимости сплошной коллективизации сельского хозяйства. Социалистическое преобразование сельского хозяйства было обусловлено всеми процессами социально-экономического и политического развития советской деревни. В этом состоял главный вывод из истории крестьянства в доколхозный период. Научное решение этой узловой проблемы возможно только в результате изучения всех сторон жизни крестьянства и прежде всего анализа социальных отношений в деревне. Во многих работах необходимость перехода партии к политике сплошной коллективизации обосновывается общими теоретическими положениями о неспособности мелкого крестьянского хозяйства к расширенному воспроизводству, об обязательности приведения производственных отношений в соответствие с характером новых производительных сил, о требованиях закона пропорционального развития и других законов социализма. Однако исследователи далеко не всегда отвечают на вопрос, каково было конкретное состояние и соотношение всех экономических, социальных и политических факторов, вызывавших необходимость перехода партии к политике сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1929—1930 годах.

За последнее время в разработке проблем объективной необходимости и предпосылок коллективизации сельского хозяйства произошло заметное улучшение. Были преодолены, в частности, упрощенные представления о колхозном строительстве как простом отражении и следствии реконструкции материально-технической базы сельского хозяйства, как всего лишь форме, в которую облекались возникавшие новые производительные силы. Изучение действительного положения показало, что темпы технической реконструкции сельского хозяйства отставали от темпов переустройства социально-экономических отношений в деревне. Уже к концу первой пятилетки сплошная коллективизация в основном была

---

[35] См., например, научно-популярный очерк «Партия — организатор колхозного строя». М. 1958, брошюру Б. А. Абрамова «Организаторская работа партии по осуществлению ленинского кооперативного плана». М. 1960, а также статьи: Г. Н. Пуговкин. Партия Ленина — Сталина — организатор массового движения за коллективизацию сельского хозяйства в СССР. «Вопросы истории», 1952, № 12; Н. А. Никольская. Борьба Коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства (1927—1932). «Известия» Воронежского педагогического института. Т. XV. 1954; В. И. Логунов. Борьба КПСС за подъем колхозного движения накануне сплошной коллективизации (1926—1929 гг.). «Записки» Воронежского сельскохозяйственного института. Т. 26. Вып. I. 1956; А. Г. Горбунов. Сельские партийные организации Украины в борьбе за проведение сплошной коллективизации и ликвидацию кулачества как класса. «Научные записки» Одесского кредитно-экономического института. Т. XII, 1960, и др.

[36] Ф. Д. Пиджарый. Донецкая организация КП(б)У в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1929—1939 гг.). Сталино. 1957; Г. Л. Санжиев. Коммунистическая партия — организатор победы колхозного строя в Бурят-Монголии. Улан-Удэ. 1957; И. С. Степичев. Борьба Иркутской организации КПСС за коллективизацию сельского хозяйства (1928—1930 гг.). Иркутск. 1958; Т. Дуйшемалиев. Борьба КПСС за укрепление колхозов. Из истории колхозного строительства в Киргизии. Фрунзе. 1959; С. Д. Какабаев. Борьба Коммунистической партии Туркменистана за коллективизацию сельского хозяйства (1930—1934 гг.). Ашхабад. 1959; Ф. М. Подчуфаров. Тульские коммунисты в период подготовки массового колхозного движения (1924—1929 гг.). Тула. 1959; Е. П. Загайнов. Сельские коммунисты в борьбе за создание колхозного строя. Иркутск. 1960, и др.

закончена, тогда как для перевода сельского хозяйства на рельсы новой материально-технической базы потребовалась еще одна пятилетка. Большая часть колхозов должна была пережить весьма длительный период мануфактурного развития[37].

Совершенно нельзя согласиться и с попыткой отрицать наличие несоответствия производственных отношений характеру производительных сил в сельском хозяйстве накануне коллективизации, с попыткой отрицать роль этого несоответствия как одного из факторов социалистического преобразования деревни. В предисловии к экономическому исследованию О. Б. Джамалова «Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана» выдвинуто следующее положение: «Замена в 30-х годах старых производственных отношений в деревне социалистическими отношениями, как нам кажется, была вызвана требованием экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, а не требованиями закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил»[38].

Действительно, требованиям закона планомерного, пропорционального развития различных отраслей народного хозяйства принадлежит особая роль среди факторов, обусловивших необходимость коллективизации. Важное значение имели все более обострявшиеся социальные конфликты. Сыграли свою роль и требования закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, хотя место новых производительных сил в сельском хозяйстве не было еще значительным и поэтому несоответствие между двумя сторонами производства проявлялось здесь пока в узких рамках.

Правильное решение проблемы объективной необходимости коллективизации находится также в прямой зависимости от изучения состояния сельского хозяйства накануне и в начале реконструктивного периода. После XX съезда КПСС были значительно уточнены наши представления о развитии сельскохозяйственного производства в переходный от капитализма к социализму период. Объективную обусловленность курса партии на коллективизацию деревни историки стали доказывать данными экономического анализа развития сельскохозяйственного производства. В связи с этим более конкретно раскрывается ныне опасность чрезмерного отставания сельского хозяйства от промышленности, показывается процесс возникновения диспропорции между быстро нараставшими потребностями страны в хлебе и сельскохозяйственном сырье, с одной стороны, и ограниченными возможностями мелкого хозяйства — с другой.

Известный сдвиг наблюдается в разработке проблемы социальных конфликтов как фактора объективной необходимости коллективизации, в изучении классовой борьбы в деревне, в исследовании того, как осуществлялась политика наступления на кулачество после XV съезда партии. Об этом свидетельствуют работы В. М. Резванова, Г. А. Конюхова, Г. А. Лимонова, И. Ш. Френкеля и Г. А. Гречкина[39], в которых показы-

---

[37] Развитие советской историографии по данной проблеме изложено в историографическом очерке нашей монографии «Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР» (М. 1957, стр. 10—16) и в статьях В. И. Погудина «Об освещении в советской исторической литературе проблемы создания предпосылок коллективизации» («Сборник статей по истории рабочего класса и советской историографии». М. 1958) и «Некоторые вопросы историографии коллективизации в СССР» («Вопросы истории», 1958, № 9).

[38] О. Б. Джамалов. Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана. Ташкент. 1959, стр. 8.

[39] В. М. Резванов. КПСС в борьбе за преодоление хлебных затруднений в 1927—1928 гг. «Ученые записки» Ростовского государственного университета. Т. 31. Труды кафедры марксизма-ленинизма. Вып. I. 1955; Г. А. Конюхов. Из истории борьбы Коммунистической партии за разрешение зерновой проблемы в СССР (1928—1929 гг.). «Исторические записки». Т. 59. 1957; Г. А. Лимонов. Борьба партийных организаций Урала за преодоление хлебозаготовительных трудностей в 1927—1928 гг.

вается значение борьбы с кулачеством во время хлебозаготовок зимой—весной 1928 г. как крупного удара по экономическим и политическим позициям частнокапиталистических элементов в деревне. Имеются статьи, посвященные политическим организациям бедноты и батрачества накануне коллективизации, в частности группам бедноты [40]. Однако этим наступление на кулачество не исчерпывалось.

Важное значение в подготовке экспроприации кулачества как класса имели такие меры, осуществленные в 1928—1929 гг., как принудительный выкуп тракторов у кулацких хозяйств, конфискация хищнически использовавшихся земель, в том числе обрабатывавшихся только чужим трудом, изъятие части кредитов, предоставленных кулакам. Каждое из этих мероприятий нуждается в специальном исследовании. Слабо освещена у нас налоговая политика и совсем не показана политика цен, хотя и та и другая играли важную роль в регулировании социального и экономического развития деревни. Очень мало сделано для изучения батрацких стачек, волной прокатившихся по крупным кулацким хозяйствам в середине 1929 года.

Интенсивно изучалась за последние годы проблема материально-технических предпосылок сплошной коллективизации. Ей уделяется большое место в общих работах М. А. Краева, С. П. Трапезникова, А. Б. Турсунбаева. Сейчас появились монографии и статьи, специально посвященные анализу материально-технических предпосылок сплошной коллективизации, прежде всего возникновения и развития системы машинно-тракторных станций [41].

«Труды» Уральского политехнического института. Сборник 86. Свердловск. 1957; И. Ш. Френкель. Борьба с кулачеством в Курской губернии во время хлебозаготовительных кампаний 1928—1929 гг. «Ученые записки» Курского педагогического института. Вып. 6. 1957; Г. А. Гречкин. Проведение хлебозаготовительных кампаний 1928—1929 гг. в Белорусской ССР. «Из истории социалистического строительства Советской Белоруссии». Сборник статей. Минск. 1959.

[40] Л. Ф. Скляров. Группы бедноты в борьбе за подготовку сплошной коллективизации. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института имени Герцена. Т. 102. 1955; А. И. Тюрина. Начало организаций групп бедноты в нижегородской деревне. «Труды» Горьковского педагогического института. Т. XVIII. 1956; Б. О. Омаров. К вопросу о вовлечении аульно-деревенской бедноты и среднего крестьянства в социалистическое переустройство киргизского аула (1921—1930 гг.). «Ученые записки» Киргизского заочного педагогического института». Вып. 3, 1957; П. Г. Трофимов. Работа партийной организации Северного Кавказа среди деревенской бедноты накануне сплошной коллективизации. «Ученые записки» Новгородского педагогического института. Т. 4. 1958; И. Н. Чихичин. Работа Коммунистической партии среди деревенской бедноты в период между XIV и XV партийными съездами. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. LIX. 1958; В. К. Медведев. Борьба батрачества за укрепление Советов в период выборов 1928—1929 гг. (на материалах Нижне-Волжского края). «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. LXVI. 1958; В. И. Смирнова. Роль рабочих в улучшении деятельности групп бедноты и сельских советов накануне сплошной коллективизации сельского хозяйства (по материалам ЦЧО). «Записки» Воронежского сельскохозяйственного института. Т. XXVII, вып. 3, 1958; Г. А. Лимонов. Работа партийных организаций Урала среди деревенской бедноты (1926—1929 гг.). «Ученые записки» Уральского государственного университета. Вып. 33, 1960.

[41] В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М. 1957; О. Б. Джамалов. Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана; П. И. Денисенко. Из истории машинно-тракторных колонн и первых машинно-тракторных станций. «Исторические записки». Т. 48. 1954; Н. А. Никольская. Борьба Коммунистической партии за создание и укрепление МТС (1927—1932 гг.). «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 42, вып. 3, 1955; А. В. Швецов. Роль МТС в борьбе за выполнение решений XVI съезда ВКП(б) по вопросам колхозного движения. «Ученые записки» Хабаровского педагогического института. Т. I. 1956; Ю. С. Родина. Роль МТС в борьбе Коммунистической партии за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства (первая пятилетка). «Ученые записки» Рязанского педагогического института. Т. XVI. 1957; И. И. Ширяев. Борьба Коммунистической партии за создание и укрепление МТС в годы первой пятилетки. «Труды» Воронежского инженерно-строительного института. Сборник 7. 1957; К. Л. Байрамов. Тракторные колонны и первая МТС в Татарии. Сборник научных работ Казанского медицинского института. 1957; С. К. Жакупбеков. Создание и укрепление материально-технической базы МТС в Казахстане

Немало сделано в области изучения развития кооперации в деревне и ее роли в подготовке коллективизации. Появились книга Я. А. Кистанова по истории потребительской кооперации в СССР (М. 1951), брошюры И. Г. Булатова о роли кооперации в подготовке сплошной коллективизации (М. 1960), В. Н. Голикова о развитии сельскохозяйственной кооперации в 1921—1929 гг. (Алма-Ата, 1956), ряд статей о возникновении и развитии крестьянских производственных кооперативов, о роли контрактации [42]. Это направление в литературе должно получить дальнейшее развитие и привести к созданию исследовательских трудов о системах снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации, о формах производственного кооперирования (посевные, мелиоративные, семеноводческие товарищества и т. п.).

Имеются и такие вопросы социалистического преобразования деревни, к изучению которых, по сути дела, ученые только еще приступают. Слабо исследовано развитие колхозов накануне сплошной коллективизации — в 1926—1929 годы. Если о колхозном строительстве в годы революции, гражданской войны и в восстановительный период у нас есть ряд крупных специальных работ [43], то о развитии колхозов в предшествовавший коллективизации период, особенно в 1928—1929 гг., даже статьи насчитываются единицами [44]. О колхозном строительстве этого периода мо-

---

в первой пятилетке. «Ученые записки» Казахстанского государственного университета. Т. 31, вып. 3, 1957; А. К. Текуев. Роль МТС в развитии колхозного движения (1927—1929 гг.). «Ученые записки» Кабардино-Балкарского государственного университета. Вып. I, 1957; А. Д. Аветисов. Роль МТС в создании и укреплении колхозного строя. «Труды» Кубанского сельскохозяйственного института. Вып. 5, 1958, и др.

[42] И. В. Загоскина. Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в подготовке массового колхозного движения (1927—1929 гг.). «Исторические записки». Т. 39. 1952; И. Г. Булатов. Контрактация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. «Вопросы истории», 1953, № 4; В. П. Данилов. О простейших формах производственного кооперирования крестьянства. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 3. 1954; К. Г. Чаптыков. Производственное кооперирование крестьянских хозяйств в Хакасии в 1925—1929 годах. «Вопросы истории», 1955, № 8; Г. В. Палутов. Кооперативное движение в Марийской области до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства. «Труды» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 7, 1955; Л. И. Яковенко. Роль контрактации сельскохозяйственных продуктов в подготовке массового колхозного движения в Таджикистане (1927—1929 гг.). «Ученые записки» Сталинабадского педагогического института. Т. 22, вып. 3, 1957; Ф. А. Каревский. Развитие сельскохозяйственной кооперации в Среднем Поволжье. «Ученые записки» Куйбышевского педагогического института. Вып. 18, 1957; Л. С. Келлер. Кооперативное строительство в нижегородской деревне в 1926—1927 гг. «Труды» Горьковского педагогического института. Т. 25. История. Сборник 6. 1957; Ю. С. Афанасьев. Сельскохозяйственная кооперация в Костромской губернии в первый период нэпа. «Вестник ЛГУ». № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. I, 1957; М. И. Овчинникова. Из истории производственного кооперирования крестьянства на Северном Кавказе (1928—1929 гг.). «Ученые записки» Ростовского государственного университета. Т. 63, вып. 3. 1958; И. В. Анохин. Сельскохозяйственная кооперация Московской губернии в 1921—1930 гг. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки. № 1. 1960, и др.

[43] Кроме уже упоминавшихся весьма ценных книг И. А. Конюкова и А. Ф. Чмыги, укажем следующие работы: А. К. Касьян. Первые шаги колхозного строительства в омской деревне. Омск. 1958; его же. Колхозное строительство в омской деревне в первые годы нэпа (1921—1927 гг.). «Ученые записки» Омского педагогического института. Вып. 9. 1958; Н. В. Черненко. Колхозное строительство на Украине в первые годы нэпа (1921—1923 гг.). «Труды» Киевского технологического института легкой промышленности. Вып. 10. 1958; В. Н. Яковцевский. Колхозное строительство в восстановительный период (1921—1925 гг.). «Очерки по истории народного хозяйства СССР». Сборник статей. М. 1959; Г. М. Речета. К вопросу о формах организации и оплаты труда в колхозах Украины в начальный период колхозного строительства (1921—1925 гг.). «Ученые записки» Харьковского педагогического института. Т. 5. 1959; В. А. Милованов. Динамика колхозного движения в Белоруссии в восстановительный период (1921—1925 гг.). «Из истории социалистического строительства Советской Белоруссии». Сборник статей. Минск. 1959, и др.

[44] Специально этому периоду в истории колхозов посвящены статьи И. Л. Шермана «Организационно-хозяйственное развитие колхозов Украины в 1927—1928 гг.». («Научные записки» Харьковского педагогического института. Т. 19. 1957) и Е. В. Ивановой «Первый период колхозного строительства в Тюменском округе (1919—1929 гг.)»

жно почерпнуть сведения по большей части в общих работах. Однако у нас еще нет серьезных исследований о внутренней организации колхозов, их развитии, взаимоотношениях с единоличным крестьянством, системой кооперации в целом, с государством.

Особенностью историографии процесса сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР является то, что в ней преобладают работы общего характера, рассматривающие весь комплекс вопросов. До недавнего времени даже статьи посвящались, как правило, процессу коллективизации сельского хозяйства в целом. Ограничения тематики сводились к сужению территориальных или хронологических рамок[45]. Крайне редко историк избирал для специальной разработки отдельную проблему. Для начального этапа исследовательских работ такой подход к решению задачи был, пожалуй, неизбежным. Прежде чем приступать к глубокому изучению отдельных проблем, нужно было их наметить, определить хотя бы в общем виде круг вопросов, подлежащих исследованию. Дальнейшее развитие науки настоятельно требует глубокого и всестороннего исследования коренных проблем как важнейшей предпосылки научного обобщения, воссоздания картины в целом.

Переход к разработке специальных проблем стал наблюдаться только в последние годы. Об этом свидетельствует появление ряда интересных статей о ликвидации кулачества как класса, написанных на основе нового фактического материала[46], о роли МТС[47] и совхозов[48] в коллективизации сельского хозяйства. Появились первые статьи, посвященные таким отдельным проблемам развития колхозов в период проведения

(«Ученые записки» Тюменского педагогического института. Т. V, вып. 2, 1958), а также брошюры А. И. Кувшинского «Колхозное строительство в Марийской АССР в 1918—1929 гг.» (Йошкар-Ола. 1959) и Е. И. Устюжанина «Колхозное строительство в Татарии в начальный период индустриализации страны (1926—1928 гг.)» (Казань. 1959).

[45] М. Н. Черноморский. Начало сплошной коллективизации в бывшем Тамбовском округе ЦЧО (1929—1930 гг.). «Известия АН СССР». Т. IV. № 5. 1947; П. Н. Шарова. Великий перелом в сельском хозяйстве. «Вопросы истории», 1949, № 5; ее же. Коллективизация сельского хозяйства и создание социалистических производственных отношений в деревне. «Исторические записки». Т. 48, 1954; Г. К. Плющев. Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Курском округе (1928—1930 гг.). «Ученые записки» Курского педагогического института. № 2. 1949; А. Ф. Чмыга. Год великого перелома в колхозном строительстве на Украине. «Вестник МГУ». Т. 4. Серия общественных наук. № 2. 1951; Н. В. Гусев. Год великого перелома в сельском хозяйстве Орловской губернии. «Ученые записки» Елецкого педагогического института. Вып. I, 1955; А. А. Протопопов. Год великого перелома в колхозном строительстве на Харьковщине. «Ученые записки» Харьковского государственного университета. Т. 62. 1955; И. Н. Новиков. Коллективизация сельского хозяйства Омской области (1928—1932 гг.). Омск. 1956; Л. В. Шапошникова. Начало массового колхозного движения в нижегородской деревне. «Труды» Горьковского педагогического института. Т. 25. № 6. 1957; В. Н. Пейгашев. Коллективизация сельского хозяйства Ставропольского края (1927—1932 гг.). «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. 16. 1958; Ф. А. Каревский. Начало коллективизации сельского хозяйства в Среднем Поволжье (до XVI съезда партии). «Ученые записки» Куйбышевского педагогического института. Вып. 20, ч. 3. 1958; В. И. Новиков. Коллективизация сельского хозяйства на Псковщине. «Ученые записки» Псковского педагогического института. Вып. 5, 1958, и др.

[46] П. В. Семернин. О ликвидации кулачества как класса. «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; В. К. Медведев. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае. «История СССР», 1958, № 6; Е. В. Иванова. Борьба с кулачеством в ходе строительства коллективных форм хозяйства в деревне (Тюменский округ). «Ученые записки» Могилевского педагогического института. Вып. 2, 1956.

[47] См. сноску 41.

[48] М. Л. Богденко. Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг. (глава III); Г. М. Демидов. Роль совхозов в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (по материалам Урала). «Ученые записки» Уральского государственного университета. Вып. 24, 1958; В. И. Лаврентьев. К вопросу о роли совхозов в развитии колхозно-кооперативной собственности. «Вопросы истории», 1959, № 9, и др.

сплошной коллективизации, как организация труда колхозников и решение вопроса о колхозных кадрах[49].

Как в работах общего характера, так и в специальных исследованиях много места уделяется изучению мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства, во-первых, по организации колхозов, объединению крестьян-единоличников в колхозы и, во-вторых, по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, по налаживанию их производства. Характерно, что первая группа мероприятий 1930—1932 гг. (главным образом 1930—1931 гг.) изучена более обстоятельно. Что же касается дальнейших лет, прежде всего периода 1933—1934 гг., когда задача объединения единоличников в колхозы еще не была снята, особенно в районах потребляющей полосы, деятельность партии по решению этой задачи не исследована. Поэтому нельзя сейчас сказать, что у нас процесс коллективизации изучен в целом — с момента его возникновения до завершения.

Несколько лучше обстоит дело с исследованием второй группы мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Если раньше их изучение начиналось только с 1932—1933 гг. (например, работа Г. М. Овсянникова, первое издание книги С. П. Трапезникова), то теперь, начиная с книги М. А. Краева, уделяется внимание осуществлению подобных мероприятий и в 1930—1931 гг. (С. П. Трапезников, А. Б. Турсунбаев, томские историки В. Н. Петров и С. Е. Козлов). Однако их освещение, когда речь идет о мероприятиях 1930—1931 гг., нельзя признать достаточным.

Бросается в глаза одна особенность. В работах по истории деревни 1930—1932 гг. авторы прослеживали путь крестьянина только до ворот колхоза. Но стоило единоличнику превратиться в колхозника, как он уже переставал интересовать историков. Развитие колхозов в 1930—1932 гг., их организационно-хозяйственное состояние, производственная деятельность, организация труда и быта, распределение доходов, взаимоотношения колхозников, колхозное самоуправление — все эти вопросы фактически не изучались.

В последние годы известное улучшение наблюдается и в этом отношении. М. А. Краев, например, специально рассматривает вопрос об образовании общественного хозяйства артели. Правда, он счел достаточным сопоставить показатели за 1928 и 1934 гг., не раскрывая промежуточных звеньев процесса, не характеризуя самый процесс. В брошюре С. И. Сдобнова освещается создание неделимых фондов в артелях как важнейшего звена в процессе возникновения колхозной собственности[50].

---

[49] В. Н. Петров. Организация труда в колхозах (1930—1934 гг.). «Труды» Томского государственного университета. Т. 137. 1957; В. З. Юрченко. Вопросы организации труда в колхозах. Днепропетровск. 1958 (первый раздел этого экономического исследования — около 40 стр. — посвящен организации труда в колхозах с 1917 по 1940 г.); С. Е. Козлов. Борьба партии за организацию труда в колхозах в период сплошной коллективизации. «Ученые записки» Томского педагогического института. Т. XVI. 1957; его же. Борьба партии за разрешение проблемы колхозных кадров в первой пятилетке. «Ученые записки» Томского педагогического института. Т. XIII. 1955; А. Прозоров. Из истории борьбы комсомольской организации Дона за коммунистическое воспитание колхозной молодежи и за подготовку кадров колхозного строительства в 1929—1930 гг. «Ученые записки» Ростовского государственного университета. Т. 31, вып. 1, 1955; М. Ф. Подъячева. Из истории деятельности Коммунистической партии в области создания кадров специалистов через сельскохозяйственные вузы и техникумы в годы коллективизации. «Ученые записки» Ростовского-на-Дону университета. Т. 50, вып. 3, 1957; Ю. В. Арутюнян. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг. М. 1960; Н. А. Лысенко. Деятельность Коммунистической партии Украины по подготовке и воспитанию колхозных кадров в период коллективизации сельского хозяйства (1930—1932 гг.). Одесса, 1959; Е. И. Ларькина. Подготовка колхозных кадров в период массовой коллективизации. М. 1960.

[50] С. И. Сдобнов. Возникновение и развитие колхозной собственности в СССР. М. 1956.

С. П. Трапезников в своей последней книге кратко показывает основные черты общественного хозяйства артелей, организацию труда в них, некоторые принципы распределения доходов. Однако эти вопросы освещены почти без использования конкретного материала, а главное, как и у М. А. Краева, вне связи с процессом коллективизации, с обстановкой в деревне. К каким последствиям это приводит, говорит следующий пример. С. П. Трапезников много внимания уделяет борьбе с перегибами в колхозном строительстве весной 1930 г., с отливом крестьян из колхозов, с распадом колхозов. Этим вопросам посвящен специальный параграф. Росту же сохранившихся за это время колхозов, первому весеннему севу, проведенному ими, выяснению причин их прочности автор уделил менее 2 страниц, на которых привел некоторые цифровые показатели итогов весеннего сева. А ведь большая часть колхозов в зерновых районах, изучаемых С. П. Трапезниковым, сохранилась. Рассказать о них, конечно, следовало.

В. В. Бондаренко в книге «Развитие общественного хозяйства колхозов Украины в годы довоенных пятилеток» (Киев. 1957) также описывает борьбу с перегибами, с распадом колхозов, но ничего не сообщает читателю об общественном хозяйстве сохранившихся колхозов. А они охватывали, как он сам отмечает, 38% крестьянских хозяйств.

Внутренняя жизнь колхозов в тот период совсем не освещается другими авторами. Исследователи еще не дали ответа на вопрос о том, что представлял собою колхоз первых лет коллективизации. Если мы хотим проследить и показать процесс становления социалистических производственных отношений в деревне, раскрыть закономерности этого процесса, этот ответ необходим.

Развитию колхозного производства, организации труда колхозников, внутренней жизни колхозов больше внимания уделяется при освещении событий 1933—1934 годов. За последнее время велось, в частности, весьма интенсивное изучение мероприятий по укреплению колхозов, прежде всего деятельности политотделов МТС и парторганизаций[51]. Однако социальные отношения в деревне, положение в колхозах показаны в них бегло, иллюстративно. Специальных трудов о жизни деревни в этот период, о развитии колхозов мы еще не имеем.

---

[51] Т. Т. Тулебаев. Политотделы МТС Казахстана в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Алма-Ата. 1955; Г. И. Волченков. Политотделы МТС Московской области и их роль в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1933—1934 гг. «Исторические записки». Т. 58. 1956; А. В. Бакунин. Из опыта работы политотделов МТС в колхозах Урала (1933—1934 гг.). «Труды» Уральского машиностроительного института. Сборник 68. 1957; Ф. А. Каревский. Партийная и массово-политическая работа политотделов МТС Средней Волги (1933—1934 гг.). «Ученые записки» Куйбышевского педагогического института. Вып. 18. 1957; Т. Х. Мирзабабаев. Роль политотделов МТС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов Узбекской ССР (1933—1934 гг.). «Научные записки» Ташкентского финансово-экономического института. Вып. 9. 1957; Т. Дуйшемалиев. Политотделы МТС в борьбе за усиление партийного руководства колхозами Киргизии и их организационно-хозяйственное укрепление (1933—1934 гг.). «Труды» Института истории АН Киргизской ССР. Вып. 3. 1957; И. А. Громов. Политотделы МТС Татарской АССР в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1933—1934 гг. Сборник научных работ Казанского медицинского института. Вып. 3. 1957; А. В. Лосев. Партия большевиков в борьбе за организационно-хозяйственное и политическое укрепление колхозов. «Труды» Воронежского инженерно-строительного института. Сборник 3. 1951; Р. И. Натко. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1930—1934 гг. «Ученые записки» Туркменского государственного университета. Вып. 3. Ашхабад. 1956; В. М. Шилохвостов. Перестройка работы сельских партийных организаций и усиление их роли в организационно-хозяйственном укреплении колхозов (1933—1934 гг.). Академия общественных наук при ЦК КПСС. Сборник статей по вопросам истории КПСС. 1957; С. И. Лаптев. Партийные организации Северного Кавказа в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933—1934 гг.). «Ученые записки» Ростовского педагогического института. Кафедра истории КПСС. Вып. 4. 1958, и др.

Работы о деятельности политотделов МТС и организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1933—1934 гг. составляют последнюю группу исследований по истории становления колхозного строя в СССР. Между тем социалистическая реконструкция деревни не закончилась с ликвидацией политотделов МТС. Выработка и принятие в 1935 г. на Втором съезде колхозников-ударников Примерного устава сельскохозяйственной артели, в котором обобщался массовый опыт строительства и развития колхозов в стране, введение в колхозах нового Устава, сопровождавшееся подъемом производства, улучшением материального положения колхозников и налаживанием колхозного самоуправления,— вот основные мероприятия и процессы, завершившие социалистическое преобразование сельского хозяйства в нашей стране. Именно в 1935—1937 гг. было действительно завершено складывание социалистических производственных отношений в советской деревне, их оформление в законодательстве и на практике. Именно в этот период колхозный строй сложился в том виде, в каком он просуществовал до начала 1958 г., до реорганизации системы МТС и осуществления других мероприятий по дальнейшему развитию колхозного строительства.

Между тем в историографии колхозного строительства сохраняется периодизация, данная в «Кратком курсе истории ВКП(б)», согласно которой социалистическое преобразование сельского хозяйства завершается в 1934 году. Только теперь стали появляться работы, в которых прослеживается развитие колхозного строя и после 1934 г., уделяется внимание и Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1935 года[52]. Однако в большинстве случаев конкретный процесс перевода колхозов на этот Устав (что, собственно говоря, практически завершило становление и оформление социалистического строя в деревне) авторами не освещается.

За последние годы стала интенсивно изучаться история колхозного строительства в национальных республиках[53]. В имеющихся по этой про-

---

[52] См. монографии М. А. Краева и С. П. Трапезникова, а также статьи: Д. Е. Шемеков. Партийная организация Молдавии в борьбе за завершение коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов республики во второй пятилетке. «Ученые записки» Кишиневского педагогического института. Серия гуманитарных наук. Т. 2, 1954; К. А. Богомолова. К вопросу организационно-хозяйственного укрепления колхозов Таджикистана (1930—1936 гг.). «Известия» Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып. 8. 1956; Е. И. Устюжанин. Завершение коллективизации сельского хозяйства и борьба за укрепление колхозов в Татарии (1933—1937 гг.). «Ученые записки» Казанского педагогического института. Вып. 12. 1957; А. В. Бакунин. Борьба партийных организаций за внедрение Примерного устава сельскохозяйственной артели в колхозах Урала (1935—1936 гг.). «Труды» Уральского политехнического института. Сборник 88. 1959; А. Г. Давтян. Борьба Коммунистической партии Армении за организационно-хозяйственное укрепление колхозов во 2-ой пятилетке (1933—1937). Сборник научных трудов Ереванского педагогического института. Вып. 7. 1959; Г. Л. Санжиев. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Бурят-Монгольской АССР в годы второй пятилетки. Улан-Удэ. 1957.

[53] Помимо работ ранее названных авторов, укажем следующие: С. А. Нейштадт. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР в 1917—1937 годах (от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм). Алма-Ата. 1957; Ф. И. Колодин. Товарищества по совместной обработке земли (тозы) в Казахстане в годы первой и второй пятилетки. «Труды» Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Т. 2. 1956; И. Ергазиев. Из истории кооперативно-колхозного строительства в Казахстане. Алма-Ата. 1956; Б. Усербаев. Борьба Кзыл-Ординской партийной организации за коллективизацию сельского хозяйства (1927—1934 гг.). «Ученые записки» Кзыл-Ординского педагогического института. Т. 3. 1957; А. Ю. Ибрагимова. Сплошная коллективизация сельского хозяйства Ферганской долины (1929—1932 гг.). «Труды» Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Вып. 9. Ташкент. 1956; А. А. Каримов. Основные этапы развития колхозного строительства Узбекской ССР (1929—1941 гг.). «Ученые записки» Ташкентского педагогического института иностранных языков. Вып. 1. 1956; А. Шарипов. Победа колхозного строя в Бухарской области. Ташкент. 1958; С. С. Саидалиев. Борьба за осуществление ленинского кооперативного плана в Узбеки-

блеме работах раскрывается величайшее значение победы колхозного строя в переходе ранее отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию, показываются источники подъема материального благосостояния и культурно-технического уровня крестьянства некогда угнетенных колониальных окраин. Свидетельством роста после XX съезда КПСС научного уровня работ по истории социалистического преобразования сельского хозяйства в национальных республиках служит существенный сдвиг в решении сложного вопроса о соотношении общего и особенного, об общих закономерностях и специфических чертах этого преобразования.

Известно, что раньше этому вопросу историки почти совсем не уделяли внимания. В их изображении процесс коллективизации сельского хозяйства, например, в восточных республиках мало чем отличался от процесса коллективизации в Европейской части Союза ССР. В работах, опубликованных в 1956—1960 гг., вопрос о специфике социалистических преобразований в зависимости от местных условий занимает большое место. Обстоятельно показываются мероприятия Коммунистической партии и Советского государства, облегчающие переход крестьян ранее отсталых районов на путь колхозов.

Началось изучение истории социалистической реконструкции сельского хозяйства в республиках Прибалтики, в Молдавии, Западной Украине и Западной Белоруссии, воссоединившихся с нашей страной после того, как в СССР уже был в основном построен социализм [54]. Однако сделано еще немного. Предстоит большая работа по исследованию процесса становления социалистического общественного строя в этих районах.

Историки уделяли много внимания возникновению социалистического

стане. Ташкент. 1958; О. Б. Джамалов. Из истории коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане. «Вопросы истории», 1958, № 11; О. Н. Шолохова. Особенности коллективизации сельского хозяйства Узбекской ССР. «Труды» Ташкентского сельскохозяйственного института. Вып. 12. Общественные науки. 1958; А. Маматюсупов. Переломные годы в сельском хозяйстве Киргизии. Фрунзе. 1957; Р. И. Врадий. Тозы в Киргизии. «Труды» Института истории АН Киргизской ССР. Вып. 4. 1958; М. М. Яхьяев. Коллективизация сельского хозяйства в Таджикской ССР (1930—1935 гг.). «Ученые записки» Сталинабадского педагогического института. Т. 15, вып. 2. 1956; Б. А. Антоненко. Подготовка массовой коллективизации в Таджикистане. «Очерки по истории Таджикистана». Т. 1. Сталинабад. 1957; М. Мирзоев. Из истории массовой коллективизации в 1930—1932 гг. (там же); Х. Мухамедов. К истории борьбы Коммунистической партии за коллективизацию сельского хозяйства Таджикистана в годы первой пятилетки. «Ученые записки» Ленинабадского педагогического института. Вып. 8. История. 1958; И. Петренко. К истории коллективизации сельского хозяйства Кабарды (1929—1934). «Ученые записки» Кабардинского научно-исследовательского института. Т. II. Нальчик. 1954; М. И. Гиоев. Победа колхозного строя в Северной Осетии. Орджоникидзе. 1957; Н. В. Даниялова. Коллективизация сельского хозяйства Дагестана и ее своеобразие. «Ученые записки» Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. 5. 1958; М. А. Андреев. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Чувашской АССР. Чебоксары. 1956; В. Н. Давыдов. Подготовка и начало массовой коллективизации в Коми области. Сыктывкар. 1959; К. И. Шибанов. Борьба за коллективизацию сельского хозяйства Удмуртии. «Записки» Удмуртского института истории, языка и литературы. Вып. 12. Ижевск. 1949; А. А. Избекова. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Хабаровск. 1958; Н. М. Ковязин. Колхозное строительство в национальных округах Крайнего Севера СССР. «Известия» Всесоюзного географического общества. Т. 87, вып. 1. М.-Л. 1955; К. В. Стратиевский. Победа колхозного строя в Молдавской ССР. «Ученые записки» Кишиневского педагогического института. Т. II. 1958, и др. Кроме того, имеется большая литература по истории коллективизации сельского хозяйства, изданная на национальных языках республик.

[54] А. П. Банник. Роль политотделов МТС западных районов Молдавской ССР в организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1950—1952 гг. «Ученые записки» Кишиневского педагогического института. Т. 2. 1954; С. Я. Афтенюк. Восстановление сельского хозяйства Молдавии и переход к коллективизации крестьянских хозяйств западных районов республики (1944—1948 гг.). «Ученые записки» Кишиневского педагогического института. Т. 4. 1955; С. К. Брысякин,

строя в деревне, революционному преобразованию сельского хозяйства, выяснению закономерностей и особенностей этого всемирно-исторического процесса. Однако не менее важно и интересно изучение развития уже сложившегося нового строя в деревне, его закономерностей и особенностей, исследование истории колхозного крестьянства в эпоху победившего социализма. Этот период характеризуется такими замечательными явлениями, как небывалый культурно-технический рост крестьянства, мощный трудовой и политический подъем, огромнейший вклад крестьянства в строительство социалистического общества и его защиту от гитлеровских захватчиков.

Для изучения истории колхозного строя и советского крестьянства после завершения социалистической реконструкции сельского хозяйства сделано пока еще мало. В общих работах по экономическим проблемам колхозного строительства М. А. Краева (1954), В. З. Юрченко (1958) и О. Б. Джамалова (1959) есть отдельные сведения за вторую или третью пятилетку, но конкретной характеристики развития колхозов в эти годы названные авторы не дают. Особенно характерна в этом отношении уже упоминавшаяся книга В. В. Бондаренко. Если в первой половине работы наряду с вопросами развития производства освещается история подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства на Украине, то есть развития и перестройки общественных отношений крестьянства, то вторая половина посвящена исключительно узкопроизводственным вопросам (агрикультура, земледелие и т. п.).

Начало исследовательской разработке проблем истории колхозного строя в предвоенный период положено за последние два-три года. На страницах центральных и местных научных изданий появились статьи о развитии социалистического сельского хозяйства [55], о решении проблемы кадров специалистов в колхозах и технической реконструкции сельского хозяйства [56] и деятельности местных партийных организаций по реше-

---

М. К. Сытник. Из истории первых революционных преобразований в сельском хозяйстве Правобережной Молдавии (1940—1941 гг.). «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XVI. 1955; М. Новицкий. По пути, указанному Коммунистической партией (коллективизация сельского хозяйства западных районов Молдавской ССР). Кишинев. 1958; В. И. Царанов. Из истории коллективизации сельского хозяйства западных районов Молдавии. «История СССР», 1959, № 5; С. С. Гуцул. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Молдавской ССР (1950—1953 гг.). «Ученые записки» Кишиневского педагогического института. Т. 12. 1959; И. П. Лысенко. Борьба КПСС за сплошную коллективизацию сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов Северной Буковины в 1940—1950 гг. Сборник статей Московского инженерно-строительного института. Т. 28, вып. 2. 1957; П. И. Олекас. Борьба Коммунистической партии Литвы за социалистическое преобразование сельского хозяйства. «Вопросы истории», 1959, № 5. Здесь не указаны работы, изданные на национальных языках республик.

[55] Г. В. Палутов. Социалистическое сельское хозяйство Марийской АССР накануне Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 6. 1954; М. А. Вылцан. Подъем колхозного производства во второй пятилетке (1933—1937). «Вопросы истории», 1958, № 9; П. И. Антонов. Социалистическое сельское хозяйство Казахстана в годы второй пятилетки. «Ученые записки» Казахстанского государственного университета. Т. 36, вып. 3. 1958; Г. М. Вайнман. Развитие земледелия в колхозах Пензенской области в годы предвоенных пятилеток. Сборник трудов Пензенского сельскохозяйственного института. Вып. 2. 1958; Б. Омаров. Успехи колхозного строительства в Дагестане в годы третьей пятилетки. «Ученые записки» Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. 4. 1958; Л. И. Сурина. Механизация сельского хозяйства Коми АССР в годы второй и третьей пятилеток. «Историко-филологический сборник». Вып. 4. Сыктывкар. 1958.

[56] Ю. В. Арутюнян. Указ. соч.; К. Г. Левыкин. Подготовка колхозных кадров в годы второй пятилетки. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки. № 1. 1958; его же. К вопросу об итогах механизации колхозного производства в годы второй пятилетки (1933—1937). «Вестник МГУ». Серия IX. № 1. 1960; К. П. Марсаков. Борьба за разрешение проблемы кадров колхозов и МТС в годы второй пятилетки. «Ученые записки» Кулябского педагогического института. Вып. 4. 1958, и др.

нию отдельных задач развития сельского хозяйства [57]. В 1959 г. вышли в свет исследовательские работы по истории колхозного строя в предвоенные годы М. А. Вылцана и Дж. Уметова [58]. На основе конкретного материала, в значительной мере извлеченного из архивов, авторы освещают ранее мало изученные проблемы.

Такие вопросы, как соцсоревнование и движение новаторов производства, которые столь важны для понимания истории социалистического общества, до сих пор мало изучены. Можно назвать лишь статьи В. Б. Островского о возникновении массового соцсоревнования в деревне в 1929—1930 гг., Н. А. Платоновой, Н. А. Мельникова, А. Абишева, К. В. Стратиевского и Н. А. Бессарабова по отдельным вопросам развития социалистического соревнования в колхозах за годы второй и третьей пятилеток, Р. Х. Аминовой и В. П. Шерстобитова о трудовом подъеме крестьянства Узбекистана и Киргизии в борьбе за воду в 1939—1940 годах [59]. В разработке этих тем историки колхозного крестьянства намного отстали от историков советского рабочего класса, создавших ряд ценных монографий, не говоря уже о многочисленных статьях по истории возникновения соцсоревнования и движения новаторов в промышленности.

Несколько лучше изучена проблема производственной активности колхозного крестьянства в период Великой Отечественной войны. В по-

---

[57] Ф. И. Поташев. Борьба партийной организации Ростовской области за усиление государственного руководства колхозами (1935—1940 гг.). «Ученые записки» Ростовского педагогического института. Кафедра истории КПСС. Вып. 2. 1956; его же. Партийная организация Ростовской области в борьбе за развитие животноводства в колхозах (1935 г.— июнь 1941 г.). Там же. Вып. 4. 1958; А. Ф. Калинин. Перестройка работы партийных и советских органов по руководству сельским хозяйством во второй пятилетке (по материалам Ленинградской области). «Вестник ЛГУ». № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. 1958; Ф. И. Кривохижа. Партийная организация Ставрополья в борьбе за обводнение и орошение края в период второй и третьей пятилеток. «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. 10. 1955; его же. Партийная организация Ставропольского края в борьбе за развитие сельского хозяйства в период второй пятилетки. Там же. Т. 13. 1956; З. А. Плясова. Борьба партийных организаций Западной Сибири за ликвидацию нарушений Устава сельскохозяйственной артели (1938—1941 гг.). Сборник научных трудов Томского инженерно-строительного института. Т. 6. 1959; А. Ф. Землянский. Ярославская областная парторганизация в борьбе за выполнение решений XVIII съезда ВКП(б) в области сельского хозяйства. «Ученые записки» Ярославского педагогического института. Вып. XXV. 1958; Е. В. Зайцев. Мероприятия Коммунистической партии по укреплению общественного хозяйства колхозов в 1939 г. «Труды» Таганрогского радиотехнического института. Вып. 2. 1958.

[58] М. А. Вылцан. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937). М. 1959; Дж. Уметов. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Киргизии в годы 3-й пятилетки. Фрунзе. 1959.

[59] В. Б. Островский. Начало массового социалистического соревнования в деревне (первая половина 1929 г.). «Из истории Великой Октябрьской революции и социалистического строительства». Сборник статей. Саратов. 1958; его же. Социалистическое соревнование в дни первой колхозной весны 1930 года. «Ученые записки» Саратовского государственного университета. Т. LIX. Выпуск кафедры истории КПСС. 1958; Н. А. Платонова. Социалистическое соревнование в колхозной деревне в годы третьей пятилетки и дальнейший культурно-политический рост колхозного крестьянства. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. LX, вып. 1. 1957; А. Абишев. Развитие социалистического соревнования в колхозах Алма-Атинской области в 1935—1937 годах. «Ученые записки» Алма-Атинского педагогического института. Т. 14. 1957; Н. А. Мельников. Политотделы МТС — организаторы социалистического соревнования в колхозном производстве. «Труды» Ленинградского кораблестроительного института. Вып. 24. 1959; Н. А. Бессарабов. Партийные организации Украины — организаторы социалистического соревнования и распространения передового опыта в области сельского хозяйства в предвоенные годы третьей пятилетки. «Труды» кафедр общественных наук Львовского университета. Вып. 1. 1954; К. В. Стратиевский. Предпосылки трудового подъема колхозного крестьянства Молдавской АССР в годы второй пятилетки. «Ученые записки» Кишиневского педагогического института. Т. 4. 1955; Р. Х. Аминова. Народное движение в ирригационном строительстве Узбекистана (1939—1940 гг.). «Материалы к истории Советского Узбекистана». Сборник статей. Ташкент. 1957; В. П. Шерстобитов. Народное движение за преобразование природы Киргизии в годы третьей пятилетки. «Труды» Института языка и литературы и Института истории АН Киргизской ССР. Вып. V, 1956.

следние годы опубликовано несколько статей о патриотическом, прежде всего трудовом, подвиге колхозного крестьянства отдельных областей и республик[60]. Стали появляться исследования и по другим проблемам истории крестьянства и колхозного строя в годы борьбы против гитлеровского нашествия—развитие колхозного производства, МТС в 1941—1945 гг., борьба крестьян за сохранение колхозов и колхозного имущества на оккупированной врагом территории, восстановление колхозов в освобожденных от оккупантов районах[61]. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: почти вся работа по изучению истории крестьянства в этот период проделана на местах. Кроме устаревшей популярной брошюры Н. И. Анисимова «Колхозный строй в Отечественной войне. 1941—1945 гг.» (М. 1945), мы не можем назвать ни одной работы, которая освещала бы состояние деревни в целом, в масштабах всей страны. К сожалению, в стороне от выполнения этой важной задачи оказался и Институт истории АН СССР.

Разработка проблем развития колхозного строя после Великой Отечественной войны, особенно на современном этапе (1953—1959 гг.), вполне естественно, была начата экономистами, создавшими ряд трудов, выхо-

---

[60] Б. И. Ильин. Патриотическое движение саратовского крестьянства в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Саратовской областной партийной школы. Вып. 1. 1948; И. А. Падалкин. Патриотический и трудовой подъем колхозного крестьянства Воронежской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). «Известия» Воронежского педагогического института. Т. 19. 1955; Ф. А. Каревский. Патриотизм колхозного крестьянства Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Куйбышевского педагогического института. Вып. 15. 1955; Г. В. Палутов. Колхозное крестьянство Марийской республики в годы Великой Отечественной войны. «Труды» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 6. 1956; И. А. Каримов. Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. «Труды» Ташкентского сельскохозяйственного института. Серия общественно-политических наук. Вып. 3. 1958; А. Я. Кабилов. Парторганизация Таджикистана в борьбе за поднятие трудовой и политической активности колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Ленинабадского педагогического института. Вып. 5. 1957; А. Ф. Толмачева. Патриотический подвиг тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Тамбовского педагогического института. Вып. XVII. 1958; Л. В. Кудряков. Помощь колхозников Ивановской области фронту в 1941—1942 гг. «Ученые записки» Ярославского педагогического института. Вып. 25. 1958; Н. В. Озеринин. Патриотизм колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (по материалам Вологодской области). «Ученые записки» Череповецкого педагогического института. Т. 1. 1958; Т. А. Новрузов. Патриотическое движение колхозного крестьянства Азербайджанской ССР в помощь фронту и районам, освобожденным от фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны. «Известия» АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. № 3. 1958; В. И. Швыдченко. Трудовые патриотические подвиги колхозного крестьянства Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки» Марийского педагогического института. Т. 18, вып. 1. 1958; С. В. Ксенофонтов. Алтайская партийная организация во главе патриотического движения колхозников края в годы Великой Отечественной войны. «Вестник ЛГУ». № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. 1958; М. З. Данилюк. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны. «Вопросы истории», 1959, № 6; Х. Б. Кизебулатов. Патриотический вклад колхозного крестьянства Башкирии в годы Великой Отечественной войны. «Из истории Башкирской АССР». Сборник статей. Уфа. 1959; К. М. Щеголев. Борьба колхозного крестьянства Западной Сибири за обеспечение продовольствием фронта и тыла в период Великой Отечественной войны (1941—1942). «Из истории рабочего класса и колхозного крестьянства СССР». Сборник статей. М. 1959; Н. Я. Гущин. Партийная организация Новосибирской области во главе трудового подъема колхозного крестьянства в условиях войны. «Новосибирская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны». Сборник статей. Новосибирск. 1960.

[61] Е. С. Карнаухова. Колхозное производство в годы Отечественной войны. М. 1947; А. П. Теряева. Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. М. 1947; Ю. В. Арутюнян. Указ. соч.; М. Ф. Архипов. МТС Иркутской области в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей Иркутской ВПШ. Вып. 1, 1959; А. Г. Шевелев. К истории восстановления МТС на Украине (1943—1945 гг.). «Ученые записки» Киевского инженерно-строительного института. Вып. 2. 1958; Э. А. Воскобойников, В. М. Яковлев. Борьба Коммунистической партии Уз-

дящих в той или иной степени за рамки конкретной экономики или обсуждения перспектив хозяйственного строительства.

Историки (в том числе и историки народного хозяйства) еще только начинают включаться в работу по изучению развития сельского хозяйства в послевоенный период. Их внимание сосредоточено главным образом на разработке таких проблем, как борьба Коммунистической партии за восстановление и развитие сельского хозяйства по стране в целом, и в частности в районах, разоренных немецкими оккупантами (в Псковской и Ростовской областях, Ставропольском крае, Украинской и Молдавской ССР, Кабардино-Балкарской АССР) [62], восстановление и развитие хлопководства в Узбекской ССР [63], а также деятельность партийных организаций по укреплению и укрупнению колхозов (в Киргизии, Азербайджане, Кабардино-Балкарии и в Ростовской области) [64].

бекистана за обеспечение страны хлопком в годы Великой Отечественной войны. «Научные записки» Ташкентского финансово-экономического института. Вып. 9. 1957; У. Т. Токмурзин. Работа партийной организации Казахстана по перестройке сельского хозяйства республики в соответствии с задачами Великой Отечественной войны (1941 г.). «Ученые записки» Карагандинского педагогического института. Т. I. 1958; А. И. Залесский. Борьба за сохранение колхозного имущества на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР. «Вопросы истории», 1954, № 7; его же. Из истории колхозов в партизанских районах Белоруссии. «История СССР», № 4, 1958; его же. Правительственная и всенародная помощь колхозам Курской области в 1943 г. «Исторические записки». Т. 40. 1952; Г. С. Филимонова. Борьба колхозного крестьянства Курской области за восстановление сельского хозяйства после освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков (1943 г.). «Ученые записки» Коми педагогического института. Вып. 7. 1959; В. Белослудцев, И. Кутявин. Сельское хозяйство Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. «Записки» Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора. Вып. 13. 1950; С. П. Лаута. Сельское хозяйство Советской Украины в период Великой Отечественной войны. «Научные записки» Киевского финансово-экономического института. № 7. 1959.

[62] С. И. Ласковец. Борьба КПСС за восстановление и развитие колхозного производства (1946—1950 гг.). Сборник работ кафедр Ивановского энергетического института. 1958; М. С. Лебедев. Коммунисты Псковской области в борьбе за восстановление и развитие сельского хозяйства области в период 4-й пятилетки (1946—1950). «Ученые записки» Псковского педагогического института. Вып. 11. 1954; Т. Я. Коробченко. Борьба КПСС за восстановление и дальнейшее развитие общественного хозяйства колхозов в послевоенный период (на материалах Ставрополья). «Ученые записки» Пятигорского педагогического института. Т. 13, 1956; С. Копытов. О некоторых предпосылках подъема трудовой активности колхозного крестьянства в годы четвертой пятилетки (на материалах Ростовской области). «Ученые записки» Ростовского-на-Дону университета. Т. 50, вып. 3. 1957; В. Ф. Тимошенко. Из опыта работы Ростовской областной партийной организации по восстановлению и усилению роли МТС в колхозном производстве в годы четвертой пятилетки. «Труды» Ново-Черкасского политехнического института. Т. 56/70. 1957; П. А. Былков. Восстановление и развитие колхозов Харьковской области в четвертой пятилетке (1946—1950 гг.). «Ученые записки» Харьковского государственного университета. Т. 63. Труды экономического факультета. Вып. 1. 1955; В. Ф. Николаев. Партийные организации Украины в борьбе за восстановление и подъем социалистического сельского хозяйства республики в послевоенный период. «Исторические записки». Т. 41. 1952; У. А. Ушгов. Борьба партийной организации Кабардинской АССР за восстановление и развитие сельского хозяйства республики в послевоенный период (1946—1950 гг.). «Ученые записки» Кабардинского научно-исследовательского института. Т. 11. 1957, и др.

[63] В. И. Карасев. Борьба Коммунистической партии за восстановление и подъем сельского хозяйства Узбекистана (послевоенные годы). Ташкент. 1957; С. И. Ахмедов. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за дальнейшее развитие хлопководства в годы 4-й пятилетки (1946—1950 гг.). Ташкент. 1959.

[64] К. Сулейманов. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Из опыта партийной работы в Киргизской ССР в период послевоенной четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). Фрунзе. 1956; М. Н. Ломакин. Из истории борьбы партийной организации Кабарды за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1946—1950 гг.). «Ученые записки» Кабардино-Балкарского университета. Вып. 1. 1957; Л. И. Дубоносов. Деятельность партийной организации Ростовской области по укреплению колхозов и их организационно-хозяйственному укреплению в 1950—1951 гг. «Ученые записки» Ростовского педагогического института. Вып. 4. 1958;

Значение этих работ не подлежит сомнению, но и недостаточность их очевидна: они не дают цельного представления о жизни крестьянства и развитии колхозного строя в первый послевоенный период.

Задачи, поставленные партией в области идеологической работы, требуют создания глубоких научных трудов, непосредственно посвященных животрепещущим проблемам современности. Первостепенное значение приобретает изучение нового этапа в развитии колхозного строя, начало которому было положено историческими решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Огромная работа Коммунистической партии по преодолению серьезных трудностей в развитии сельского хозяйства, осуществление таких мероприятий, как освоение целинных земель на востоке страны, реорганизация МТС и изменение системы заготовок сельскохозяйственных продуктов, новый порядок планирования производства и усиление материальной заинтересованности колхозников,— все это создало условия для небывалого роста трудовой активности в деревне, для крутого подъема сельского хозяйства.

Естественно, что к изучению истории деревни последнего периода, истории укрепления и дальнейшего развития колхозного строя сразу обратилась значительная группа исследователей. За 1958—1960 гг. вышли в свет сборник статей «Новый этап в развитии колхозного строя» (М. 1959) и брошюры о борьбе за крутой подъем сельского хозяйства в центральных областях РСФСР, Западной Сибири, Узбекистане, Туркменистане, Кабардино-Балкарии и Гомельщине [65].

В научных журналах и «Ученых записках» стали публиковаться на эту тему статьи. Появление брошюр и статей по истории современной деревни является положительным фактом, свидетельствующим об укреплении связи научных учреждений с жизнью, с практикой советского народа. Об этом же говорит и тематика трудов, посвященных исследованию нового этапа в развитии сельского хозяйства. Опубликованные работы, за исключением общих, носящих обзорный характер [66], посвящены прежде всего разработке вопроса о руководящей и организующей роли партии в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства [67]. Значительная часть

А. Д. Мамедов. Борьба партийной организации Азербайджана за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов в годы пятой пятилетки и ее значение для упрочения союза рабочего класса и крестьянства. «Труды» Азербайджанского сельскохозяйственного института. Т. 8. Кировабад. 1959; А. В. Грудцина. Экономическое развитие колхозов Кабардино-Балкарии в послевоенный период (1945—1956 гг.). Нальчик. 1959.

[65] М. Я. Палатова. Борьба КПСС за осуществление решений сентябрьского Пленума ЦК партии (1953 г.) о подъеме общественного животноводства (по материалам Московской, Воронежской, Рязанской и Тамбовской областей). Тамбов. 1959; Б. А. Тулепбаев. Компартия Узбекистана в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1958 гг.). Ташкент. 1959; А. Х. Вороков. Парторганизация Кабардино-Балкарии в борьбе за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1958 гг.). Нальчик. 1959; В. Бураков. Сельское хозяйство Гомельщины на пути крутого подъема (1953—1957 гг.). Гомель. 1958; А. Д. Махтумов. Новый этап в развитии сельского хозяйства Туркменистана (1953—1958). Ашхабад. 1959; А. В. Шуклецов. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и подъем материального благосостояния колхозного крестьянства в 1953—1957 гг. (на материалах Новосибирской и Омской областей). М. 1960.

[66] П. Е. Дорошенко. Подъем сельского хозяйства после сентябрьского Пленума ЦК КПСС. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 3; Р. Н. Карташов. Развитие сельского хозяйства СССР после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. «Вопросы истории», 1957, № 11; П. И. Климов. Колхозная деревня после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953—1958 гг.). «История СССР», 1959, № 2; В. Е. Григоровский, В. Ф. Звонков. Сельское хозяйство СССР между XX и XXI съездами партии. «Ученые записки» кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 1. 1959.

[67] А. П. Банник. Борьба парторганизации Молдавии за выполнение исторических решений пленумов ЦК КПСС о крутом подъеме сельского хозяйства в колхозах (1953—1954 гг.). «Ученые записки» Кишиневского педагогического института, № 4, 1955; В. В. Гавронский. Перестройка работы сельских райкомов КП Молдавии в свете решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. «Труды» Кишиневского

статей освещает решение проблемы кадров механизаторов, специалистов и руководящих работников в колхозном производстве[68].

Изучение истории освоения целинных земель Казахстана и Сибири — героического подвига советского народа, прежде всего молодежи, огромной организаторской работы Коммунистической партии и Советского правительства, экономического и политического эффекта этого грандиозного мероприятия — только еще начинается. Историки Казахстана опубликовали ценный сборник документов «Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель» (Алма-Ата. 1958). Ведется разработка таких важных тем, как борьба партийных организаций и комсомола за освоение целины[69].

Отмечая положительное значение работы, проделанной историками в области изучения нового этапа в развитии сельского хозяйства, необходимо сказать и о том, что развитие самих колхозов и колхозного крестьянства, изменения в жизни и деятельности тружеников сельского хозяйства еще не привлекли необходимого внимания исследователей.

сельскохозяйственного института. Т. XVI. 1958; Р. К. Акбердин. Борьба партийной организации Северо-Казахстанской области за осуществление мероприятий партии и правительства по крутому подъему сельского хозяйства (1953—1956 гг.). «Ученые записки» Петропавловского педагогического института. Вып. 2. 1957; И. Б. Алещенко. Деятельность КПСС по распространению передового опыта в сельском хозяйстве (1953—1956 гг.). Сборник статей по вопросам истории КПСС. М. 1957; А. Т. Юров. Борьба Ставропольской партийной организации за подъем зернового хозяйства в пятой пятилетке. «Ученые записки» Пятигорского государственного педагогического института. Т. XVI. Кафедра общественных наук. 1958; Д. Чершеев. Деятельность КПСС по повышению материальной заинтересованности колхозов и колхозников в развитии общественного производства (1953—1958). «Вопросы истории КПСС». [Сборник статей]. М. 1959; П. С. Абоянцев. Борьба коммунистов Новосибирской области за увеличение производства зерна (1953—1958 гг.). «Труды» Новосибирского инженерно-строительного института. Т. IX. 1959; И. С. Малышев. Борьба Смоленской партийной организации за дальнейшее развитие сельского хозяйства области в 1953—1957 гг. «Из истории Смоленского края». Сборник статей. Смоленск. 1958; В. П. Зайцев, П. И. Щелкунов. Ростовская партийная организация в борьбе за выполнение решений XX съезда партии о крутом подъеме сельского хозяйства. «Ученые записки» ВПШ при ЦК КПСС. История КПСС. Вып. 1, 1959; И. Д. Назаренко. Роль сельских первичных партийных организаций в подъеме сельского хозяйства Казахстана после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.). «Ученые записки» Казахстанского государственного университета. Т. 42, вып. 2, 1959, и др.

[68] Ю. В. Арутюнян. Указ. соч.; Н. П. Павлов. Борьба КПСС за укрепление кадров МТС (1951—1955 гг.). Ижевск. 1957; А. В. Мичурин. Деятельность партийных организаций по созданию и правильному использованию постоянных механизаторских кадров в МТС. Сборник статей по вопросам истории КПСС. М. 1957; В. А. Белов. Деятельность КПСС по укреплению МТС и колхозов руководящими кадрами и специалистами (1953—1956 гг.) (там же); И. Т. Пинегин. Работа Коммунистической партии Украины по укреплению руководящими кадрами сельских районов республики (1953—1955). «Труды» Харьковского политехнического института. Т. 23, вып. 3. 1957; М. С. Очкуров. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию массовых кадров сельского хозяйства в период пятой пятилетки (1951—1955). Сталинград. 1958; Е. Т. Федяева. Укрепление колхозов Туркменистана специалистами сельского хозяйства и руководящими кадрами в период борьбы за крутой подъем колхозного производства (1953—1955 гг.). «Известия» АН Туркменской ССР. № 1. 1958; М. К. Мещерина. Подготовка и повышение квалификации рабочих МТС в послевоенный период. «Записки» Воронежского сельскохозяйственного института. Т. XXVII, вып. 3. 1958; П. Т. Худяков. Подготовка сельскохозяйственных специалистов в пятой пятилетке (там же), и др.

[69] В. Анисков, В. Неверов. Комсомол Алтая в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Барнаул. 1958; И. Шамшатов. Борьба партийных организаций Казахстана за освоение целинных земель. Алма-Ата. 1959; Л. Н. Ульяно положение за освоение целины. Работа парторганизаций по освоению целинных го хозяйства. ной Сибири. М. 1959; А. Ф. Доброхотов. Коммунистическая парт С. П. Шевя- освоение целинных и залежных земель. «Научные доклады высшей ческой политике. ские науки. № 4. 1958; Е. М. Тяжельников. Коммунистическая 5. 1958; Ю. А. Потель и организатор массового трудового героизма новоселов в расслоения советской решений XX съезда партии. «Из истории революционного движен тник МГУ». Серия IX, строительства на Южном Урале». Сборник статей. Челябинск. 195
Партийная организация Алтая в борьбе за освоение целинных

Недостатки и пробелы, имеющиеся в изучении истории колхозного строительства, затрудняют создание обобщающего труда по истории социалистического преобразования сельского хозяйства и развития колхозного строя в СССР. Опыт показывает, что лишь по тем периодам, где имеются монографические исследования отдельных проблем, может нормально идти работа по обобщению, воссозданию общей картины исторического процесса и выяснению его закономерностей и особенностей.

Третья проблема, исследованием которой особенно усердно занимались многие советские историки за последние 5—7 лет,— это история развития и укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Выше уже говорилось об изучении роли союза трудящихся масс города и деревни в Октябрьской революции. Здесь коротко остановимся на характеристике литературы, посвященной данной проблеме периода строительства социализма и коммунизма в нашей стране. История взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в эту эпоху раскрывается в сборнике статей «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР», изданном Институтом истории в 1958 г., и в ряде монографических работ [70]. Большое число статей посвящено изучению борьбы Коммунистической партии за укрепление союза трудящихся города и деревни, исследованию руководящей роли рабочего класса, освещению политической, экономической и культурной помощи крестьянству со стороны рабочих (рабочее шефство, рабочие бригады, двадцатипятитысячники и т. д.) [71]. Большое внимание уделено развитию производственной смычки между городом и деревней. Однако следует отметить два характерных недостатка в работах по этой проблематике. Во-первых, в развитии союза рабочего класса и крестьянства слабо освещается период после 1935 года. Если по предшествующему времени очень часто работы дублируют друг друга, то по этому двадцатипятилетнему периоду они насчитываются единицами. Тем более отрадно появление монографий В. Н. Калашникова и М. Э. Ривлина. Во-вторых, сосредоточив все внимание на той колоссальной помощи, которую город оказывал деревне, наши исследователи мало пишут о вкладе крестьянства в дело укрепления союза с рабочим классом, в строительство социализма и коммунизма. Мы недостаточно разносторонне подходим к изучению проблемы союза двух братских классов.

★

Обзор литературы показывает, что в изучении истории советского крестьянства наряду с проблемами, более или менее интенсивно разраба-

1954—1955 гг. Сборник научных трудов Харьковского горного института. Т. 8. 1959; А. М. Султанов. Из истории участия советской молодежи в освоении целинных и залежных земель (1954—1956 гг.). «История СССР», 1959, № 6; Г. П. Сафронов. Партийная организация Красноярского края — организатор трудового подъема масс в борьбе за освоение целинных и залежных земель. «Труды» Сибирского лесотехнического института. Сб. 28. Красноярск. 1958; Л. С. Фришман. Братская помощь советских республик Казахстану в освоении целинных и залежных земель. «Ученые записки» Казахстанского государственного университета. Т. 38, вып. 4, 1959.

[70] А. П. Молчанова. Из истории борьбы за упрочение союза рабочего класса и крестьянства (партийно-массовая работа в деревне в 1924—1925 гг.). М. 1956; А. Х. Бурганов. Подъем материального благосостояния крестьянства — важнейшее условие укрепления союза рабочих и крестьян (1926—1934). Сталинабад. 1957; Н. П. Спектор. Партия — организатор шефства рабочих над деревней. М. 1957; Р. Я. Розенфельд. Двадцатипятитысячники. М. 1957; С. С. Ивашкин. Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии. Саранск. 1957; [illegible] Ривлин. Ленинградские рабочие — сельскому хозяйству (1953—1958). [illegible] горовский. [illegible] Калашников. Борьба КПСС за укрепление и развитие союза рабочих и колхозного крестьянства в период подготовки и введения новой Конституции СССР (1937 гг.). Чебоксары. 1959; Ю. С. Борисов. Двадцатипятитысячники. [illegible] съездами партии. [illegible] ческих решений плену. [illegible] Вып. 1. 1959.

[67] А. П. Бан[illegible] зах (1953—1954 гг.). «У[illegible]атей по истории союза рабочего класса и крестьянства столь ве[illegible] 1955; В. В. Гаврон[illegible]е их в рамках общего обзора итогов изучения истории советско[illegible] в свете решений сентябр[illegible]едставляется возможным. Оно должно составить задачу само-

тываемыми, имеются проблемы, исследуемые слабо или почти забытые. К их числу следует отнести прежде всего проблематику социально-экономической истории деревни, истории крестьянства как класса.

Изучение социально-экономических отношений крестьянства, например, в доколхозный период является обязательным условием научного освещения проблемы объективной необходимости социалистического преобразования сельского хозяйства, его значения в жизни советской деревни. Одной из актуальнейших задач советских историков является исследование процесса перехода ранее отсталых народов к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Выполнение этой задачи также предполагает глубокое научное освещение социального положения и экономического быта трудящихся масс. Именно на этом пути открываются большие возможности показать во всем величии замечательные достижения социализма в некогда колониальных окраинах России.

В 20-х годах социально-экономические процессы, происходившие в деревне, изучались довольно широко. По этим проблемам было написано немало книг и статей. Однако в подавляющем большинстве это были работы по конкретной экономике. Лишь немногие из них, да и то с натяжками, могут рассматриваться как исторические (например, А. М. Большакова, А. И. Хрящевой, М. И. Кубанина и ряда других авторов). В 30-е годы появились две книги по социально-экономической истории деревни [72]. За последние же 20 лет были опубликованы брошюры О. Б. Джамалова (упоминавшаяся выше) и А. Э. Куправы, а также несколько статей по истории социально-экономических отношений крестьянства в советской доколхозной деревне [73].

Эти брошюры и статьи — лишь первый шаг, только начало работ. Об этом свидетельствует не только их малочисленность, но и их содержание. Достоинством работы А. Э. Куправы является обстоятельное освещение мероприятий Советской власти в абхазской деревне за 1921—1925 годы. К сожалению, о социальных отношениях крестьянства автор говорит бегло, без привлечения значительного материала. Другие рабо-

---

[72] К. М. Шуваев. Старая и новая деревня (материалы исследования с. Ново-Животинного и дер. Моховатки Березовского района Воронежской обл.— за 1901, 1907, 1926 и 1937 гг.). М. 1937; А. Е. Арина, Г. Г. Котов, К. В. Лосев. Социально-экономические изменения в деревне. Мелитопольский район (1885—1938 гг.). М. 1939.

[73] А. Э. Куправа. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода (1921—1925). Сухуми. 1959; С. И. Ильясов. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. «Труды» Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР. Вып. 1. 1944. Фрунзе. 1945; М. Н. Черноморский. Выборочные обследования и крестьянские бюджеты как источники по истории социально-экономических отношений в деревне в годы нэпа. «Труды» Московского историко-архивного института. Т. 7. 1954; С. К. Брысякин. Социально-экономическая характеристика крестьянского хозяйства накануне коллективизации (по материалам Саратовской губернии). «Ученые записки» Кишиневского государственного университета. Т. XVI. 1955; Г. Г. Османов. Социально-экономические отношения в дагестанском ауле в 1921—1927 гг. «Ученые записки» Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. 1. Махачкала. 1956; В. П. Данилов. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации. «Исторические записки». Т. 55. 1956; его же. Земельные отношения в советской доколхозной деревне. «История СССР», 1958, № 3; В. Н. Давыдов. Социально-экономические сдвиги в коми деревне в 1926—1929 гг. «Труды» Коми филиала АН СССР. № 5. 1957; Л. Ф. Скляров. Великая Октябрьская социалистическая революция и ликвидация аграрного перенаселения в СССР. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института. Т. 152. 1958; И. Ш. Френкель. Социально-экономическое положение крестьянства в Курской губернии накануне коллективизации сельского хозяйства. «Ученые записки» Курского педагогического института. Вып. 8, 1958; С. П. Шевяков. Ярославская деревня в период перехода к новой экономической политике. «Ученые записки» Ярославского педагогического института. Вып. 25. 1958; Ю. А. Поляков. Указ. соч.; А. И. Калмыкова. О некоторых вопросах расслоения советской деревни в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). «Вестник МГУ». Серия IX, № 3, 1960.

ты большей частью посвящены выяснению одной проблемы — характеристике крестьянского хозяйства как основной производственной единицы сельскохозяйственного производства до победы колхозного строя (особенно статьи С. К. Брысякина, Г. Г. Османова и И. Ш. Френкеля). Это важный аспект рассмотрения проблемы. Изучение того, что собою представляло бедняцкое, середняцкое и кулацкое хозяйство с производственной точки зрения, является предпосылкой для выяснения места и характера классовых групп деревни, то есть степени и форм ее расслоения, для раскрытия системы общественно-экономических отношений крестьянства, наконец, для анализа развития классовой борьбы, ее форм и особенностей (для решения проблем, на которые приходится центр тяжести социально-экономической истории деревни).

Исследование общественно-экономических отношений крестьянства и составляет, собственно, предмет социально-экономической истории деревни. Но именно эта основная проблема еще не привлекла достаточного внимания историков.

В социально-экономической и политической истории переходного от капитализма к социализму периода большое место принадлежит классовой борьбе — борьбе социалистических и капиталистических элементов по принципу «кто кого». Одним из основных участков классовой борьбы в эпоху строительства социализма являлась деревня. Здесь развернулась борьба против самого многочисленного эксплуататорского класса — против кулачества. Естественно, что классовая борьба в деревне приняла наиболее ожесточенные формы. Изучение этой проблемы составляет одну из актуальнейших задач историков крестьянства в переходный к социализму период. Долгое время история классовой борьбы не служила предметом специального исследования. Однако за последние годы положение изменилось в лучшую сторону. С большим интересом читатели встретили научно-популярную книгу И. Я. Трифонова, в которой прослеживаются развитие классовой борьбы и ее основные формы на различных этапах строительства социализма (с 1921 по 1937 г.) как в городе, так и в деревне[74]. Сибирские исследователи И. Т. Белимов и М. А. Богданов выступили со статьями о разгроме кулацких мятежей в Сургуте, Ишимском, Петропавловском и Кокчетавском округах, на Обском Севере в 1921 году[75]. Можно надеяться, что появление этих работ привлечет интерес исследователей к такой важной теме, как классовая борьба и ее социально-экономические основы в деревне.

Следует, наконец, отметить и такое обстоятельство: названные выше работы по социально-экономической истории деревни посвящены исключительно периоду 20-х годов. Изучение истории крестьянства в годы гражданской войны и иностранной интервенции ограничивается у нас проблемами военно-политического союза трудящихся города и деревни, а также (но уже в меньшей мере) колхозного строительства. Классовая структура деревни и ее изменение в период военного коммунизма, социальные и экономические отношения крестьянства, борьба с кулачеством, ее формы и особенности еще не подверглись глубокому исследованию.

Что же касается социально-экономической истории колхозной деревни, то и она освещена еще очень бедно. Даже такие темы, как культур-

---

[74] И. Я. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1937). М. 1960.

[75] И. Т. Белимов. Разгром Сургутского кулацкого мятежа в 1921 году. «Ученые записки» Тюменского педагогического института. Т. V, вып. 2. 1958; М. А. Богданов. Разгром Ишимско-Петропавловского кулацко-эсеровского мятежа в 1921 году. «Ученые записки» Ишимского педагогического института. Т. 3, вып. 4. 1959; его же. Разгром контрреволюционного кулацко-эсеровского мятежа на Обском Севере в 1921 году (там же); его же. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Петропавловск-Кокчетавском районе в 1921 году. «Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока». Томск. 1960.

но-технический рост крестьянства[76], создание колхозных кадров, реорганизация системы МТС, которые не только связаны с социально-экономической проблематикой, но и составляют ее часть, в опубликованных до сих пор работах раскрываются лишь как история мероприятий, почти без связи с социальными изменениями в деревне.

В наше время проблемы социально-экономической истории приобретают особое значение. Постепенный переход к коммунизму неизбежно будет сопровождаться активизацией структурных процессов в советском обществе, усилением стирания межклассовых различий и граней, сближением социальных групп. Вместе с ростом и обновлением производительных сил, созданием материально-производственной базы коммунизма происходят перемены и в сознании людей, в их взаимоотношениях на производстве и в быту. Изучение этих глубинных процессов — важнейшая задача работников всех общественных наук, в том числе и историков.

Процесс сближения классов и классовых прослоек, постепенное стирание социальных различий ярко проявляются в быстром росте культурно-технического уровня рабочего класса и крестьянства, в сближении форм социалистической собственности, во все большем преодолении различий в технической вооруженности индустриального и сельскохозяйственного труда. Все это приводит к постепенному стиранию существенных различий между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством. Важным показателем активности структурных изменений в обществе, вступившем на путь строительства коммунизма, служит возникновение значительных групп населения, переходящих из одного социального состояния в другое или сочетающих в себе черты различных социальных компонентов. Изучению истории формирования и развития одной из таких групп посвящено недавно вышедшее в свет исследование Ю. В. Арутюняна «Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929—1957 гг.» (М. 1960). В этой книге прослеживается постепенный процесс выделения из среды колхозного крестьянства и сближения как по культурно-техническому уровню, так и по социальному положению с рабочим классом многочисленного отряда механизаторов сельского хозяйства, представляющих собою, по определению Н. С. Хрущева, «цвет нашей теперешней деревни». Автор доводит изложение материала до перехода механизаторов на положение постоянных рабочих государственных предприятий — МТС,— завершившего первый этап в их социальной эволюции. Изучить новые изменения в положении механизаторов, вызванные реорганизацией МТС, и их социальное значение — одна из важных проблем современной истории советской деревни.

Исследование социально-экономических процессов предполагает овладение методами статистического анализа общественных явлений, что требует большой затраты труда и времени, серьезной работы мысли. Но и эффект этих методов значителен. Мы изучаем историю советского общества, то есть прежде всего советского народа. Объект нашего изучения исчисляется миллионами рабочих, крестьян, многими тысячами промышленных предприятий и колхозов. Каждый из них индивидуален. Выяснить внутренние связи всей совокупности изучаемых явлений, их

---

[76] См. В. И. Попов. Подъем материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства в пятой пятилетке. «Ученые записки» Харьковского государственного университета. Т. 83, вып. 2. 1957; А. М. Мусаев. Подъем культурно-технического уровня колхозного крестьянства в годы пятой пятилетки. «Ученые записки» Дагестанского женского педагогического института». Т. 1. 1957; Л. А. Бодик. Рост материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства в пятой пятилетке (на материалах Ставропольского края). «Ученые записки» Пятигорского государственного педагогического института. Т. XVI. 1958; В. П. Гноевых. Из истории борьбы Коммунистической партии Казахстана за культурный подъем крестьянства в предвоенные годы (1937—1940 гг.). «Ученые записки» Семипалатинского педагогического института. Вып. 3. 1959; Г. М. Окладной. Рост культурно-технического уровня колхозного крестьянства. Харьков. 1958, и др.

масштабы и коренные общие черты, структуру и соотношение составных элементов, определить основную линию их развития можно лишь с помощью статистики.

Мы отнюдь не призываем исследователей социально-экономической истории отказаться от изучения отдельных предприятий и колхозов, конкретных представителей рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Напротив, без внимательного наблюдения за развитием отдельных социально-экономических явлений, за действиями конкретных организаций и лиц будет утрачено представление о своеобразии процесса, о его действительном облике, о «живой жизни» эпохи, столь обязательных для всякого исторического исследования. Но научное изучение единичных явлений ничего общего с иллюстративным «методом» и не имеет, прежде всего потому, что оно предполагает точное знание отношения единичного к общему, его связи со всеми другими единичными явлениями, точное знание «исторической конкретной обстановки отдельных случаев» [77]. В этой связи следует указать на научную ценность выполненных историками и этнографами за последние годы исследований по истории отдельных колхозов, об изменении быта крестьян отдельных селений [78].

Серьезное отставание обнаруживается в изучении форм политической активности крестьянства, его участия в государственном управлении, в деятельности Советов, прежде всего местных. Кроме двух монографий А. И. Лепешкина и небольшого количества статей о сельских Советах в 1924—1934 гг. (по проблемам оживления Советов, перевыборных кампаний и перестройки в связи с развертыванием сплошной коллективизации) [79], мы, по сути дела, ничего не можем назвать по этой актуальной проблеме. Новый этап в развитии советской демократии, мероприятия партии по ее дальнейшему расширению делают устранение этого пробела жизненно необходимым.

Назрела необходимость в широком обсуждении основных проблем истории советского крестьянства и колхозного строя, в проведении научной конференции специалистов, работающих в этой области. Это обсуждение позволит лучше координировать усилия историков-аграрников, наметить основные направления их дальнейшей работы.

Новые задачи, поставленные партией перед работниками общественных наук, требуют от советских ученых повышения качества научной продукции. Народ и партия ждут новых исследований и популярных работ, ярко и убедительно освещающих великий исторический путь, пройденный советским крестьянством за годы Советской власти.

---

[77] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266.

[78] См., например, М. П. Ефремова. Создание колхоза «Заветы Ильича», Канского района, Красноярского края (1925—1934 гг.). «Ученые записки» Красноярского педагогического института. Т. 4, вып. 1. 1955; «Село Вирятино в прошлом и настоящем». М. 1958; «Были села Темен-Су (история колхоза имени Маркса с марта 1919 г. до XXI съезда КПСС)». Фрунзе. 1959, и др.

[79] А. И. Лепешкин. Местные органы власти Советского государства (1917—1920 гг.). М. 1957; его же. Местные органы власти Советского государства (1921—1936 гг.). М. 1959; А. П. Кучкин. Советизация казахского аула (1926—1929 гг.). «Вопросы истории», 1946, № 10; А. Б. Турсунбаев. К вопросу о советизации казахского аула. «Известия» АН Казахской ССР. № 49, вып. 4. 1948; В. А. Козачковский. Из истории борьбы партии за укрепление Советов в деревне в 1925—1926 годах. «Доклады АН Таджикской ССР». Вып. 7. 1953; Л. Ф. Скляров. Укрепление сельских Советов в передовых зерновых районах в 1929—1931 гг. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института. Т. 102. 1955; Ш. Х. Чанбарисов. Укрепление Советов в деревне в годы коллективизации (1929—1931 гг.). «Ученые записки» Башкирского государственного университета. Вып. 1. № 1. 1957; А. В. Бакунин. Местные Советы Урала в борьбе за укрепление колхозов в период 1933—1934 гг. «Труды» Уральского политехнического института. Сборник 84. 1957; В. И. Мартовицкий. Оживление сельских Советов Белоруссии (1924—1925). Сборник научных трудов Отдела правовых наук АН БССР. Вып. 1. 1958, и др.

О СУЩНОСТИ И ФОРМАХ СОВРЕМЕННОГО НОРМАНИЗМА

В. П. Шушарин

Сложный вопрос об образовании Древнерусского государства вот уже более двухсот лет привлекает внимание ученых[1]. Для историков-норманистов, отводивших в процессе образования Древнерусского государства главную роль варягам-норманнам, изложение данного сюжета всегда являлось одним из средств для «доказательства» неспособности русского народа к самостоятельному историческому творчеству. Борьба против такого рода взглядов, которую вели некоторые русские историки, была не только проявлением их стремления установить историческую правду, но и служила выражением их патриотизма.

Важно отметить, однако, что в дореволюционный период и норманисты и антинорманисты стояли на идеалистических позициях, допуская возможность возникновения государства в результате деятельности отдельных исторических личностей. Спор между ними шел, в сущности, по вопросу о том, откуда на земли восточных славян явились деятели, создавшие Древнерусское государство. Поэтому в те годы проблема образования государства у восточных славян не была, да и не могла быть решена. В этих условиях построения норманистов могли еще в какой-то мере представлять собой одну из гипотез, объяснявших причины возникновения государственности у восточных славян.

Коренным образом изменилась роль норманской теории в наше время. Советские историки, используя марксистско-ленинскую методологию, доказали, что Древнерусское государство появилось в результате разложения первобытнообщинного строя, развития производительных сил и складывания основных классов феодального общества[2]. Воссоздав картину становления восточнославянской государственности, выявив предпосылки и условия этого процесса, историки-марксисты опровергли тем самым версию о создании Древнерусского государства варягами. Теперь борьба сторонников норманизма против советской исторической науки яв-

---

[1] О борьбе норманистов и антинорманистов в дореволюционное время см. Б. Д. Греков. Образование Русского государства. «Большевик», 1945, № 11—12, стр. 25—34; В. В. Мавродин. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л. 1949.

[2] Данные письменных и археологических памятников обобщены в работах: Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избранные труды. Т. II. М. 1959; его же. Генезис феодализма в России. «Вопросы истории», 1952, № 9; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М. 1953; Б. А. Рыбаков. Образование Древнерусского государства. М. 1955; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. 1. М. 1953; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ. 1957; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.». М. 1958. Основные выводы советской историографии по проблеме генезиса феодализма и образования Древнерусского государства изложены в статье чехословацкого историка Б. Застеровой (B. Zásterová. Hlavni problémy z počátku dějin slovanských národů. Rusové. «Vznik a počátky slovanů». T. I. Praha. 1956, s. 69—83). Аргументацию советских археологов против норманизма обобщил другой чехословацкий историк — И. Кудлачек (J. Kudláček. Boj sovietskej archeológie proti normanizmu. «Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR». Praha. 1956, № 3, s. 421—446).

ляется частью борьбы идеализма против материалистического понимания истории, частью идеологической борьбы нашего времени. Нельзя поэтому рассматривать выступления советских ученых против норманизма как простое продолжение дореволюционной полемики.

Отстаивание современной буржуазной историографией положений норманской теории стало одним из способов грубого извращения, фальсификации истории.

Современные буржуазные историки-норманисты стремятся исказить истинное положение вещей, опровергнуть факты, введенные в научный оборот советскими учеными. Поэтому из гипотезы норманская теория превратилась в средство фальсификации истории. В лице современных буржуазных норманистов советским ученым противостоят люди, фактически стремящиеся лишить восточнославянские народы их истории и с этой целью искажающие их прошлое.

Борьба против буржуазной идеологии и фальсификации истории требует раскрытия истинной сущности варяжской теории, изучения различных сторон современного норманизма, выявления его форм, характеристики его роли и места в развитии буржуазной историографии, в политической и идеологической борьбе. Данная статья представляет собою попытку рассмотреть проявления современного норманизма в указанном выше плане.

Чтобы составить представление о состоянии современного норманизма, необходимо привлечь не только сочинения отдельных норманистов, но и рецензии на их книги в буржуазной периодической печати, что поможет уяснить отношение основной массы зарубежных историков к варяжской теории.

Советские историки уже не раз высказывали свое отношение к отдельным проявлениям современного норманизма, вскрывая источниковедческую несостоятельность и политическую подоплеку сочинений зарубежных сторонников варяжской теории [3]. Разбор взглядов современных норманистов занимает значительное место в работе польского ученого Г. Ловмяньского, выясняющего роль норманнов в образовании славянских государств [4]. Этот труд получил высокую оценку в печати Польши, ГДР и Советского Союза [5].

Однако до сих пор в советской литературе нет общего очерка современного состояния норманизма в целом. Автор недавно опублико-

---

[3] Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. «Новое время», 1947, № 30, стр. 12—15; его же. Антинаучные измышления финского профессора. «Литературная газета», 7 июня 1950 г.; М. Н. Тихомиров. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 124—129; его же. Откровения Чэдвик о начале русской истории. «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 112—115; С. П. Толстов. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 113—124; С. А. Покровский. Неонорманистская концепция образования Русского государства. «Советское государство и право», 1946, № 1, стр. 84—88; Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. «Исторические записки». 1948, т. 26, стр. 312—333; М. В. Левченко. Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. «Византийский временник», т. IV, 1951; Д. А. Авдусин. Неонорманистские измышления буржуазных историков. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 114—120; Н. М. Дружинин. Проблемы истории СССР на X Международном конгрессе историков в Риме. «Исторические записки», 1956, т. 55, стр. 3—26; Г. Г. Литаврин. Вопросы образования Древнерусского государства. «Средние века». Вып. 8. М. 1956, стр. 386—395.

[4] H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa. 1957.

[5] J. Bardach. O roli normanów na wczesnośredniowiecznej słowiańszczyznie wschodniej. «Kwartalnik Historyczny». Warszawa. 1958, R. 65, № 2, s. 358—402; B. Widera. Zur Normannenfrage in Osteuropa. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1959. Jg. 7, H. I, S. 210—216; В. Т. Пашуто. Труды польского академика Г. Ловмяньского по истории Литвы, Руси и славянства. «Вопросы истории», 1959, № 10, стр. 114—120.

ванного ценного обзора И. П. Шаскольский[6] ограничился рассмотрением лишь отдельных сочинений сторонников варяжской теории. Между тем такая работа необходима, ибо нельзя оставлять без ответа попытки норманистов выдать свои антинаучные построения за последнее слово науки. Кроме того, знание идей и приемов исследования буржуазных историков делает борьбу с их теориями более целенаправленной.

Решающим условием научного критического изучения современного норманизма является марксистское понимание основных вопросов истории Древнерусского государства, выработанное советскими историками в результате тщательного исследования письменных источников, археологического материала, критики выводов русской дореволюционной исторической науки.

Из сказанного следует, что основным методом выявления сущности норманской теории в целом и отдельных ее положений может быть сопоставление утверждений норманистов с фактическим материалом, накопленным наукой.

В настоящее время советская историческая наука располагает данными для решения узловых проблем, освещение которых служит современным норманистам поводом для извращения истории Древней Руси. Сюда относятся следующие вопросы: об уровне экономического развития восточных славян, о классообразовании, о появлении у восточных славян государственности до проникновения варяжских дружин в Восточную Европу, о ходе политического объединения восточнославянских земель, об этническом характере Руси, о сущности связей и взаимоотношений восточных славян с другими народами, в частности со Скандинавией. Следует особо подчеркнуть, что в распоряжении советских ученых имеется большой фактический материал, подкрепляющий их основные выводы. Поэтому оказываются тщетными попытки норманистов опорочить работы наших историков об образовании государства у восточных славян. Известно, что буржуазные историки пытаются представить выводы советских историков об образовании Древнерусского государства только как простое выражение их политических взглядов. Западноберлинский историк Х. Яблоновский, например, объявляет вывод советских ученых о создании государства на Руси восточными славянами, а не пришельцами-варягами, «в сильной степени обусловленным политическими соображениями». Марксистскую оценку роли норманнов в истории Древней Руси тот же историк считает выражением «официального советского учения о возникновении государства на русской почве»[7]. Между тем ознакомление с фактическим материалом, содержащимся в работах советских исследователей, дает возможность убедиться в том, что подобного рода выпады рассчитаны прежде всего на то, чтобы ввести в заблуждение незнакомых с советской литературой читателей. Вместе с тем сопоставление основных положений современного норманизма с имеющимся фактическим материалом позволяет не только выявить ненаучность построений нынешних сторонников варяжской теории, но и показать необоснованность и недобросовестность приведенных выше обвинений в адрес советской науки.

★

Всех норманистов объединяет одно — их взгляд на варягов как на создателей Древнерусского государства. Различие между отдельными группами, направлениями современных сторонников варяжской теории ярче всего проявляется в трактовке ими вопроса об отношениях между

[6] И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР». 1960, № 1, стр. 223—236.

[7] H. Jablonowski. Bericht über die sowjetrussische Geschichtswissenschaft in den Jahren 1941—1952. «Historische Zeitschrift». Bd. 180. H. I. München. 1955, S. 131, 137.

мнимыми создателями русской государственности и восточными славянами.

Многие современные буржуазные историки видят в варягах завоевателей славянских областей. Стремятся представить историю Древней Руси как время «оккупации страны завоевателями» — норманнами авторы ряда общих работ по истории России, вышедших в США [8], Англии [9], ФРГ [10], Франции [11] и Италии [12].

Изучение вопроса о происхождении этой широко распространенной в буржуазной литературе легенды убеждает нас в том, что источники не содержат научных данных для обоснования версии о варяжском завоевании славян.

Положение о «завоевании» восточных славян варягами было впервые высказано в XVIII в. А. Шлёцером. Известно, однако, что автор XII в., редактировавший «Повесть временных лет» в 1118 г., счел возможным говорить лишь о «призвании» Рюрика с братьями, а отнюдь не о завоевании варяжскими дружинами земель восточных славян. Более того, редакция 1118 г. «Повести» сохранила свидетельство о крахе попыток варяжских вождей утвердиться на земле славян путем завоевания. Автор легенды о «призвании» князей проводит резкую грань между двумя периодами русско-варяжских отношений: сначала новгородцы отбили варягов, стремившихся утвердиться на славянской земле в качестве завоевателей («Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в себе володети...»), а по прошествии некоторого времени они добровольно пригласили варяжских князей [13].

Еще в дореволюционное время русские историки подчеркивали правомерность появления в новгородской среде сказания о призвании варяжских князей. Так, Д. И. Иловайский отметил связь легендарного «призвания» с политическим строем Новгорода, где боярство обычно приглашало, «призывало» князей [14]. По мнению В. О. Ключевского, исторически достоверный факт найма новгородцами варяжских дружин также мог быть превращен летописцами в «призвание» [15]. Западноевропейским хроникам хорошо известна традиция — приписывать местным династиям иностранное происхождение [16].

Л. В. Черепнин, обратив внимание на связь сказания о «призвании» варяжских князей с описанием событий 1015—1016 гг., когда новгородцы получили «Правду» Ярослава, показал, что одним из источников указанной легенды послужили летописные данные об обстоятельствах появления «Правды» Ярослава. Стараясь обосновать свои политические притязания, новгородцы взяли в качестве прецедента договорную грамоту 1016 г., известную под именем «Правды» Ярослава, и

---

[8] H. G. Pratt and H. L. Moore. Russia. A short history. New York. 1947, p. 19. Раздел о ранней истории Руси написан Еленой Прэтт; S. R. Tompkins. Kievan Russia. «A Handbook of Slavic Studies». Ed. by L. I. Strakhovsky. Cambridge, Mass. 1949, p. 64; S. Harcave. Russia. A History. Philadelphia. 1956, p. 12. См. рецензию Л. Н. Еремина на эту книгу в журнале «История СССР», 1959, № 1, стр. 257—263.

[9] G. Sava (pseud.). Russia triumphant. The Story of the Russian People. London. 1943, p. 21—24; L. Segal. Russia. A concise history from the Foundation of the State to the Hitler's Invasion. London. 1944, p. 12; J. Thomson. Russia: the old and the new. London. 1948, p. 5; M. Mitchell. The Maritime History of Russia (848—1948). London. 1949. pp. 45—51.

[10] I. Neander. Grundzüge der russischen Geschichte. 2. Aufl. Darmstadt. 1957, S. 18; P. Sethe. A short History of Russia. Chicago. 1956, pp. 5—6 (английский перевод книги: «Kleine Geschichte Russlands». Frankfurt a/M. 1953).

[11] G. Welter. Histoire de Russie depuis les origines jusqu'à. 1945. Paris. 1946, p. 34; E. Krakowski. Histoire de Russie. S. 1. 1956, p. 11.

[12] G. Verdiani. Il problema dell'origine degli slavi. Firenze. 1952, p. 92.

[13] «Повесть временных лет». Ч. 1. М.-Л. 1950, стр. 18 (далее — ПВЛ).

[14] Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М. 1882, стр. 52.

[15] В. О. Ключевский. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. М. 1956, стр. 143.

[16] Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избранные труды. Т. II. М. 1959.

события, связанные с ее появлением, положили в основу легенды, перенесшей этот факт в далекое прошлое и изображавшей «Правду» как акт добровольного соглашения новгородских славян с приглашенными ими князьями [17].

Летопись содержит данные лишь о «призвании» варяжских князей, а отнюдь не о «завоевании» славян варягами. Историки, изучавшие условия возникновения этого летописного текста и его источники, показали, что ничего удивительного в возникновении рассказа о «призвании» нет, что сведения о варяжском «завоевании» в летописи отсутствуют и их не могло быть в силу условий, предопределивших создание легенды об обстоятельствах появления варягов на Руси. В свете изложенных фактов становится очевидной источниковедческая несостоятельность легенды о варяжском «завоевании», возникшей в XVIII в. и получившей широкое распространение в современной буржуазной литературе.

Легенда о «завоевании» Руси варягами противоречит основным фактам истории восточных славян и скандинавов в IX в., историческим условиям того времени. Источники свидетельствуют о том, что варяги, будучи торговцами и наемными воинами, никогда не выступали на Руси в качестве завоевателей. Практически им было не под силу осуществить покорение этой страны: ее огромная территория была труднопроходима и со стороны моря имела единственный доступ лишь в устье Невы. Известно (в частности из «Жития св. Ансгария» Римберта), что скандинавы потерпели неудачу даже при попытке захватить небольшие территории в Восточной Прибалтике, население которой оказало им сопротивление [18]. Противоречит гипотезе о завоевании Руси варягами и факт их малочисленности на славянской земле, установленный археологами. Если бы покорение Руси варяжскими дружинами имело место, то погребения варягов, безусловно, должны были составить основную массу так называемых дружинных погребений. Однако изучение последних говорит о другом. Так, в Гнездовском дружинном могильнике из 700 раскопанных курганов скандинавскими оказались лишь два [19].

Легенду о «завоевании» решительно опровергает и такое серьезное обстоятельство. У восточных славян во второй половине I тыс. н. э. имело место непрерывное развитие местной материальной культуры как до, так и после образования Древнерусского государства. Известно, что в результате завоевания происходит или полное уничтожение местной культуры (так была уничтожена древняя цивилизация инков и ацтеков конкистадорами), или резкое ее изменение под влиянием завоевателей, слияние двух культур (этот факт наблюдался, например, в Венгрии). Ни того, ни другого не было на территории Древней Руси. В то же время исследователи материальной культуры восточных славян в период складывания у них государственности (VIII—IX вв.) единодушно отмечают тесную связь ее с культурой Древней Руси X—XII веков. По мнению М. И. Артамонова, археологические памятники Киевской Руси (X—XII вв.) не имеют каких-либо значительных отличий от памятников предшествующего периода [20].

Ныне установлено, что материальная культура восточных славян в период складывания феодальных отношений представлена археологическими памятниками роменского (или роменско-боршевского) типа,

---

[17] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.-Л. 1948, стр. 247—248.

[18] H. Łowmiański. Указ. соч., стр. 116, 82—88.

[19] А. В. Арциховский. Основы археологии. М. 1955, стр. 204, 207.

[20] М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 273.

распространенными на территории, занятой восточными славянами [21]. И. И. Ляпушкин пришел к заключению, что большинство из известных ему 60 городищ VIII—X вв. на левобережье Днепра продолжало существовать и в X—XIII вв. и что их население в основной своей массе восходит к роменцам. Такое заключение является результатом анализа всего комплекса материальной культуры — характера поселений, жилищно-хозяйственных сооружений, бытового инвентаря [22]. Материал, полученный при сплошных раскопках одного из роменских поселений — городища Новотроицкого (остатки жилищ, земледельческих и ремесленных орудий, изделий из железа, цветных металлов и т. д.), позволил названному археологу сделать вывод о том, что материальная культура Киевской Руси «в различных областях хозяйственной деятельности, в первую очередь в сельском хозяйстве, а равно и в области прикладного художественного ремесла, в своих основах сложилась уже в VIII—IX вв., до образования Киевского государства... Разительных различий между археологическими памятниками IX—X вв. и русскими древностями последующего периода мы не находим». И. И. Ляпушкин обратил внимание также на то, что в материалах Новотроицкого городища полностью отсутствуют вещи скандинавского происхождения. В этом факте он справедливо усматривает свидетельство того, что «основы материальной культуры Киевского государства X—XIII вв. сложились без воздействия культуры викингов» [23].

Археологи отмечают также непосредственную преемственность развития отдельных элементов материальной культуры восточных славян. Например, выяснено сходство киевских жилищ-землянок по их конструкции, устройству печей и т. д. с землянками раннеславянских городищ [24]. В последнее время советским ученым удалось проследить более глубокие истоки культуры Древней Руси. Изучение археологических памятников раннего роменского времени (поселение VII—VIII вв. Волынцево в Сумской области), а также памятников V—VIII вв. типа поселения Корчак на Житомирщине (к этому же типу относится поселение VIII—IX вв. Хотомель в Полесье) позволило установить генетическую связь общеславянской культуры эпохи складывания феодальных отношений (VIII—X вв.) с раннеславянской зарубинецкой культурой, возникшей во II в. до н. э. и сохранившейся в некоторых восточнославянских областях до середины I тыс. н. э. [25].

Таким образом, и письменные и археологические памятники полностью опровергают тезис о завоевании Руси варягами.

Однако, несмотря на свою полную неосновательность и явное противоречие с фактами истории, легенда о варяжском «завоевании» усиленно распространяется многими буржуазными историками. На страницах их работ эта версия бытует не случайно. Создатели и распространители ее преследуют далекие от интересов научного исследования цели. О подлинных замыслах сторонников мифа о «варяжском завоевании» ярко свидетельствуют книги польского эмигранта О. Халецкого

---

[21] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 2, вып. 4, стр. 58; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 843.

[22] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. «Советская археология», 1952, т. XV, стр. 11, 36 (далее — СА).

[23] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.-Л. 1958, стр. 230—231.

[24] А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 214.

[25] «Памятники зарубинецкой культуры». Под ред. П. Н. Третьякова. М.-Л. 1959, стр. 7—8; Ю. В. Кухаренко. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. «Краткие сообщения Института археологии АН УССР», № 4, 1955, стр. 48 (далее — КСИА); его же. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья. КСИА, № 7, 1957, стр. 92; В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА, № 4, 1955, стр. 27—28; «Нариси...», стр. 330.

и французского реакционного историка и публициста Э. Краковского. Так, утверждение о «завоевании» восточных славян варягами в IX в. играет у О. Халецкого роль «аргумента» в пользу необходимости вмешательства капиталистических стран во внутренние дела государств социалистического лагеря. О. Халецкий именует такое вмешательство «освобождением» [26]. Выступление О. Халецкого отвечает общей направленности современной буржуазной историографии, поэтому оно было одобрительно встречено в буржуазной печати. Английский буржуазный историк Б. Босуэлл назвал книгу О. Халецкого «ценным вкладом в широкое распространение наших идей относительно истории Европы» [27]. В книге Э. Краковского «варяжское завоевание» уподобляется захвату остготами Италии или галлами — Франции. По собственному признанию автора, целью его работы было доказательство тезиса о том, что в России «воля к экспансии на восток, запад и юг передавалась от одного режима другому как неизбежная политическая традиция». С точки зрения этого псевдонаучного тезиса Э. Краковский пытается рассматривать и советскую внешнюю политику [28]. Абсурдность подобного рода утверждений ясна даже некоторым буржуазным историкам. Так, английский рецензент книги Э. Краковского Кип вынужден был признать, что последняя является «скорее интуитивной философией истории, нежели объективным изложением событий» [29]. Пригодность мифа о варяжском «завоевании» для антисоветской пропаганды обеспечила ему широкое распространение в сочинениях современных буржуазных историков, которые стремятся «обосновать» эту легенду. При рассмотрении работ, посвященных «обоснованию» и дальнейшей модификации версии о «завоевании» славян норманнами, необходимо обратить внимание прежде всего на приемы, используемые их авторами, и трактовку ими отдельных вопросов образования Древнерусского государства.

Идеей о варяжском завоевании Руси пронизана книга русского эмигранта М. А. Таубе «Рим и Россия перед татарским нашествием». Автор предлагает читателю следующую картину образования Древнерусского государства: дружинник шведского короля Олафа Аскольд, участвовавший в 854 г. в походе на куршей, захватил Киев, освободив славянское племя полян и их соседей от владычества тюрок (хазар). Подчинив себе славян, Аскольд создал варяго-русское государство. М. А. Таубе нисколько не сомневается в том, что создателями государства на славянской земле были шведы-завоеватели. «Рюрик в Новгороде,— говорит он,— а Аскольд в Киеве были местными князьями, посаженными своими сюзеренами — королем Эриком из Упсалы и королем Олафом из Бирки» [30]. Какое же отношение имеет к этой истории начало русской государственности, если и Киевское и Новгородское княжества были всего лишь владениями шведских королей? На этот вопрос книга М. А. Таубе не дает никакого ответа. Превратить Древнюю Русь во владение шведских королей барону М. А. Таубе удалось благодаря тенденциозному подбору материалов и произвольному их толкованию. В качестве основного источника М. А. Таубе использует «Житие св. Ансгария», которое, кстати говоря, об Аскольде и не упоминает. В то же время автор игнорирует древнерусские и ви-

---

[26] O. Halecki. Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. New York. 1952, p. 32, 475. Марксистскую критику работ О. Халецкого см. в статье: J. Tazbir. Falsz historyczny i zdrada narodu v pracach O. Haleckiego. «Kwartalnik Historyczny». Warszawa. 1953, № 3, s. 172—195.

[27] «The Slavonic and East European Review». London. 1952, v. 31, № 76, p. 259.

[28] E. Krakowski. Указ. соч., стр. 11, 52, 72.

[29] «International Affairs». Vol. 31, № 3. London. 1955, p. 416.

[30] M. de Taube. Rome et la Russie avant l'invasion des Tatars. Paris. 1947, p. 8, 48.

зантийские источники, имеющие непосредственное отношение к предмету его изложения.

Для доказательства того, что Киев был захвачен шведами, М. А. Таубе по своему произволу превращает укрепление куршей Апулию в «ополье» — землю полян, где расположен Киев. При ближайшем рассмотрении концепция М. А. Таубе оказывается построенной на песке. По сути дела, он не только принял на веру, но и «домыслил» содержащееся в третьей, норманистской редакции «Повести временных лет» (1118 г.) утверждение о том, что Аскольд и Дир были якобы варягами, находившимися на службе у Рюрика. М. А. Таубе при этом сознательно игнорирует уже давно вошедшую в научный оборот реконструкцию рассказа Древнейшего Киевского свода 1039 г. об Аскольде и Дире. Автор этой реконструкции А. А. Шахматов, сам будучи норманистом, в результате изучения русских летописей пришел к выводу, что источником для данного рассказа послужило киевское народное предание. Вслед за ним составитель свода 1039 г. рассказывал об Аскольде и Дире как о местных, киевских князьях, ничего не говоря о их приходе с севера. Свод 1039 г. сообщал, что Аскольд и Дир наследовали после Кия и его братьев власть над Полянской землей: «И по сих братии (то есть после Кия и его братьев.— *В. Ш.*) княжиста Кыеве Аскольд и Дир и беста владеюща Полями». Принимая во внимание совокупность летописных свидетельств, А. А. Шахматов признал текст о варяжском происхождении Аскольда и Дира вставкой позднейшего времени, обусловленной идеями единства княжеского рода и появления княжеской власти на Руси только со времен Рюрика [31]. Неодинаковый подход норманистов прошлого и настоящего времени — А. А. Шахматова и М. А. Таубе — к использованию источников показывает коренное различие между ними: если первый сохраняет объективность при рассмотрении источников, противоречащих его концепции, то второй сознательно фальсифицирует их в угоду своим построениям.

У М. А. Таубе не было никаких оснований превращать Апулию в землю полян. Еще в конце прошлого столетия было доказано, что это укрепление находилось в современном Апуоле, на границе Литвы и Латвии [32].

Необоснованность гипотезы М. А. Таубе вынуждены признать даже буржуазные рецензенты его книги. Французский историк Р. Порталь подчеркивает направленность данной работы против советской исторической науки [33]. Западногерманский историк Э. Амбургер, отнюдь не склонный к критике буржуазной литературы, признал выводы М. А. Таубе «из-за ненадежности использованных источников недостаточно убедительными» [34].

Обосновать якобы имевший место в истории факт господства варягов над славянами старается шведский историк С. Болин. Он уподобляет норманнов конквистадорам — завоевателям Южной и Центральной Америки. Не анализ источников привел С. Болина к такому антиисторическому взгляду на роль норманнов. Единственным «основанием» для него служат его собственные соображения об оживлении скандинавско-арабской торговли в IX веке [35]. Однако в свете материа-

---

[31] А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПБ. 1908. стр. 320—323.

[32] A. Bielenstein. Le village d'Apoulé... «Труды IX Археологического съезда в Вильне». Т. 1. М. 1895, стр. 75.

[33] «Revue historique». T. 203, avr.-juin. Paris, 1950, p. 331—332.

[34] E. Amburger. Bericht über die Veröffentlichungen zur Geschichte Russlands und der Sowjetunion ausserhalb der Sowjetunion 1939—1952. «Historische Zeitschrift». Bd. 183, H. I. München. 1957, S. 147.

[35] S. Bolin. Mohammed, Charlemagne and Rurik. «Scandinavian Economic History Review». Vol. I, № 1. København, 1953, p. 33.

лов, характеризующих преемственность развития материальной культуры восточных славян до и после появления варяжских купцов и дружинников на Руси, сравнение последних с конквистадорами не выдерживает никакой критики.

Стремлению современной реакционной историографии придать видимость научности тезису о завоевании славян норманнами полностью отвечает книга польского эмигранта Х. Пашкевича «Происхождение России», охватывающая историю Руси с IX по XIV век. Претендуя на «солидность», Х. Пашкевич постарался привести множество свидетельств русских, западных, арабских, византийских авторов. Однако трактует он эти источники в норманистском духе. Взгляд на варягов как на завоевателей славянских земель получил в книге Х. Пашкевича поистине гипертрофированное выражение. По его мнению, варяги действовали на Руси в течение четырех столетий — с IX по XII век [36]. Основной идее о покорении варягами Руси Х. Пашкевич подчинил и трактовку отдельных вопросов истории Древнерусского государства. Не удивительно, что позиции автора оказались в полном противоречии с тем фактическим материалом, которым ныне располагает наука.

Х. Пашкевич решительно высказывается в пользу норманского происхождения Руси. В духе обветшалых догм норманизма XIX в. он пытается связать происхождение термина «Русь» с финским названием шведов «Ruotsi». В угоду своей концепции автор без всяких на то оснований старается убедить читателя в церковном, религиозном, а не этническом и территориальном значении терминов «Русь», «Русская земля» [37].

Некоторые стороны проблемы, связанной с происхождением термина «Русь», до сих пор нельзя считать выясненными. Однако один из основных моментов представляется совершенно очевидным. Речь идет о доказанном различного рода источниками факте этнической (славянской) и территориальной (южной) принадлежности этого термина. Очевидна также неосновательность отнесения этого названия к жителям севера — норманнам. Еще в прошлом веке датский норманист В. Томсен был вынужден констатировать отсутствие в Скандинавии местности или племени с названием Русь [38]. Знаток древнесеверной литературы Е. А. Рыдзевская отметила отсутствие «всяких следов этого термина, как своего, в древнесеверных сагах (где Rosia, как известно,— наименование книжного, ученого характера) и особенно в рунических надписях... Древнесеверному языку и письменности термин «Русь» во всяком случае совершенно чужд» [39]. В то же время ряд источников относит наименование Русь к славянам. Восточный автор Ибн-Хордадбех (IX в.) писал о русах как «племени из славян» [40]. У восточных славян часто встречаются географические наименования, связанные с этим термином: Неман в старину назывался Росью, а залив, куда он впадает,— Русной; известны реки Рось, или Руса (в быв. Новгородской губ.), Русь — приток Нарева, Рось —приток Днепра, Руса—приток Сейма; Росью называлась когда-то река Оскол. В давние времена Волга тоже называлась Росью [41]. В устье Дона был известен

---

[36] H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London. 1954, p. 160. Марксистскую критику книги Х. Пашкевича см. в статье Х. Ловмяньского (H. Łowmiański. O znaczeniu zwy Rus w wieku X—XIV. «Kwartalnik Historyczny», 1957, R. 64. № 1, Warszawa, str. 84—101.

[37] H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 129, 132, 144.

[38] В. Томсен. Начало русского государства. М. 1891, стр. 80.

[39] Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Известия» АН СССР. 7-я серия. Отделение общественных наук. № 8, Л. 1934, стр. 628.

[40] См. А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПБ. 1870, стр. 48.

[41] Д. И. Иловайский. Указ. соч., стр. 70.

город Росия [42]. Особенно характерны такого рода названия для южнорусских областей [43]. О древности наименования Русь свидетельствует сирийский автор (середина VI в.), который рассказывает об обитании в этом районе народа рос [44]. Источник первой половины IX в., так называемый Баварский географ, помещает Русь (Ruzzi) к северу от линии прусы — хазары [45]. Как удалось установить акад. М. Н. Тихомирову, русские летописи терминами «Русь», «Русская земля» в узком смысле обозначали южные области — Киевскую землю [46]. Все эти данные убеждают в справедливости отнесения названия «Русь» именно к южным областям территории, населенной восточными славянами.

Вполне объяснимо встречающееся в некоторых источниках, в том числе и в «Повести временных лет», применение этого термина в более позднее время к варягам. А. А. Шахматов установил, что в Древнейшем Киевском своде 1039 г. имелось известие о принятии варягами имени Русь на юге, в Киеве, где они находились на службе у князя Олега: «И седе Ольг къняжа Кыеве; и беша у него мужи Варязи, и отътоле прозъвашася Русию» [47]. Приняв во внимание разыскания В. Г. Васильевского о причинах смешения понятий «русь» и «варяги» в Византии, свидетельство Бертинских анналов о наименовании шведов — послов киевского князя — русью, а также данные восточные авторов о русах-славянах, А. Н. Насонов доказал подлинность сообщения свода 1039 г. о том, что варяги стали называться Русью на юге, получив имя той страны, на службе у которой они находились. Факт заимствования норманнами имени коренного населения и использование этого имени как своего собственного в других странах, в частности в Византии, помогает уяснить то смешение понятий «русь» и «варяги», которое встречается в византийских источниках (в хронике Георгия Амартола и его продолжателя, в сочинении Константина Багрянородного) [48].

При выяснении этнического и географического значения термина «Русь» исследователи широко используют данные топонимики, свидетельствующие о его славянском происхождении. Характерно, что Х. Пашкевич, как и другие норманисты, не только игнорирует эти материалы, но самым категорическим образом высказывается против их использования для решения проблемы происхождения термина «Русь» [49]. Это понятно: данные топонимики несовместимы с утверждениями о шведском происхождении Руси. Расширение области топонимических разысканий ведет к увеличению доводов против варяжского происхождения Руси. В качестве примера сошлемся на географическую номенклатуру Трансильвании, Словакии и Закарпатской Украины. Если названия, связанные с термином «Русь — Рос», в области «пути из варяг в греки» норманисты могут еще как-то связывать с пребыванием здесь шведов (хотя без натяжек установить такую связь нельзя), то с точки зрения норманской теории никак невозможно объяснить наличие огромного количества названий с корнем «Русь» в Трансильвании, Словакии и Закарпатье. И. Пичем установлено, что в Трансильвании с именем Русь связаны названия 25 населенных пунктов (Руска, Рустилор, Россия, Русешти и т. д.), 27 гор (Рускица, Россииле, Русиелу и т. д.) и двух

---

[42] В. Г. Васильевский. Труды. Т. III. Птрг. 1915, стр. CLXVI.

[43] «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 747.

[44] См. А. П. Дьяконов. Известия псевдо-Захарии о древних славянах. «Вестник древней истории» (далее — ВДИ), 1939, № 4, стр. 83—90.

[45] H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów..., s. 134.

[46] М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». Сборник 6—7. М.-Л., 1947, стр. 80.

[47] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 542.

[48] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 36—39.

[49] H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 25.

рек[50]. Автор настоящей статьи насчитал на территории Словакии второй половины XIX в. 46 географических названий, производных от слова «Русь» (Русбах, Руска, Росина, Рускоц, Русковце и т. д.) и 24 — на территории Закарпатской Украины (Росток, Росичка и т. д.)[51]. Существование с древних времен коренного славянского населения в Словакии и Закарпатье несомненно. А. А. Кочубинскому на основе топонимики, этнографических данных и свидетельств письменных источников удалось установить, что в Трансильвании IX—X вв. преобладало славянское население. Он отмечал, что наличие здесь названий с корнем «Русь» зафиксировано письменными памятниками сравнительно раннего времени: например, грамота конца XIII в. упоминает о селе «Русский торг» (Forum Ruthenorum)[52]. Приведенные факты являются еще одним доказательством славянского, южного происхождения термина «Русь».

Х. Пашкевич в соответствии со своей концепцией отводит норманнам главную роль в росте политического значения центра русских земель — Киева[53]. Такому утверждению, однако, противоречат археологические материалы. Исследование остатков укрепления на Старокиевской горе и сопоставление полученных данных с показаниями летописи позволяют сделать вывод об основании этого города не позднее середины VII века[54]. В VII—IX вв., накануне образования Древнерусского государства, Киев интенсивно заселялся, об этом свидетельствуют широко распространенные славянские памятники того времени, в частности массовые остатки керамики[55]. Рассуждения норманистов о решающем значении варягов в культурной жизни Киева были совсем недавно опровергнуты М. К. Каргером, который занялся выяснением роли скандинавских элементов в археологических памятниках Киева. Известно, что этнический и социальный состав населения хорошо характеризуют погребения — их обряд и инвентарь. В результате тщательного учета вещей в киевском некрополе было выявлено всего семь застежек (фибул) скандинавского происхождения. Это дало М. К. Каргеру основание заявить: «Вещи скандинавского происхождения, найденные в погребальных комплексах киевского некрополя, с учетом всех случайных находок на территории города, убедительно свидетельствуют о том, сколь незначительно их место даже в жизни социальных верхов киевского общества IX—X вв., не говоря уже о массах городского населения, в культурном облике которого нет ни одной черты, обязанной пресловутому норманскому влиянию»[56].

Применение концепции варяжского «завоевания» привело Х. Пашкевича к утверждению, что даже в X—XI вв. Рюриковичи сохраняли характер варяжской династии[57]. В связи с этим следует отметить, что ныне подавляющее большинство норманистов уже не решается отрицать быстрой славянизации варяжских князей. Напомним здесь только о том, что, по описанию Льва Диакона, киевский князь Святослав (вторая половина X в.) был типичным славянином[58].

Итак, всем своим содержанием книга Х. Пашкевича направлена против советской исторической науки. Ряд историков США, Англии,

---

[50] А. А. Кочубинский. О русском племени в Дунайском Залесье. «Труды VII Археологического съезда». Т. II. М. 1891, стр. 65.

[51] Jó. Jekelfalussy. A magyar korona országainak helységnévtára. Budapest 1888.

[52] А. А. Кочубинский. Указ. соч., стр. 11, 24, 41, 58, 64—65.

[53] H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 165.

[54] М. Ю. Брайчевський. До питання про виникнення міста Київа. «Український історичний журнал». Київ. 1959, № 5, стр. 62.

[55] А. И. Шовкопляс. Славянская керамика VII—IX вв. из Киева. КСИА, 1959, № 8, стр. 173.

[56] М. К. Каргер. Древний Киев. Т. 1. М.-Л. 1958, стр. 218—220.

[57] H. Paszkiewicz. Указ. соч., стр. 180—181.

[58] Лев Диакон Калойский. История. СПБ. 1820, стр. 97.

ФРГ и Бельгии выступил с хвалебными отзывами на эту книгу [59]. Однако извращение Х. Пашкевичем истории во имя утверждения реакционных идей оказалось столь явным, что об этом вынуждены были сказать некоторые его коллеги. «Когда свидетельство источника,— пишет буржуазный историк-эмигрант Г. В. Вернадский, которого нельзя заподозрить в антинорманизме,— противоречит мнению Пашкевича, последний, не колеблясь, исправляет текст» [60]. Другой буржуазный историк, Д. Оболенский, одобрив направленность книги Пашкевича против советской науки, признал, что ее автор «часто перегибает палку: он не обратил, например, внимания на политическую организацию восточных славян до прихода викингов и сильно преувеличил распространение скандинавского влияния в XI—XII вв.» [61]. И. Лопатин (Калифорнийский университет, США) отметил, что Х. Пашкевич вступает в противоречие с историческими фактами, ибо он «принимает ошибочную мысль о завоевании новгородцев и вообще восточных славян норманнами, или варягами...» [62]. Отрицательно отнесся к работе Х. Пашкевича историк-эмигрант В. А. Рязановский. По его мнению, Х. Пашкевич, будучи сторонником норманизма, «не может привести что-либо нового в поддержку этой теории, а его знакомство с источниками и литературой предмета поверхностно... Многие утверждения автора выдвинуты без аргументации источниками и вообще не могут быть приняты серьезно... Недостаточное знание и поверхностность суждений не позволили автору пролить новый свет на проблему происхождения Руси». В. А. Рязановский обвинил Х. Пашкевича в полном незнании трудов Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, работ дореволюционных русских историков-антинорманистов, а также таких источников, как «Повесть временных лет», сочинения Константина Багрянородного и др. [63]. Правильнее, конечно, было бы сказать об игнорировании Х. Пашкевичем литературы и о фальсификации им свидетельств источников.

Знакомство с буржуазными работами общего характера и монографиями сторонников «варяжского завоевания» дает основания заключить, что эта группа норманистов в значительной степени определяет лицо современной буржуазной историографии. Следует подчеркнуть, что сторонники теории «завоевания» особенно активизировались после окончания второй мировой войны. В начале 30-х годов историк «варяжского вопроса» В. А. Мошин не без оснований заявил: «Ультранорманизм шлецеровского типа давно уже сделался одним из прошлых моментов в истории вопроса» [64]. Гальванизация старой ультранорманистской концепции в современных условиях является показателем оживления реакции в буржуазной историографии. Знакомство с книгами О. Халецкого и Э. Краковского показывает, что сторонники «холодной войны» вспомнили о теории «завоевания» с целью усиления антисоветской пропаганды.

Много общего с теорией «варяжского завоевания» имеет концеп-

---

[59] См. рецензии и оценки Д. Оболенского, Дж. Макгро, Б. Щесняка, Г. Штёкля, А. Адамчика, Ф. Прёля и Ф. Веркотерена: «English Historical Review». Vol. 74, № 288, London, 1958, p. 464; «Journal of International Affairs». Vol. 9. № 2, New York, 1955, p. 102; «The Review of Politics». Vol. 17, № 3. Notre Dame, Ind., p. 419; «Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas», N. F., Bd. 3, H. I, München, 1955, S. 6; A. Adamczyk. Ost- und Südosteuropa im westlichen Schrifttum der Nachkriegszeit. München. 1956, S. 29; «Hansische Geschichhtsblätter». Jg. 74. Köln-Graz. 1956. S. 202—203; F. Vercauteren. Rapport général sur les travaux d'histoire du moyen âge de 1945 à 1954. «Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche». Vol. VI. Firenze. 1955, p. 76.

[60] «Speculum». Vol. 30, № 2. Cambridge, Mass. 1955, p. 294, 295, 298.

[61] «English Historical Review». Vol. 74, № 288. London, 1958, p. 469.

[62] «World Affairs Interpreter». Vol. 26, № 1. Los-Angeles. 1955, p. 107—109.

[63] «The Russian Review». Vol. 15, № 2, Hanover, N. H., 1956, p. 134—136.

[64] В. А. Мошин. Варяго-русский вопрос. «Slavia». R. 10, Seš. 3. Praha. 1931, str. 533.

ция непрерывного якобы подчинения славян и их предков народам-господам. Она нашла отражение в работах Г. В. Вернадского, часть которых уже подвергалась острой критике со стороны советских историков[65]. Для Г. В. Вернадского история славян — это последовательная смена одних повелителей другими: скифов, сарматов, готов, вандалов, лангобардов, аваров, кочевников-болгар, хазаров, кочевников-венгров и, наконец, скандинавов. Именно такая концепция положена в основу ряда работ Г. В. Вернадского[66]. Наиболее полное выражение и дальнейшее развитие она получила в недавно вышедшей книге «Очерк происхождения руссов»[67]. В последней, в сущности, читателю предложена лишь новая модификация теории варяжского «завоевания». Изложение истории порабощения славян и их предков различными завоевателями играет у Г. В. Вернадского роль «обоснования» «закономерности» варяжского «завоевания». По мнению этого автора, не может быть сомнения в том, что славяне были порабощены варягами и вообще не могли якобы обходиться без завоевателей. Но исторические факты опровергают подобные вымыслы. Они свидетельствуют о том, что схема Г. В. Вернадского не только игнорирует внутренние процессы этнического формирования восточных славян, их социального развития и политического оформления в союзы племен и государственные образования, но и односторонне освещает взаимоотношения восточных славян с другими племенами. Археологические материалы убеждают, например, в том, что нет никаких оснований говорить о покорении предков славян сарматами. Погребальный обряд свидетельствует о существовании тесных культурных и экономических связей между славянами и сарматами, об ассимиляции славянами части сарматов[68]. Некоторые памятники, в частности Будештский могильник (в Молдавии) III—IV вв., свидетельствуют о далеко зашедшем процессе этнического смешения: устройство могил здесь сарматское, а керамика — древнеславянская[69]. В последнее время археологи пришли к заключению, что славяне и сарматы сыграли значительную роль в формировании черняховской культуры. Сарматы, перешедшие под влиянием местных, в том числе и славянских, племен к оседлости, привнесли в эту культуру обряд трупоположения[70].

Не соответствует действительности и тезис Г. В. Вернадского, заимствованный им у реакционных германских историков, о покорении славян готами. Малочисленность готских погребений и отсутствие готских вещей в материальной культуре Северного Причерноморья говорят о растворении готов в местной этнической среде[71]. Археологи также установили, что между славянами и тюрками-болгарами, носителями салтовской культуры (VIII—IX вв.), существовали мирные, дружеские отношения, а не отношения господства и подчинения: известны остатки славянской роменско-боршевской культуры на поселениях салтовского типа и салтовские вещи на славянских поселениях[72].

---

[65] См. указ. рецензии М. Н. Тихомирова, С. П. Толстова, С. А. Покровского на книгу Г. В. Вернадского «Ancient Russia». New Haven. 1944.

[66] G. Vernadsky. Ancient Russia. New Haven. 1943 (2d ed.— 1944); его же. A History of Russia. 4th ed. New Haven. 1954; его же. Das frühe Slawentum. Das Ostslawentum bis zum Mongolensturm. «Historia Mundi». Bd. 5, 1956, S. 251—300.

[67] G. Vernadsky. Essai sur les origines russes. T. 1—2. Paris. 1959, pp. 108, 116—118, 125, 137, 139, 151, 332—334.

[68] Ю. В. Кухаренко. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда). СА, 1954, XIX, стр. 120.

[69] Э. А. Рикман. Могильник первых столетий новой эры у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, № 1, стр. 200.

[70] А. П. Смирнов. К вопросу об истоках Приазовской Руси. СА, 1958, № 2, стр. 275, Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). СА, 1958, № 3, стр. 234, 243.

[71] А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 274—275.

[72] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, М.-Л. 1958, стр. 62 (далее — МИА).

Исследование письменных памятников показывает, что гораздо сложнее обстоит дело и с фактами подчинения славян другими племенами. Такому подчинению обычно сопутствовала упорная борьба, перемежавшаяся установлением мирных и даже союзнических отношений. Так, известное по летописи «примучивание» славян аварами (обрами) в середине VI — начале или середине VII в. сопровождалось длительной борьбой. При этом часть славян в союзе с аварами выступала против Византии [73]. Изучение топографии и обстоятельств зарытия кладов на славянской территории VIII в. приводит к мысли о том, что хазары наложили дань на славян только после военных столкновений [74].

Таким образом, историческая действительность была куда более сложной, чем ее изображает Г. В. Вернадский. Шла упорная борьба восточных славян с кочевыми племенами, оказывавшая ощутимое влияние на обстановку во всей Восточной Европе, имели место и союзнические отношения, и взаимные влияния культур, и ассимиляция славянами других племен, были, конечно, и случаи временного подчинения какой-то части восточнославянских племен кочевниками (например, аварами).

В отличие от большинства норманистов Г. В. Вернадский выводит термин «Русь» от названия господствовавшего аланского рода «рукс», что означает «сияющий». Однако такое толкование совсем не говорит о его отказе от основных положений норманизма. В роли создателей первого государства на Руси, которым он считает «Русский каганат» со столицей в Тмутаракани, у Г. В. Вернадского выступали скандинавы. В последней своей книге он заявил, что и русы и варяги являются скандинавами; разница между ними, по его мнению, состоит в том, что первые — скандинавы восточные, а вторые — западные [75].

Таким образом, Г. В. Вернадский использует ту же концепцию варяжского «завоевания», но в несколько измененной форме, стремясь дать «обоснование» положению о славянах как о «расе рабов». Этот клеветнический тезис, как известно, был в свое время заимствован немецкими фашистами у Гегеля для идеологического обоснования агрессии против СССР. Характер построений Г. В. Вернадского говорит о его стремлении по-новому преподнести старые норманистские догмы с тем, чтобы доказать неспособность славян к самостоятельному историческому творчеству. Этот автор считает господство варягов лишь одним из сменявших друг друга иностранных завоеваний. Но такую же мысль высказывал еще А. А. Шахматов [76]. Поэтому никак нельзя согласиться с теми критиками Г. В. Вернадского из лагеря буржуазной историографии, которые полагают, что он якобы проводит «среднюю линию» между норманизмом и антинорманизмом. Такое мнение было высказано, в частности, английским историком Б. Сэмнером. Но и он вынужден был сделать оговорку, что Г. В. Вернадский делает уступки норманизму [77]. Истинную подоплеку построений Г. В. Вернадского выдал Д. Оболенский, признавший, что трактовка Г. Вернадским варяжской проблемы направлена против советской науки [78]. Однако оба названных критика, дав высокую оценку книге Г. В. Вернадского, все же признали неубедительность ее положений о существовании «Русского каганата» на побережье Азовского моря, о происхождении названия «Русь» и некоторых других.

---

[73] «Нариси...», стр. 354.

[74] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, 1955, XIX, стр. 79.

[75] G. Vernadsky. Essai..., pp. 230, 332—334, 349.

[76] В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 32—33, 52—55.

[77] «English Historical Review». Vol. 60, № 236. London. 1945, p. 108.

[78] D. Obolensky. Professor Vernadsky's History of ancient and medieval Russia. «Oxford Slavonic Papers». Vol. 5. Oxford. 1954, p. 24.

Реакционная суть концепции непрерывности подчинения восточных славян иноземным завоевателям обусловила использование ее рядом историков, не скрывающих своей неприязни к СССР. Она бытует на страницах книг по русской истории, изданных в Англии, Франции и США [79]. Большинство авторов этих работ старается подчеркнуть «благотворность» иноземного господства для славян, по-разному обосновывая подобное антиисторическое утверждение. Французский историк Б. Жилль, не считаясь с данными науки, утверждает, что даже нашествие гуннов сыграло положительную роль в создании торговых путей, соединявших север с югом [80].

По свидетельству Аммиана Марцеллина, гуннская орда «потрясает и уничтожает все, что попадается навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор» [81]. Гунны уничтожили в Восточной Европе часть славянского населения, сровняв с землей множество поселений славян в южной лесостепи. Археологами установлено, что в период гуннского нашествия (конец IV в. н. э.) прекратили свое существование в огне пожаров или под ударами врага многочисленные поселения черняховской культуры, одним из компонентов которой был славянский элемент. Перед лицом вражеской угрозы население зарывало наиболее дорогие вещи в виде кладов (поселения в Лукашовке, Оргееве, Кириленах и др.) [82].

Оценивая роль иноземных завоеваний, буржуазный историк-эмигрант П. Б. Струве выдвигает свой критерий прогресса. Значение хазарского владычества он видит в том, что «это данничество чужой власти приучило славян к подданству» [83]. Отрицая существование периода общинной свободы у славян, П. Б. Струве пытается протащить в науку идею об извечности эксплуатации в славянском обществе. Другой эмигрант, А. А. Васильев, стремится убедить читателя «в благотворности» иноземных влияний, не останавливаясь при этом перед фальсификацией исторических фактов. Кочевников — готов, тюрок, гуннов, хазар — он ставит на одну доску с греками и римлянами, культура которых оказала положительное влияние на развитие Причерноморья. Будучи ярым сторонником норманизма, А. А. Васильев отводит наемникам-варягам роль «силы, которая смогла объединить и оживить все эти элементы культуры и цивилизации» [84]. По справедливому определению советского византиниста М. В. Левченко, книга А. А. Васильева является повторением и пропагандой норманской теории [85].

Попытку «обоснования» тезиса о непрерывности господства над восточными славянами иноземных захватчиков предпринял американский славист С. Х. Кросс в своей статье о ранней культуре восточных славян. Он всячески пытался «доказать» неспособность восточных славян к самостоятельному развитию культуры и техники. Последнюю, по его мнению, славяне заимствовали у различных народов, «подвергаясь более тысячелетия серии иностранных влияний». С. Х. Кросс признает, что сельское хозяйство получило у восточных славян значи-

[79] J. Thomson. Russia: the old and the new. London. 1948, p. 4; R. D. Charques. A Short History of Russia. London. 1956, p. 16; B. Gille. Histoire economique et sociale de la Russie du Moyen âge au XX-e siecle. Paris. 1949, p. 17; P. Kovalevsky. Manuel d'histoire russe. Paris, 1948, p. 42; П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России. Париж. 1952, стр. 29; M. T. Florinsky. Russia. A History and an Interpretation. Vol. I. New York. 1953, p. 7; A. A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass. 1946, p. 66.

[80] B. Gille. Указ. соч., стр. 17.

[81] См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «ВДИ», 1949, № 3, стр. 306.

[82] «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 162.

[83] П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 29.

[84] A. A. Vasiliev. Указ. соч., стр. 66.

[85] М. В. Левченко Указ. соч., стр. 150.

тельное распространение, но «и в этой области большинство знаний появилось в результате контактов с более развитыми народами». Оказывается, по его мнению, «развитием сельскохозяйственной техники, ремесел и производством оружия славяне сильно обязаны своим соседям, особенно же германцам» [86].

Вопрос о соотношении уровней развития производительных сил и причинах однотипности производственных отношений у различных народов интересен с точки зрения выяснения условий их перехода от первобытнообщинного строя к феодализму. Исследователи обращают внимание на общую черту, характерную и для германцев и для славян,— на наличие у них к началу процесса феодализации такого уровня развития производительных сил, который был необходим для складывания феодализма. В то время как германцы в результате завоевания Римской империи восприняли соответствующие этому способу производства производительные силы, славяне в основном самостоятельно достигли уровня, приведшего к возникновению у них феодальных отношений [87]. Таким образом, развитие производительных сил восточных славян объясняется не заимствованиями, а материальными и общественными условиями их жизни.

О стремлении буржуазной историографии распространить антиисторическую идею о развитии производительных сил восточных славян в результате иноземных влияний свидетельствует и книга С. Х. Кросса о цивилизации славян [88]. Характерно для буржуазных историков высказывание рецензента этой работы Б. Сэмнера, рассматривающего славян как «группу народов, близких в расовом отношении и по языку, но различающихся между собой культурными и политическими влияниями, которым они подвергались» [89].

Концепцию непрерывности иноземного господства над славянами использовал украинский националист Р. Смаль-Стоцкий для обоснования выдвинутой им гипотезы о социальном значении термина «Русь». Происхождение этого названия, по его мнению, восходит ко временам господства готов над славянами. Имя Русь якобы произошло от русского слова «русый» — белокурый. Так будто бы называли славяне своих повелителей — готов. Сами же славяне были «черньюю». С появлением в Восточной Европе новых господ — также белокурых — варягов к ним и перешло имя готов, «которое впоследствии слилось с фонетически сходным племенным названием варягов» [90]. Ради «обоснования» и распространения идеи о славянах как «расе рабов» Р. Смаль-Стоцкий игнорирует огромный материал письменных источников, топонимики и археологии о Руси как о славянском племени Поднепровья [91].

Из основных положений концепции о непрерывности подчинения славян завоевателям исходит американский историк Ф. Каплан в статье «Падение хазар и возвышение варягов». Утверждая, что «варяги заменили хазар в качестве сюзеренов славянского населения в Киев-

---

[86] S. H. Cross. Primitive Civilization of the eastern Slavs. «American Slavic and East European Review». Vol. 5, part 1—2, 1946, p. 63, 65, 66, 87.

[87] К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян. «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 79; И. В. Созин. К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 109.

[88] S. H. Cross. Slavic Civilization through the Ages. Cambridge, 1948. Французское издание — Paris. 1955.

[89] «English Historical Review». Vol. 64, № 250. London. 1949, p. 120.

[90] R. Smal-Stocky. The Origin of the Word «Rus». «Slavistica». Vol. 6. Winnipeg. 1949.

[91] Б. А. Рыбаков. Проблема происхождения Руси. «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 740—755.

ской области», он направляет свое внимание на выяснение деталей, обстоятельств и причин, приведших к смене одного народа-повелителя другим. Подчинение славян сначала хазарам, а затем варягам Ф. Каплан считает неоспоримым фактом [92]. Он старается уверить читателя в «благотворности» влияния хазар, присоединяясь к мнению Ю. Брутцкуса (построения последнего даже буржуазная критика признает ныне ненаучными) [93] о том, что якобы «не только управление, армия и законы славян были основаны на хазарской традиции, но даже и религия, земледелие, ремесла и искусства пришли с Востока благодаря хазарам» [94].

Письменные и археологические памятники не дают никаких оснований для такого рода утверждений. Буржуазные историки, говоря о господстве хазар в Киеве, обычно ссылаются на «Повесть временных лет», сохранившую свидетельство о дани полян хазарам. Но они не хотят замечать одну деталь: в источнике сказано о дани мечами [95], что говорит скорее об отказе полян платить дань хазарам. Источники позволяют сделать вывод об уплате дани хазарам славянскими племенами радимичей, вятичей и северян в период наивысшего могущества Хазарского каганата. Однако славянские земли никогда не входили в состав каганата, а лишь граничили с ним (его северо-западная граница проходила по нижнему Дону) [96]. Сообщения письменных источников и археологические материалы рисуют хазар кочевниками, переходившими к оседлости. Хазария почти ничего не производила, но использовала свое положение таможенной заставы на важных путях международной торговли [97].

С активизацией в послевоенное время сторонников теории непрерывного подчинения славян другими племенами связано появление в переработанном и расширенном виде работы Г. В. Вернадского о венгерском господстве в Киеве, впервые напечатанной в 1939 году [98]. Опираясь главным образом на хронику Анонима — нотария венгерского короля Белы III, сочинившего в начале XIII в. в целях оправдания агрессивных устремлений венгерских феодалов в отношении русских земель миф о покорении вождем венгров Альмошем Киева в конце IX в., Г. В. Вернадский развивает мысль о подчинении Киевской земли венграм-кочевникам. Интересы последних якобы представляли здесь князья Аскольд и Дир [99]. Исследователь славяно-венгерских связей венгерский историк Й. Перени на основе анализа источников пришел к выводу: «Нет никакого основания предполагать, что Киев когда-либо находился под владычеством венгров». Взаимоотношения венгров-кочевников и славян носили характер взаимных контактов народов-соседей [100].

Рассмотрение норманистских теорий убеждает в том, что не-

---

[92] F. J. Kaplan. The Decline of the Khazars and the Rise of the Varangians. «American Slavic and East European Review». New York. Vol. 13, 1954, № 1, p. 2, 4, 8.

[93] S. Szyszman. Les Khazars. Problémes et controverses. «Revue de l'histoire de religions». T. 152, № 2. Paris. 1957, p. 174—221.

[94] J. Brutzkus. The Khazar Origin of Ancient Kiev. «Slavonic and East European Review» (American Series). Vol. 23, № 58. New York. 1944, p. 108.

[95] ПВЛ, I, стр. 16.

[96] Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. «Академику Б. Д. Грекову в день его 70-летия». Сборник статей. М. 1952, стр. 76—88; его же. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, 1953, XVIII, стр. 150.

[97] «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 720, 722.

[98] G. Vernadsky. Lebedia. Studies on the Magyar Background of Kievan Russia. «Byzantion». T. 14, f. 1—2. Bruxelles 1939, p. 179—203.

[99] G. Vernadsky. Lebedia. Studien über den madjarischen Hintergrund des Kiewer Russland. В книге: G. Vernadsky und M. de Fernandy. Studien zur ungarischen Frühgeschichte. München. 1957.

[100] Й. Перени. Взаимоотношения между венграми и восточнославянскими племенами. «Studia Slavica». T. 2, № 1—4. Budapest. 1956, p. 24, 28.

которые буржуазные историки пытаются выбросить за борт мировой истории развитие славянского общества и стараются доказать, что достойны изучения лишь народы, якобы осуществлявшие господство над славянами.

★

От сторонников вышеизложенной концепции мало чем отличаются те буржуазные историки, которые, подчеркивая «творческую» роль варягов, связывают с их появлением в Восточной Европе возникновение классов у славян. Английский историк Л. Сегал считает, например, что «в результате занятия страны завоевателями сформировались военная и торговая касты, освобожденные от обложения налогами, которые взимались с местного населения» [101]. О решающем участии варягов в формировании господствующего класса славян говорит французский историк Г. Вельтер. «Варяги,— пишет он,— дали восточным славянам понятие государства и образцы некоторых институтов... Во всяком случае представляется вполне очевидным, что вскоре после утверждения скандинавов на Днепре коллективное имя «Русь» стало обозначать правящий класс... Затем «Русь» стала обозначать бассейн среднего Днепра и, наконец, народность, образованную восточными славянами. Таким образом, этот термин применялся последовательно для обозначения общественного класса, области и народа» [102]. Г. Вельтер выступает как сторонник теории «социального происхождения» Руси, некоторое время тому назад имевшей хождение в нашей историографии [103]. Он руководствуется этой теорией в сочетании с норманизмом для «доказательства» неспособности славян к самостоятельному историческому творчеству.

Особое пристрастие к этой концепции питают реакционные немецкие историки. Так, О. Хетцш заявляет, что германцы-варяги «дали славянам и властителей и социальные институты» [104]. Современный западногерманский историк Х. Флейшхакер проводит более осторожно ту же мысль, представляя возникновение социального деления в Киевском государстве как результат «беспорядочного наслоения князей варяжского происхождения и их потомков на общинные союзы восточнославянских племен» [105]. Политический смысл такого рода утверждений состоит в попытке оправдать претензии германского империализма на господство над славянскими народами и подвести «историческую базу» под нынешний реваншизм. Взгляды на решающую роль варягов в классообразовании у восточных славян разделяют также французские [106], американские [107], английские историки [108] и русский эмигрант П. Б. Струве [109]. Пытается обосновать тезис о том, что социальные институты пришли к славянам с Запада, и упоминавшийся выше С. Х. Кросс. Он повторил старую догадку о «готическом, западногерманском происхождении» термина «князь» [110]. Латышский археолог-эмигрант Ф. Балодис заявляет, что антропологические исследования якобы подтверждают наличие на Руси до XII в. «варяжско-

---

[101] L. Segal. Указ. соч., стр. 12.

[102] G. Welter. Указ. соч., стр. 19, 32, 36.

[103] С. В. Юшков. К вопросу о происхождении русского государства. «Ученые записки» Московского юридического института НКЮ СССР. Вып. 2, 1940, стр. 53; его же. К проблеме образования феодального государства. М. 1948; его же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949.

[104] O. Hoetzsch. Grundzüge der Geschichte Rußlands. Stuttgart. 1949, S. 21.

[105] «Handbuch der Weltgeschichte». Hrsg. von A. Randa. Bl. I. Olten und Freiburg. 1954, S. 937.

[106] M. Lheritier. La Russie des Tzars jusqu'au XIX siècle. Paris. 1946, p. 33; B. Gille. Указ. соч., стр. 17.

[107] H. G. Pratt and H. L. Moore. Указ. соч., стр. 19.

[108] B. Pares. A History of Russia. London. 1949, p. 54.

[109] П. Б. Струве. Указ. соч., стр. 5, 30, 36.

[110] S. H. Cross. Primitive Civilization of the eastern Slavs, p. 62.

го слоя», поскольку варяги, по его мнению, являлись господствующим классом и князьями у восточных славян [111].

Теории варяжского происхождения господствующего класса на Руси противостоит весь фактический материал, который характеризует процесс имущественной дифференциации, выделения классов и местное, славянское происхождение феодалов. Последние фигурируют в источниках времени существования Древнерусского государства (летописи, «Русская Правда», договоры Руси с греками) в качестве князей, бояр, дружинников, представляя уже сложившийся и оформившийся класс феодалов. Благодаря успехам советской археологии появилась возможность представить картину складывания этого класса и его этнический состав. Об имущественной дифференциации славянского населения и сосредоточении богатств в руках племенной верхушки говорят клады, содержащие продукцию местного ювелирного производства. Наиболее ранние из них относятся к VII—VIII вв. (два клада с Пастырского городища), VIII в. (из с. Харьевки), VIII—IX вв. (из с. Ивахники). Удалось определить, что Харьевский клад принадлежит представителю славянского населения, оставившего памятники волынцевского типа (ранний слой роменской культуры) [112].

Этническую принадлежность класса древнерусских феодалов исследователи определили на основе материалов так называемых дружинных погребений, то есть погребений вооруженной землевладельческой знати. Дружинные курганы с характерным для них обрядом погребения и инвентарем датируются IX—X веками. К этому времени господствующий класс уже сложился и юридически оформился. К раннему этапу формирования класса феодалов относится Волынцевский могильник VII—VIII вв. (на р. Сейм). Здесь из девятнадцати погребений три выделяются количеством и характером находок (украшения, остатки военного снаряжения); в погребальном обряде прослеживаются элементы, свойственные дружинным погребениям. Славянская принадлежность богатых погребений несомненна [113]. Советские археологи доказали также славянскую принадлежность древнерусских дружинников X века. Вывод этот был сделан на основе сопоставления вооружения и снаряжения русских и скандинавских дружинников того времени: скандинавы часто пользовались копьями и боевыми топорами, на Руси такие виды холодного оружия были редки; шлем на Руси вытянут кверху, а у скандинавов он конической формы; русские дружинники носили кольчугу, скандинавы — кожаный доспех. Археологический материал дружинных курганов убедительно свидетельствует о том, что русские дружинники X в. не были норманнами [114]. Славянский характер дружинных погребений подтверждают памятники такого рода в Киеве [115], Чернигове [116], Гнездове и Ярославском Поволжье [117]. В последнее время в результате изучения дружинных погребений в русских деревнях XI—XII вв. удалось установить, что основная их масса «оставлена (судя по многочисленным деталям погребального обряда и вещевых комплексов) такими же местными жителями, как и

---

[111] F. Balodis. Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland. Lund. 1948, S. 357.

[112] «Нариси...», стр. 375.

[113] Д. Т. Березовец. Исследования на территории Путивльского района Сумской области. «Археологічні пам'ятки УРСР». Т. 3. Київ, 1955, стр. 242—250.

[114] А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. «Историк-марксист», 1939, кн. I, стр. 194.

[115] М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 218—220; Л. А. Голубева. Киевский некрополь. «МИА», № 11, 1949, стр. 114.

[116] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. «МИА», № 11, 1949, стр. 53; Д. И. Блифельд. Раскопки курганов в Чернигове. «КСИА», № 4, 1955, стр. 234.

[117] Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Вып. 30. М.-Л., 1949, стр. 12—13 (далее — КСИИМК).

те, которые погребены без оружия и украшений в более скромных курганах на том же деревенском кладбище»[118].

Археологи прослеживают процесс формирования господствующего класса на Руси также по остаткам укрепленных жилищ феодалов — замков или усадеб. В источниках они фигурируют под именем «градов» и «хором». Остатки этих деревянно-земляных укреплений, сооруженных еще до образования Древнерусского государства, сохранились в бывшей земле древлян (Искоростень), на Княжей Горе (в устье Роси), в Каневе, Любече и в других местах[119]. Археологам удалось проследить возникновение такого рода укреплений из оборонительных сооружений общинников. О превращении общинного убежища в замок, «град», можно составить представление по материалам городища и прилегавшего к нему селища Хотомель (на р. Горыни в Белоруссии). Памятник этот датируется VIII—IX веками. В отличие от прилегающего к нему селища на городище не сохранилось орудий труда, но здесь найдено большое количество вооружения и конского снаряжения, дорогие украшения. Такое соотношение находок на городище и селище позволяет предполагать, что уже в VIII—IX вв. общинное убежище превратилось в местопребывание богатой и хорошо вооруженной племенной верхушки — зародыша будущей дружины[120]. Наиболее ранний замок (IX в.) известен по раскопкам городища и селища у хутора Половецкого (Киевская область)[121]. Обобщая материалы об изменении социальных функций крепостных сооружений в период до и после образования Древнерусского государства, П. А. Раппопорт пришел к выводу, что «если островные и мысовые городища, не имеющие замкнутого вала, в VIII, IX, а отчасти и в X вв. являются укрепленными общинными поселениями, то такие же городища X и особенно XI—XIII вв.— это уже остатки укрепленных сельских поселений типа владельческого двора, причем очень вероятно, что эти типы укрепленных поселений часто непосредственно перерастали один в другой»[122].

В той картине становления господствующего класса на Руси, которая воссоздается археологией, не остается места для «творческой» роли варягов, о которой твердят сторонники норманской теории. Письменные памятники (летопись, договоры Руси с греками) и археологические материалы (немногочисленные погребения скандинавов) свидетельствуют не о решающей роли норманнов в создании господствующего класса на Руси, а лишь о вхождении скандинавских выходцев в его состав, о службе отдельных варягов у русских князей в качестве воинов, послов и купцов. Такая роль варягов признается и марксистской историографией[123].

Сторонники взгляда на норманнов как на создателей классового общества на Руси и на основу господствующего класса в Киевском государстве довольно многочисленны среди нынешних норманистов. Используя исторически достоверный факт вхождения отдельных представителей варяжских дружин в состав класса феодалов на Руси, буржуазные исто-

---

[118] М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв. СА, 1960, № 1, стр. 86.

[119] В. А. Богусевич. Походження і характер древнеруських міст Наддніпрянщини. «Археологія», V, 1951, стр. 37; В. И. Довженок. Про дофеодальний період в історії Русі. «Археологія», VI, 1952, стр. 11—12; М. Ю. Брайчевский. К происхождению древнерусских городов. «КСИИМК». Вып. 41, 1951, стр. 33; П. Н. Третьяков. Древлянские грады. «Академику Б. Д. Грекову в день его 70-летия», стр. 67.

[120] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. «КСИИМК». Вып. 68, 1957, стр. 91; его же. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья. «КСИА», т. 7, 1957, стр. 92; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 45.

[121] В. И. Довженок. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году. «КСИА», 1959, № 8, стр. 154.

[122] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. М.-Л. 1956, стр. 38.

[123] «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. I. М. 1953; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów.., s. 178.

рики пытаются обосновать свои утверждения о господстве варягов над славянами.

Реакционный характер таких взглядов на роль норманнов проявляется не только в его совершенно определенной политической окраске, но также и в его влиянии на освещение буржуазной историографией вопроса о характере Древнерусского государства. Дело в том, что в современной буржуазной историографии многие историки разделяют концепцию, высказанную в свое время В. О. Ключевским, который полагал, что «учреждения, социальные отношения, нравы, успехи знания и искусства, даже нравственно-религиозной жизни были прямыми или отдаленными последствиями совокупного действия... волостного торгового города и внешней торговли» [124]. Сторонники «торговой теории» имеются в современной американской [125], английской [126], западногерманской [127], французской [128], швейцарской [129], итальянской [130] буржуазной историографии. Особенно защищают основные положения этой теории историки-эмигранты [131]. Один из них, М. Карпович, выступил с любопытным признанием, что освещение характера Древней Руси по В. О. Ключевскому принято нынешними буржуазными авторами в качестве противовеса марксистской трактовке сущности Киевского государства [132] как феодального.

Знакомство с работами авторов, придерживающихся «торговой теории», показывает, что в массе своей они являются приверженцами норманизма. Это не случайный факт. Широкое распространение в современной буржуазной литературе «торговой теории» объясняется, на наш взгляд, той ролью, которую выполняет эта теория в деле «обоснования» норманистами тезиса о варягах как создателях социального строя Древней Руси, как основе господствующего класса Киевского государства. Согласно этому тезису, Древнерусское государство было основано норманнами — воинами и торговцами, составившими в нем господствующий слой, поскольку само государство носило торговый характер. Таким образом, необходимость «обоснования» норманистских концепций обусловила сохранение и использование в буржуазной литературе «торговой теории» В. О. Ключевского. Признание же Древнерусского государства феодальным потребовало бы от норманистов «превращения» варягов в землевладельцев. Осуществить такое «превращение» без риска быть уличенным в фальсификации гораздо труднее, чем просто воспользоваться традиционным взглядом на внешнюю торговлю как на движущую силу и характер-

---

[124] В. О. Ключевский. Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М. 1956. стр. 103.

[125] R. J. Kerner. The Urge of the Sea. The Course of Russian History. Berkeley and Los Angeles. 1946, p. 13, 14; M. T. Florinsky. Указ. соч., стр. 7, 8, 16, 21, 37. (См. разбор этой книги в рецензии И. Минца, Л. Черепнина и Е. Дружининой. «Коммунист», 1954, № 11, стр. 121—128); S. Harcave. Указ. соч., стр. 10.

[126] B. Pares. Указ. соч., стр. 54, 60; B. H. Sumner. Survey of Russian History. 2-d ed. London. 1947, p. 23; R. D. Charques. Указ. соч., стр. 21.

[127] P. Sethe. Указ. соч., стр. 24, 26; O. Hoetzsch. Указ. соч., стр. 21, 26, 28, 31; «Handbuch der Weltgeschichte», S. 929—930.

[128] P. Pascal. Histoire de la Russie des origines à 1917. 3-me ed. Paris. 1957, pp. 6—7; B. Gille. Указ. соч., стр. 20—21.

[129] G. de Reynold. Le monde russe. Paris. 1950, pp. 77, 93, 94; F. Giterman. Geschichte Russlands. Bd. I. Zürich. 1944, S. 30, 34, 35, 69, 71, 72.

[130] E. Lo Gatto. Storia della Russia. Firenze. 1946, p. 29; его же. Momenti e figure della storia russa. Rocca san Casciano. 1953.

[131] С. Г. Пушкарев. Обзор русской истории. Нью-Йорк. 1953, стр. 17, 22, 57; B. Nikolsky. Le peuple russe. Sa carrière historique. 862—1945. Neuchâtel. 1945, pp. 28, 29, 45; К. И. Зайцев. Киевская Русь. 2-е изд., Шанхай. 1949. Содержание работы нам известно по рецензии Г. В. Вернадского: «Speculum». Cambridge, Mass., Vol. 26, 1951, p. 434; G. Vernadsky. Kievan Russia. 2-d ed. New Haven. 1951, pp. 18, 99, 107—111, 116—121, 172.

[132] M. Karpovich. Klyuchevski and Recent Trends in Russian historiography. «Slavonic and East European Review». Vol. 31, № 1, 1943, pp. 32, 33, 39.

ную черту Древней Руси. Современные норманисты не только используют давно устаревшие взгляды отдельных русских дореволюционных историков, но и сознательно увековечивают их. Таким образом, норманизм превращается в серьезный тормоз, препятствующий прогрессу в науке.

Современному норманизму свойственно также стремление как-то согласовать догмы норманской теории с новыми взглядами на характер Древнерусского государства. Эта тенденция нашла отражение в работе французского историка М. Леритье, который говорит о привнесении варягами феодальных отношений [133]. Американский историк В. Кирхнер пишет о проникновении феодальных отношений на Русь с Запада [134]. Конечно, оба историка понимают под феодализмом не соответствующий способ производства, а лишь отношения между отдельными группами господствующего класса. Необоснованность тезиса о привнесении феодальных отношений в Восточную Европу варягами становится очевидной при рассмотрении данных о формировании классов феодального общества на Руси, с одной стороны, и при знакомстве с материалами, характеризующими недостаточную степень феодализации самой Скандинавии в IX в.,— с другой. Известно, что последняя вступила на путь феодального развития только в IX—XI веках. Раннефеодальное государство в Швеции оформилось лишь в XI в., в период расцвета Древнерусского государства [135].

Показательно, что некоторые норманисты в последнее время предпринимают попытки изобразить варягов уже не в роли торговцев или основателей «торгового» государства, а в качестве крупных землевладельцев, более того, создателей крупного землевладения на Руси. Именно в этом духе трактует роль норманнов американский историк Дж. Блюм. «Так как,— пишет он,— скандинавы были знакомы с институтом частного землевладения у себя на родине, то вполне возможно, что они сознательно перенесли его на русскую почву». Дж. Блюм считает достаточным основанием для такого утверждения факт... пожалования земельного владения русским великим князем Ярославом норвежскому королю Олафу, о чем сообщает Снорри Стурлузон [136]. До Дж. Блюма буржуазные историки не решались на столь явное насилие над историческими фактами. Выше уже приводились данные, показывающие местную, славянскую принадлежность господствующего класса Древней Руси. Наука располагает также материалами о его землевладельческом характере с самого начала. В княжеском погребении близ Чернигова (Черная могила) были найдены земледельческие орудия — серпы. Рассредоточенность черниговских дружинных погребений свидетельствует о появлении у дружинников земельных владений вокруг этого города [137].

Попытку «обосновать» тезис о том, что якобы варяги составили основу господствующего класса Древней Руси, предпринял также американский историк Г. Уорд в статье «Английские «датские деньги» и русская дань». Он стремится доказать, что термин «датские деньги» (danegeld), служивший для обозначения налога в Англии XI в., произошел якобы от славянского слова «дань». По мнению Г. Уорда, варяги заимствовали идею налога-дани в Византии, стали собирать его с подвластных им славян, а затем перенесли это славянское название в Англию [138]. Г. Уорд не утруждает себя объяснением признанного им же факта устойчивого

---

[133] M. Lheritier. Указ. соч., стр. 34.

[134] W. Kirchner. An Outline History of Russia. 2d ed New York. 1950, p. 24.

[135] «Всемирная история». Т. III. М. 1957, стр. 196. 198.

[136] J. Blum. The Beginnings of Large-scale Private Landownership in Russia. «Speculum». Vol. 28, № 4. Cambridge, Mass., 1953, pp. 780, 789, 784. Взгляд автора на варягов как на создателей крупного землевладения изложен им также в статье о происхождении крепостничества в Восточной Европе («The Rise of Serfdom in Eastern Europe». «American Historical Review». Vol. 62, № 4, New York. 1957, p. 814).

[137] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 51.

[138] G. F. Ward. The English Danegeld and the Russian Dań. «American Slavic and East European Review». Vol. 13, № 3. New York. 1954, pp. 301—316.

существования именно славянского названия налога. Не интересует его и причина употребления варягами славянского, а не скандинавского названия налога.

Этот американский историк полностью игнорирует то, что дань с населения взималась славянскими князьями еще до образования Древнерусского государства, а в дальнейшем она превратилась в феодальную продуктовую ренту, господствовавшую на Руси до XI века [139].

Западногерманский историк Г. Штёкль стремится использовать общепризнанный ныне факт наличия в Древней Руси многочисленных городов для доказательства... варяжского господства. С этой целью он представляет древнерусский город лишь как место средоточия внешней торговли [140], хотя после работ советских исследователей [141] характер города Древней Руси как центра ремесла и развивавшейся на базе последнего торговли не вызывает больше никаких сомнений.

В более замаскированном виде проводят мысль о неспособности славян к самостоятельному историческому творчеству норманисты, подчеркивающие роль варягов в качестве организующей силы на славянской земле. Такую точку зрения разделяют американские историки К. Мэннинг [142] и А. Спектор. Последний изображает предводителя варяжской дружины Рюрика как «прекрасного организатора, оставившего после себя правительственный аппарат, который можно считать действительно превосходным...» [143]. Для швейцарского историка Г. Рейнольда такого рода организатором является варяжский князь Олег [144]. Западногерманский историк П. Зете также отводит организаторскую роль варягам [145]. Тезис о варягах-организаторах постоянно служил норманистам для обоснования идеи о многовековом германском влиянии на Россию. Так, французский славист М. Эрман, считая, что организующее влияние немцев являлось будто бы одной из характерных черт русской истории, делает попытку показать это влияние, начиная с «представителя скандинавской династии Рюрика, организовавшего первое русское государство», вплоть до... деятельности немецких инженеров в СССР в годы первых пятилеток [146]. Но подобные заключения не имеют, конечно, никакой реальной почвы. В построениях сторонников концепции о варягах-организаторах засвидетельствованные источниками факты найма русскими князьями варяжских дружин и службы отдельных варяжских предводителей у этих князей в качестве военачальников, дипломатов подменяются вымыслом об исключительной роли этих деятелей.

Приверженцы концепции, отводящей варягам роль «организаторов» Древнерусского государства, не желают принимать во внимание свидетельства источников о существовании у славян государственности еще

---

[139] С. В. Юшков. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. «Историк-марксист». 1936, кн. 6, стр. 134—138; В. И. Довженок. К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси «Материалы по истории земледелия СССР». Т. I. М. 1952, стр. 158—159; М. Ю. Брайчевський. Про початкову форму феодальної експлуатації в Київскій Русі, «Вісник АН УРСР», Київ. 1959, № 4, стр. 64.

[140] G. Stökl. Russland and Europa vor Peter dem Grossen. «Historische Zeitschrift». Bd. 184, H. 3. München. 1957, S. 537.

[141] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 99; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956.

[142] C. A. Manning. The Story of the Ukraine. New York. 1947, p. 32.

[143] I. Spector. An Introduction to Russian History and Culture. New York, 1950, p. 9.

[144] G. de Reynold. Указ. соч., стр. 75.

[145] P. Sethe. Указ. соч., стр. 6.

[146] M. Herman. Quelques caractères de l'histoire russe. «Revue des sciences humaines». Fasc. 50. Paris. 1948, p. 50.

до появления варягов на Руси. Когда норманны пришли на земли восточных славян, они застали там уже государственные образования, называемые «Повестью временных лет» «княжениями». Этот источник упоминает княжения у полян, древлян, дреговичей, новгородских словен, полочан [147]. «Повесть временных лет» сохранила имена славянских князей, возглавлявших первые государственные образования на Руси. Таков древлянский князь Мал, считавший себя, по свидетельству летописи, равным киевской княгине Ольге [148]. Из «Поучения» Владимира Мономаха известно о существовании у вятичей еще в XI в. своего княжения во главе с Ходотой [149]. Древнейший Киевский свод 1039 г. сообщает о киевских князьях Аскольде и Дире [150]. О Дире, «первом из славянских царей», упоминает восточный автор Масуди [151] (первая половина X в.). Никоновская и ряд других летописей сохранили сведения о новгородском старейшине Гостомысле [152]. «Житие Стефана Сурожского» говорит о набеге «новгородского князя» Бравлина на Сурож в 838 году [153].

К концепции об организующей роли варягов близка версия о варягах как объединителях восточного славянства. Выдвинута она была в свое время С. М. Соловьевым [154]. Современные норманисты использовали также и эту старую точку зрения [155]. Последняя содержит в себе косвенное признание существования отдельных государств на Руси и до прихода варягов.

Древнерусское государство действительно образовалось в результате объединения нескольких государственных образований в единое целое. Такое объединение, конечно, не могло быть следствием деятельности отдельных исторических лиц. Возникновение государственного единства восточных славян явилось завершением многостороннего процесса объединения славянских племен. Повсеместное распространение памятников роменского типа на территории их расселения в VIII—X вв. [156] служит доказательством создания к этому времени единства материальной культуры восточных славян. Наличие в различных восточнославянских землях идентичных по обряду и инвентарю погребений землевладельческой знати (дружинные погребения) IX—X вв. и возникновение здесь замков свидетельствуют о примерно одинаковом уровне социально-экономического развития этих земель. Между ними складывались торговые и культурные связи: в Новгороде, например, найдены вятичские, радимичские и кривичские украшения [157]. Определение топографии роменских городищ VIII—X вв. на левобережье Днепра позволило проследить процесс политического объединения в рамках отдельных областей. Эти городища обычно группировались в гнезда, включавшие пять—восемь поселков. Центрами таких гнезд выступали поселки-грады, выросшие впоследствии в настоящие города, упоминаемые летописями (Путивль, Рыльск, Курск, Лубен и др.) [158]. Эти данные говорят об объективности исторического процесса создания государственного единства восточных славян и решитель-

---

[147] ПВЛ, I, стр. 13.
[148] Там же, стр. 40.
[149] Там же, стр. 159.
[150] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 320—322.
[151] А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 137.
[152] Полное собрание русских летописей. Т. IX. СПб. 1862, стр. 3.
[153] В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. CCLXIX—CCLXXI.
[154] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I. М. 1959, стр. 130.
[155] B. Pares. Указ. соч., стр. 47; N. Ottokar. Compendio di storia della Russia. Firenze. 1950, p. 10; O. Halecki. Указ. соч., стр. 33—35.
[156] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения..., стр. 38—39.
[157] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). «МИА», 1959, № 65, стр. 261.
[158] И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения..., стр. 40; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР», стр. 852.

но опровергают утверждения норманистов, отводящих варягам роль объединителей восточного славянства.

Одна из групп нынешних норманистов использует исторически достоверный факт привлечения славянскими князьями скандинавских наемников для того, чтобы изобразить варягов защитниками славянских земель от иноземных захватчиков. Этот прием дает буржуазным историкам возможность умалчивать о борьбе славянских племен против кочевников, имевшей большое значение для развития народов Европы. Наиболее определенно на этот счет высказывается В. Кирхнер, считающий, что сами славяне не были будто бы способны защитить свои земли от внешних вторжений [159]. Чешский историк-эмигрант Ф. Дворник рассматривает скандинавов как защитников славян от кочевых орд [160].

М. Т. Флоринский использует ту же версию для «обоснования» своего мнения о благотворности «варяжского завоевания» [161]. Однако известно, что основную тяжесть военных мероприятий Древнерусского государства выдерживали войска, состоявшие из крестьян — смердов (источники их называют воями). Происхождение свое они вели от народного ополчения эпохи военной демократии. Варяги же представляли собою незначительную часть профессионального войска киевского князя — его дружины, подавляющую массу которой составляли воины-славяне [162].

Приписывание варягам роли организаторов, объединителей и защитников славян необходимо норманистам для воскрешения реакционных идей о неполноценности славянских народов, нуждающихся якобы в постоянном руководстве со стороны иноземцев. Историк Германской Демократической Республики проф. Г. Мюльпфордт справедливо заметил, что в Западной Германии оживление такого рода взглядов свидетельствует об усилении реваншизма [163].

Особенностью современного состояния варяжской теории является активизация сторонников норманской колонизации Восточной Европы, в том числе и земледельческой. Концепция эта была выдвинута сравнительно давно [164]. Английский историк Н. Чэдвик пыталась в послевоенные годы придать более основательный вид тезису о потоке скандинавских переселенцев в славянские земли [165]. Акад. М. Н. Тихомиров показал, что в силу плохого знания русских источников, переоценки скандинавских саг, игнорирования советской литературы и трудов А. А. Шахматова сочинение Н. Чэдвик представляет собой «плод самонадеянной и невежественной стряпни» [166]. Даже буржуазный историк Э. Амбургер был вынужден признать, что работа Н. Чэдвик «лишена основательности и достоверности» [167]. Ясно, что не научные качества, а норманистские выводы привлек-

---

[159] W. Kirchner. Указ. соч., стр. 8.

[160] F. Dvornik. The Making of Central and Eastern Europa. London. 1949, p. 61.

[161] M. T. Florinsky. Указ. соч., стр. 8.

[162] Б. Д. Греков. Организація військових сил східних слов'ян і Київської держави. «Наукові записки АН УРСР. Інститут історії і археології». Кн. 2, Київ, 1946; В. И. Довженок. Військова справа в Київській Руси. Київ. 1950.

[163] G. Hilke. Zwei Tendenzen in der antisowjetischen westdeutschen Geschichtsschreibung. «Forum», Jg. 10, Berlin. 1 Apr. 1956, S. 3.

[164] К. Тиандер. Датско-русские исследования. Т. III. Птрг. 1915, стр. 172 F. Braun. Das historische Russland im nordlichen Schrifttum. «Festschrift für Eugen Mogk». Halle. 1924.

[165] N. K. Chadwick. The Beginnings of Russian History. An Enquiry into Sources. Cambridge. 1946, p. 13.

[166] М. Н. Тихомиров. Откровения Чэдвик о начале русской истории. «Вопросы истории». 1948, № 4, стр. 113—115.

[167] E. Amburger. Указ. соч., стр. 147.

ли внимание реакционного историка А. Г. Мазура к этой работе, которая получила незаслуженную похвалу с его стороны [168].

Характер воззрений приверженцев варяжской колонизации явствует из статьи С. Х. Кросса «Проникновение скандинавов в Древнюю Русь». Открыто заявляя себя сторонником норманизма (по его мнению, имеется якобы «достаточно доказательств правильности норманской теории»), он подчеркивает культуртрегерский характер шведской колонизации. Скандинавы, пишет он, принесли славянам оружие, гончарное производство, металлические вещи, навыки в кораблестроении. На Руси викинги, по мысли С. Х. Кросса, были заинтересованы в устройстве торговых поселений, ибо славяне были будто бы «слишком скромно одарены природой, чтобы предоставить норманнам богатую добычу» [169]. Начав с изображения варягов как носителей культуры, С. Х. Кросс приходит к выводу о якобы низком культурном уровне жителей колонизуемой территории.

Тщательное изучение советскими историками вопроса о варяжских колониях и о роли варягов в развитии славянской культуры свидетельствует о том, что для подобных утверждений нет никаких оснований. Русские источники вообще не знают варяжских колоний. Казалось бы, факт существования таких колоний на славянских землях должен был найти отражение в памятниках древнесеверной литературы. Однако Е. А. Рыдзевская, изучавшая эти источники, не могла не отметить, что в них «нет ни намека на какие-нибудь скандинавские поселения в Ладоге и Приладожье», в местах, лучше всего известных варягам. Заслуживает внимания также наблюдение Е. А. Рыдзевской о том, что один из наиболее древних русских городов, Ладога, существовавший уже в VII—VIII вв., впервые упоминается (под именем Альдейгьюборга) в скандинавских сагах лишь в конце X века [170]. Данные топонимики также не дают оснований говорить о колонизационном движении варягов на Русь [171].

Имеющиеся археологические материалы полностью опровергают утверждения сторонников варяжской колонизации о заимствовании славянами техники сельскохозяйственного и ремесленного производства у скандинавов. Особенно убедительны в этом отношении данные раскопок в Ладоге, которая была хорошо известна скандинавам. Установлено, в частности, что это древнее славянское поселение превратилось в город в течение VII—IX веков. Железный сошник VII в., найденный здесь, свидетельствует о наличии пашенного земледелия. Культурные слои Ладоги VII—IX вв. говорят о развитии в городе в то время ремесла, в том числе ремесленной металлургии VII в., о торговле с далекими областями [172].

Археологические материалы полностью опровергают тезис норманистов о том, что скандинавы якобы принесли на колонизованную ими Русь производство металлических и гончарных изделий, оружия, кораблестроение и т. п. К настоящему времени в результате раскопок получены многочисленные данные о развитии на Руси металлодобывающей и металлообрабатывающей промышленности. В Пскове найдены льячки, тигельки, каменные формочки, плавильные горны и орудия труда кузнецов VIII века [173]. Аналогичный горн VIII—X вв. обнаружен в бассейне

---

[168] «The Pacific Historical Review». Vol. 16, № 1, Berkeley and Los Angeles, 1947, p. 68.

[169] S. H. Cross. The Scandinavian Infiltration into Early Russia. «Speculum». Vol. 21, № 4. Cambridge, Mass., 1946, pp. 505—514.

[170] Е. А. Рыдзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. «КСИИМК». Вып. II. М.-Л. 1945, стр. 51, 56.

[171] Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. «Известия АН СССР», 7-я серия. Отделение общественных наук, № 8, Л. 1934, стр. 616.

[172] В. И. Равдоникас. Старая Ладога. «СА», 1950, XII, стр. 38—40.

[173] С. А. Тараканова. Новые материалы по археологии Пскова. «КСИИМК». Вып. 33. 1950, стр. 57—58.

верхней Оки[174]. Материалы раскопок роменско-боршевского городища у Кузнецовой дачи (около Воронежа) VIII—X вв., где обнаружена железоделательная мастерская, дают основание сделать вывод о разделении к этому времени металлургии и металлообработки[175]. Новгородские ремесленники пользовались десятью технологическими приемами обработки металла, сложившимися к концу I тысячелетия н. э.[176]. Благодаря применению спектрального анализа удалось установить, что в Гнездове, которое норманисты считают варяжской колонией, из местных руд производились все металлические изделия, от гвоздей до мечей. Тем самым была решительно опровергнута давнишняя версия норманистов о бытовании на Руси варяжских мечей[177]. На основе изучения всей массы имеющегося археологического материала Б. А. Колчин установил, что «никакого перелома в развитии техники добычи и обработки черных металлов в связи с появлением на территории Древней Руси варяжских отрядов не произошло. В IX в. уже были созданы все основные виды и конструкции орудий труда, оружия и инструментов...»[178].

Утверждениям норманистов о культуртрегерской роли варягов решительно противостоит факт широкого распространения керамики, изготовленной в IX—X вв. на гончарном кругу, в Киеве, Смоленской земле и Новгороде. В то же время известно, что в Скандинавии такой круг стал применяться только в XI—XII веках[179]. При раскопках городища и селища Хотомель (VIII—IX вв.) в одних и тех же комплексах вместе с лепной керамикой были найдены и гончарные сосуды с характерным для славян линейно-волнистым орнаментом, что служит доказательством появления здесь гончарного круга уже в VIII веке[180].

Имеются также достаточные основания для того, чтобы судить о раннем возникновении у восточных славян кораблестроения и морского дела[181]. Стоит вспомнить о морских походах восточных славян по Черному морю в конце VIII — первой половине IX в., зафиксированных византийскими источниками[182].

Не могли принести норманны на Русь и производства оружия. В этом убеждает сравнение мечей, стрел, шлемов и кольчуг русских дружинников, найденных в курганах X в., с вооружением и снаряжением скандинавов[183].

Норманисты обычно используют находки вещей скандинавского происхождения на Руси для утверждений о существовании здесь норманских колоний. В действительности находки на славянской земле единичных скандинавских вещей говорят не о норманской колонизации, а о торговых и культурных связях Руси и Скандинавии. Сторонники теории колонизации не хотят замечать, что и в Скандинавии найдены вещи русского производства. Известно, что шведы восприняли типичные славянские формы глиняных сосудов. «Русская» керамика IX—XI вв. найдена

---

[174] Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. «СА», 1957, № 3, стр. 183.

[175] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.-Л. 1948, стр. 104—106.

[176] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология). «МИА», № 65, 1959, стр. 118.

[177] А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 210.

[178] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Л. 1953, стр. 207.

[179] А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 206—207.

[180] Ю. В. Кухаренко. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья. «КСИА» 1957, № 7, стр. 92.

[181] В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л. 1949; А. Глазман. Морское судостроение на Руси с древних времен до XVIII века. «Морской флот», 1950, № 1, стр. 34—38.

[182] В. Г. Васильевский. Труды. Т. III. Птрг. 1915, стр. 64—68, 95—96.

[183] А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ». Вып. 4, 1946, стр. 5—8.

в Бирке[184], Сигтуне, Лунде, на острове Готланд, в Дании[185]. В Швеции и Норвегии обнаружены монеты — подражания русским монетам XI века[186]. В Швеции встречается продукция русских эмальеров[187]. Таким образом, наличие скандинавских вещей на Руси и русских — в Скандинавии — это лишь доказательство существовавших в рассматриваемое время торговых и культурных связей между этими областями.

Все изложенные факты не оставляют места для утверждений о варяжской колонизации славянских земель. Однако шведский археолог Т. Арне все же пытается опровергнуть выводы советских археологов о славянском характере гнездовских погребений и доказать, что Гнездово является древним Смоленском, основанным якобы скандинавами[188]. Неосновательность этого утверждения выявлена Д. А. Авдусиным посредством анализа археологического материала, привлеченного Т. Арне. «Из 136 названных Т. Арне курганов,— пишет Д. А. Авдусин,— лишь 1 можно считать скандинавским. Из 98 курганов, раскопанных в 1949—1953 гг., не оказалось ни одного норманского». Советский археолог с полным основанием заявляет, что статья Т. Арне — это «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой»[189]. Свои взгляды на роль шведов в Киевской Руси Т. Арне сформулировал в статье, в которой рассматривал изучение варяжского вопроса в советской историографии. Соглашаясь с мнением тех авторов, которые считают, что земледелие у восточных славян до IX в. было основным их занятием, Т. Арне, однако, настаивает на существовании шведских колоний в славянских землях. В Гнездове, как он полагает, была шведская колония. Это не означает, продолжает Т. Арне, что Россия была колонизована шведами так же, как Южная Америка — испанцами и португальцами. Шведские колонии, пишет он, можно сравнить скорее с опорными пунктами, основанными французами и португальцами в Индии. Это положение, по мысли Т. Арне, якобы подтверждается материалами раскопок киевского некрополя. Женские погребения, вскрытые здесь, он считает скандинавскими[190]. Изучение советскими археологами материалов, привлеченных Т. Арне, показало несостоятельность его утверждений. В действительности данные раскопок киевского некрополя свидетельствуют о процессе классообразования в славянском обществе и о начале христианизации господствующего класса[191]. Единичные находки здесь иноземных, в том числе и скандинавских, вещей могут служить лишь доказательством торговых связей Древнерусского государства со Швецией.

Неудачные попытки археологического обоснования теории варяжской колонизации не остановили ее приверженцев. В последние годы с рядом работ, посвященных защите данной концепции, выступил датский славист А. Стендер-Петерсен. Обращает на себя внимание его стремление отмежеваться (на словах!) от норманизма и в то же время подновить старые норманистские положения. А. Стендер-Петерсен утверждает, что между норманистами и антинорманистами «провести точную, однозначную грань... теперь уже не так легко, как это было в старину»[192].

---

[184] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, стр. 174.

[185] J. Kudláček. Указ. соч., стр. 439.

[186] А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 215

[187] Б. А. Рыбаков. Древнерусский город по археологическим данным. «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. 7, № 3, 1950, стр. 245.

[188] T. J. Arne. Det vikingatida Gnezdovo Smolensk föregangare. «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm, 1952, s. 335—344.

[189] Д. А. Авдусин. Неонорманистские измышления буржуазных историков. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 114—120.

[190] T. J. Arne. Die Varägerfrage und die sowjetische Forschung. «Acta Archaeologica» Vol. XXIII. København, 1952, S. 140, 146.

[191] М. К. Каргер. Указ. соч., стр. 220; Л. А. Голубева. Указ. соч., стр. 114.

[192] A. Stender-Petersen. Четыре этапа русско-варяжских отношений. В книге данного автора: «Varangica», Aarchus, 1953, p. 241.

Используя концепцию о скандинавской земледельческой колонизации, он развил в своем докладе на X Международном конгрессе историков в Риме мысль об образовании Древнерусского государства в результате якобы действия трех факторов: скандинавского, византийского и славянского. Ареной взаимодействия этих факторов А. Стендер-Петерсен считает Верхневолжский каганат, образованный якобы народом шведского происхождения — Русью [193]. Эти заключения изобличают в их авторе самого заурядного норманиста. Отличие взглядов А. Стендер-Петерсена от выводов других норманистов только в одном: 829, а не 862 год — дата образования скандинавами государства на Руси. Гипотеза А. Стендер-Петерсена справедливо была квалифицирована историками-марксистами «как новый вариант норманской теории» [194]. Перед лицом наступления марксистской исторической науки норманисты вынуждены перекрашивать фасад варяжской теории, отмежевываться от явно бездоказательных положений норманизма. Однако работы неонорманистов не теряют от этих маневров своего антинаучного характера и реакционной политической направленности. В ряде случаев новые норманисты, к числу которых принадлежит и А. Стендер-Петерсен, начав с отказа от норманистских выводов вековой давности, кончают использованием тех же взглядов и аргументации. Желая создать видимость разрыва с полностью скомпрометировавшей себя норманской теорией, А. Стендер-Петерсен характеризует первый этап русско-варяжских отношений (до IX в.) как время «этнического продвижения шведского племени Русь и его политической организации», перехода от стихийного движения шведских колонистов-земледельцев к сознательной государственно-политической экспансии под предводительством князей. Автор считает, что проникновение шведов нельзя рассматривать «ни как насильственное завоевание, ни как добровольное призвание». Но при решении вопроса о происхождении названия «Русь» А. Стендер-Петерсен подновляет теорию норманиста прошлого столетия А. А. Куника, который выводил возникновение этого термина из финского наименования шведов «Ruotsi» [195]. Начал А. Стендер-Петерсен с утверждений о земледельческой шведской колонизации, а в последней своей книге, «Русские исследования», он стремится доказать, что варяги играли решающую роль в основании Древнерусского государства, и характеризует норманнов как воинов и торговцев [196].

Факт господства норманской теории в современной буржуазной историографии не вызывает сомнений. Положение об основании Древнерусского государства пришельцами-норманнами внушается рядовому читателю капиталистических стран, несмотря на то, что трудами советских ученых на основе огромной массы фактического материала воссоздана картина социально-экономического развития восточных славян, закономерным итогом которого явилось складывание государственных образований и возникновение Древнерусского государства. В этих условиях современный норманизм — во всех его формах, начиная теорией «завоевания» и кончая концепцией земледельческой колонизации,— полностью утратил характер научной гипотезы, превратившись в средство пропаганды идеи о неспособности восточнославянских народов к самостоятельному историческому творчеству.

---

[193] A. Stender-Petersen. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. «Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche». Vol. 3. Firenze. 1955, p. 165—188.

[194] Н. М. Дружинин. Указ. соч., стр. 7; Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 386—395.

[195] A. Stender-Petersen. Четыре этапа... «Varangica», p. 241—262; его же. Zur Ruś-Frage. Там же, стр. 65—87.

[196] A. Stender-Petersen. Russian Studies. København. 1956, p. 37, 78.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «КРИЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА» в XIV—XV веках

(К историографии вопроса)

М. А. Барг

В последние 10—15 лет в западноевропейской медиевистике большое внимание уделялось изучению экономической истории XIV—XV вв., в особенности исследованию так называемого «кризиса феодализма» в эти века[1]. Под этим понятием некоторые историки подразумевают кризис феодальной общественно-экономической формации, за которым якобы уже следует принципиально иной общественно-экономический строй. При этом далеко не все буржуазные историки употребляют одинаковую терминологию, хотя в действительности приходят в своих построениях к одному и тому же выводу. Так или иначе, но «проблема кризиса феодализма» стоит ныне в центре внимания буржуазной медиевистики.

Данной проблемой серьезно занимались также историки стран народной демократии[2]. Ей были посвящены научные доклады и дискуссии

---

[1] W. Abel. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnbewegung. «Schmollers Jahrbücher». 58, Jahrgang 1934; его же. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin. 1935; его же. Wachstumsschwankungen der Mitteleuropäischen Völker seit dem Mittelalter. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Bd. 142. 1935; его же. Wüstungen und Preisfall im Spätmittelalterlichen Europa. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1953, vol. CLXV; M. M. Postan. Revisions in Economic History: the 15-th Century. «The Economic History Review». 1939, Vol. 9, № 2; его же. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. «The Economic History Review», 1950, 2 Ser., vol. II/3; его же. Die wirtschaftlichen Grundlagen der mittelalterlichen Gesellschaft. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». 1954, Bd. 166, H. 3; J. Saltmarsh. Plague and Economic Decline in England in the Later Middle Ages. «The Cambridge Historical Journal», 1941, vol. VII, № 1; J. C. Russell. Late medieval Population Patterns. «Speculum». 1945, vol. XX; его же. Demographic Pattern in History. «Population Studies». 1948, vol. I, № 4; E. Perroy. A l'origine d'une économie contractée: Les crises du XIV-e siècle. «Annales. Economies, Sociétés, Civilisations», 1949, vol. IX, № 2; C. M. Cipolla. Revisions in Economic History: the Trends in italian Economic History in the Later Middle Ages. «The Economic History Review», 1949, Ser. 2, vol. II, № 2; K. F. Helleiner. Population Movement and agrarian Depression in the Later Middle Ages. «The Canadian Journal of Economic and Political Science», 1943, vol. XV, № 3; его же. Europas Bevölkerung und Wirtschaft im späteren Mittelalter. «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung». 1954. Bd. LXII; Fr. Lütge. Das 14/15. Jahrhundert in der Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». 1950. Bd. CLXII; R. Hilton. Y eut-il une crise général de la féodalité. «Annales. Economies, Sociétés, Civilisations», 1951, № 1; H. Reincke. Bevölkerungsprobleme der Hansestädte. «Hansische Geschichtsblätter», 1951, vol. LXX; E. Kelter. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14. und 15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», 1953, Bd. CLXV; J. Schreiner. Wages and Prices in England in the Later Middle Ages. «The Scandinavian Economic History Review», 1954, vol. II, № 2.

[2] Fr. Graus. Die erste Krise des Feudalismus. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, H. 4. Переработанная статья того же автора: «Krise feodalismu v 14 stoleti». «Historicky Sborník», 1953; M. Małowist. Zagadnienie kryzysu feudalizmu w XIV i XV w. w swietle najnowszych badań. «Kwartalnik Historyczny», 1953. LX, № 1.

на двух международных конгрессах историков — Парижском (1950 г.) и Римском (1955 г.) [3].

Точка зрения советских историков о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. нашла отражение в статьях и выступлениях академика Е. А. Косминского [4], в которых был подвергнут критическому рассмотрению ряд важных спорных вопросов экономической истории Западной Европы в указанные столетия.

В данной статье делается попытка критического анализа основных направлений, сложившихся в западноевропейской историографии в связи с интерпретацией экономических явлений XIV—XV веков.

★

Интерес историков буржуазных стран к «циклам кризиса» далекого и близкого прошлого не случаен. Экономический кризис 1929—1933 гг., с одной стороны, опустошения и экономические трудности, обусловленные второй мировой войной и послевоенными кризисными явлениями в капиталистической экономике — с другой, побудили буржуазных медиевистов начать интенсивное изучение причин «аналогичных» явлений в прошлом. Этим путем так называемая «историческая экономия» пытается не только объяснить современную «хозяйственную конъюнктуру» стран Запада, но и обосновать прогнозы ее развития в будущем.

Методологической основой буржуазных концепций «кризиса феодализма» XIV—XV вв. является своеобразный синтез воззрений, заимствованных из современной буржуазной политической экономии, социологии и демографии.

Буржуазные историки всех направлений так или иначе исходят из признания антиисторической в своей сущности идеи об извечности и универсальности закономерностей капитализма, которые рассматриваются чуть ли не как законы природы вообще и человеческой природы в частности. Из этого отправного положения неизбежно следует утверждение, что «экономические тенденции» любой эпохи могут будто бы изучаться независимо от характера связанных с ними социальных фактов и в полном отрыве от всех иных сторон исторической действительности. В качестве примера конкретного применения этих положений к истории средних веков можно указать на трактовку проблемы движения цен, изучению которой на Западе придается чрезвычайно большое значение. В соответствии с вышесказанным длинные, «вековые ряды» цен рассматриваются едва ли не как основное мерило «социальной динамики» для всех времен и народов [5]. Так возникло представление об «экономических циклах» подъема или упадка рыночной конъюнктуры, рассматриваемой как вернейшее зеркало исторического процесса.

Важное место в «теоретическом» обосновании тезиса о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. заняло учение о цикличности демографических

---

[3] «IX-e Congrès international des Sciences historiques. Rapports» 1950. Section III. Histoire Economique.— Moyen age. Rapport de M. M. Postan (The Economic Base of Medieval Society), p. 225 ff; M. Mollat, M. Postan, P. Johansen, A. Sapori, Ch. Verlinden. L'Economie Européenne aux deux derniers siècles du Moyen age. «Relazioni del X Congresso internationale di scienza storiche», vol. III, Storia del Medioevo, 1955, p. 657 ss.

[4] Е. А. Косминский. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. «Труды историков СССР, подготовленные к X Международному конгрессу исторических наук в Риме». М. 1955; его же. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? (По поводу доклада на X Международном конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья»). Сборник «Средние века». Вып. X. М. 1957.

[5] Ср. L. Febvre. Le problème historique de Prix. «Annales d'histoire économique et sociale», 1930, t. II, p. 67; ср. M. Bloch. L'histoire des prix. «Annales d'histoire sociale», 1939, t. I, p. 141.

процессов [6]. Из сопоставления этих циклов (рост или сокращение народонаселения) с колебаниями «деловой активности» — в рамках той же вековой динамики — родилось представление о «вековых хозяйственных циклах» (Long-term economic trends, Langfriestige wirtschaftliche Schwankungen, Phases économiques de longue durée) [7]. При этом причинно-следственная связь между указанными двумя рядами «циклов» истолковывается таким образом, что «вековые демографические циклы» оказываются в конечном счете основной и единственной движущей силой исторического развития. Все значительные повороты в истории, включая и социальные революции, получали универсальное объяснение в движении «кривых» народонаселения [8].

Сами же «демографические циклы» объясняются буржуазными историками влиянием факторов биологических, психологических или даже метеорологических [9]. Таким образом, даже краткое знакомство с теорией «экономических циклов» обнаруживает, что ее назначением является опровержение каких бы то ни было социально-экономических закономерностей в истории. Более того, исчезает почва для исторических закономерностей как таковых.

История, с точки зрения сторонников теории «экономических циклов», есть наслоение замкнутых и чередующихся по своей «хозяйственной конъюнктуре» кругов, различия между которыми носят лишь количественный, но отнюдь не качественный характер. Но сводить историю к этим определяемым едва ли не космическими силами чередованиям «приливов» и «отливов» народонаселения — значит отрицать историю как науку. «Теория циклов» — это, по сути дела, барьер, воздвигнутый на пути научного познания законов общественного развития. Научная несостоятельность теоретических основ этой концепции уже давно доказана. К. Маркс показал, что так называемый «закон народонаселения» является не биологическим, а историческим законом, что он определяется характером общественных отношений, господствующих в ту или иную эпоху [10].

Этот важнейший вывод был впоследствии развит В. И. Лениным, который к нему неоднократно возвращался. Так, полемизируя с Ланге, он писал: «Условия размножения человека непосредственно зависят от

---

[6] W. Abel. Wachstumsschwankungen der mitteleuropäischen Völker seit dem Mittelalter. «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». 1955. Bd. 142, № 6, S. 670; G. Bouthoul. Sur l'existence d'un mouvement cyclique de longue durée dans la population. «Congrès international de la population». Vol. I. Paris, 1938, p. 63. Автор устанавливает столетние циклы — «благополучные» и «бедственные».

[7] См. L. Dupriez. Les mouvements économiques genéraux. Vol. 5. Louvain. 1947.

[8] См. A. Lösch. Wirtschaftsschwankungen als Folge von Bevölkerungswellen. «Schmöllers Jahrbücher». 1936. Bd. LX, S. 551 ff; его же. Population Cycles as a Cause of Economie Cycles. «Quarterly Journal of Economics». 1936/37, Vol. LI, pp. 649 ff; J. C. Russel. Demographic Pattern in History, p. 388. «Если мы сопоставим изменения в динамике народонаселения с крупными поворотами в истории,— писал Рассел,— мы обнаружим, что изменения в народонаселении наступают столетием или более раньше поворотов в истории. Таким образом, прецедент создают изменения в народонаселении». Для русского читателя эта концепция уж во всяком случае не отличается новизной, ибо она давно ему знакома по трудам Максима Ковалевского. См., например, М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. I. М. 1898, стр. VIII.

[9] C. Couyers-Morrels. An Investigation and Theory conserning cycloperiodicity in vital rates and its possible relationship to metheorological and astrophisical cycles. См. резюме в интересном обзоре этих концепций в докладе польского ученого Витольда Куля (Kula) на Парижском конгрессе историков в сборнике «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports». Paris. 1950, p. 475 ff. В других случаях «демографические циклы» сопоставляются с циклами в природе. Так, например, Рассел пишет: «Изменения (динамики) народонаселения наступают подобно геологическим смещениям (disturbances), которые перекраивают поверхность по новому плану» (J. C. Russel. Указ. соч., стр. 400).

[10] См. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 637.

устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не «абстрактно», без отношения к исторически различным формам общественного устройства. ...Мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах»[11].

В работе «К характеристике экономического романтизма», полемизируя с Сисмонди, В. И. Ленин спрашивал: «Что значит «ставить вопрос о населении на социально-историческую почву»?». Ответ В. И. Ленина предельно ясен: «Это значит исследовать закон народонаселения каждой исторической системы хозяйства отдельно и изучать его связь и соотношение с данной системой»[12].

Но если это не всегда под силу демографам, то историкам во всяком случае не следует об этом забывать, иначе они могут очутиться в заколдованном кругу «причин» и «следствий», как это и случилось со многими участниками рассматриваемой дискуссии.

★

Зачинателем дискуссии о так называемом «кризисе феодализма» XIV—XV вв. следует признать немецкого историка хозяйства В. Абеля[13]. Изучение его работ, однако, убеждает в том, что их нельзя назвать исследованиями в собственном смысле слова, поскольку автор оперирует данными, почерпнутыми в большинстве случаев из вторых рук. Его выводы, основанные на разрозненных наблюдениях, компилируемых без всякой системы, без малейшей попытки их критического анализа, не внушают ни малейшего доверия. К тому же труды В. Абеля насквозь пропитаны демографическими доктринами фашистского рейха. Представив «вековые движения» цен (на пшеницу) в среднеевропейских странах в виде «волнообразных движений», «подъема» и «упадка», Абель обнаружил «кризисную конъюнктуру» в XIV—XV веках. Затем он попытался выяснить, чем были обусловлены эти колебания. Рассматривая поочередно «монетарную теорию», мальтузианство и, наконец, учение Рикардо о земельной ренте, он явно склоняется к утверждению, будто бы уже в классический период средневековья начинал складываться хозяйственный строй, основы которого можно объяснить при помощи закономерностей буржуазной экономики[14]. При этом мальтузианству в его концепции принадлежит доминирующая роль.

Прежде всего Абель находит в средние века наряду с «феодальной рентой» и особую «земельную ренту» (Grundrente), своего рода дифференциальную ренту, которая рассматривается им как «рыночное явление» уже в XIII веке. При этом он считает, что для ее понимания нужно изучать не аграрный строй, а только лишь спрос и предложение сельскохозяйственных продуктов, к чему, по его представлению, и сводится экономика сельского хозяйства во все времена истории.

Констатируя для XI—XIII вв. интенсивный прирост населения в среднеевропейских странах — движение кривой народонаселения, параллель-

---

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 433.

[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 157.

[13] Как признает сам Абель, у него были предшественники. Отправной в этом отношении явилась работа венского географа Альфреда Грунда «Veränderungen der Topographie im Wiener Wald und Wiener Becken». «Geographische Abhandlungen». 1901. Bd. XIII, № 1. Однако можно указать и на предшественника Грунда. См. K. Mehrmann. Die Agrarkrise im 14. Jahrhundert. «Zeitschrift des Harzvereins für Geschichte und Altertumskunde». 31. Jahrgang. 1898.

[14] W. Abel. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa vom 13. bis zum 19. Jahrhundert. S. 11.

ное с движением цен,— Абель подчеркивает: «В тесной связи с этим быстрым ростом населения видоизменяются формы старого аграрного строя». Таким образом, определяющим в этой удивительной параллели является, по мнению Абеля, рост народонаселения. Вот нить его рассуждений. В связи с сильным приростом населения (с XI до середины XIV в.) земельная площадь, пригодная для обработки, была исчерпана, что обусловило рост хлебных цен. В результате возросли и земельные ренты (заметим, ренты не феодальные, а земельные, лишенные исторической определенности!). На этом-де зиждились роскошный образ жизни дворянства и благополучие крестьянства, как и общее благополучие народов в указанных странах [15]. «Черную смерть» 1347 г. Абель рассматривает как наступление перелома. Сокращение населения Средней Европы больше чем на $^1/_3$ разрешило перенапряженное «несоответствие» между народонаселением и культивируемой площадью; сельскохозяйственная площадь стала теперь избыточной, под обработкой остались лишь лучшие земли, худшие забрасывались. В результате — падение цен на продукты земледелия, а значит, и земельной ренты, кризис «земледельческих классов» [16], запустение деревни. Вторая половина XIV—XV в.— период аграрной депрессии вследствие резкого сокращения спроса на сельскохозяйственные продукты, обусловленного, в свою очередь, стагнацией народонаселения.

Таковы в основных чертах теоретические и исторические посылки концепции Абеля об «аграрном кризисе» XIV—XV веков. Эта концепция легла, по существу, в основу всей последующей дискуссии о так называемом «кризисе феодализма». Важно отметить, что участники дискуссии развивали и видоизменяли лишь детали данной концепции. Основная же ее идея, из которой следует, что экономика средневековья вообще и сельского хозяйства в частности может и должна изучаться в отрыве от конкретно-исторических условий, применительно к критериям и понятиям буржуазной рыночной конъюнктуры, оставалась без изменения в многочисленных последующих исследованиях и превратилась в своего рода всеобщую догму современной буржуазной медиевистики.

Продолжая развивать свою концепцию, Абель опубликовал в 1943 г. работу, в которой поставил цель исследовать на материале конкретно-исторических фактов экономический кризис XIV—XV веков [17]. Эта книга примечательна отнюдь не тем, что в ней собраны (довольно бессистемно) различные сведения о «кризисе» XIV—XV вв. — исчезновении множества деревень, массовом запустении полей и сокращении сельского населения и т. д.,— а синтезом, который делается на основе этих фактов. Заключительный период средневековья (напомним, что для Абеля это XIV—XV вв.), подчеркивает автор, был периодом хозяйственного упадка, ибо он «совпал» с «демографическим циклом» сокращения народонаселения.

Взгляды, чрезвычайно близкие к концепции Абеля, развивает в своих исследованиях известный английский историк-экономист М. М. Постан [18], который в наиболее законченной форме выразил точку зрения современной буржуазной медиевистики на характер и направление хозяйственных процессов в Западной Европе XIV—XV веков. Наиболее полно его концепция выражена в докладе на Парижском конгрессе истори-

---

[15] Там же, стр. 16, 21—26.

[16] Там же, стр. 31.

[17] W. Abel. Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters. Zweite Auflage. Stuttgart. 1955 (первое издание вышло в 1943 г.).

[18] M. M. Postan. Revisions in Economic History: the 15-th Century, p. 160 f; его же. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages, p. 221. его же. The Economic Base of Medieval Society. «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», pp. 225—246; его же. The Age of Contraction. «The Cambridge Economic History». Vol. II, 1952, p. 191 ff.

ков (1950 г.) и в статье «Хозяйственные основы средневекового общества»[19].

Исходные позиции Постана отчетливо проявляются в толковании им «хозяйственных оснований средневекового общества». Оказывается, что ими являются такие «экономические факторы» (население и поселение, техника производства и общие тенденции развития хозяйства), эволюция которых может якобы рассматриваться вне связи с эволюцией юридических и социальных институтов и отношений между классами[20].

Таким образом, для Постана, как и для Абеля, существует сфера некой «чистой экономики», которая развивается в соответствии с имманентными закономерностями, остающимися неизменными, несмотря на исторические различия эпох. Фазы средневековой эволюции он сводит лишь к «типу экономической конъюнктуры» — «экономическому прогрессу» или «экономическому упадку». Иначе говоря, по его мнению, само хозяйственное развитие в отдельные периоды, оставаясь неизменным, по существу, может различаться только направлением кривой («рост» или «упадок») и своей интенсивностью[21]. В силу этого исчезают какие-либо грани между общественно-экономическими формами производства. «Хозяйственные циклы» их не знают и игнорируют. Так, например, в представлении Постана, экономика первых веков средневековья является лишь кульминацией хозяйственного цикла позднеримской империи. Тем более не существует, согласно концепции Постана, качественных изменений внутри феодальной формации. «Цикл подъема» в XII—XIII вв. идентичен с аналогичным циклом XVI в., точно так же идентичны, по существу, циклы упадка XIV—XV вв. и XVII в. и т. д.[22].

Согласно построению Постана, периодизация истории осуществляется не по типу общественной организации производства, а прежде всего по состоянию «рыночной конъюнктуры», рассматриваемой как важнейший показатель состояния экономики. Таковы основные методологические посылки его исследований феодальной экономики. Объективный смысл этой методологии состоит в том, что экономические закономерности современного капиталистического мира превращаются из сугубо исторических в «надысторический», в универсальный критерий познания прошлого. Циклы хозяйственного расцвета во все времена сменялись-де циклами упадка и кризисов, а эти последние — новым подъемом. Одним словом, такая «закономерность» экономической жизни якобы может быть прослежена чуть ли не с доисторических времен у различных народов, и, следовательно, она не имеет ничего общего с характером общественного строя, его судьбами. Именно к такого рода выводам приводят взгляды ряда экономистов — сторонников этой методологии[23].

Постана интересует прежде всего истолкование фактов экономического кризиса XIV—XV вв.: чем вызвана была смена цикла «хозяйственного подъема» в Западной Европе XI—XIII вв. циклом «депрессии и кризиса» в XIV—XV веках? Он отвергает выводы «монетарной теории» норвежского историка-экономиста Шрейнера, объяснявшего кризис XIV в. истощением давно разрабатывавшихся (в Германии, Чехии и других странах) серебряных рудников, следствием чего явилось резкое сокращение притока серебра —

---

[19] M. M. Postan. Die wirtschaftlichen Grundlagen..., S. 180 ff.

[20] Там же, стр. 180; ср. «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», p. 225.

[21] M. M. Postan. Die wirtschaftlichen Grundlagen..., S. 80.

[22] Там же.

[23] Ср. E. F. Heckscher. Mercantilism. «The Economic History Review», 1936, № 1, p. 44. Гекшер утверждает, что «все экономические процессы, в какой бы цивилизации они ни были обнаружены, должны ставить проблемы, близкие к тем [которые вызываются] экономической жизнью сегодняшнего дня».

наиболее ходовой монеты во внутренней торговле западноевропейских стран[24]. Если бы это было так, указывает Постан (и не без основания), то движение всех цен как на сельскохозяйственные продукты, так и на промышленные изделия было бы синхронным. В действительности же, отмечает Постан, цены на изделия ремесла не возросли в такой степени, как цены на зерно в XI—XIII вв., и не упали вслед за ними «в соответствующей пропорции» в XIV—XV веках[25]. Кроме того, движение цен в различных странах хронологически далеко не совпадало с интенсивностью притока серебра на рынки этих стран. Постан ссылается на пример Англии, где недостаток серебра стал ощутим лишь в середине XIV в., а цены заметно падали уже в первой четверти этого века[26].

Но как же сам Постан объясняет кризис XIV—XV веков? Он обращается к демографическому фактору. Рост народонаселения в XI—XIII вв., с его точки зрения, обусловил все явления хозяйственного «бума», характерного для данного периода; точно так же сокращение народонаселения в XIV—XV вв. обусловило всеми отмечаемые кризисные явления этого времени[27]. Сокращение спроса на продовольствие, образование излишка над потреблением обусловили падение цен, невыгодность земледелия на малопригодных землях, запустение деревень и т. д. Итак, перед нами, по существу, повторение концепции Абеля[28]. «Демографические циклы» в соединении с действием пресловутого закона убывающего плодородия — вот якобы универсальное объяснение развития экономики и в XI—XIII вв., и в XIV—XV веках.

Природа, заключает свои рассуждения Постан, наказывала за повышенные требования к ней. Избыточное население (конца XIII в.), живущее на грани минимума жизненных средств — в условиях длительного застоя техники производства,— создает постоянную угрозу перенапряжения естественных сил. В действие рано или поздно вступает ограниченность плодородия и его убывание. Начинаются хронические неурожаи и длительные периоды голода, сопровождаемые эпидемиями, и все развитие экономики поворачивает вспять или, по крайней мере, топчется на месте.

В результате подобных рассуждений мы оказываемся в заколдованном кругу: рост народонаселения обусловливает истощение плодородия и сужает границы пригодной для обработки почвы; в то же время закон убывающего плодородия оказывается определяющим фактором в движении самого народонаселения, так как под его воздействием меняется динамика последнего. Но если «первопричина» в конечном счете связана с динамикой народонаселения, то чем определяется последняя? На этот вопрос ни Абель, ни Постан ответа не дают[29]. И, может быть, это молчание само по себе является наиболее красноречивым опровержением избранной ими методики историко-экономического исследования.

Следует, однако, заметить, что в трактовке Постана проблема кризиса XIV—XV вв. приняла новые очертания. «Аграрный кризис» Абеля превратился у Постана во «всеобщую длительную хозяйственную де-

---

[24] Ср. I. Schreiner. Указ. соч., стр. 61.

[25] M. M. Postan. Die wirtschaftlichen Grundlagen..., S. 187.

[26] Там же.

[27] Там же, стр. 188.

[28] См. «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», p. 68 (Rapport collectif de Carlo Cipolla, Jean Dhondt, M. M. Postan, P. Wolf). «On peut risquer l'hypothèse d'une rupture déquilibre entre la croissance démographique et l'effort de developpement agricole». Ср. W. Abel. Bevölkerungsgang und Landwirtschaft im Ausgehenden Mittelalter im Lichte der Preis- und Lohnsenkung. «Schmollers Jahrbücher». 58. Jahrgang 1934.

[29] Абель доходит до прямой мистификации, когда ссылается на «психический фактор», регулирующий демографические циклы,— изменение воли народов к продолжению рода (Geburtswillen). См. W. Abel. Wachstumsschwankungen mitteleuropäischer Völker seit dem Mittelalter», S. 691.

прессию», поразившую в одинаковой степени деревню и город, земледелие и ремесло, торговлю и мореплавание.

Основное доказательство у Постана, как мы могли убедиться,— состояние рыночной конъюнктуры, определяющейся соотношением спроса и предложения. Однако уже в своем докладе в 1950 г. сам Постан справедливо заметил, что, следуя слишком далеко в этом направлении, легко дойти до абсурда, ибо может создаться впечатление, что «средневековые крестьяне сеют и жнут, повинуясь экономическим стимулам со стороны международных цен» [30]. При этом он не замечает или, вернее, не желает замечать, что грань разумного может быть установлена только на почве учения о социально-экономических формациях.

Наконец, важно отметить, что для Постана «кризис XIV—XV вв.» вовсе не является «кризисом феодализма». Постан вообще нигде не употребляет этого термина в данной связи. И это не только потому, что он склонен интерпретировать феодализм чисто юридически, но и потому, что он уже в экономике того времени усматривает явления капиталистические. Именно поэтому он предпочитает говорить о «хозяйственных основаниях» общества вне всякой связи с социальными условиями их функционирования, с конкретно-историческими формами бытия.

Концепция Постана, ряд основных положений которой получил на Западе широкое распространение, не является единственной и тем более общепризнанной.

На Римском международном конгрессе историков (1955 г.) с коллективным докладом «Европейская экономика последних двух веков средневековья» (то есть XIV—XV вв.) выступили М. Молла, М. Постан, П. Иогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден [31].

При освещении развития сельского хозяйства авторы доклада не смогли доказать тезис о всеобъемлющем кризисе, который якобы охватил всю Западную Европу в XIV—XV веках [32]. Точно так же трудно было им создать хоть сколько-нибудь цельную картину экономического упадка в XIV—XV вв. и в разделе, посвященном промышленности, и в частности, суконделию — этой наиболее важной ее отрасли в пору европейского средневековья [33]. Кроме всего прочего, состояние фактического материала таково, что в большинстве случаев можно лишь ставить вопросы, ответы на которые оказываются делом будущего.

Раздел IV доклада — «Тенденция экономической эволюции», по идее авторов, должен был дать синтез всего предыдущего весьма пестрого материала. На деле же он показал прежде всего, что концепция кризиса европейской экономики в XIV—XV вв. не разделяется до конца даже некоторыми авторами самого доклада. Они вынуждены были признать «крайнюю разнородность европейской экономики» в указанные столетия [34]; тенденции отдельных отраслей хозяйства в отдельных районах были подчас столь противоречивы, что какое-либо обобщение их под знаком «подъема» или «упадка», попросту говоря, невозможно.

В отношении Германии авторы вынуждены были признать, что разнородность отдельных районов «делает до сих пор невозможным определение общих этапов эволюции, поскольку это относится к кризисам XIV века» [35]. Только относительно экономики Англии автор раздела

---

[30] «IX-e Congrès international des Sciences Historiques. Rapports», p. 231.

[31] Учитывая, что детальный анализ этого доклада сделан Е. А. Косминским в статье «Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики?», мы ограничиваемся лишь некоторыми оценками доклада, необходимыми для сохранения целостности картины.

[32] См.«Relazioni del Congresso Internationale de Scienze Storiche». Vol. III. Storia del Medioevo. 1955, pp. 672—679.

[33] Там же, стр. 707—716.

[34] Там же, стр. 757.

[35] Там же, стр. 758.

(М. Постан) отметил, что хотя и о ней нельзя говорить как о едином целом, тем не менее в английской экономике, по его мнению, отчетливо прослеживается общая тенденция к «упадку» [36].

В итоге доклада такая тенденция приписывается затем всей Европе, однако без каких-либо дополнительных доказательств [37]. При этом, однако, относительно Нидерландов признается необходимость «пересмотреть» гипотезу о «всеобщей» длительной депрессии в XIV—XV веках. Та же необходимость констатируется в отношении стран Пиренейского полуострова. Италия вообще исключается из общей картины «кризиса». Таким образом, даже среди сторонников концепции «кризиса XIV в.», изложенной в докладе, заметны разногласия [38].

Еще более бросается в глаза отсутствие единого мнения среди ряда других ученых — участников дискуссии. Эдуард Перруа, например, соглашаясь в целом с констатацией «вековых хозяйственных циклов», предпочитает, однако, говорить не о «кризисе XIV в.», а о «кризисах», точнее, о ряде параллельных кризисов, лишь совпадавших по времени. Так, он различает в XIV в. общую и длительную тенденцию экономического спада и одновременно с ней «кризисы», ограниченные во времени, носящие преходящий характер. К числу последних он относит зерновой кризис (1315—1320 гг.), «двойной кризис» — финансовый и денежный кризис (1335—1345 гг.) и, наконец, демографический кризис (1348—1350 гг.). Взаимодействие этих кризисов, заключает он, оказало парализующее влияние на экономику Западной Европы и удерживало ее в течение целого века в состоянии длительного спада [39]. Перруа, как мы видим, также склонен искать причины «кризиса XIV в.» вне производственных отношений. Хотя он и отказывается признать определяющую роль за какой-либо одной из указанных им причин [40], его теория столь же мало объясняет развитие экономики XIV в., как и концепция Абеля — Постана.

Другие толкования «кризиса XIV в.» характеризуются тем, что в них выдвигается на первый план какая-либо одна «решающая причина», которая якобы проливает свет на все имевшие тогда место явления.

Некоторые из историков все более склоняются к теории «катастроф» — политических, биологических или даже метеорологических, приписывая им значение поворотных пунктов в историческом процессе.

Так, Бутрюш, объясняя «кризис XIV в.» во Франции, выдвигает на первый план опустошения, вызванные Столетней войной [41]. Австрийский историк Хеллейнер видит в эпидемии чумы («черная смерть») решающий фактор, обусловивший «трудные времена» во второй половине XIV в. и XV веке [42]. При этом он считает, что такие явления, как упадок шампанских ярмарок, наметившийся уже в конце XIII в., или сокращение продукции фландрского сукноделия в начале XIV в., не противоречат его концепции. Один из этих фактов объясняется, по его мнению, войнами, другой является только симптомом локальных процессов. В конечном счете Хеллейнер приходит к выводу, что «катастрофа (Einbruch) «черной смерти» в Европе положила начало эпохе, характер которой в существенных чертах отличается от предыдущей» [43]. Так мы возвращаемся к

---

[36] Там же, стр. 795, 797.
[37] Там же, стр. 804.
[38] Там же, стр. 792—795.
[39] E. Perroy. A l'origine d'une économie contractée: Les erises du XIV-e siècle, p. 168.
[40] Там же.
[41] R. Boutruche. La crise d'une société. Paris. 1947.
[42] K. Helleiner. Europas Bevölkerung und Wirtschaft in späteren Mittelalter, S. 254 ff; ср. его же. Population Movement and Agrarian Depression in the Later Middle Ages, p. 368 ff.
[43] K. Helleiner. Europas Bevölkerung und Wirtschaft in späteren Mittelalter, S. 267.

точке зрения, которую даже в буржуазной науке считают уже давным-давно опровергнутой[44]. Поскольку же Хеллейнер говорит о «демографической катастрофе», он в отличие от Постана прямо указывает на первопричину «хозяйственной депрессии» XIV—XV вв.— на «биологические последствия эпидемии».

Еще более отчетливо подобная точка зрения выражена в работах Д. Салтмарша «Эпидемия и экономический упадок Англии в позднее средневековье»[45] и Э. Кельтера «Хозяйственная жизнь Германии в XIV—XV вв. в тени чумных эпидемий». Д. Салтмарш полагает, что ряд локальных эпидемий, имевших место после «черной смерти», по своим совокупным последствиям может лучше объяснить английскую историю, чем «черная смерть»[46]. Э. Кельтер идет еще дальше, утверждая, что эпидемиям чумы принадлежала центральная, наиболее существенная и прямо-таки революционизирующая роль в социальной, экономической и культурной эволюции Западной Европы[47].

«Катастрофа народонаселения» середины XIV в. якобы полностью изменила свойственное предыдущему (то есть собственно средневековому) периоду соотношение «почвы труда и капитала». В результате произошла трансформация всей хозяйственной и социальной жизни Западной Европы.

Не удивительно поэтому, что в отличие от остальных участников дискуссии о «кризисе XIV в.», считавших, что он происходил еще в хронологических рамках средневековья, Кельтер утверждает, что средневековье, по существу, закончилось... эпидемией чумы 1348—1350 гг., якобы коренным образом изменившей прежнюю структуру общества. С этого же момента развитие началось (именно началось, а не продолжалось!) на новой социальной основе — с меньшей численностью народонаселения[48]. Полтора столетия — с 1350 по 1500 г.— в его представлении являются самостоятельным периодом с особым строем «чувствования, желания и мышления»[49]. Х. Бехтель называет его «хозяйственным стилем» позднего средневековья[50]. Аналогичные воззрения развиваются и в работе Ф. Лютге[51].

Выводы Кельтера еще более отчетливо свидетельствуют о тенденции некоторых западных медиевистов решить вопрос о переходе от феодальной к капиталистической формации, полностью игнорируя социальные антагонизмы, порожденные феодальным способом производства, подменив их научный анализ рассуждениями о всякого рода катастрофах, в первую очередь биологических и даже климатических, которыми будто бы обусловлены поворотные моменты исторического развития народов. Отсутствие места не позволяет нам сколько-нибудь подробно анализировать концепцию «кризиса XIV в.», выдвинутую норвежским историком И. Шрейнером[52]. Заметим только, что его «монетарная теория» объясняет этот кризис не в большей степени, чем только что рассмотренные построения. Концепция Шрейнера свидетельствует, однако, о том, что отнюдь не все участники дискуссии, признающие «кризис XIV в.», склонны объяснять его «демографическим фактором».

В итоге проделанного обзора может возникнуть вопрос: откуда же взялось представление о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв., если ни

---

[44] См. A. E. Levett. Oxford Studies. Vol. V.

[45] J. Saltmarsh. Указ. соч., стр. 23 и сл.; E. Kelter. Das deutsche Wirtschaftsleben des 14 und 15. Jahrhunderts im Schatten der Pestepidemien, S. 161 ff.

[46] J. Saltmarsh. Указ. соч., стр. 40—41.

[47] E. Kelter. Указ. соч., стр. 161.

[48] Там же. стр. 181.

[49] Там же, стр. 64.

[50] См. H. Bechtel. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. I. 1951, S. 364.

[51] См. Fr. Lutge. Указ. соч.

[52] J. Schreiner. Указ. соч.; ср. его же. Pest og prisfall in Senmiddelaldern. Oslo. 1948.

один из упомянутых выше исследователей ни словом не обмолвился о феодализме вообще? Впервые оно было сформулировано английским историком Р. Хилтоном [53], который — это следует признать — перевел дискуссию на социальную почву, поставив экономические тенденции XIV—XV вв. в тесную связь с развитием феодального способа производства. Вместе с тем, оставаясь на почве методологии буржуазной медиевистики, Хилтон, вопреки видимому отличию, оказался весьма близок, по существу, к воззрениям Абеля — Постана.

Хилтон тоже признает наличие длительного экономического спада в XIV—XV вв., сопровождавшегося сокращением населения. Его результатом было резкое сокращение феодальных доходов, толкавшее дворянство на военный разбой и грабеж. Таковы первопричины феодальных войн и усобиц XIV—XV веков. Рост налогов, вызванный войнами, послужил причиной городских восстаний; борьба за ренту имела своим результатом крестьянские восстания XIV—XV веков. Итак, перед нами совокупность экономического, политического и социального кризисов, признаваемых, как мы видели, и многими другими буржуазными историками. Пытаясь, однако, найти для «кризиса XIV в.» более глубокое социологическое объяснение, Хилтон пришел к выводу, что исходной и определяющей причиной этого кризиса явился «всеобщий кризис феодализма» как способа производства, якобы наступивший в XIV веке. Поэтому Хилтон видит гораздо больше оснований для сравнения данной эпохи с последними веками кризиса Римской империи, чем с кризисами XIX—XX веков [54]. Точно так же, как на закате древнего Рима общество было парализовано все более увеличивавшимися расходами на содержание социальных и политических институтов, которые не могли быть восполнены никаким ростом производительных сил, всеобщий кризис феодализма был обусловлен тем, что в последние века феодализма (для Хилтона это те же XIV—XV вв.) — в условиях стагнации производительных сил общества — происходило прогрессирующее увеличение феодального потребления. Кризис производительных сил в XIV в. был обусловлен, по мнению Хилтона, неспособностью феодальной экономики обеспечить производительное использование доходов в целях улучшения техники производства [55].

Итак, в концепции Хилтона решающую роль играет признание общего кризиса феодального общества в XIV—XV вв., разрешившегося в конце XV в. на почве уже новой, капиталистической экономической системы. Наиболее примечательным является то, что Хилтон, принимая почти полностью «циклическую» схему, которая была выработана Постаном, на словах полемизирует с ней.

Так, например, в начале своей статьи Хилтон декларирует необходимость объяснить «кризис XIV в.», исходя не из «рыночной конъюнктуры», а из своеобразия феодального способа производства, то есть из особенностей свойственного ему социального антагонизма. Однако объяснение, предложенное самим Хилтоном, по существу, столь же обходит этот антагонизм, как и все предыдущие. В самом деле, тезис Хилтона о неспособности феодального общества обеспечить постоянный рост производительности труда, ибо оно не создает стимулов к этому, не побуждает к дополнительным вложениям капитала, ни в коем случае не является истинным, так как Хилтон исходит из закономерностей капиталистического, а отнюдь не феодального производства. Перед нами пример такой модернизации прошлого, которая выхолащивает всю его специфику и игнорирует все его закономерности. Тезис Хилтона ничего не объясняет в экономике XIV—XV вв. хотя бы потому, что основным элементом про-

---

[53] R. Hilton. Указ соч.
[54] Там же, стр. 27.
[55] Там же, стр. 29.

изводительных сил, от которого в ту эпоху (как и в другие эпохи) зависел рост производительности общественного труда, являлся сам трудящийся человек. Он игнорирует тот факт, что феодализм именно потому и явился более прогрессивным способом производства по сравнению с рабовладельческим, что он, освободив необходимую часть рабочего времени непосредственного производителя, обеспечил объективные возможности для роста производительности труда. В XIV в. эти возможности не только не были исчерпаны, но, наоборот, еще увеличились по сравнению с предыдущим периодом.

Более того, Хилтон вообще отрицает для феодальной эпохи какие-либо потенции роста производительности общественного труда. Увеличение объема производства, отмечаемое в XI—XIII вв., в частности, в земледелии, он рассматривает лишь как результат его экстенсификации (увеличения посевных площадей, увеличения нормы высева и т. д.).

Упрекая своих оппонентов в модернизации средневековых условий, Хилтон, как мы видим, впадает в ту же ошибку, когда рассматривает средневековое хозяйство через призму закономерностей современной агрикультуры. Для судеб феодальной экономики не столь важна форма потребления ренты (при этом нельзя полностью отрицать наличие элементов и производительного потребления), сколько движение ренты. Динамика ренты представляет истинный стержень экономики XIV в., но именно она меньше всего привлекает к себе внимание Хилтона. Наконец, трудно согласиться с тезисом Хилтона, будто сеньериальная эксплуатация крестьянства (в частности, в Англии) была в XIV—XV вв. тяжелее, чем в XIII в., в пору высшего расцвета английского крепостничества.

Тот факт, что не XIII, а XIV век является периодом крупных крестьянских восстаний, еще ни о чем не свидетельствует, так как восстания эти были обусловлены не только степенью эксплуатации, а прежде всего тем, в каких социально-экономических условиях она осуществлялась, в какой мере эта эксплуатация угрожала лишить крестьянство достигнутого уровня эмансипации. «Феодальная реакция» XIV в. заключалась не столько в том, что степень эксплуатации возросла по сравнению с предыдущим периодом, сколько в том, что она поставила под угрозу результаты склонившейся (в первые десятилетия XIV в.) в пользу крестьян чаши весов в борьбе за ренту.

★

Результаты растянувшейся на многие годы дискуссии в зарубежной медиевистике красноречиво свидетельствуют о том, что современная буржуазная методология истории не в состоянии дать подлинно научное решение коренных проблем исторического развития. Вместе с тем дискуссия привлекла внимание медиевистов многих стран к важной и еще совершенно недостаточно изученной эпохе социальной истории европейских стран. Она уже на данной стадии обогатила наши знания множеством деталей и подробностей.

Дискуссия опровергла унаследованное современной буржуазной историографией от XIX в. представление о прямолинейности общественного прогресса, в частности в течение XI—XV вв., показав, что развитие феодального общества шло зигзагообразно, ибо в нем наряду с периодами прогресса имели место и периоды застоя и попятного движения. Буржуазные историки старались использовать это «открытие» для попытки опровергнуть марксистско-ленинскую периодизацию истории средневековья.

На самом же деле они опровергают лишь либерально-буржуазные иллюзии относительно исторического прогресса, согласно которым со времени появления городов и расцвета торговли он совершался лишь по восходящей линии, знаменующей «успехи третьего сословия».

Столь же очевидно, что глубоко ошибаются те, кто думает, что «вековыми» колебаниями «конъюнктуры рынка» можно поколебать марксист-

ское понимание исторической закономерности. Согласно учению марксизма, в основе исторического процесса лежит развитие отнюдь не обмена, а способа производства, который вместе с тем нельзя сводить только к технологии, как это пытаются делать буржуазные ученые.

Марксизм допускает, что колебания конъюнктуры рынка в условиях феодального товарного производства могут служить свидетельством перемен, происходивших в общественном производстве. Однако не эти перемены определяют характер экономики, как и ход исторического процесса. Сущность этих перемен далеко еще не ясна из одних только данных о движении хлебных цен, объеме торговли и т. д. Они должны еще быть выяснены из эволюции производственного, рентного отношения, в конечном счете определяющего все длительные «колебания» хозяйственной конъюнктуры той эпохи. Таким образом, «зигзагообразная» линия развития экономики в различные периоды феодализма не отрицает и не может поколебать марксистское представление о действии главных закономерностей исторического процесса.

В свое время о тех, кто пытался в истории хозяйства исходить из экономических законов капитализма как якобы законов вечных, Маркс писал: «По мнению буржуа, индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов: для него эти два явления совершенно не связаны между собой» [56]. В «Капитале» К. Маркс указывал: «Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот» [57].

Конечно, такие внешние, привходящие факторы, как длительные недороды, опустошительные эпидемии и т. п., могли влиять на состояние производительных сил средневекового общества, тормозя их развитие. Однако если не разделять точку зрения проповедников «биологических катастроф» и мальтузианства, то и эти на первый взгляд далекие от социального строя факторы не могут закрыть от нас решающую роль социальных закономерностей в развитии данного общества.

Проблема так называемого кризиса XIV—XV вв. нам представляется проблемой огромной научной важности, ибо речь здесь идет вовсе не об «экономическом цикле», а о важном поворотном пункте в истории феодализма как общественно-экономической формации, о качественном ее скачке. Выяснить содержание и значение этого перехода — значит раскрыть сущность исторического процесса в условиях, как мы видели, чрезвычайно противоречивых, усложненных подчас явлениями внешними, наносными, наконец, завуалированных отношениями товарного производства, уводящими далеко в сторону от самой сути проблемы, если только рассматривать их не как одну из черт данной эпохи, а как основное ее содержание. Программу такого исследования почти в развернутом виде мы находим в трудах Маркса. Для того, чтобы «правильно судить о феодальном производстве,— писал Маркс в «Нищете философии»,— нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как в рамках этого антагонизма создавалось богатство, как одновременно с антагонизмом классов развивались производительные силы, как один из классов, представлявший собой дурную, отрицательную сторону общества, неуклонно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения» [58]. Нужно ли указывать на то, что, поскольку речь идет о XIV—XV вв., таким классом являлось средневековое крестьянство. Изучить с этой точки зрения всю совокупность общественных явлений, вскрытых в ходе анализируемой дискуссии, значит найти единственно верный ключ к решению вопроса.

---

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 108.
[57] К. Маркс. Капитал. Т. II, стр. 114.
[58] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 143.

При этом мало сослаться на классовую борьбу или даже на ее особое обострение для обоснования пресловутого «кризиса феодализма» в XIV веке. Следует помнить, что классовый антагонизм не только подрывал феодальный строй, он до поры до времени был мощным фактором, двигавшим феодализм вперед, видоизменяя как базис его, так и надстройку. Одним словом, до тех пор, пока не созрели объективные условия крушения феодализма, классовая борьба самим отрицанием его заставила господствующий класс исчерпать до конца всезаложенные в данном обществе потенции прогресса. Но можно ли с этой точки зрения сколько-нибудь серьезно говорить о «кризисе феодализма» в XIV—XV вв., если иметь, конечно, в виду феодализм как общественно-экономическую формацию? На наш взгляд, ни в коем случае. Ибо и восстание жаков, и восстание Уота Тайлера, и гуситские революционные войны не только расшатывали до основания этот существующий строй, но и заставили господствующий класс изыскать новые жизненные силы, скрытые в недрах отстаиваемого им строя, чем не только продлили его существование еще на несколько столетий, но и толкали развитие феодального общества по пути прогресса, который не могут заслонить все обнаруженные явления упадка, вместе взятые. Поэтому усматривать в классовой борьбе лишь отрицательную силу истории значит извратить ее подлинную роль великой творческой и созидающей силы общественного развития.

★

В настоящей статье делается попытка дать предварительную оценку ряда важных социально-экономических явлений XIV—XV веков.

Но прежде чем предпринять подобную попытку, необходимо хотя бы вкратце изложить воззрения Е. А. Косминского на существо интересующей нас проблемы.

Первое, что заслуживает быть отмеченным,— это то, что Е. А. Косминский не отрицает наличия в экономике XIV—XV вв. явлений упадка и депрессии. Но при этом он в отличие от идеологов «чистой экономии» переносит центр тяжести всей проблемы «кризиса XIV в.» на почву социальной истории. «Можно ли,— справедливо спрашивает он,— рассматривать явления упадка в экономике Европы XIV—XV вв. вне связи с историческими судьбами господствовавшего тогда способа производства, с переменами в распределении и характере собственности, с взаимоотношениями классов и классовой борьбы?» [59]. И, обращаясь к материалам по истории феодализма в Англии, он высказывает ряд в высшей степени плодотворных научных идей.

Рассматривая развитие феодальной экономики как процесс по своей природе глубоко антагонистический, Е. А. Косминский не склонен принимать явления депрессии за общую тенденцию эпохи, как свидетельство направления «векового экономического цикла», ибо он в то же время находит много фактов, свидетельствующих о прогрессе экономики. Так, упадку господского хозяйства феодалов он противопоставляет усилившуюся роль крестьянского хозяйства [60]. Упадок внешней торговли в значительной степени компенсировался ростом внутреннего рынка; одновременно с сокращением доходов феодального класса происходил рост доходов некоторых групп крестьянства; наряду с упадком старых центров ремесла имело место развитие промышленности в деревне [61].

Но Е. А. Косминский не ограничивается балансированием фактов экономического упадка, с одной стороны, и прогресса — с другой. Он

[59] Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? стр. 267.
[60] Там же.
[61] Там же, стр. 270.

ставит и более общий вопрос — о социальном содержании интересующей нас эпохи. Отвергая «теорию циклов» как основание новой периодизации европейской истории, Е. А. Косминский заключает, что с точки зрения развития экономики в XIV—XV вв. развитие происходило в общем под знаком прогресса, но отнюдь не стагнации и кризиса [62].

С этими выводами, разумеется, нельзя не согласиться, за одним лишь исключением: автор этих строк в гораздо большей степени, чем Е. А. Косминский, склонен допустить, что в указанную эпоху явления временного экономического спада, особенно если рассматривать их сквозь призму товарного производства, были количественно более ярко выраженными, чем это до сих пор принято было считать.

Однако наша задача заключается в том, чтобы попытаться истолковать указанные внешне противоположные тенденции XI—XIII и XIV—XV вв. как закономерные проявления данной ступени эволюции одного и того же феодального способа производства.

Процессы, давшие повод конструировать «вековой цикл экономического упадка», обнаружены в той или иной мере в ряде стран Западной Европы (в Англии, Франции, в Германии к западу от Эльбы, Норвегии и ряде других). Подобное обстоятельство показывает, что речь идет о явлениях не локального значения, не только случайных и привходящих, а таких, которые обусловлены одним и тем же этапом развития феодализма как общественно-экономической формации.

Эти факты в различных странах часто не совпадают во времени и различаются по своим конкретно-историческим формам; они нередко затемняются многими противоречащими их сущности тенденциями, однако этим лишь подчеркивается то основное и наиболее важное, что пробивает себе дорогу вопреки всем случайностям, а именно: однородность общественно-экономических преобразований, совершавшихся в структуре феодального общества под воздействием классового антагонизма, заложенного как в феодальном экономическом базисе, так и в его надстройке. Эти сдвиги и должны служить рубежами и вехами при периодизации экономической эволюции средневекового общества.

Такой подход к анализу материала, накопленного в ходе дискуссии, ни в коей мере не затрагивает основ марксистской периодизации средневековой истории. И если создатели концепции «кризиса XIV—XV вв.» надеялись создать некий противовес этой периодизации или даже «подорвать» этим ее основы, то их постигла явная неудача. Иначе и быть не могло. С нашей точки зрения, трудность проблемы «кризиса XIV—XV вв.» заключается в том, что он представляет сложный исторический феномен: огромный социальный прогресс, совершающийся на почве феодального способа производства, ценой временных кризисных явлений феодальной экономики.

Изображение этого диалектического процесса обедняется, суживается и теми, кто рассматривает его экономическую форму проявления как решающий критерий для оценки направления исторического развития, и теми (хотя и не в такой степени), кто отмечает лишь его социальное содержание, отвлекаясь от этой формы.

Марксистское понимание периода восходящего развития феодальной формации вовсе не исключает возможности отдельных и даже длительных моментов хозяйственного застоя или даже упадка. Однако эти перерывы и зигзаги в эволюции хозяйства, рассматриваемого к тому же крайне односторонне — с точки зрения его «товарности», не снимают основную и общую тенденцию социального прогресса. Важно лишь определить: что именно приходит в данный период в упадок, сказывающийся в сокращении товарного производства, и как этот упадок отражается на

---

[62] Там же, стр. 267.

тех элементах общества, которые служат истинным базисом его поступательного развития.

Таким образом, факты, говорящие о наступлении «трудных времен» для определенных сторон общественно-экономической жизни в Западной Европе XIV—XV вв., лишь свидетельствуют о неизбежных, хотя и временных, экономических последствиях развития феодального способа эксплуатации.

Обратимся поэтому, хотя бы бегло, еще раз к фактам. Концепция о так называемом «кризисе XIV—XV вв.» была в последние годы обоснована с наибольшей очевидностью на материале Англии ввиду наличия там большого количества источников, к тому же значительно лучше изученных, чем в какой бы то ни было другой стране. Именно поэтому мы воспользуемся теми данными, которые приведены в трудах М. Постана для характеристики английской экономики интересующего нас периода. Среди перечисленных им фактов для обрисовки «конъюнктуры хозяйственной жизни» в Англии XIV—XV вв. наиболее убедительными, на наш взгляд, являются следующие: сокращение общей площади обрабатываемой земли и увеличение площади пастбищ; сокращение товарной продукции зерна, как и продукции животноводства; вздорожание рабочих рук и, наоборот, удешевление продуктов земледелия; упадок и запустение многих деревень, а также ряда старых городских центров; сокращение объема внутреннего товарооборота и объема внешней торговли (и, в частности, вывоза шерсти, не восполняемого до поры до времени увеличившимся вывозом сукна) [63].

Можно, конечно, спорить относительно интенсивности указанных процессов [64] (в особенности относительно динамики народонаселения), однако само наличие их в социально-экономической действительности Англии XIV—XV вв. представляется нам доказанным.

Но о чем же свидетельствуют эти факты? Они свидетельствуют лишь о кризисе и упадке системы эксплуатации, базировавшейся и обусловленной сеньериальной, или — что для нас в данном случае то же самое — манориальной стадией феодализма.

С нашей точки зрения, не только можно, но и должно говорить о кризисе, только не феодализма как способа производства, а лишь сеньериальной формы или системы феодальной эксплуатации. Феодальное общество как общественно-экономическая формация пережило лишь один общий кризис, который может быть более или менее длительным, но он обязательно предшествует буржуазной революции и завершается ею. В Англии, например, этот кризис длился с конца XVI — начала XVII в. до 40-х годов XVII века. Поэтому не может быть и речи о «первом» или «втором» кризисе феодализма. В отличие от капитализма феодальный способ производства, как уже отмечалось, не знает циклических, конъюнктурных кризисов. Феодализму свойственны кризисы данных, конкретно-исторических форм эксплуатации, время от времени видоизменявшихся под влиянием развития антагонизма общественного производства, что, в свою очередь, совершенно не присуще сложившемуся капитализму. Перемены наступают тогда, когда старые формы эксплуатации становятся неадекватными целям господствующего класса, иначе говоря, непригодными для извлечения в его пользу всего прибавочного продукта, создаваемого в стране в различных сферах труда, и прежде всего в крестьянском хозяйстве, и реализуемого все больше в сфере об-

---

[63] См. M. M. Postan. Revisions in Economic History: the 15-th Century. «The Economic History Review», 1939, vol. IX; его же. Some social Consequences of the Hundred Years War. «The Economic History Review», 1942, vol. XII; его же. The Rise of the Money Economy. «The Economic History Review», 1944, vol. XIV; его же. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages. «The Economic History Review», 1950, 2 ser. Vol. II.

[64] Ср. Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики?

мена. Такие кризисы, очевидно, не часты, как немногочисленны и исторически известные формы организации феодального производства и феодального присвоения (формы ренты). Но они чрезвычайно глубоки и длительны, ибо вызывают важные сдвиги во всей системе общественных отношений, вплоть до сдвигов в области идеологии. Эти кризисы не всегда точно совпадают со сменой конкретно-исторических форм феодальной ренты. Во-первых, различные формы эксплуатации во многих странах сосуществуют, и их смена благодаря влиянию многих факторов слишком нерегулярна во времени и по существу, чтобы предварять полностью синхронные кризисы форм феодального хозяйства. Во-вторых, формы феодальной эксплуатации — понятие гораздо более широкое, чем понятие формы феодальной ренты, и это потому, что оно включает и способ производства этой ренты. Поэтому только в общих чертах и весьма приблизительно можно установить, что кризис сеньериальной стадии феодализма совпадал с переходом от ренты отработочной к денежной.

Сеньериальная (манориальная) стадия феодализма в истории Западной Европы — не логическая конструкция, а исторический факт. Ее расцвет приблизительно датируется с конца X по XIII в. включительно. Она наступила с полным торжеством крепостничества и барщинного хозяйства на господском домене. Однако только в Англии эта стадия в целом совпадала с эпохой господства отработочной ренты и домениального хозяйства. В других странах хронологические рамки и формы этой стадии были несколько иными.

Что же составляет сущность сеньериальной стадии феодализма? Основой ее является феодальная собственность в более развитой форме (по сравнению с формами раннего средневековья), которая характеризуется слиянием титула земельного собственника в одном лице с обладателем прав внеэкономического принуждения по отношению к земледельцу. Это положение не следует истолковывать в том смысле, что речь идет лишь о каких-то «привесках», внешних по отношению к природе феодальной собственности. Речь идет о становлении особой, более развитой формы этой собственности, воплощавшей более высокую ступень феодального производства, а значит, и эксплуатации. Становление этой формы собственности было решающим условием для расцвета барщинной, крепостнической вотчины в X—XIII веках.

Главный недостаток указанных выше буржуазных концепций так называемого «кризиса XIV—XV вв.» заключается в том, что в них феодальная собственность рассматривается как нечто застывшее, неизменное. Между тем феодальная собственность — категория сугубо историческая, и ее трансформация в различные периоды средневековья представляется нам путеводной нитью при анализе всей совокупности социально-экономических фактов данной эпохи [65].

Каковы особенности экономики на сеньериальной стадии феодализма? Важнейшим фактором было начало интенсивного развития товарно-денежных отношений в связи с новой ступенью, достигнутой вскоре на базе сеньерии в развитии общественного разделения труда, характеризовавшегося отделением ремесла от земледелия, города от деревни [66].

По мере того как господское (домениальное) хозяйство производи-

[65] Подробнее эта важная тема здесь не может быть развита.

[66] Нам представляется сугубо ошибочным такой односторонний подход, когда усматривается только влияние города на сеньерию, товарно-денежных отношений на натурально-хозяйственную в своей основе феодальную вотчину. Сеньерия не только «приспосабливалась» к товарно-денежным отношениям. Она сама долгое время была их бродилом, по крайней мере в сфере обмена, а затем и в сфере феодального присвоения. Это примечание тем более уместно, что до сих пор суть его далеко не очевидна и ряду историков, считающих себя причастными к марксизму. См., например, «The Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium by P. M. Sweezy, M. Dobb, H. K. Takahashi, R. Hilton and Ch. Hill. London. 1954.

ло все больше излишков, оно все больше становилось на почву товарного производства. Это особенно хорошо видно на примере Англии XII—XIII веков. Маршруты, по которым отбывались извозные повинности вилланов крупных барщинных маноров, нанесенные на карту, могут служить яркой иллюстрацией того, насколько тесными являлись рыночные связи сеньерии, мы даже сказали бы, насколько «торговым» становилось домениальное земледелие.

Хотя домениальное земледелие даже в период своего максимального расширения занимало значительно меньше половины культивируемой площади (типична $^1/_3$ этой площади), ясно, однако, что на одной и той же единице пахотной площади домениальное производство было гораздо более товарным, чем земледелие крестьянское. Не удивительно поэтому, что крупные лорды были в состоянии доставлять на рынок большие партии товарного хлеба, скота, шерсти и других сельскохозяйственных продуктов, что определенным образом олицетворяло «бум XII—XIII вв.» как во внутренней, так и во внешней торговле. Погоня за увеличением доли феодальной ренты, превращаемой в деньги самим лордом, имела своим результатом не только интенсификацию и увеличение барщины, но и максимальное расширение площади домениальной запашки. Все это не могло не создать, в частности и в английской деревне, обстановки земельного голода: на одном наделе вынуждены были ютиться несколько семей, умножалось число безземельных, покидавших деревню в поисках надела на стороне или снимавших, подчас за довольно высокую плату, клочки пустоши или домена. Вытеснение из земледелия массы сельского населения, вынужденной обратиться к «городским» занятиям как источнику существования, объясняет вторую сторону «бума XII—XIII вв.» — большую емкость рынка и высокие цены на продукты земледелия. Таким образом, факты «перенаселения деревни» в XI—XIII вв., факты, свидетельствующие о том, что «плуг добрался уже до порога жилищ», могут в крайнем случае говорить лишь об относительном перенаселении деревни в условиях интенсивного барщинного хозяйства, рассчитанного в значительной мере на рынок. В этих условиях уже нетрудно объяснить и высокие цены на хлеб, например, в Англии XIII в., и сравнительную дешевизну рабочих рук при дороговизне земли. Масса безземельных и малоземельных крестьян, прежде всего вилланов, не могла быть обеспечена в силу указанных причин достаточными для самостоятельного хозяйства земельными наделами в рамках манора, следовательно, она не могла достаточно эффективно эксплуатироваться в рамках господствовавшей барщинной системы. Отсюда вынужденность этой массы выступать на рынке, с одной стороны, в качестве носителей «городского труда» или наемного земледельческого труда, который в тех условиях мог быть лишь вспомогательным и поэтому дешевым, с другой — в качестве покупателей продуктов земледелия.

Чем выше становился удельный вес коттеров и других малоземельных держателей в английской деревне, тем обширнее, тем более емким был хлебный рынок, тем выше был на нем спрос, а следовательно, выше цена на зерно. Без учета именно этого относительного, социального перенаселения английской деревни XIII в. нельзя ни в малейшей степени объяснить рыночную конъюнктуру хозяйства.

Конец XIII — начало XIV в. принесли хорошо известные перемены, связанные с процессом коммутации. Господское хозяйство на домене должно было уступить крестьянскому хозяйству свое место на основном для него внутреннем рынке. Однако эта смена форм ренты олицетворяла лишь зримо начало разложения манора, но не причину его. Сам процесс его был и более долговременным и гораздо более болезненным для всей феодальной структуры. Таким образом, коммутация была явлением вторичным в ходе начавшегося кризиса сеньерии, а отнюдь не первичным, отнюдь не его первопричиной.

Такие случайные, привходящие явления, как голод, эпидемии и т. д., конечно, усугубили и усложнили течение прослеживаемого процесса. Подчас они были не в малой мере им обусловлены. Итак, кризис сеньерии как основного центра производства феодальной ренты, сеньерии как воплощения барского, домениального хозяйства, как основы всей общественной структуры является, на наш взгляд, предпосылкой и первопричиной так называемого «кризиса XIV—XV веков».

Дело в том, что падение в течение XIV—XV вв. феодальных доходов — «кризис дворянства» (crise nobiliaire),— обычно связываемое с падением стоимости ренты, нельзя объяснить одним лишь фактом коммутации барщинных повинностей.

Главное заключается не в самой этой смене, а в том коренном сдвиге в развитии производственных отношений, основного классового антагонизма, который в коммутации лишь нашел выражение, но отнюдь не ею был обусловлен.

Речь идет о том, что в ходе товарного производства, в напряженном соревновании двух сторон, сфер единого феодального хозяйства — вотчинного и мелкокрестьянского — экономическое преимущество оказалось на стороне последнего. Этим обусловливается не только то, что на его плечи вотчинники переложили все бремя рыночной реализации прибавочного продукта (коммутация), но и всю заботу о самом его производстве. В истории феодализма это означало огромной важности социально-экономический сдвиг.

Обратимся теперь к судьбам сеньерии. Все исследователи единодушны в признании того, что основным экономическим признаком этой полосы истории сеньерии было резкое сокращение или даже полное исчезновение домениального хозяйства. Но дальше такого признания участники дискуссии, по существу, не идут.

Факт исчезновения домена как сферы самостоятельного производства лордов означал не просто новую форму утилизации собственности, находившейся в их руках, но прежде всего решающую трансформацию феодального производственного отношения и на данной основе дальнейшее им обусловленное развитие самой феодальной собственности как с точки зрения ее структуры, так и юридической природы. Сеньерия как форма феодального производства себя изжила.

Обратной стороной этого процесса было превращение мелкокрестьянского хозяйства в абсолютно господствующую форму феодального производства. Это был прогрессивный сдвиг, предвещавший наступление нового периода в эволюции феодализма. Расцвел мелкотоварный уклад хозяйства в средневековой деревне, возник новый класс крестьян (в Англии, например, копигольдеры), неизвестный предыдущей эпохе и олицетворявший всю глубину социального прогресса, совершившегося в XIV—XV веках.

Восстание Уота Тайлера следует рассматривать не только как признак социального кризиса, но и как доказательство резкого усиления экономической мощи и сословного самосознания крестьянства, стремившегося полностью воспользоваться выгодно сложившимися для него социально-экономическими условиями и давшего отпор попыткам дворянства повернуть ход эволюции на путь «феодальной реакции».

Посмотрим теперь, в какой мере кризис сеньерии как формы феодального производства объясняет экономическую конъюнктуру XIV—XV веков. Исчезновение домениального хозяйства должно было привести на первых порах к сокращению пахотной площади, ибо отнюдь не все нуждавшиеся в земле могли сразу обзавестись собственным хозяйством, кроме того, как мы уже отмечали, упадок вилланского права открыл безземельным крестьянам широкую дорогу в другие сферы труда,

к неземледельческим источникам существования. Отсюда не только явление запустения деревень, но и временами исчезновения многих из них.

Динамика цен и заработной платы как нельзя лучше объясняется социальными сдвигами, происшедшими в среде крестьянства, с одной стороны, в связи с раздачей домена в держания, а с другой стороны, в связи с исчезновением и ослаблением вилланского права. Если не подлежит сомнению, что значительная часть в прошлом безземельных и малоземельных крестьян обзавелась земельными держаниями, то это означало, что они перестали выступать на рынке и как покупатели продуктов земледелия (в первую очередь зерна) и как продавцы рабочей силы. Отсюда тенденция к понижению цен на хлеб и вздорожание рабочих рук. Вследствие упадка института вилланства вопрос о рабочей силе в тогдашней деревне стал крайне острым. Рост пастбищного хозяйства за счет пахоты, несомненно, был свидетельством хозяйственной перестройки, вызванной не столько сокращением численности населения, сколько большей выгодностью и рентабельностью скотоводства в условиях дороговизны наемной рабочей силы. Если же говорить о сокращении объема внутренней и внешней торговли, то оно могло быть лишь результатом упадка домениального хозяйства. Выше мы уже отметили несравненно бо́льшую товарность домениального хозяйства на единицу пахотной площади по сравнению с крестьянским хозяйством. Таким образом, исчезновение домена не могло длительное время восполниться с точки зрения товарной продукции крестьянским хозяйством. Для этого последнее должно было стать несравненно более многочисленным.

С X по XIII в. господствовала форма организации феодального производства, характеризовавшаяся наличием двух типов хозяйства — трудового крестьянского и эксплуататорского господского,— составлявших в совокупности сущность вотчины. «Кризис XIV—XV вв.» означал разложение этой формы феодального присвоения. Коренившийся в ней социальный антагонизм исчерпал в условиях развитого товарного производства возможность дальнейшего развития этой формы феодальной эксплуатации, что обусловило на время потерю классом феодалов значительной доли контроля над производительными силами страны, а следовательно, и над значительной долей избыточного продукта.

«Кризис дворянства» и рецидивы феодальной анархии в XIV—XV вв. были лишь оборотной стороной этого важнейшего исторического процесса. Потребовалась сложная перестройка всей системы эксплуатации, прежде чем классу феодалов удалось найти новые, более эффективные формы своей власти над производительным трудом и продлить таким образом свое господство в Западной Европе еще на несколько столетий.

Таковы изложенные в сугубо предварительной форме причины, обусловившие явления хозяйственного упадка в XIV—XV вв. в странах так называемой «старой сеньерии».

ИЗ ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ АМЕРИКАНСКИХ МОНОПОЛИЙ В ЛИБЕРИЮ (1924—1933 гг.)

И. А. Ходош

Американский империализм на протяжении всей своей истории показал себя как злейший враг и жестокий эксплуататор народов колониальных и зависимых стран. История американского империализма дает немало примеров проникновения могущественных монополистических компаний в слаборазвитые страны. Нередко такие компании становятся вершителями судеб слаборазвитых государств, закабаляют их, направляют их внутреннюю и внешнюю политику.

В настоящей статье рассматривается экспансия американской компании по производству шин «Firestone Tire and Rubber Company» в африканском государстве Либерия. Появление этой компании в Либерии непосредственно связано с обострением борьбы за источники сырья, которая развернулась между Соединенными Штатами и Англией после первой мировой войны.

В начале 20-х годов Соединенные Штаты изготовляли 85% производившихся в мире автомобилей и использовали 3/4 мировой продукции натурального каучука [1] — незаменимого в те годы сырья для производства автомобильных шин. В то же время английские капиталисты контролировали больше 77% мировой добычи каучука [2]. Американские автомобильные компании находились в полной зависимости от импорта английского каучука. Английские дельцы устанавливали не только цены на этот товар, но и жесткие экспортные квоты. 1 ноября 1922 г. через английский парламент был проведен так называемый ограничительный акт Стивенсона, который позволял регулировать цены на каучук путем ограничения его производства и экспорта из колоний Англии. Вывоз каучука был ограничен 60% от общего количества, произведенного в 1920 году [3].

С момента принятия акта Стивенсона цены на каучук начали быстро расти. В 1922 г. фунт каучука стоил 15 центов, а в 1925 г. цена его возросла до 1,23 долл. [4], то есть в 8 раз. Импорт же каучука в США составил в том же году 860 млн. фунтов [5]. Только за один 1925 год автомобильные компании из-за изменения цен переплатили 928,8 млн. долларов.

Выход из создавшегося положения магнаты американской автомобильной промышленности видели в организации собственного производства каучука. Но на севере американского континента каучуконосы не

---

[1] H. S. Firestone and S. Growther. Men and Rubber. New York. 1926, p. 254.

[2] Там же, стр. 255.

[3] Там же, стр. 259. Этот акт английского парламента является ярким примером действия аппарата буржуазного государства в интересах капиталистических монополий. С помощью таких мер английское правительство рассчитывало поддерживать высокие цены на каучук, увеличить доходы частных компаний и валютные поступления в казначейство. Интересно отметить, что именно средства от продажи каучука американским автомобильным королям помогали Англии расплачиваться с крупными долгами Соединенным Штатам, образовавшимися во время войны.

[4] Там же, стр. 255; Ch. M. Wilson. Liberia. New York. 1947, p. 84.

[5] G. W. Brown. The Economic History of Liberia. Washington, 1941, pp. 192—193.

произрастают. Заинтересованные компании разработали план поисков пригодных земель по всему свету. Инициатива в этом принадлежала компании Файерстона.

В начале 1923 г. Файерстон обратился за помощью к американскому правительству, убеждая его противодействовать новому английскому закону. Правительство США решительно поддержало инициативу Файерстона. Таким образом, проблема обеспечения хозяйства каучуком стала предметом внимания не только американских промышленников, но и американского правительства.

17 февраля 1923 г. президент США Гардинг созвал в Вашингтоне конференцию представителей автомобильной и резиновой промышленности для выработки мер по борьбе с английской каучуковой монополией [6]. Благодаря усилиям министра торговли Г. Гувера конгресс США отпустил 500 тыс. долл. на предмет исследования территорий, пригодных для выращивания каучука. «Настало время,— заявил в 1923 г. Гувер,— когда мы должны готовиться к национальной обороне против контроля цен» [7].

Еще до решения конгресса Файерстон, широко рекламируя лозунг «американцы должны производить свой собственный каучук», начал поиски. Он разослал своих агентов в Центральную и Южную Америку, в тропические страны Тихого и Индийского океанов и Африки. Его старший сын с группой специалистов побывал на Цейлоне, в Сингапуре, на Филиппинах, в Сараваке и других местах. В конечном счете Файерстон остановил свой выбор на Либерии. Эта страна, расположенная на побережье Атлантического океана, простирается на 600 км вдоль берега и на 200—300 км в глубь материка; она занимает 111 тыс. кв. км, что равняется площади Бельгии, Голландии и Дании, вместе взятых. Либерия — «ворота Западной Африки». Ее столица Монровия — океанский порт, одна из лучших глубоководных гаваней в мире. Либерия щедро одарена природой: недра богаты железом, золотом и другими минеральными ископаемыми, земля покрыта тропическими лесами, быстрые реки обладают большим запасом гидроэнергии. Чередование сухого и жаркого сезона с ноября до марта и дождей в остальное время года создает благоприятные климатические условия для выращивания каучуконосов. Файерстон писал в статье, опубликованной в издававшемся его компанией журнале «Non Skid»: «Либерия предлагает нам наилучшие естественные выгоды. Рабочая сила местная и практически неистощимая» [8].

Большую роль в решении американских империалистов играли не только экономические, но и политические соображения. Известно, что условия образования либерийского государства очень своеобразны. В 20-х годах XIX в. группа американских негров, освобожденных от рабства, была переселена на западный берег Африки. Переселение происходило при поддержке конгресса США и президента Монро. Главной побудительной причиной такой позиции американских властей было желание избавиться от неспокойных элементов, которые оказывали революционизирующее влияние на негров Юга, находившихся в рабстве. Представитель специально созданного в США Колонизационного общества дал заселяемой области название — Либерия; главный город был назван в честь американского президента — Монровия. Соединенные Штаты, стремясь укрепить свое влияние в Либерии, оказывали переселенцам вооруженную поддержку в борьбе против местных негритянских племен. До 40-х годов во главе Либерии стоял американский губернатор.

В 1847 г. Либерия была провозглашена независимой республикой.

---

[6] E. I. Jancy. Historical Lights of Liberia's Yesterday and Today. Henia. 1934, pp. 246—247.

[7] «New York Times», 1923, February 23.

[8] Цит. по R. L. Buell. The Native Problem in Africa. Vol. 2. New York. 1928, p. 823.

В дальнейшем между США, Англией, Германией и Францией развернулась напряженная борьба за влияние в Либерии. В конце XIX—начале XX в. Англия и Франция навязали Либерии несколько «соглашений», в результате которых территория страны уменьшилась более чем на 40%. Обе державы, а в особенности Франция, предъявляли территориальные претензии к Либерии и после окончания первой мировой войны. В этот период наибольших успехов в борьбе за захват экономических позиций в стране добилась американская буржуазия.

Американские деловые круги рассматривали Либерию как область своих «специальных интересов» и надеялись использовать так называемых американо-либерийцев, то есть потомков негров — выходцев из США, для дальнейшего укрепления своего влияния в этой стране.

Избрав территорию, пригодную для каучуковых плантаций, Г. Файерстон снова, как и в 1923 г., решил прибегнуть к помощи государства. 10 декабря 1924 г. он официально представил свои соображения государственному департаменту. «Я убежден,— писал он государственному секретарю Юзу,— что Либерия, расположенная на западном побережье Африки, представляет блестящие возможности, равные или лучше тех, которые имеет Британия на Дальнем Востоке, в отношении почвы, климата и рабочей силы... Если каучуковая промышленность сможет развиваться в Либерии, это принесет освобождение США не только в экономическом смысле, но даст нам гарантии национальной безопасности» [9]. В ответном письме Юза от 22 декабря 1924 г. государственный департамент обещал Файерстону дипломатическую поддержку в переговорах с Либерией [10].

Первые конкретные предложения в форме проекта трех соглашений были переданы компанией Файерстона правительству Либерии еще 5 июня 1924 года. Первое соглашение предусматривало аренду каучуковых плантаций площадью в 2 тыс. акров (800 га) по цене 1 долл. за акр в течение первого года и затем по 6 тыс. долл. за всю плантацию ежегодно. Эта плантация рассматривалась в качестве опытного поля для выявления продуктивности почвы и установления стоимости производства [11].

По проекту второго соглашения компания должна была получить в аренду 1 млн. акров земли (примерно 400 тыс. га) на 99 лет. Проект предусматривал плату 5 центов за акр в первые 6 лет и 10 центов — в дальнейшем [12]. Это были грабительские условия [13].

Компании Файерстона предоставлялось исключительное право строить на арендуемой территории железные и шоссейные дороги, средства связи. Файерстон получал все права на использование лесов на арендованной территории, вплоть до вывоза древесины за границу. В этом случае компания должна была только платить пошлину в 2 цента с кубического фута древесины. Кроме того, в проекте соглашения имелся специальный пункт об обеспечении плантаций рабочей силой.

По третьему соглашению Файерстон намеревался получить концессию на строительство порта, стоимость которого в размере 300 тыс. долл. должно было оплачивать правительство Либерии [14].

---

[9] «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States», 1925. Vol. 2, p. 384. (Далее: «Foreign Relations...»).

[10] Там же, стр. 403—404.

[11] R. L. Buell. Указ. соч. Т. 2, стр. 826—828; G. W. Brown. Указ. соч., стр. 194.

[12] «Foreign Relations...», 1925. Vol. 2, p. 374.

[13] Даже в колониальных странах арендные цены на каучуковых плантациях были значительно выше цен, предложенных американской монополией правительству Либерии. Так, в Британской Малайе арендная плата составляла 2 долл. за акр, в Кохинхине — 25 центов в первые 4 года, а затем тоже 2 долл., на Суматре — 8 центов за первый год и до 48 центов впоследствии. Там же, стр. 419.

[14] Впоследствии от этого проекта пришлось надолго отказаться, так как строи-

В своей борьбе за концессии резиновая монополия опиралась на проамериканские элементы в либерийском правительстве, в числе которых был и президент Кинг. Надеясь противопоставить США англо-французской экспансии, эта часть правительства Либерии шла на большие уступки американскому империализму. Выступая перед законодательным органом Либерии в декабре 1924 г., Кинг заявил: «Для развития нашей страны мы должны дать поддержку иностранному капиталу. Надо перестать бояться «продавать страну» [15].

Тем не менее претензии США были так велики, что даже самые проамерикански настроенные деятели не могли их безоговорочно принять. Переговоры затягивались. Правительство Либерии сопротивлялось, стараясь обеспечить более выгодные условия аренды. Прежде всего это относилось к размеру арендуемой территории, которую Либерия предложила сократить в 2 раза — до 500 тыс. акров. Кроме того, за экспериментальную плантацию либерийская сторона потребовала 15 тыс. долл. в год, а за основную концессию — по 6 центов за акр в первые годы и выплату 5% от рыночной цены на полученный каучук в последующие годы. Но и это более чем скромное требование встретило резкий отпор компании. Представитель Файерстона в Либерии заявил, что «невозможно принять эти изменения в тексте» [16].

В письме к президенту Кулиджу от 30 апреля 1925 г. Гарвей Файерстон сообщал о затруднениях в получении плантаций и просил правительственной помощи. «Мне трудно обеспечить подпись либерийского правительства под соглашениями о плантациях каучука, которые одобрены государственным департаментом,— писал он.— Я прошу о помощи... Зная вашу заинтересованность в получении каучука, прошу вашего совета в создавшейся ситуации» [17]. Ответ не заставил себя ждать. На следующий день, 1 мая 1925 г., государственный секретарь США Келлог просил американского посланника в Либерии Гуда передать либерийскому правительству, что «департамент ждет с особым интересом заключения контракта с Файерстоном» [18]. После открытого дипломатического нажима либерийское законодательное собрание одобрило в принципе проекты соглашений и поручило президенту довести переговоры до конца. По окончательному тексту соглашения американская компания получала территорию в 1 млн. акров на 99 лет. Файерстон соглашался на ренту в 6 центов за акр ежегодно за фактически обработанную землю, но не меньше, чем за 20 тыс. акров. Через 6 лет компания должна была начать платить налог, составляющий всего 1% от стоимости каучука, экспортируемого компанией [19].

Освоение компанией миллиона акров приобретенной территории было практически возможно лишь в течение очень длительного срока. И действительно, за первый год было засажено 800 акров, в течение первых трех лет американская компания Файерстона сумела засадить каучуковыми деревьями около 30 тыс. акров и вплоть до второй мировой войны, то есть за 25 лет, было засажено всего 72,5 тыс. акров [20], меньше $^1/_{10}$ арендованной земли. Такое положение не наносило ущерба американским финансовым интересам, так как оплата производилась

тельство стоило намного дороже предполагавшейся суммы. Только во время второй мировой войны порт был построен Морским министерством США и обошелся в 20—22 млн. долларов (W. A. Hance. African economic development. London. 1958, p. 91).

[15] R. L. Buell. Указ. соч. Т. 2, стр. 821; G. W. Brown. Указ. соч., стр. 195.

[16] R. L. Buell. Указ. соч. Т. 2, стр. 820—821.

[17] «Foreign Relations...». 1925. Vol. 2, p. 426.

[18] Там же, стр. 427.

[19] Ch. H. Huberich. The Political and Legislature History of Liberia. Vol. 2. New York. 1947, pp. 1098—1099; R. L. Buell. Указ. соч. Т. 2, стр. 826—828.

[20] См. «West Africa». Vol. 12, 1928, p. 605; W. Ch. Taylor. The Firestone's Operations in Liberia. Washington. 1956, p. 60.

исключительно за действительно обработанную землю, но зато аренда давала возможность США установить их монопольное господство на огромной территории и не допустить проникновения других империалистических держав в Либерию.

Но заключением соглашения о плантациях притязания американских монополий не исчерпывались. Добившись от либерийского правительства огромной концессии, компания Файерстона немедленно прислала в Монровию своих представителей для переговоров о предоставлении Либерии займа. Принятие займа компания ставила условием для окончательного заключения соглашения о каучуковых плантациях. Заем неизбежно вел к подчинению Либерии частному американскому концерну. Предложение Файерстона во многом повторяло проекты, обсуждавшиеся во время переговоров о займе между Либерией и США в 1920—1921 годах. Файерстон предлагал представить частный заем в 5 млн. долл., но при этом назначить американских чиновников для управления финансами, армией и внутренними делами Либерии.

Проект соглашения предусматривал назначение десяти американских чиновников — финансового советника и его заместителя, таможенного генерального инспектора, генерального инспектора по внутренним доходам, финансового контролера и его помощника и четырех офицеров — для управления армией Либерии [21]. Жалованье этим чиновникам (270 тыс. долл. в год) должно было выплачиваться за счет бюджета страны и составило бы 20% всех доходов правительства в 1928 г. и около 50% доходов в 1931 году [22]. Таким образом, таможенные и другие доходы, а также вооруженные силы страны попадали под контроль американской компании Файерстона.

Соглашение о займе 1926 г. существенно отличалось от соглашения, заключенного между Либерией и иностранными государствами в 1912 году [23]. Международный контроль над таможенными доходами страны заменялся исключительно американским. По условиям соглашения о займе американский финансовый советник пользовался широкими правами. Он был уполномочен контролировать сбор всех правительственных доходов и передавать эти доходы в счет уплаты займа [24]. Все деньги поступали в банк и не могли расходоваться без разрешения американского финансового контролера и его помощника, тоже американца. Финансовый советник имел право наложить вето на государственный бюджет, разработанный министерством финансов Либерии [25].

Американские чиновники не были ответственными перед исполнительной и законодательной властью Либерии. Ни президент республики, ни парламент не участвовали в назначении этих чиновников. Их рекомендовала компания и только формально утверждал президент Либерии [26]. Такое положение нарушало суверенные права Либерии и отражало растущую зависимость страны от Соединенных Штатов.

Экономические условия займа тоже были необычайно тяжелы. Заем предоставлялся на 40 лет, из расчета 7% годовых [27]. Соглашение пол-

---

[21] R. L. Buell. The Native Problem in Africa. Vol. 2, pp. 840—841.

[22] R. L. Buell. Liberia: A Century of Survival, 1847—1947. Philadelphia. 1947, p. 33.

[23] В 1912 г. по инициативе США группа банкиров Соединенных Штатов, Англии, Франции и Германии предоставила либерийскому правительству заем в 1 700 тыс. долл. из 5% годовых. По условиям этого займа руководитель таможенной службы назначался США, а три его сотрудника — Англией, Францией и Германией. Американцы добились также права назначать офицеров в либерийскую армию (См. R. L. Buell. Reconstruction of Liberia, 1932, p. 121).

[24] R. W. Bixler. The Foreign Policy of the United States in Liberia. New York. 1957, p. 86.

[25] R. L. Buell. The Native Problem in Africa. Vol. 2, p. 843.

[26] G. W. Brown. Указ. соч., стр. 207—208.

[27] W. Ch. Taylor. Указ. соч., стр. 56.

ностью регламентировало использование займа. Половину его Либерия обязана была использовать для погашения займа 1912 года. Остальное предназначалось для строительства дорог, мостов, портов и на содержание армии. Причем эта вторая половина займа предоставлялась только тогда, когда ежегодные таможенные сборы достигнут 80 тыс. долл. в течение двух лет подряд [28]. Следовательно, Либерия практически ничего не получала от нового займа и лишь все больше запутывалась в новых долгах американским империалистам.

Компания Файерстона лишила правительство Либерии возможности прибегнуть в случае нужды к новым займам на более приемлемых условиях, так как соглашение предусматривало финансовую монополию США на 20 лет [29].

Предложение займа на таких условиях вызвало большое недовольство как в общественных, так и в правительственных кругах Либерии. Возражения либерийского правительства были сформулированы в письме государственного секретаря Либерии Беркли американскому посланнику Гуду в апреле 1925 года. Об антиамериканских настроениях в правящих кругах Либерии Гуд неоднократно сообщал своему правительству [30]. Либерийцы возражали против соглашения о займе прежде всего потому, что не желали предоставлять частному концерну такие колоссальные права в своей стране. Гуд сообщал, что одной из причин недовольства было слишком большое количество административных чиновников и их широкие полномочия [31]. Таким образом, в правительстве Либерии имелись люди, которые понимали политические последствия американской «экономической помощи». Следует отметить, что в 1925 г. Либерия не нуждалась во внешнем займе так остро, как непосредственно после первой мировой войны. Еще до начала переговоров с Файерстоном среди некоторых представителей правящих кругов Либерии усилилось стремление изыскать внутренние ресурсы для ускорения экономического развития и укрепления финансов страны. С этими настроениями не мог не считаться и президент Кинг.

Негодование в Либерии по поводу условий навязываемого займа было столь сильным, что даже Кинг, поддерживавший проникновение иностранного капитала в страну, вынужден был заявить, что «никогда не одобрит заем на подобных условиях» [32].

Файерстон настаивал на том, чтобы в США выехала авторитетная комиссия для переговоров. Это была новая попытка оказать давление на правительство Либерии. Либерийское правительство вынуждено было согласиться на переговоры о займе. Комиссия во главе с государственным секретарем Либерии Беркли в июле 1925 г. выехала в США и находилась там почти полгода. После долгих переговоров Файерстон согласился специально для реализации займа организовать вторую компанию. Так возникла «Finance Corporation of America», финансируемая Файерстоном.

По существу, ничего не менялось, но «форма была соблюдена», и Беркли подписал три соглашения с Файерстоном о плантациях и соглашение с вновь созданной финансовой корпорацией о предоставлении пятимиллионного займа [33].

Компания рассчитывала, что подписанные государственным секретарем соглашения будут ратифицированы. Но когда вопрос о ратификации был поставлен в январе 1926 г. на обсуждение, члены законодательного собрания Либерии внесли в проект соглашения ряд поправок.

---

[28] R. L. Buell. Reconstruction of Liberia, p. 122.
[29] R. L. Buell. The Native Problem in Africa. Vol. 2, p. 839.
[30] «Foreign Relations...», 1925. Vol. 2, p. 430.
[31] Там же, стр. 438.
[32] «Foreign Relations...», 1926. Vol. 2, p. 506.
[33] R. L. Buell. The Native Problem in Africa. Vol. 2, p. 823.

Был изменен предполагаемый порядок арбитража (либерийцы требовали, чтобы арбитром являлся суд Либерии, а не назначаемый государственным секретарем США дополнительный арбитр); из проекта соглашения исключался термин «контроль»; сокращалось число американских чиновников и уменьшалось их жалованье и т. д.[34].

Файерстон грозил отказаться от проекта выращивания каучука в Либерии, если эти изменения будут сохранены[35]. Изменения в проекте вызвали раздражение американского правительства. Государственный секретарь США Келлог писал 3 февраля 1926 г. американскому поверенному в делах в Либерии Уортону: «Ни департамент, ни «National City Bank» не могут понять причин радикальных изменений, сделанных либерийским парламентом в соглашениях о займе»[36]. 5 февраля 1926 г. Келлог через Уортона заявил от имени государственного департамента США, что правительство Либерии должно утвердить первоначальный вариант соглашения о плантациях[37].

Под нажимом американского правительства 16 февраля 1926 г. была принята вторая резолюция обеих палат либерийского законодательного органа. Либерия отказалась от ряда поправок[38]. Основные статьи соглашений открывали путь для активного проникновения американского империализма в Либерию. Широкие права финансового советника позволяли установить полный контроль США над таможенными и внутренними доходами, над бюджетом страны, а также давали американцам возможность управлять вооруженными силами Либерии. Однако Файерстон продолжал настаивать на том, чтобы соглашение было принято «без малейших изменений»[39].

Только 8 декабря 1926 г. обе палаты Либерии ратифицировали соглашение. Позднее, когда комиссия Лиги наций занималась изучением положения в Либерии, все члены кабинета говорили о том, что государственный департамент США заставил Либерию принять этот заем[40]. Окончательно соглашение вошло в силу 1 июля 1927 года.

Показательно, что в течение нескольких лет (до января 1931 г.) ни государственный департамент, ни «National City Bank» в Нью-Йорке, ни «Finance Corporation of America» не хотели публиковать текст соглашения о займе. Но нельзя было скрыть те бедствия, которые принесло либерийскому народу хозяйничанье монополии Файерстона.

Либерия превращалась в страну монокультуры, что ставило ее в полную экономическую зависимость от США и вызывало перестройку всей хозяйственной жизни страны. Резко упал экспорт кофе и других культур, ранее составлявших предмет вывоза. Насильственное культивирование каучука американской компанией привело к тому, что Либерия начала ввозить продукты питания, которые прежде производила сама: рис, сахар, хлопок, зерно, бобы[41].

В результате действий компании Файерстона импорт Либерии за один год возрос больше чем в полтора раза, с 2 898 тыс. долл. в 1927 г. до 4 489 тыс. долл. в 1928 году[42]. В то же время экспорт продолжал уменьшаться и составил в 1928 г. 1 465 тыс. долл., а в 1929 г.— 994,5 тыс. долларов. Соглашения не привели к подъему либерийской торговли, обещанному американской стороной во время переговоров.

---

[34] «Foreign Relations...», 1926. Vol. 2, p. 507.
[35] Там же, стр. 518.
[36] Там же.
[37] Там же, стр. 519.
[38] Там же, стр. 524.
[39] Там же, стр. 530.
[40] «Liberia Documents Relating to the Plan of Assistance proposed by the League of Nations». Washington. 1933, p. 25.
[41] G. W. Brown. Указ. соч., стр. 182—183; R. L. Buell. Liberia: A Century of Survival, 1847—1947, p. 54.
[42] R. L. Buell. Reconstruction of Liberia, p. 123.

Экономический кризис 1929—1933 гг. принес Либерии новые бедствия. Осенью 1929 г. компания Файерстона стала резко снижать производство каучука, что вызвало катастрофическую дезорганизацию экономики Либерии. Тысячи людей оказались без работы, начался голод. В октябре 1930 г. журнал «African World» так характеризовал состояние каучуковых плантаций: «Что касается настоящего положения мирового каучукового рынка, то плантации Файерстона продолжают сокращать свои посевы, и уже уменьшился штат американских и европейских служащих, местных рабочих теперь на тысячи меньше, чем было еще недавно» [43].

В первые же годы хозяйничанья американской каучуковой монополии резко упал бюджет Либерии, непрерывно увеличивался дефицит. Следующая таблица дает представление о постоянных и все усиливавшихся финансовых затруднениях страны.

Бюджет Либерии в тыс. долларов [44]

Годы	Доходы	Расходы	Дефицит
1928	1 276,4	1 319,8	43,4
1929	1 013,6	1 200,3	186,7
1930	840,5	927,1	86,6
1931	551,3	676,7	125,4
1932	353,4	517,4	164,0

Если учесть, что только проценты по займу Файерстона и жалованье американским чиновникам составляли сумму в 269,3 тыс. долл.[45], то будет ясно, что бюджет Либерии не мог долго выдержать такого напряжения. Уже к 10 апреля 1930 г. в наличии имелась только половина суммы, необходимой для уплаты 1 мая процентов по займу [46].

К 1931 г. бюджет страны стал настолько мизерным, что невозможно было оплачивать администрацию и нести расходы по займу. Либерия задержала жалованье либерийским чиновникам, продолжая, правда, платить американским советникам. В этом году страна не смогла уплатить процентов по займу. В связи с разногласиями по вопросам финансовой политики американская финансовая корпорация задержала очередные платежи по займу, а финансовый советник США, пользуясь предоставленным ему по соглашению правом, отказался одобрить бюджет Либерии на 1931 год [47].

Таково было положение Либерии в результате первых лет деятельности американской каучуковой компании Файерстона. В отчете комиссии Лиги наций, посланной в Либерию, это положение было названо «трагическим» [48].

Превращение Либерии в каучуковую плантацию американских капиталистов сопровождалось насильственной конфискацией земли у местного населения. Экспроприация земли проводилась самыми жестокими методами. Обычным явлением стал сгон жителей с помощью солдат. Деревни нередко оказывались в окружении каучуковых плантаций, что полностью парализовало экономическую жизнь племен. Во время обследования крестьяне говорили членам комиссии: «В этом году (1930 г.— *И. Х.)* у нас нет риса, потому что Файерстон забрал наши земли. У нас ничего нет, когда Файерстон забирает наши земли. Нам негде работать» [49].

В 1932 г. произошло восстание одного из крупнейших племен Либе-

---

[43] «African World», 1930, October 11.
[44] G. W. Brown. Указ. соч., стр. 186; E. I. Jancy. Указ. соч., стр. 111.
[45] R. L. Buell. Reconstruction of Liberia, p. 123.
[46] R. W. Bixler. Указ. соч., стр. 94.
[47] R. L. Buell. Reconstruction of Liberia, p. 123.
[48] Там же.
[49] «West Africa», 1931, January 24.

рии — племени кру, большая часть земли которого оказалась у американской компании. Восстание было подавлено с помощью американских военных кораблей и американских офицеров, стоявших во главе либерийской армии.

Для обеспечения плантации рабочей силой в Монровии было создано специальное Бюро труда (с филиалами в различных областях страны). Компания Файерстона платила по 1 центу вождям племен и такую же сумму в правительственное бюро за каждого доставленного на плантацию рабочего[50]. С помощью таких методов вербовки свыше 40 тыс. рабочих-либерийцев было согнано на американские плантации[51].

Рабочие жили в очень тяжелых условиях. Зарплата африканца составляла от 5 до 14 центов за 12—14 часов работы[52]. На свой заработок неквалифицированный рабочий мог купить лишь 2—3 фунта риса (цены на рис колебались в пределах 3—5 центов за фунт)[53]. О плохих условиях жизни на плантациях свидетельствует большая текучесть рабочей силы. Согласно отчетам Файерстона, из общего количества вновь прибывших от 55% до 65% рабочих оставалось на плантациях меньше года[54]. Следует при этом учесть, что ежегодно на плантациях работало в среднем 25 тыс. человек.

Серьезное недовольство нарастало во всех слоях либерийского общества. Президент Кинг и вице-президент Янси вынуждены были в 1931 г., за несколько месяцев до истечения срока их полномочий, уйти в отставку.

В мае 1931 г. государственный секретарь Либерии Беркли был избран президентом. С его приходом к власти правительство пыталось проводить более последовательную линию в отстаивании политической и экономической независимости страны. Характерно, что в течение четырех лет, до середины 1935 г., американское правительство отказывалось признать Беркли президентом.

В декабре 1931 г. в Либерии был принят закон, вносивший серьезные изменения в соглашение 1926 года. Было решено объявить мораторий по займу Файерстона, пока доход страны не достигнет 650 тыс. долл. в течение двух лет. Американский советник был смещен. Отношения между США и Либерией обострились.

США вынуждены были пойти на небольшие уступки. Посланная в марте 1933 г. в Монровию американская делегация после длительных переговоров заключила 1 января 1935 г. дополнительное соглашение с Либерией. Годовой процент по займу был снижен с 7 до 5, но компания Файерстона получила исключительное право на разработку минеральных богатств на арендованной территории.

Деятельность американской каучуковой монополии в Либерии в исследуемый период показывает, что американский империализм является злейшим врагом либерийского народа, стремящимся к уничтожению независимости страны, к подчинению ее экономики, к превращению Либерии в аграрный и сырьевой придаток США. Либерия в полной мере испытала последствия займов и другой «помощи», которые навязывают империалистические государства слаборазвитым странам. Позиции американского капитала в Либерии еще очень сильны. Но в Либерии растут и крепнут силы, выступающие за экономическую независимость страны.

---

[50] R. L. Buell. The Native Problem in Africa, p. 834.
[51] G. W. Brown. Указ. соч., стр. 206—207.
[52] Там же.
[53] Ch. M. Wilson. Указ. соч., стр. 100
[54] Там же, стр. 116.

В Отделении исторических наук АН СССР и научных советов

ПОПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

7—8 июня сего года состоялось общее собрание Отделения исторических наук АН СССР, пополнившее состав Отделения двумя крупными учеными.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «История СССР» избран известный историк, доктор исторических наук профессор Максим Павлович Ким. Круг его научных интересов широк и разнообразен. Он работает в области истории национальных отношений и аграрной политики в СССР, истории Великой Октябрьской социалистической революции, социалистической индустриализации, культурного строительства, союза рабочего класса и крестьянства.

Большой интерес представляют его работы по истории аграрных отношений в Казахстане («Аграрные отношения и классовая борьба в казахском ауле в период Октябрьской революции», «Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане»), основанные на широком фактическом материале.

Наиболее крупные работы М. П. Кима посвящены истории культурного строительства в СССР. Это монографии «КПСС — организатор культурной революции в СССР» и «40 лет советской культуры». В этих трудах рассмотрены основные этапы и закономерности культурной революции в СССР. Осветив замечательные успехи, достигнутые советским народом под руководством коммунистической партии на культурном фронте, автор вместе с тем показал трудности культурного строительства, которые преодолевали партия и народ на различных этапах истории нашей страны.

Одним из крупных научных достижений советской исторической науки было создание учебного пособия «История СССР. Эпоха социализма», ответственным редактором которого являлся М. П. Ким. Эта работа представляет собой первый в советской историографии очерк сорокалетней истории советского общества. Книга основана на большом фактическом материале, в значительной части впервые введенном в научный оборот. В работе поставлены и решены многие кардинальные проблемы истории советского общества. Учебное пособие уже переведено в ряде стран (Китай, Мексика, Италия и др.).

Много статей М. П. Кима опубликовано в журналах; в них рассматривается ряд узловых проблем истории советского общества, например периодизация истории советского общества, изучение опыта и международного значения социалистического строительства в СССР, развитие советских социалистических наций. Эти статьи содержат интересные теоретические обобщения.

М. П. Ким — автор более 50 научных печатных работ.

В течение ряда лет Максим Павлович ведет широкую научно-организационную и преподавательскую работу в крупнейших научных учреждениях и учебных заведениях страны. Он оказывает активную помощь научным сотрудникам, работающим в союзных и автономных республиках, учебных учреждениях ряда городов СССР, выезжает на места для участия в научных сессиях, конференциях и дискуссиях. М. П. Ким возглавляет в Институте истории АН СССР группу по написанию многотомной истории советского общества.

Членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Археология» избран доктор исторических наук профессор Артемий Владимирович Арциховский. Он является одним из выдающихся советских археологов и историков русского средневековья, автором

ряда ценных исследований, сыгравших немалую роль в развитии советской исторической науки. Его перу принадлежит более ста печатных работ.

В трудах «Археологические данные о развитии феодализма в Суздальской и Смоленской землях», «Из истории Новгорода», «Городские концы древней Руси» А. В. Арциховский подробно исследовал экономическую основу русского феодализма.

К числу наиболее важных исследований А. В. Арциховского принадлежат книги «Курганы вятичей», «Древнерусские миниатюры как исторический источник», в которых мастерски осуществлен синтез письменных и археологических источников, позволивших автору воссоздать реалистическую картину быта древней Руси.

Значительным вкладом Артемия Владимировича в советскую историографическую науку являются его капитальные труды: «Введение в археологию» (где исходя из данных археологии впервые обобщается на основе марксистско-ленинского учения история народов Европы и Ближнего Востока с древнейших времен до XV в.) и «Основы археологии» — первый советский учебник по археологии СССР.

Многие годы А. В. Арциховский ведет большую экспедиционную работу, руководит Новгородской археологической экспедицией, которая достигла крупных научных результатов. В настоящее время выяснена роль Новгорода как крупнейшего ремесленного центра древней Руси. Работы Новгородской экспедиции в 1951 г. увенчались крупнейшим научным открытием нового вида исторических источников — древнерусских берестяных грамот — ценнейших документов по экономике, культуре и языку древней Руси, имеющих огромное значение для исторической науки. В 1954 г. А. В. Арциховскому за исследование «Новгородские берестяные грамоты» присуждена премия Президиума Академии наук СССР.

В настоящее время в содружестве с крупнейшими советскими историками и лингвистами Артемием Владимировичем опубликованы четыре тома надписей на берестяных грамотах. Труд этот получил широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом.

А. В. Арциховский успешно ведет педагогическую работу. Он воспитал большой отряд молодых советских археологов. Артемий Владимирович является заведующим кафедрой археологии Московского государственного университета и главным редактором журнала «Советская археология».

М. И. Ассатурова

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Итоги последних лет работы историков советского общества свидетельствуют о серьезных успехах. Только за последние четыре года (1956—1959) различными издательствами в РСФСР и других республиках издано около 2 тыс. названий книг и множество статей по истории советского общества. Широта фронта исследований несомненна. Но ощутимы и пробелы, недостатки. Один из них начинает серьезно тормозить исследовательскую работу. Речь идет об историографии.

Приходится констатировать все еще продолжающееся отставание истории исторической науки. Прежде всего это относится к историографии советского общества — одного из важнейших и наиболее сложных разделов отечественной истории.

Отрицательные результаты такого положения очевидны. Они сказываются, в частности, в дублировании и узости тематики, недостаточно рациональной организации работы по осуществлению широкого фронта исследований. Естественно, что это не может не затруднять создание глубоких обобщающих трудов. А ведь именно в этом видит сейчас партия одну из основных задач работников общественных наук. Они призваны, как подчеркнул XXI съезд КПСС, «создать фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства, и разработать проблемы, связанные с постепенным переходом к ком-

мунизму»[1]. Обязательным условием для успешного решения этой задачи является систематическая работа в области историографии.

Необходимость историографических исследований признается всеми. Однако пока сделаны лишь первые шаги в области историографии отдельных проблем развития советского общества (история Великой Октябрьской социалистической революции, колхозного строительства, культурно-технического роста трудящихся и др.)[2]. Не создано пока еще не только сводного, обобщающего труда по историографии советского общества, но даже сколько-нибудь полного по тематике сборника статей[3]. Все еще редко появляются на страницах наших журналов историографические обзоры.

В связи с этим большое внимание научной общественности привлекла сессия по историографии социалистического и коммунистического строительства в СССР (март 1960 г.), которая была созвана двумя научными советами, созданными Бюро Отделения исторических наук АН СССР: Советом по истории социалистического и коммунистического строительства и Советом по истории исторической науки. Важность проблемы историографии советского общества была подчеркнута во вступительном слове академика Е. М. Жукова. О роли историографических исследований в разработке истории советского общества сделала доклад академик М. В. Нечкина. Специальный доклад Г. Н. Голикова был посвящен ленинскому наследию в области историографии советского общества[4]. Конкретный анализ положения на историческом фронте и определение основных направлений дальнейшей работы в области истории советского общества явились предметом доклада чл.-корр. АН СССР М. П. Кима.

Помимо указанных обобщающих докладов, на сессии были заслушаны содержательные доклады представителей смежных общественных наук: философии (Ц. А. Степанян — «Задачи изучения проблемы коммунистического строительства»), права (С. А. Покровский — «Историография советского государства и социалистической демократии»), этнографии (Л. П. Потапов — «Итоги и задачи этнографического изучения социалистической культуры и быта народов СССР»), архивоведения (Г. А. Белов — «Состояние изучения и публикации источников по истории социалистического строительства»).

На сессии было заслушано также 14 содокладов о разработке истории социалистического и коммунистического строительства учеными союзных республик[5] и 5 со-

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. IV. М. 1960, стр. 484—485.

[2] См. академик И. И. Минц. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 2; Г. Н. Голиков. Назревшие вопросы научной разработки истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1957; М. Е. Найденов. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии. «Вопросы истории», 1957, № 10; В. З. Дробижев, Т. А. Игнатенко. Некоторые итоги изучения истории совнархозов 1917—1932 годов. «Вопросы истории», 1959, № 11; Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг, А. В. Митрофанова. Об изучении истории советского рабочего класса. «Вопросы истории», 1959, № 12; В. П. Данилов. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР (статья публикуется в настоящем номере журнала) и др.

[3] В «Сборнике статей по истории рабочего класса и советской историографии» («Ученые записки» Академии общественных наук при ЦК КПСС, вып. 40. М. 1958) историографии посвящены три статьи: В. П. Наумов. К историографии белочешского мятежа в 1918 г; В. П. Погудин. Об освещении в советской исторической литературе проблемы создания предпосылок коллективизации; В. Г. Руслякова. Борьба с фальсификацией и вульгаризацией Великой Октябрьской социалистической революции. Единственным сводным трудом по историографии советского общества является пока лишь сборник статей под ред. академика М. В. Нечкиной, З. А. Астапович и Л. С. Гапоненко «Против буржуазной фальсификации истории советского общества». М. 1960. Однако он посвящен исключительно зарубежной историографии.

[4] Содержание доклада Г. Н. Голикова «В. И. Ленин — основоположник историографии советского общества» см. «Политическое самообразование», 1960, № 4.

[5] От имени делегаций союзных республик выступили: от Азербайджана Е. А. Токаржевский, от Армении А. Б. Арутюнян (Аренц), от Белоруссии Н. В. Каменская, от Грузии Э. А. Ахабадзе, от Казахстана А. Н. Нусупбеков, от Киргизии К. К. Орозалиев, от Латвии К. Я. Страздинь, от Литвы А. И. Гайгалайте, от Молдавии К. В. Стратиевский, от Таджикистана Б. А. Антоненко, от Туркмении О. К. Кулиев, от Узбекистана Р. Х. Аминова, от Украины Н. И. Супруненко, от Эстонии В. А. Маамяги.

общений по отдельным научным проблемам [6]. Свыше 35 человек приняли участие в обсуждении докладов. Большой интерес присутствующих вызвали, в частности, выступления академика И. И. Минца, А. И. Андриайнена (Петрозаводск), Г. М. Даллакяна (Ереван), Г. С. Кадена (Сталинград), Б. В. Кондрикова (Омск), чл.-корр. АН Эстонской ССР Г. И. Мосберг, М. Е. Раковского (Одесса), А. Б. Турсунбаева (Алма-Ата) и др.

По существу, сессия вылилась во всесоюзную конференцию историков социалистического и коммунистического строительства. На ней были представлены почти все крупнейшие научно-исследовательские центры и вузы страны, ведущие разработку этой большой проблемы. Помимо историков, в подготовке и работе сессии приняли участие представители смежных общественных наук: этнографы, экономисты, правоведы, философы, искусствоведы — всего свыше 500 ученых.

Историографическая сессия такого масштаба как с точки зрения количества ее участников, так и по характеру поставленных на ней вопросов, а также по уровню координации работ между смежными научными специальностями была проведена впервые.

Для развития исторической науки определяющее значение имеет усвоение ленинского наследия. Глубоко проникая в сущность исторических процессов, В. И. Ленин умел извлекать из прошлого уроки для настоящего и предвидеть будущее. В этом неоценимое научное значение трудов В. И. Ленина. Марксистско-ленинская теория — основа советской исторической науки.

Исторические работы В. И. Ленина непосредственно связаны с животрепещущими проблемами современности. Анализ этих работ показывает, что такая связь делает объективное исследование более плодотворным и целеустремленным. Сторонникам теории исторической «дистанции», утверждающим, что историк может разглядеть свой предмет лишь издали, не мешало бы еще раз перечитать работы В. И. Ленина о развитии капитализма в России, об империализме, аграрной программе социал-демократии, о Великой Октябрьской социалистической революции, великом почине коммунистического труда и др. Ведь все они созданы по горячим следам событий. Между тем отбор, анализ материала и выводы этих работ — то есть то, что составляет основное содержание любого научного исследования, — стоят на самом высоком научном уровне.

Обсуждение вопросов на сессии шло в двух главных аспектах. Во-первых, по линии анализа состояния исследования истории советского общества в целом и степени изученности отдельных проблем. Во-вторых, по линии разработки методики исследований в области истории советского общества.

На сессии отмечалось, что в изучении истории советского общества достигнуты большие успехи, исследователями подготовлено много книг и статей. Однако уже самый беглый анализ тематики книг и статей по истории советского общества приводит к выводу о том, что степень изученности отдельных проблем, территориальных комплексов и периодов весьма неравномерна. Если говорить о проблематике нашей литературы, то, несомненно, социально-экономическая история советского общества изучена слабее, нежели, например, общественно-политическая. Дальнейшее развитие советской исторической науки настоятельно требует усиления изучения социально-экономической истории советского общества.

Докладчики и выступавшие подчеркивали, что в исследовании истории советского общества в масштабе всей страны и отдельных проблем советскими учеными проделана большая работа. Однако все же имеет место неравномерность в освещении социалистического и коммунистического строительства в отдельных районах страны. Хотя в изучении некоторых районов достигнуты в последние годы серьезные сдвиги, ученые все еще не сумели полностью выполнить ленинское требование порайонного исследования общественных явлений. Особое отставание чувствуется сейчас в области изучения истории крупнейшей нашей республики — РСФСР. У нас нет обобщающих

---

[6] Р. П. Дадыкин. Историография советского рабочего класса и промышленного развития; В. П. Данилов. Историография советского крестьянства и колхозного строительства; А. Н. Красильников. Историография внешней политики Советского государства; И. М. Краснов. Состояние разработки истории советского общества за рубежом; С. И. Якубовская. Некоторые итоги разработки теории источниковедения истории советского общества.

трудов ни по истории республики в целом, ни по истории ряда крупнейших ее районов (Дальний Восток, Западная и Восточная Сибирь, Урал и др.), которые по территории и экономическому потенциалу значительно превосходят многие государства Европы.

Вполне очевидна также неравномерность в освещении отдельных периодов в истории СССР. Основная масса имеющейся у нас литературы не выходит пока за пределы периодов Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.) и первой пятилетки. Последующие этапы в жизни советского общества изучены слабее.

Таковы выводы, которые можно сделать из работы научной сессии.

Участники сессии в своих выступлениях отмечали, что даже те периоды в истории советского общества, которым посвящено большое количество работ историков, имеют «белые пятна», слабоизученные вопросы. Процесс восстановления народного хозяйства после гражданской войны изучался интенсивно. По этому периоду имеются не только отдельные статьи и монографии, но и сводные работы [7]. Однако в разработке таких проблем, как формирование рабочего класса, вытеснение частного капитала и др., делаются пока лишь первые шаги. История колхозного строительства, по общему признанию участников сессии, также изучалась у нас очень интенсивно. По этой проблематике опубликованы монографические исследования и статьи. Однако еще не созданы специальные научные работы об изменении социального облика крестьянства, о соотношении социальной и технической реконструкции в процессе коллективизации. В истории культурного строительства полнее всего изучены вопросы ликвидации массовой неграмотности и подготовки производственно-технических кадров. По истории национально-государственного строительства большинство работ посвящено истории образования СССР. В то же время недостаточно ведется разработка истории Советского государства и права. Об этом говорил в докладе С. А. Покровский. История внешней политики СССР насчитывает пока немного работ, причем ее изучение ведется нередко в отрыве от внутренней истории советского общества. Это подчеркнул в своем сообщении А. Н. Красильников. Сессия показала, что в советской историографии недостаточно разрабатываются проблемы внешней политики.

Суммируя сказанное выше, можно сделать вывод, что комплексное исследование истории советского общества развернуто пока слабо. Более или менее изучены лишь некоторые переломные, яркие моменты истории (национализация средств производства, колхозное движение в годы первой пятилетки, этапы социалистического соревнования и т. п.). Процесс же общественного развития в целом изучается меньше.

Участники сессии отмечали, что, несмотря на широкий размах работы в области истории социалистического строительства и успехи, достигнутые в изучении общих закономерностей, в исследовательской деятельности недостаточное внимание уделяется показу и объективному анализу трудностей, которые преодолевали партия и народ на неизведанном пути построения социализма, а также специфики, особенностей этого процесса в отдельных районах нашей страны, у отдельных ее народов.

Анализ материалов сессии позволяет не только констатировать отставание в изучении отдельных проблем истории советского общества, но и выявить причины этого явления. Научная и общественная ценность книги или статьи определяется не только тем, о чем она написана, не только темой, но и теоретическим уровнем, идейным содержанием. Историческое исследование образуется из двух тесно связанных компонентов: фактического материала и теоретического анализа, обобщений. Остановившись на этом, чл.-корр. АН СССР М. П. Ким показал в своем докладе, что нарушение правильного сочетания этих элементов либо невнимание к одному из них приводит к серьезным недостаткам в нашей историографии. Увлечение отдельных авторов одной фактологией без должного осмысления конкретного материала приводит к появлению описательных работ, в которых проводится слабое различие между существенным и несущественным в истории, между закономерностью и случайностью.

В этой связи особо нужно отметить работы этнографов. Они интересны и содержательны по фактическому материалу. Ценность исследований и разработанной ими ме-

---

[7] См. «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Исторический очерк. М. 1955; «Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг.». М. 1960.

тодики изучения современности бесспорна, что отмечалось уже в печати [8]. Вместе с тем несомненно, что среди работ этнографов более всего преобладают пока описательные, фактологические работы, что признавали многие участники сессии, в частности Л. П. Потапов.

На сессии указывалось на свойственный некоторым работам по гражданской истории другой серьезный недостаток — невнимание к фактам. Отсутствие солидной, исчерпывающей документальной базы делает исторические работы абстрактно-социологическими, бездоказательными. В ряде случаев этот недостаток маскируется подбором так называемых иллюстраций, то есть отдельных, разрозненных фактов, примеров, которые якобы подтверждают общие положения автора. Но «пример — не доказательство» [9], — подчеркивал В. И. Ленин. Общеизвестно требование В. И. Ленина основывать выводы на фундаменте «из точных и бесспорных фактов». Этот фундамент образуется не из отдельных иллюстраций и примеров. Он представляет собой «всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения...» [10].

После XX съезда КПСС, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», партийные организации осуществили «ряд мер по преодолению элементов догматизма и начетничества — основного недостатка, который получил под влиянием культа личности широкое распространение и наносил немалый ущерб идейно-воспитательной работе» [11]. Однако в исторической литературе порой еще сказываются недостатки такого рода. На сессии приводились такие примеры. В докладах М. П. Кима, А. Н. Нусупбекова, Р. П. Дадыкина в этой связи назывались, в частности, книги С. А. Нейштадта и Г. М. Окладного [12].

Что же сейчас является причиной появления подобных работ? Об этом хорошо сказал на XXI съезде КПСС О. В. Куусинен: «Бесплодный догматизм зачастую порождается нежеланием самостоятельно думать и изучать новые факты действительности. Леность мысли — вот та пуховая перина, на которой нежится догматизм» [13].

Таковы недостатки нашей историографии, о которых говорилось на сессии.

В то же время сессия показала, что работы советских историков, несмотря на отмечавшиеся упущения, имеют большую научную ценность. Историками советского общества выявлено и введено в научный оборот значительное количество документов и исторических фактов. Источниковедческая база постоянно растет, создавая возможности для расширения и углубления исследовательской работы. Применяя марксистско-ленинскую теорию к конкретной истории советского общества, наши историки обстоятельно разработали коренные проблемы социалистического и коммунистического строительства (ускорение темпов исторического развития в результате создания и развития социалистической собственности на средства производства, рост политической и трудовой активности масс, его закономерности, формы и т. д.).

Значение сессии, помимо сказанного, определяется постановкой и освещением ряда сквозных тематических проблем (историография Советского государства, рабочего класса, крестьянства, внешней политики).

Сессия позволила также не только подвести итоги разработки отдельных проблем по истории социалистического и коммунистического строительства, но и выявить конкретно состояние и задачи исследования важнейших периодов истории советского общества. Каждый из этих периодов связан с комплексом вопросов. Следует оговориться, что в этом плане на сессии не было представлено ни специальных докладов, ни сообщений. Они строились по тематическому, а не хронологическому принципу. Однако

---

[8] См. «Коммунист», 1960, № 3, стр. 150, 153.

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 179.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 266.

[11] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. IV, стр. 592.

[12] См. С. А. Нейштадт. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР в 1917—1937 гг. Алма-Ата. 1957; Г. М. Окладной. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса. Харьков. 1957.

[13] «Внеочередной XXI съезд КПСС». Стенографический отчет. Т. II. М. 1959, стр. 161.

богатство конкретного материала, приведенного участниками сессии, позволяет выявить степень изученности и задачи исследования по таким проблемам, которые непосредственно не затрагивались. Из этой суммы вопросов возьмем три: историю Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны и послевоенного периода.

Рассмотрение историографии Великой Октябрьской социалистической революции официально не входило в задачу сессии ни в хронологическом, ни в тематическом плане. Однако сессия небезынтересна для историков Великого Октября, ибо на ней были поставлены важные вопросы историографии и источниковедения этого периода истории СССР.

Опыт истории Великой Октябрьской социалистической революции исключительно многогранен. Он уже довольно обстоятельно изучен. В то же время на сессии отмечалось, что победа социалистической революции в различных районах нашей страны имела известное своеобразие. В Петрограде и Москве она победила путем вооруженного восстания. В ряде крупных промышленных городов — мирным путем, а в некоторых местностях — в результате подавления контрреволюционных мятежей. В Закавказье — в результате разгрома иностранной военной интервенции и националистической контрреволюции в 1920—1921 годах. В некоторых районах Средней Азии (Хорезм, Бухара) — в результате мирного преобразования республик, возникших там после Октября, в социалистические. В Прибалтике социалистическая революция была насильственно подавлена в 1919—1920 гг. интервентами и белогвардейцами. Здесь Советская власть была восстановлена только через 20 лет. В 1940 г. Советская власть установилась мирным путем не только в Прибалтике, но и в западных областях Украины, Белоруссии, Молдавии. Эти моменты еще недостаточно учитываются в нашей литературе. Об этом говорили в своих докладах на сессии академик АН Латвийской ССР К. Я. Страздинь, А. Й. Гайгалайте (Литовская ССР), В. А. Маамяги (Эстонская ССР), чл.-корр. АН УССР Н. И. Супруненко, чл.-корр. АН БССР Н. В. Каменская, К. В. Стратиевский (Молдавская ССР) и др.

Проблемы истории Великой Отечественной войны затрагивались на сессии большинством участников лишь мимоходом. Сообщение о том, что создано историками в этой области, сделал Е. А. Болтин.

Советскими историками ведется большая работа по изучению этого героического периода истории Советского государства. В последние годы появились первые обобщающие исторические труды на эту тему[14]. Большинство работ гражданских историков посвящено описанию патриотизма советского народа. Военные же историки, как правило, ограничиваются специальным анализом операций войск. В последнее время появилось несколько работ, посвященных внешней политике СССР в годы войны. Еще недостаточное внимание уделяется работе советского тыла, в частности перебазированию промышленности на восток и резкому повышению экономического потенциала восточных районов. Источниковедческая база некоторых исторических работ, посвященных этому периоду, пока еще узка: периодическая печать, мемуары и (в гораздо меньшей степени) архивы. Поэтому заслуживает положительной оценки инициатива историков Иванова и Владимира, опубликовавших сборник документов по Великой Отечественной войне[15].

Исключительно важное значение имеет многотомный труд по истории Великой Отечественной войны, готовящийся к изданию в соответствии с постановлением ЦК КПСС. Он основан на богатейшей документальной базе, имеющейся не только в СССР, но и в других странах (ГДР, Чехословакия и др.). Такого рода работа предпринята впервые в мировой историографии. Сообщение Е. А. Болтина о подготовке этого фундаментального издания вызвало на сессии большой интерес.

Исходной проблемой при исследовании истории Великой Отечественной войны, отметил оратор, является вопрос о причинах второй мировой войны. Освещение этого

[14] «Вторая мировая война. 1939—1945. Военно-исторический очерк». Под общей редакцией С. П. Платонова и др. М. 1958; Б. С. Тельпуховский. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткий очерк. М. 1959. Есть также несколько популярных книг.

[15] См. «Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Сборник материалов. Иваново. 1959.

вопроса требует глубокого исследования международных отношений в предвоенный период. Ему отводится в издании целый том [16]. В этом томе освещается обстоятельнее, чем в имеющейся литературе, внутреннее и международное положение Советского Союза накануне Великой Отечественной войны и особенно обороноспособность страны. Второй том посвящается начальному периоду войны. Здесь выясняются причины временных военных неудач Красной Армии. Обстоятельно анализируются попытки Советских Вооруженных Сил захватить стратегическую инициативу зимой 1941—1942 гг. и определяется значение разгрома фашистских войск под Москвой. Исключительно важное научное значение имеет анализ тяжелых оборонительных боев Советской Армии во время летней кампании 1942 года. Характер, ход и значение этой кампании играли огромную роль в истории войны.

Военная история дается в этом исследовании в неразрывном единстве с историей тыла. Во втором томе, в частности, будет показано, как создавалось слаженное военное хозяйство, развертывалось военное производство, и вместе с тем охарактеризовано состояние остальных отраслей народного хозяйства.

Третий том посвящен коренному перелому в ходе войны. Этот перелом рассматривается в трех основных его аспектах: военном, экономическом и морально-политическом. В четвертом и пятом томах анализируются победы Советской Армии в 1944—1945 гг., освещается комплекс вопросов, связанных с ее освободительной миссией, показывается народно-освободительная борьба трудящихся стран, оккупированных гитлеровскими войсками, исследуется проблема возникновения лагеря народно-демократических государств. В целом в издании рассматриваются коренные проблемы истории Великой Отечественной войны.

Вопросы изучения современности вызвали живейший интерес участников сессии. Об этом говорили все. Основу для такого разговора на сессии дали доклады Г. Н. Голикова, М. П. Кима, Л. П. Потапова и Ц. А. Степаняна.

История — великий учитель. Историческая наука — мощное средство познания закономерностей общественной жизни. Поэтому марксизм-ленинизм придает большое значение усвоению исторического опыта. Особое значение в этом отношении имеет история социалистического и коммунистического строительства. Поскольку Советский Союз первым построил социализм и вступил на путь развернутого строительства коммунизма, его опыт помог выявить общие закономерности этого процесса. Дальнейшее углубление исследовательской работы историков в этом направлении имеет большое практическое значение.

Убедительные примеры связи науки с жизнью привел в своем выступлении на сессии Л. П. Потапов. Уже в первые годы Советской власти этнографы успешно совмещали исследовательскую работу с решением ряда конкретных практических задач. Чтобы помочь ранее отсталым народам продвинуться по пути социального, экономического и культурного прогресса, требовалось знание не только их жизни в период Великого Октября, но и учет их исторического прошлого, этнографических особенностей, культурно-бытовых традиций и т. п. Исследования этнографов имели и имеют серьезное значение для правильного решения таких важных практических вопросов, как национальное районирование, организация различных органов и учреждений Советской власти в национальных районах страны, определение наиболее целесообразной для этих районов номенклатуры товаров, налаживание народного образования, медицинского обслуживания, культурно-просветительной работы.

Опыт Института этнографии заслуживает внимательного изучения и распространения также и на других участках исторической науки.

Связь истории с жизнью имеет не односторонний характер. Изучение современности имеет огромное значение для плодотворного развития исторической науки. На этом останавливался в своем докладе чл.-корр. АН СССР М. П. Ким [17]. Жизнь ставит перед историками ряд новых задач, она дает возможность ученым увидеть такие стороны, которые были скрыты раньше. Самое непосредственное значение имеют уроки совре-

---

[16] «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. I. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М. 1960. Рец. см.: «Правда», 28 июля 1960 года.

[17] См. также М. П. Ким. О некоторых задачах исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС. «История СССР», 1959, № 2, стр. 12.

менности для историков советского общества. Они имеют дело с различного рода общественными процессами: одни из них завершены (ликвидация частной собственности на основные средства производства, индустриализация страны, социалистическая реконструкция сельского хозяйства и т. д.), другие развиваются (развитие социалистической собственности, укрепление советской государственности, совершенствование социалистической демократии, повышение культурного уровня народа, рост творческой инициативы масс и т. д.). Следовательно, многие изучаемые нами процессы имеют отношение не только к прошлому, но и к настоящему и к будущему. Понятно, что, отталкиваясь от развитых форм проявления того или иного общественного явления, можно значительно полнее и правильней оценить его зародышевые формы. Таким образом, глубокое изучение современности необходимо и для тех историков, которые занимаются ранними этапами истории советского общества.

Проблема изучения современности рассматривалась на сессии еще в одном аспекте. Историки советского общества, особенно при создании сводных трудов, призваны обобщать не только прошлое, но и то, что происходит сегодня. Они идут по горячим следам событий. В связи с этим актуальной задачей историков является разработка самой методики изучения современности. В этом отношении, как отмечали выступавшие на сессии, накоплен некоторый опыт, но он не обобщен, не закреплен систематической работой. В Институте истории АН СССР, например, некоторое время назад активно велась работа по сбору и записи воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Сейчас эту работу следовало бы возобновить и развернуть шире. Много сделали для разработки методики изучения современности наши этнографы. В Институте этнографии АН СССР создана комплексная экспедиция, отряды которой ведут исследования в различных районах страны. Этнографы подолгу живут в тех коллективах, которые они изучают. Наряду с личными наблюдениями они широко используют документальные материалы (статистику, протоколы колхозных или профсоюзных собраний, хозяйственные отчеты, разнообразные архивные источники, текущие материалы различных учреждений и т. п.).

Особенно плодотворно в науке обследование, поставленное по программе самого исследователя. Для историков, занимающихся прошлым, это уже невозможно. Для историков современности это вполне реально, и нельзя упускать такую возможность. На сессии поднимался вопрос о создании такого первичного материала, который впоследствии будет служить источником для следующего поколения историков. Ораторы осветили положительную работу, проделанную в этой области. Этнографы, например, широко проводят анкетные обследования, ведут стенограммы и записи на магнитную пленку и т. д. Первые шаги в этом направлении сделал и Институт истории АН СССР, осуществив анкетное обследование рабочих ряда предприятий Москвы. Правда, здесь пока занимается этим лишь небольшая группа энтузиастов. Их работа даже не учитывается пока планами института. Историкам следует также учесть опыт экономистов, создавших на ряде предприятий, в совхозах, колхозах страны сеть корреспондентов, опорных баз для конкретного изучения экономического развития. Не мешало бы обобщить весь этот опыт и попытаться объединить наши пока еще не собранные, распыленные силы.

Научный уровень исторического исследования в громадной степени зависит от историографического и источниковедческого анализа.

В этой связи рассмотрим один из аспектов работы сессии — методику исторического исследования. Он не был развернут на сессии широко, ибо сама по себе проблема методики исторического исследования достаточно велика и актуальна, чтобы послужить темой самостоятельного научного совещания. Однако тем и ценна данная научная сессия, что она во весь рост поставила эту исключительно важную проблему. В той или иной форме ее касались на сессии многие ораторы. Но наиболее полно она была рассмотрена в докладе академика М. В. Нечкиной, которым открылась сессия, и в выступлении С. И. Якубовской. М. В. Нечкина и другие участники сессии привели ряд примеров недостаточного внимания к историографии. Участники сессии отмечали необходимость дальнейшего развития и такой исторической дисциплины, как источниковедение. Источниковедческая работа, отмечалось на сессии, не только не должна отставать от истории, но, как правило, должна опережать ее. Иначе не может плодо-

творно развиваться историческая наука. Появление новых источников и творческая трактовка известных ранее документов определяют развитие истории как науки.

Историки советского общества располагают огромной документальной базой. По сведениям, сообщенным в докладе начальника Главного архивного управления Г. А. Белова, в государственных и ведомственных архивах СССР сосредоточено почти 400 млн. дел ценнейших документов. Из них около 300 млн. единиц хранения относится к деятельности советских учреждений, предприятий и организаций. Огромную ценность представляют собой материалы партийных и комсомольских архивов. Все это богатство пока недостаточно используется историками советского общества.

В то же время выступавшие на сессии говорили о том, что по отдельным периодам и проблемам истории советского общества состояние архивов нельзя считать удовлетворительным. Об этом говорил в своем докладе Б. А. Антоненко (Сталинабад). В Таджикистане до Октябрьской революции было менее 1% грамотных. Документация в первые годы после Октября велась небрежно, неграмотно, а зачастую не велась вовсе. Поэтому многие важные исторические события почти не нашли отражения в письменных источниках. Естественно, что историки испытывают серьезные трудности.

Сессия показала, что совершенствование научной методики исторического исследования послужит делу дальнейшего повышения качества научных работ. Она подвела итог проделанной работы по изучению истории советского общества и наметила задачи исследования социалистического и коммунистического строительства на ближайшее будущее.

Большое значение имеет сессия для налаживания творческих связей между работниками смежных научных дисциплин и научными центрами страны.

Обсудив итоги сессии, Бюро Отделения исторических наук одобрило их и приняло решение об издании материалов сессии.

Чтобы решить ответственные задачи в области научной разработки истории советского общества, которые ставит перед учеными коммунистическая партия, исследователи должны проделать большую теоретическую и организационную работу.

Ю. С. Борисов

СОВЕЩАНИЕ АКАДЕМИКОВ И ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ АН СССР В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

30 июня сего года по инициативе группы академиков в редакции журнала состоялось совещание академиков и членов-корреспондентов, работающих в системе Отделения исторических наук АН СССР. Академики и члены-корреспонденты собрались в редакции журнала с целью поделиться с руководством журнала своими соображениями о том, что надо сделать, чтобы «Вопросы истории» отвечали тем задачам, которые поставлены коммунистической партией перед историками и их печатными органами; как поднять научно-теоретический уровень журнала «Вопросы истории», привлечь к нему большее число авторов и читателей, улучшить работу аппарата редакции.

Главный редактор журнала профессор В. Г. Трухановский информировал собравшихся о новом профиле и структуре журнала «Вопросы истории», недавно утвержденных Бюро Отделения исторических наук. Предусматривается, что журнал должен публиковать проблемно-теоретические научно-исследовательские статьи по теории исторического процесса и по коренным вопросам истории, относящимся ко всем ее периодам и разделам, а также по археологии, этнографии, истории искусств. Журнал будет систематически информировать своих читателей о состоянии исторической науки в СССР и за рубежом. Важное место в работе журнала будет уделено историографии. Центральной задачей «Вопросов истории» должно явиться освещение истории советского общества и новейшей истории стран Запада и Востока, разоблачение буржуазных

фальсификаторов истории. Новый профиль и структура журнала вводятся начиная с восьмого номера. Новая редколлегия и редакция журнала стремятся сделать все возможное, чтобы «Вопросы истории» отвечали требованиям, выдвигаемым ЦК КПСС перед советской исторической наукой, чтобы журнал стал подлинно боевым органом Отделения исторических наук АН СССР, популярным среди широкой советской исторической общественности. Они отдают себе отчет в том, что успех их деятельности зависит от помощи, которую окажут своему журналу советские историки и прежде всего ученые, работающие в системе Отделения исторических наук АН СССР.

Выступивший первым член-корреспондент А. В. Ефимов отметил, что новый профиль и структура «Вопросов истории», а также мероприятия, разработанные Бюро Отделения исторических наук и новым руководством журнала для улучшения его качества, заслуживают всяческого одобрения, их надо приветствовать и скорее провести в жизнь.

А. В. Ефимов остановился на вопросе организации в журнале критико-библиографического раздела. Он сказал, что с рецензированием работ по истории в исторических журналах, и в частности в «Вопросах истории», дело обстоит неблагополучно. Не только критических и библиографических обзоров, но и рецензий печатается мало, их уровень зачастую невысок. Особенно мало в «Вопросах истории» публикуется рецензий на книги по всеобщей истории. Порой крупные работы остаются вне поля зрения рецензентов и редакции. Необходимо, чтобы в каждом номере журнала читатель смог найти рецензии на исследования советских и зарубежных авторов по всеобщей истории не только нового и новейшего, но и ее древнего и средневекового периодов.

А. В. Ефимов одобрил намерение редакции расширить публикацию критических и библиографических обзоров, рецензий и заметок на книги. Однако, отметил он, здесь нужно преодолеть трудности, связанные в основном с подбором квалифицированных авторов. В этой связи А. В. Ефимов высказал пожелание, чтобы Бюро Отделения приняло решение о включении в планы работы научных сотрудников институтов Отделения подготовку высококвалифицированных критических и библиографических обзоров, рецензий, а также статей для журнала «Вопросы истории».

Оратор рекомендовал руководству журнала выделить в редакции небольшую группу для организации критико-библиографической работы. Он положительно отозвался о рубрике «Письма и заметки», предусмотренной в новой структуре журнала.

Говоря о статьях, публикуемых в журнале, А. В. Ефимов сказал, что многие из них еще имеют низкий научный и теоретический уровень, отличаются узостью тематики. Статьи, посвященные современности, часто напоминают сводки событий и фактов и не содержат широких обобщений, глубокого анализа. Выступавший отметил, что перед журналом стоит важная задача — освещать современность. Этому должны быть посвящены обобщающие, методологические статьи.

Чтобы журнал стоял на уровне задач, выдвигаемых жизнью, он обязан также освещать актуальные проблемы исторического прошлого, представляющие собой «белые пятна» исторической науки, или такие вопросы, которые являются предметом идеологической борьбы ученых-марксистов и апологетов империализма. В поле зрения «Вопросов истории» должен находиться весь исторический процесс.

Академик М. В. Нечкина сказала, что публикация научных рецензий — важный участок работы журнала. Однако значительная их часть имеет низкий научный уровень. Пишутся они по стандарту: пересказ книги, упоминания о ее достоинствах и недостатках.

Важным элементом в работе «Вопросов истории» должна явиться информация читателей о научной жизни в Советском Союзе, странах народной демократии и капиталистическом мире. Журнал, подчеркнула М. В. Нечкина, должен держать нас в курсе важных дел, происходящих на историческом фронте нашей страны: информировать о сессиях, совещаниях, конференциях, дискуссиях, о содержании выходящих на местах журналов, публикуемых там книгах. Прошло то время, когда в стране было лишь несколько научных центров, о которых стоило знать и писать. Сейчас творческая жизнь кипит во многих городах нашей Родины. Эту полнокровную жизнь советских ученых-историков должен отражать журнал на своих страницах.

М. В. Нечкина высказала пожелание, чтобы информации не были сухими стено-

графическими отчетами, а показывали, какие вопросы волнуют историков, как эти вопросы ставятся и решаются, какие идут по ним споры. Журнал обязан стать связующим звеном в работе историков страны, способствовать координации деятельности всех сил советской исторической науки, предупреждать дублирование тематики исследований. «Вопросы истории» должны давать развернутую информацию о научной жизни в странах народной демократии, о состоянии исторической науки в капиталистическом мире.

Далее М. В. Нечкина отметила, что раздел статей — основной раздел в журнале. Темы и содержание статей должны заключать в себе прежде всего вопросы истории. «К сожалению,— сказала выступавшая,— и в наших исторических журналах и в научно-исследовательских учреждениях еще недостаточное внимание уделяется углублению и расширению исторической концепции в целом. Некоторые историки слишком заспециализировались. Я знаю мало исследователей широкого профиля, которые знали бы с равной эрудицией историю Древнего Рима и Французской буржуазной революции конца XVIII в. и современную новейшую историю». Узость специализации исследователей порождает появление большого количества книг и статей по узким вопросам. М. В. Нечкина высказала пожелание, чтобы на страницах «Вопросов истории» печаталось больше статей по вопросам историографии, как советской, так и зарубежной. «Советские историки, наши исторические журналы, и в частности «Вопросы истории»,— отметила в заключение М. В. Нечкина,— должны разоблачать буржуазных фальсификаторов истории, вскрывать реакционную сущность их исторических концепций, давать отпор ревизионистам». Она обещала написать для журнала статью о развитии советской исторической концепции.

Академик И. И. Минц считает, что постановка новой редколлегией на обсуждение среди научной общественности вопроса о профиле и структуре журнала — залог успеха его работы. Он высказал пожелание, чтобы «Вопросы истории» содействовали координации сил работников общественных наук, направленных на выполнение задач, которые поставлены перед ними коммунистической партией. Для этого журнал должен наряду со статьями по истории публиковать итоговые, обобщающие материалы, сообщающие о ходе разработки в смежных отраслях общественных наук проблем, которые требуют общих усилий историков, философов, экономистов и правоведов.

Главное внимание редколлегия должна обратить, заметил И. И. Минц, на публикацию высоконаучных статей, ибо они определяют лицо журнала. До сих пор «Вопросы истории» печатают немало статей по узкой тематике, но не такие материалы мы хотим видеть на страницах журнала. Следует публиковать в основном проблемные статьи по актуальным вопросам исторической науки. Известно, например, что сейчас главный вопрос международной жизни — вопрос о мирном сосуществовании. Буржуазные фальсификаторы истории стремятся извратить внешнюю политику СССР, утверждая, что принцип мирного сосуществования был выдвинут Советским государством якобы только в последнее время. Задача журнала — дать отпор этим фальсификаторам истории.

Говоря о рецензиях, публикуемых в журнале, И. И. Минц отметил, что зачастую они низкого качества. Рецензии — это не аннотации, они должны быть аналитическими статьями о книгах. Поскольку рецензии открывают или закрывают дорогу книгам к читателю, они должны быть объективными. Для этого (когда необходимо) надо проводить в редакции обсуждение книг и рецензий на них с участием авторов и специалистов. Журналу следует рецензировать наиболее значительные работы. Редакции целесообразно иметь планы рецензирования исторической литературы. Очень важно, сказал выступавший, чтобы «Вопросы истории» давали читателям более полную и своевременную информацию об издающихся в Советском Союзе и за рубежом книгах по истории. В заключение И. И. Минц упрекнул редакцию за неоперативное рассмотрение авторских рукописей в редакции, и в частности статей академиков.

«Вопросы истории», являющиеся нашим головным журналом, сказал в своем выступлении член-корреспондент С. В. Киселев, должны освещать на своих страницах основные проблемы исторической науки, публиковать обобщающие статьи. К сожалению, большинство статей «Вопросов истории» написано на узкие темы. Высту-

лавший призвал редакцию больше внимания уделить статьям по истории революционного и национально-освободительного движения.

Затем С. В. Киселев говорил о публикации критических и библиографических материалов. Он подчеркнул, что, кроме увеличения числа рецензий на вышедшие в свет книги, необходимо больше печатать историографических и библиографических обзоров советской и зарубежной литературы по отечественной и всеобщей истории, посвященных конкретным проблемам и отдельным периодам истории. Такие обзоры имели бы определенную ценность для читателя, поскольку в них подводились бы итоги исследования той или иной проблемы или исторического периода, давался бы отпор фальсификаторам истории, намечались бы задачи дальнейшей исследовательской работы. С. В. Киселев высказал мнение о том, что публикуемые в журнале информации о научной жизни в СССР и за рубежом должны быть интересными, своевременными и носить аналитический характер. Мало пользы дают читателю сухие сообщения, которые печатают «Вопросы истории» о том, кто что сказал на том или ином совещании. Об этом надо писать в хроникальных заметках.

Академик С. Д. Сказкин отметил положительное значение данного совещания и высказал пожелание, чтобы академики и члены-корреспонденты регулярно собирались для обсуждения работы журнала «Вопросы истории» и оказания ему помощи. Он поддержал мнение других выступавших о том, что в журнале должны публиковаться в основном обобщающие проблемные научно-исследовательские статьи.

Для выявления проблем, которые следует освещать в журнале, и обеспечения подготовки статей на эти темы работники аппарата редакции должны систематически встречаться с историками — специалистами по всем разделам истории. С. Д. Сказкин подчеркнул, что «Вопросы истории» обязаны вести активную пропаганду достижений советской исторической науки, неустанно разоблачать фальсификаторов истории. «Нельзя больше ограничиваться разоблачением отдельных реакционных авторов,— сказал он,— надо переходить в наступление против их ложных концепций».

Выступавший призвал редакцию публиковать в «Вопросах истории» обзоры на советские и зарубежные исторические журналы. Он также высказался за то, чтобы «Вопросы истории» печатали больше рецензий не только на монографические исследования, но и на сборники документов, публикуемые в СССР и других странах.

Член-корреспондент М. П. Ким одобрил новые профиль и структуру «Вопросов истории». Он отметил, что до последнего времени на страницах журнала затрагивался узкий круг вопросов. Многие аспекты исторической науки не находили в нем отражения; обедненно, сказал оратор, освещались достижения советской исторической науки. «Вопросы истории» обязаны освещать кардинальные проблемы отечественной и всеобщей истории, историю древнего, средневекового, нового и новейшего периодов и в первую очередь современность. Если редакция будет ожидать поступления статей самотеком, заметил М. П. Ким, успеха в работе журнала ожидать нельзя. «Вопросы истории» должны выдвигать перед историками задачи исследовательской работы, подсказывать аспекты освещения той или другой проблемы, наталкивать ученых на их разработку. При этом вопросы методологии и теории должны быть в центре внимания журнала. Чтобы деятельность редакции в данном направлении была успешной, необходимо иметь конкретный план работы, составленный редакцией с учетом мнений научной общественности. План должен содержать темы статей, которые нужно и можно подготовить. Такой план покажет, как будет развиваться журнал.

Журнал обязан выступать с тематическими обзорами, дающими анализ ряда книг, написанных на одну кардинальную тему. В последнее время вышли обобщающие работы по истории советских республик. В этих книгах поднимаются такие общие вопросы, как периодизация, характер присоединения к России среднеазиатских народов и некоторые другие, которые освещаются по-разному. «Вопросы истории» должны дать обзор этих сводных трудов.

М. П. Ким высказался за публикацию в журнале статей и мемуаров по истории исторической науки в СССР. Такие материалы смогли бы подготовить представители старшего поколения советских историков — свидетели и участники процесса становления советской исторической науки.

Остановившись далее на организации работы по разоблачению буржуазных фаль-

сификаторов истории, М. П. Ким отметил, что в этой области сделано еще мало. Журнал выступает в основном по отдельным книгам и вопросам, надо же публиковать статьи, в которых разоблачались бы концепции, порочная методология фальсификаторов. Такие статьи нужны как по всему историческому процессу, так и по истории стран Запада, Востока, колониальному вопросу и национально-освободительному движению, международным вопросам и т. д. Для ведения систематической работы в этом направлении М. П. Ким предложил создать в составе редакции небольшую группу.

Академик И. М. Майский призвал публиковать больше проблемных статей, давать широкую и квалифицированную информацию о научной жизни в Советском Союзе и за рубежом. Он указал на необходимость улучшения критико-библиографической работы, заметив, что «Вопросы истории» должны аннотировать книги по истории, публиковать рецензии не только на научно-исследовательские работы, но и на исторические романы. Он высказал пожелание, чтобы в случае необходимости журнал предоставлял свои страницы для публикации ответов авторов книг, на которые помещались в «Вопросах истории» рецензии. Журнал, по мнению выступавшего, должен печатать статьи дискуссионного характера, давать возможность высказаться по дискутируемым вопросам всем желающим, непременно подводить итоги дискуссий. Прежде чем открывать дискуссию по той или иной проблеме, необходимо в портфеле иметь несколько готовых статей; это позволит проводить дискуссии динамично, предвидеть их развитие и итог. Оратор поддержал предложение М. П. Кима о публикации мемуарных материалов, особенно по истории исторической науки.

В конце выступления И. М. Майский остановился на организации работы редакции, отметив, что сотрудникам аппарата редакции следует проявлять больше инициативы, установить тесную связь с научной общественностью, общаться с историками, выявлять их запросы, научные интересы. Редакция «Вопросов истории» должна стать местом, где могли бы собираться историки для обсуждения тех или иных проблем.

И. М. Майский поддержал предложение С. Д. Сказкина о регулярном созыве в редакции совещаний академиков и членов-корреспондентов. Такое очередное совещание он предложил собрать осенью, когда выйдут в свет восьмой — десятый номера журнала, подготавливаемые редакцией в соответствии с новым профилем и структурой. Тогда предоставится возможность судить, сколь успешно провела редакция работу по улучшению научно-теоретического уровня журнала и что надо будет сделать в этом направлении дополнительно. Предложение И. М. Майского было поддержано всеми присутствовавшими.

Выступивший в заключение В. Г. Трухановский сообщил, что замечания и пожелания, высказанные участниками совещания, будут внимательно изучены редакцией и учтены при подготовке к печати последующих номеров журнала.

Рецензии

ПО СТРАНИЦАМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

В июле 1958 г. было принято решение об издании «Военно-исторического журнала»[1]. Создание этого органа отражает заботу коммунистической партии о дальнейшем развитии исторической науки, частью которой является военная история. Широкое распространение военно-исторических знаний среди офицеров, генералов и адмиралов Советской Армии помогает повышению их военного искусства, способствует воспитательной работе среди личного состава Вооруженных Сил СССР.

В двенадцати номерах журнала, вышедших в 1959 г., и первых четырех номерах, выпущенных в свет в 1960 г., опубликовано 216 статей и сообщений. В основном это ра-

[1] «Военно-исторический журнал» издавался в довоенный период — с августа 1939 по июль 1941 года.

боты, которые поднимают актуальные, нередко малоисследованные проблемы, такие, как военно-политические уроки второй мировой войны, характер и периодизация второй мировой и Великой Отечественной войны, характер отдельных кампаний и операций, боевое применение различных родов войск и видов вооруженных сил в войне, боевое содружество Советской Армии с армиями стран Восточной и Юго-Восточной Европы, роль второго фронта во второй мировой войне.

Одной из важнейших задач журнала является глубокое и всестороннее освещение многогранной деятельности КПСС в области создания вооруженных сил первого социалистического государства, организации отпора врагу в годы гражданской и Великой Отечественной войн. В статьях, посвященных этой проблеме, раскрывается органическая связь Советской Армии с народом, освещается неустанная повседневная деятельность партии и ее Центрального Комитета по укреплению вооруженных сил.

Изучение вопросов партийного строительства в Советских Вооруженных Силах показывает вредность имевших место в прошлом попыток вывести армию из-под партийного влияния и контроля. Особенно важное значение для пресечения этих попыток имело постановление октябрьского Пленума ЦК КПСС (1957 г.) «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Пленум восстановил ленинские принципы руководства вооруженными силами и обеспечил коренное улучшение партийно-политической работы среди личного состава армии. Решающее значение руководящей роли партии в строительстве армии и флота раскрывается в большой и содержательной передовой статье первого номера журнала (1959 г.), в которой подчеркивается, что «руководство Коммунистической партии Советского Союза — главный источник могущества Советских Вооруженных Сил» (стр. 13).

Освещая содержание, формы и методы партийно-политической работы в армии, анализируя вышедшую из печати литературу по этому вопросу, журнал оказывает большую помощь историкам и партийно-политическим кадрам. Это тем более важно, что в настоящее время ощущается острая необходимость в дальнейшем изучении и обобщении опыта деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны.

В ряде исследований, помещенных на страницах журнала, проводится глубоко правильная мысль о том, что показ массового героизма советского народа в минувшей войне нельзя оторвать от освещения идеологической и организационной работы партии. Связь и взаимозависимость партийно-политической работы и массового героизма раскрывается в статьях И. А. Короткова «О некоторых вопросах создания истории частей, соединений и объединений» (1959, № 2), И. Колесниченко «Партийно-политическая работа по обеспечению прорыва блокады Ленинграда» (1959, № 8) и ряде других.

Анализ вышедших в свет номеров позволяет сделать вывод, что принятое журналом обязательство — «глубоко и всесторонне освещать руководящую и организующую деятельность Коммунистической партии в области строительства Советских Вооруженных Сил, обороны нашей Родины» (1959, № 1, стр. 6) — выполняется.

Создание Вооруженных Сил СССР, разработка принципов советского военного искусства и политической работы в армии неотделимы от практической и теоретической деятельности В. И. Ленина. Военная деятельность В. И. Ленина, как справедливо отмечалось в первом номере журнала, в должной мере еще не изучена. Перед историками стоит задача продолжить глубокое исследование идейного наследства В. И. Ленина, показать его гигантскую роль в создании и строительстве Советских Вооруженных Сил, в руководстве борьбой нашего народа против интервентов и белогвардейцев, в разработке коренных положений советской военной науки.

«Военно-исторический журнал» уже проделал определенную работу для решения этой важнейшей задачи. В ряде статей, рецензий и сообщений, опубликованных в нем, подчеркивается, что организатором и вдохновителем всех побед советского народа в годы гражданской войны и интервенции была коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным, раскрывается роль В. И. Ленина в разработке принципов военного искусства и строительства Советских Вооруженных Сил [2].

---

[2] Генерал-майор Н. Цветаев. Военный вопрос на VIII съезде РКП(б) (1959, № 3); генерал-майор В. Штырляев. Из истории обороны Уральска в 1919 г. (1959, № 7); инженер-полковник И. Глотов. Посещение В. И. Лениным Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (1959, № 8); полковник А. Беги-

В журнале (1959, № 4) помещена статья Л. Б. Кореца, в которой рассматриваются ленинские положения о формах и способах вооруженной борьбы, исследуется ленинский стиль военного руководства. Как показывает автор, в годы Великой Отечественной войны коммунистическая партия и ее Центральный Комитет руководствовались военным наследием В. И. Ленина. Л. Б. Корец сопоставляет приказ губернским и уездным Советам депутатов в период борьбы с немецкой оккупацией на Украине [3], подписанный В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, с директивой ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР партийным, советским и другим организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года. Сравнение убедительно свидетельствует о том, что в основу директивы легли многие положения ленинского документа.

90-летию со дня рождения В. И. Ленина посвящен апрельский номер журнала (1960 г.). Статьи рассказывают об основных чертах военного руководства В. И. Ленина [4], раскрывают тему «В. И. Ленин и военная история» [5]. Здесь же помещены воспоминания о В. И. Ленине, сообщения о новых ленинских документах [6]. В статьях и материалах подчеркивается, что партия в новых условиях творчески реализует указания В. И. Ленина, направленные на укрепление обороноспособности страны, на решение проблемы мирного сосуществования государств с различным общественно-социальным строем.

Ценная инициатива журнала — исследовать военное наследие В. И. Ленина,— несомненно, будет подхвачена не только военными историками, но и всеми специалистами, изучающими развитие советского общества, а также славную историю КПСС.

Научная разработка военной истории и истории военного искусства справедливо занимает в журнале одно из главных мест. По этим вопросам опубликовано более 50 статей (не считая критических и обзорных материалов, а также публикаций документов). При этом около 40 статей посвящено проблемам истории второй мировой и Великой Отечественной войны.

Несмотря на ряд интересных исследований по данной теме, наша наука все еще отстает в области глубокой и всесторонней разработки истории второй мировой войны. В зарубежной буржуазной литературе ход войны излагается с позиций, выгодных идеологам империализма. Важнейшие события войны и ее итоги нередко фальсифицируются. Особенно усердствуют в этом направлении бывшие фашистские генералы и офицеры, о которых в ядовитой шутке говорится, что они плохо воюют, зато хорошо об этом пишут.

В настоящее время Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготавливает фундаментальный шеститомный труд — «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.». Перед коллективом авторов и редакционной коллегией поставлена задача создать подлинно научную, правдивую историю минувшей войны, осветить наряду с военными событиями процессы экономического и общественно-политического развития нашей страны, показать международные отношения и внешнюю политику СССР в тот период. В плане стоит также выпуск сборника документов периода Великой Отечественной войны. Историки получили широкий доступ к архивным, в том числе и военным материалам. Меры, принятые Центральным Комитетом партии, еще больше активизировали военно-историческую науку, и это как нельзя лучше отразилось на страницах «Военно-исторического журнала». В содержательных исследованиях, опубликованных в нем, поставлены и решены некоторые теоретические вопросы истории второй мировой войны.

Вслед за журналом «Коммунист» «Военно-исторический журнал» поместил статьи, по-новому рассматривающие вопрос о характере второй мировой войны. Как известно, в прошлом при оценке характера войны наши историки исходили из того, что со стороны англо-французского и американского блока вторая мировая война с самого начала была войной освободительной, справедливой. Более углубленный анализ вопроса позволил существенно пересмотреть прежние взгляды. Принципиальная оценка характера второй мировой войны вытекает из марксистско-ленинского учения о войне как

шев. «Г. В. Кузьмин. Гражданская война и военная интервенция в СССР» (1959, № 5) и др.

[3] «Военная переписка В. И. Ленина (1917—1920)». М. 1956, стр. 38—39.

[4] В. Цветков. Основные черты военного руководства В. И. Ленина.

[5] И. Ростунов. В. И. Ленин и военная история.

[6] С. Буденный. Встреча с В. И. Лениным в 1920 году; Г. Антонов. Ленин и кремлевские курсанты; С. Ширшов. Я видел Ленина; Л. Спирин. Новые документы В. И. Ленина об обороне Советской республики в 1918—1920 гг.

социальном явлении. В произведениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина неоднократно указывалось, что война является продолжением той внутренней и внешней политики, которую господствующие классы проводят в мирное время. В. В. Курасов, Ф. И. Голиков, Е. А. Болтин в своих статьях[7] показывают классовую сущность второй мировой войны и характер ее первого периода. Вторая мировая война, как и первая, явилась следствием неравномерного развития капиталистических стран в эпоху империализма и обострения всех противоречий капиталистической системы. Монополистические круги США, Англии и Франции, стремясь разрешить эти противоречия, готовили фашистскую Германию к нападению на СССР. Однако вопреки их расчетам война началась между двумя империалистическими блоками и с обеих сторон носила империалистический характер. Вспыхнув как война несправедливая, захватническая с обеих сторон, вторая мировая война в процессе своего развития переросла в войну национально-освободительную — против стран фашистского блока. История знает немало подобных примеров, когда в ходе войны изменялся ее характер.

В тесной связи с определением политического характера второй мировой войны авторы намечают ее научную периодизацию. Определение характера второй мировой войны и разработка ее периодизации являются известным вкладом в советскую военно-историческую науку. Хотелось бы, чтобы редакция «Военно-исторического журнала» продолжила работу над данной проблемой. Читатели ждут, в частности, статьи, в которой на конкретном материале исследовалось бы национально-освободительное движение против германо-японской агрессии в странах Европы и Азии.

Проблема начального периода войны занимает особое место в военной науке. Опыт второй мировой войны показал, что начальный период представляет собой ответственнейший этап вооруженной борьбы: от него в значительной мере зависит не только ход, но в некоторых случаях и исход войны. Поэтому среди читателей с интересом была встречена статья И. Н. Рухле «О характере начального периода в двух мировых войнах» (1959, № 10). Какую роль и значение имел начальный период в первой мировой войне, какое освещение он нашел в истории военного искусства в годы между первой и второй мировыми войнами, каковы были характер, роль и значение начального периода во второй мировой войне — таков круг вопросов, затронутых автором. На богатом фактическом материале И. Н. Рухле показал, что с самого начала второй мировой войны в отличие от первой агрессивные государства направили на фронт не ограниченные, а основные военные силы: от 50 до 75% входивших в состав их армий дивизий. Однако вопрос о мероприятиях государств, подвергшихся нападению, для организации отпора врагу автор не только не раскрыл, но и не поставил. В частности, он не обобщил уроков и опыта борьбы Советского Союза в начальный период Великой Отечественной войны.

Помимо проблемных статей, «Военно-исторический журнал» опубликовал большое количество интересных работ о фронтовых и армейских операциях. Преобладающая часть их написана видными военачальниками Советской Армии и содержит не только глубокие выводы военных деятелей, но и их личные воспоминания. Эти воспоминания, не отраженные ни в каких архивных документах, послужат важным источником для последующих исследований. Во время Отечественной войны многие решения Верховного Главнокомандования передавались из Ставки командующим фронтов по прямому проводу, либо при личном вызове в Ставку или через ее представителей, выезжавших на фронты. В целях сохранения военной тайны принятые решения часто не фиксировались в документах. Касаясь этого вопроса, Р. Я. Малиновский пишет: «Не располагая свидетельствами организаторов и руководителей операций, наши военные историки часто не могут по имеющимся документам с достаточной полнотой восстановить действительную картину тех или иных событий. Поэтому, к нашему огорчению, бывает и так, что авторы, вольно или невольно, настолько «обобщают и приглаживают» события, что живые участники их подчас не могут узнать операции, не всегда находят в таких описаниях события и факты, которые имеют иногда исключительно важное значение. Сложный твор-

[7] Генерал армии В. Курасов. О характере и периодизации второй мировой войны 1939—1945 гг. (1959, № 1); генерал армии Ф. Голиков. Военно-политические уроки второй мировой войны (1959, № 9); генерал-майор Е. Болтин. О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза (1959, № 2).

ческий процесс организации и ведения операции не раскрывается или сводится к довольно шаблонной схеме»[8].

Накопление воспоминаний участников войны — чрезвычайно важное для исторической науки дело. Еще в период войны при Академии наук СССР была создана комиссия под председательством академика И. И. Минца, в задачу которой входило собирание материалов по истории Великой Отечественной войны. Члены комиссии — научные сотрудники Института истории АН СССР — встречались с солдатами, офицерами, генералами Советской Армии. После войны деятельность комиссии прекратилась. Публикация воспоминаний «Военно-историческим журналом» восполняет большой пробел в источниковедческой базе военной истории. На страницах журнала с подобными статьями уже выступили Р. Я. Малиновский, А. А. Гречко, В. И. Чуйков, С. С. Бирюзов, К. К. Рокоссовский, А. И. Еременко, К. А. Вершинин, М. С. Малинин, Д. Д. Лелюшенко и многие другие. Следует, однако, сказать, что некоторые мемуарные статьи не лишены субъективизма. При дальнейшей публикации таких материалов следует добиваться того, чтобы они максимально объективно воспроизводили обстоятельства тех или иных военных событий.

Исследование истории применения различных родов войск в войне ведется как в статьях, посвященных отдельным операциям и кампаниям, так и в специальных работах.

Обобщению боевого опыта военно-воздушных сил посвящены три статьи. В статье Н. А. Журавлева «Разгром германской авиации во второй мировой войне» (1959, № 9) на большом фактическом материале показано, что на советско-германском фронте находились крупные силы вражеской авиации, что именно здесь она понесла самые большие потери. К. А. Вершинин в своей статье рассматривает воздушное сражение над Северным Кавказом весной 1943 г. (1959, № 8). Это сражение является одним из крупных событий в истории Советских Военно-Воздушных Сил. На фронте шириной около 160 км с обеих сторон в боях участвовало до 2 тыс. самолетов. Сражение явилось одним из важных этапов в сложной борьбе за преобладание в воздухе, которое было достигнуто советской авиацией во второй половине 1943 года.

Истории развития советской истребительной авиации в Великой Отечественной войне посвящена статья Ф. И. Шестерина (1959, № 6). Вступив в неравную борьбу с врагом в исключительно тяжелой обстановке, наша истребительная авиация в ходе войны выросла в грозную для противника силу. Этому способствовала хорошо развитая советская авиационная промышленность, которая обеспечила перевооружение летных частей самолетами новейших типов. Вместе с техническим улучшением самолетов постоянно совершенствовались способы боевых действий и средства управления воздушным боем. Статья иллюстрирована таблицами, диаграммами и рисунками.

Военно-морскому флоту посвящено четыре работы. С. М. Лялько в статье «Действия Советского Военно-Морского Флота в совместных операциях Великой Отечественной войны» (1959, № 3) рассматривает основные задачи, которые решались флотами и флотилиями в минувшей войне. Автор характеризует особенности обстановки, оказавшие решающее влияние на использование военно-морских сил, раскрывает оперативное искусство и тактику советского флота в боях, проведенных совместно с сухопутными войсками. Досадно, что автор излагает эти важные вопросы на основе известных читателю материалов, не используя ни одного нового архивного источника.

Истории начального периода развития советского военно-морского искусства посвящена статья И. А. Забелина[9], в которой показаны смелые поиски форм и методов использования военно-морских сил в условиях борьбы с противником на море, обладавшим в годы гражданской войны значительно более мощным флотом, чем Советская Россия.

С интересом читаются воспоминания бывшего командира подводной лодки И. В. Травкина «Удары по вражеским конвоям» (1959, № 8). Автор рассматривает несколько боевых действий вверенного ему подводного корабля в последний период Великой Отечественной войны. В статье раскрываются военное мастерство матросов, старшин и офицеров, их беспримерный героизм.

О действиях германского флота на морских и океанских коммуникациях Англии и

[8] Маршал Советского Союза Р. Малиновский. Из воспоминаний о Ясско-Кишиневской операции (август — сентябрь 1944 г.) (1959, № 2, стр. 25).

[9] И. Забелин. Из истории начального периода развития советского военно-морского искусства (1959, № 7).

США во второй мировой войне рассказывается в статье Н. А. Волкова [10].

История применения других родов войск и видов вооруженных сил в годы второй мировой войны слабо освещалась на страницах журнала. Опубликована лишь одна статья о действиях войск ПВО, сыгравших исключительно важную роль в Великой Отечественной войне [11]. Значение этого вида вооруженных сил в современных условиях неуклонно возрастает. Поэтому опыт войск ПВО в минувшей войне заслуживает более широкого освещения на страницах журнала.

Хотелось бы, чтобы при публикации статей по истории отдельных видов вооруженных сил и родов войск журнал обращал больше внимания на эволюцию и перспективу развития каждого из них в современных условиях.

Статьи по истории отдельных боев и операций как в гражданской, так и в Великой Отечественной войне написаны преимущественно на основе новых материалов и на малоизученные темы. Их общим недостатком является слабый анализ событий. Выводы нередко носят неглубокий характер, не вскрывают особенностей боев и операций.

Весьма желательно, чтобы в журнале публиковалось больше статей, обобщающих опыт кампаний второй мировой и Великой Отечественной войны. Первые попытки, предпринятые в этом направлении [12], не восполняют пробела, который существует в военно-исторической литературе в части обобщения крупных событий и переломных моментов в истории прошлой войны.

Журнал поставил перед собой задачу — разоблачать буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны, показывать решающую роль СССР в разгроме фашистской Германии. По справедливому замечанию журнала, это не только чисто научная, но и большая идейно-политическая задача, необходимость решения которой продиктована интересами борьбы с враждебной нам идеологией [13]. Журнал поместил на своих страницах ряд содержательных статей, вскрывающих политику империалистических государств в ходе второй мировой войны, показывающих формы и методы «оправдания» ее современными идеологами буржуазии. Реакционные буржуазные историки не скрывают своего раздражения при упоминании о решающей роли Советской Армии в разгроме сил гитлеровского блока.

Решающая роль Советского Союза в разгроме германского империализма во второй мировой войне показана в статье Н. Г. Павленко (1960, № 1). На конкретных примерах, с привлечением новых источников автор раскрыл агрессивные планы германского империализма в отношении СССР, его стремление к завоеванию мирового господства, показал истинно гуманные политические цели Советского Союза в войне против фашистской Германии. В статье показаны героические усилия Коммунистической партии и Советского правительства по мобилизации ресурсов нашей страны на разгром врага.

Борьбе против фальсификаторов посвящен и ряд других работ, затрагивающих как общие проблемы, так и отдельные частные вопросы истории второй мировой войны. В статьях Г. А. Деборина, И. Е. Зайцева, Н. Ф. Полторакова, В. Л. Исраэляна, И. М. Кравченко, Д. Э. Куниной [14] показаны сущность и истинная подоплека фальсификации истории войны, дана обоснованная критика взглядов апологетов империализма.

В разделе критики и библиографии журнал знакомит читателей с работами наиболее видных представителей буржуазной историографии и дает им соответствующую критическую оценку.

Следует пожелать, чтобы в исследовательских статьях вопросы стратегии империалистических стран в годы минувшей войны рассматривались в тесной связи с вопросами их политики, которая обусловливала эту стратегию. Касаясь, например, общей

---

[10] Н. Волков. Действия германского флота на морских и океанских коммуникациях Англии и США во второй мировой войне (1959, № 5).

[11] Г. Десницкий. Противовоздушная оборона Москвы в 1941—1942 гг. (1959, № 12).

[12] См. И. Паротькин, А. Шиманский. О характере летне-осенней кампании 1944 г. (1959, № 7).

[13] См. № 1 за 1959 г., стр. 11.

[14] Г. Деборин. О фальсификации причин второй мировой войны в буржуазной литературе (1959, № 4); И. Зайцев. К вопросу об открытии второго фронта и его роли во второй мировой войне (1959, № 6); Н. Полторак о в. Против фальсификации истории второй мировой войны (1959, № 9); В. Исраэлян. О стратегии США и Англии в Европе (обзор новой американской и английской литературы по стратегии второй мировой войны) (1959, № 3); И. Кравченко. О фальсификации истории войны на Тихом океане (обзор переводной военно-исторической литературы) (1959, № 7); Д. Кунина. Изучение во Франции истории второй мировой войны (1959, № 8).

стратегической линии правящих кругов бывших союзников СССР, нельзя не обратить внимание читателей на одно важное обстоятельство. До 1944 г. Англия и США направляли свои войска на второстепенные фронты второй мировой войны. Они стремились не только взвалить всю тяжесть борьбы против гитлеровской Германии и ее сателлитов на плечи Советской Армии, но и сохранить колониальные режимы в странах Африки и Азии, создать в европейских странах антинародные правительства. Разоблачение военных и политических целей империалистов, закулисной стороны многих событий тех лет дает возможность глубже раскрыть всемирно-историческое значение военно-политических итогов Великой Отечественной войны.

При критическом анализе буржуазной военно-исторической литературы следовало бы более четко выделять ее прогрессивное направление, представители которого, несмотря на травлю и преследования, оценивают с более объективных и правдивых позиций историю второй мировой войны. Журнал не проходит мимо этого обстоятельства. Но последнему, на наш взгляд, следует уделять значительно больше внимания.

Около шести лет бушевала в Европе вторая мировая война. В ее пламени сгорели реакционные режимы Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии и многих других стран. Народы, подняв знамя борьбы за свободу и независимость, освободились от фашистской оккупации и тирании собственных правителей. Вместе с Советскими Вооруженными Силами в боях против фашизма принимали активное участие польские, чехословацкие и югославские, а на заключительном этапе войны — также румынские и болгарские войска. Более восьми лет против японских агрессоров сражалась Народно-освободительная армия Китая.

В нескольких статьях журнала освещаются совместные боевые действия Советской Армии с войсками ныне народно-демократических стран. Читатель знакомится с историей формирования иностранных воинских частей на территории СССР, их боевого содружества с Советскими Вооруженными Силами [15].

Следует пожелать, чтобы журнал чаще помещал подобные статьи. Это позволит расширить изучение истории боевого содружества СССР и стран народной демократии, в известной степени решить задачу координации исследовательской деятельности военных историков социалистического лагеря.

Истории армий стран народной демократии посвящены статьи С. С. Лотоцкого [16] и С. Г. Поплавского [17]. В первой рассматриваются основные этапы и характер корейской войны 1950—1953 гг.— вопросы, не нашедшие достаточно полного освещения в советской литературе. В статье рассказывается о содружестве Корейской народной армии и китайских народных добровольцев в борьбе против объединенных сил империалистов и лисынмановцев и формулируются некоторые выводы, обобщающие опыт войны в Корее. Вторая статья представляет собой воспоминания, связанные с историей Войска Польского. Автор довольно подробно освещает боевой путь 1-й польской армии и ее совместные действия с советскими войсками против немецко-фашистских захватчиков.

Интересной и малоразработанной теме посвящена статья М. И. Семиряги [18]. Автор кратко излагает историю формирования и боевые действия иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Однако в статье много неточностей фактического порядка, что значительно снижает ее ценность. Автор, например, утверждает, что 1-й Отдельный чехословацкий батальон во время боев в районе Соколова (март 1943 г.) входил в состав 25-й гвардейской стрелковой дивизии (стр. 61), а не 62-й дивизии, как было в действительности. По словам М. И. Семиряги, в освобождении Умани участвовала 1-я Чехословацкая бригада (стр. 62). На самом деле Умань была освобождена войсками 2-го Украинского фронта 10 марта 1944 г., когда 1-я Чехословацкая бригада находилась в резерве 13-й армии 1-го Украинского фронта, сосредоточенной в районе Ровно. Город Ефремов, где формировалась 2-я Чехословацкая воздушно-десантная

---

[15] Г. Попов (Харьков), Г. Йорданов (София). Боевое содружество болгарской Народной армии с Советской Армией в Великой Отечественной войне (сентябрь 1944 г.— май 1945 г.) (1959, № 6); В. Прхлик. Славные традиции боевой дружбы Чехословацкой и Советской армий (1959, № 10); М. Спыхальский. О польско-советском боевом содружестве (1960, № 1).

[16] С. Лотоцкий. Война в Корее 1950—1953 годов (1959, № 10).

[17] С. Поплавский. От Варшавы до Берлина (1959, № 9).

[18] М. Семиряга. Формирование иностранных воинских частей на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (1959, № 9).

бригада, расположен не в 15 км западнее Орла, как об этом пишет автор (стр. 62), а в 120 км северо-восточнее его. Формирование 1-й Румынской добровольческой пехотной дивизии имени Тудора Владимиреску началось не в ноябре 1943 г. (стр. 64), а 4 октября 1943 года.

Разоблачению фальсификаторов служат документы, публикуемые в каждом номере журнала. Серия их открывается материалами, опровергающими версию о так называемом превентивном характере войны со стороны фашистской Германии против СССР. Этот миф, выдуманный гитлеровскими главарями, уже в достаточной степени разоблачен советской исторической литературой и документами Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками. И все же он широко пропагандируется в западногерманской, американской и английской реакционной историографии. Учитывая это обстоятельство, журнал поместил доставшиеся Советской Армии в качестве трофеев документы немецкого генерального штаба по подготовке и планированию войны против СССР, которые камня на камне не оставляют от всей этой пресловутой теории. В первом номере журнала (1959 г.) был опубликован план нападения фашистской Германии на СССР (план «Барбаросса»), детально раскрывающий механику подготовки агрессивной войны. В третьем номере (за тот же год) опубликован материал о расчете времени к операции «Барбаросса», в шестом — директивы немецко-фашистского командования, относящиеся к началу кампании против СССР.

Публикация этих официальных документов дополняется выдержками из служебного дневника начальника германского генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера (июнь 1940—июль 1941 г.) (1959, № 2). Разумеется, дневник в какой-то мере отражает субъективную точку зрения его автора, однако ценность данного документа бесспорна: генерал Гальдер был одним из инициаторов «молниеносного» похода на Восток.

Агрессивная программа германского империализма, его стремление огнем и мечом покорить народы Восточной Европы, лишить их государственной самостоятельности, присвоить их национальные богатства и превратить население восточноевропейских стран в бесправных рабов убедительно показана в публикации «Генеральный план «Ост» (1960, № 1). Этим планом предусматривалось выселение в течение 30 лет нескольких десятков миллионов человек с территории Польши и западной части Советского Союза и переселение на эти земли 10 млн. немцев, онемечение всего остального населения путем ряда специальных мероприятий. Документы плана «Ост» заслуживают внимания с точки зрения разоблачения политических целей германского империализма в агрессивных войнах и прежде всего в войне против Советского Союза. Изучение их позволяет еще глубже осознать величие подвига советского народа, разгромившего в упорной, тяжелой борьбе вооруженные силы фашистской Германии и спасшего тем самым народы Европы от страшной участи, которую им готовили германские империалисты.

Не меньший интерес представляет публикация документов «Из личного архива фельдмаршала Паулюса» (1960, № 2). Паулюс, командовавший 6-й немецкой армией с 18 января 1942 г. до ее капитуляции под Сталинградом, сообщает в своих воспоминаниях ряд малоизвестных фактов о планах немецко-фашистского командования на лето 1942 г., потерпевших, как известно, полный провал.

В других номерах журнала помещены документы, характеризующие подробности пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим (1959, № 2), численность вооруженных сил Германии во время второй мировой войны (там же), подробности капитуляции фашистской Германии в мае 1945 г. (1959, № 5), план нападения гитлеровской Германии на Польшу, носивший кодовое наименование «Белый план» (1959, № 9). Огромный интерес представляют документы, раскрывающие помощь правительства СССР и командования советских войск населению Берлина и других немецких городов (1959, № 8). Документы свидетельствуют о гуманизме Советской Армии, показывают истоки нерушимой дружбы между народами СССР и Германской Демократической Республики.

Наряду со статьями по истории второй мировой войны, которые по праву занимают главное место в журнале, в нем публикуются статьи и сообщения, посвященные войнам и военному искусству более отдаленного прошлого. Значительное внимание уделено истории гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР, истории строительства и славного боевого пути Советских Вооруженных Сил до Великой Отечественной войны.

Отметим статьи Е. Цветаева о военно-

научной деятельности М. В. Фрунзе (1960, № 2), К. Ф. Телегина о борьбе с иностранной и внутренней контрреволюцией в Западной Сибири в 1919 г. (1959, № 4), В. И. Штырляева об обороне Уральска в 1919 г. (1959, № 7), С. М. Кляцкина о строительстве Красной Армии в 1919 г. (1959, № 3), М. С. Ангарского о Шенкурской операции в январе 1919 г. (1959, № 2), И. М. Волкова о некоторых вопросах истории начального периода строительства Советских Вооруженных Сил (там же). В разделе критики и библиографии помещены рецензии на работы, посвященные истории гражданской войны, в частности на книги С. Ф. Найды, И. Б. Берхина, Н. Ф. Кузьмина [19] и другие.

Несмотря на значительное научно-литературное наследство по истории гражданской войны и строительства Красной Армии, ряд важных вопросов этой проблемы почти не затронут. К числу таких малоизученных вопросов относится, например, вопрос о подавлении контрреволюционного движения кулачества после окончания гражданской войны. Журналу следовало бы также выступить с обстоятельными статьями о строительстве Советских Вооруженных Сил после гражданской войны. Освещение опыта милиционной системы строительства нашей армии и флота в свете решения IV сессии Верховного Совета Союза ССР приобретает самое актуальное значение.

Журнал поставил своей задачей публиковать статьи о военном прошлом дооктябрьского периода, об освободительных войнах народов нашей Родины против иноземных захватчиков, о героизме народных масс, проявленном в борьбе за свою независимость. Цель журнала—помогать вооруженным силам беречь и развивать прогрессивные военные традиции наших предков, на примерах славного прошлого русского и других народов СССР способствовать воспитанию высоких патриотических качеств советской молодежи. В вышедших номерах уже опубликован ряд статей, посвященных этой тематике. В статье В. Дьякова, в частности, анализируется вопрос о развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX в. (1959, № 5). В связи с 250-летием Полтавской битвы в журнале напечатана статья П. П. Епифанова о состоянии русской армии накануне Полтавского сражения (1959, № 6). Дооктябрьскому периоду посвящено несколько сообщений [20].

Следует сказать, однако, что журнал пока мало уделяет внимания вопросам досоветского военного искусства. На его страницах не появилось ни одной статьи о военном искусстве народов СССР.

В разделе «Военно-научная жизнь» освещается текущая работа высших военно-учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, характеризуется состояние военно-исторической науки в зарубежных странах.

Советские читатели с чувством большого удовлетворения встретили появление нового журнала. В настоящее время процесс его становления завершен: определилось его лицо и теоретический уровень, выявился творческий подход редакции к решению важнейших проблем. Статьи и документы, помещаемые в журнале, оказывают большую помощь широкому кругу историков в научной и педагогической деятельности.

В конце прошлого и в начале этого года в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси и Львове состоялись конференции читателей «Военно-исторического журнала». В их работе приняли активное участие генералы и офицеры Советских Вооруженных Сил, преподаватели и научные сотрудники военно-учебных заведений, работники архивов, гражданские историки (в общей сложности около 800 человек). Читатели горячо одобрили издание журнала и в основном выразили удовлетворение его содержанием. Вместе с тем они высказали ряд критических замечаний, направленных на дальнейшее повышение идейно-теоретического уровня журнала, расширение военно-исторической работы. Читатели указывали, что они ждут выступлений журнала по таким вопросам, как организаторская деятельность ЦК КПСС в годы гражданской и Великой Отечественной войн, инициатива и творчество солдатских масс в бою, организатор-

---

[19] Полковник В. Горлов. С. Ф. Найда. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР (1959, № 6); полковник Е. Цветаев. Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924—1925 гг.) (1959, № 8); подполковник А. Бабаков, полковник П. Деревянко. Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны (1918—1920 гг.) (1959, № 4); полковник А. Попов. Н. Ф. Кузьмин. Крушение последнего похода Антанты (1960, № 2).

[20] Генерал-майор Г. Караев. Новые материалы о поисках места Ледового побоища (1959, № 3); В. Головников. Новые документы об А. В. Суворове, обнаруженные в Западной Германии (1959, № 1), и др.

ская деятельность военных советов фронтов и армий в годы гражданской и Отечественной войн, развитие технических средств вооруженной борьбы и их влияние на ход и исход войны. Очень важны статьи по вопросам, еще недостаточно исследованным в исторической науке, либо таким, которые дискутируются среди историков. Следует смелей и шире ставить проблемы по истории военного искусства, особенно в области стратегии, менее всего разработанной в военной науке. Нужны работы, освещающие значение экономики в войне, предмет и содержание военной истории как науки, методику военно-исторического исследования.

Вопросу о дальнейшем развитии военно-исторической работы в Советских Вооруженных Силах посвящена статья Ф. И. Голикова, обосновывающая необходимость ряда мероприятий в этой области в свете решений IV сессии Верховного Совета СССР [21]. Автор справедливо указывает, что «намеченные партией и правительством меры по сокращению численности вооруженных сил, расформирование ряда соединений и частей не должны привести к свертыванию военно-исторической работы... Наоборот, работу по завершению исторических исследований необходимо ускорить» [22].

В целях широкого привлечения авторского коллектива было бы, видимо, полезно напечатать в журнале перечень тем статей, намеченных к публикации в ближайшие годы. Активное сотрудничество широкого круга военных и гражданских историков в журнале будет способствовать значительному повышению его теоретического уровня.

А. В. Карасев,
И. И. Шинкарев

[21] Ф. Голиков. За дальнейшее развитие военно-исторической работы (1960, № 2).
[22] Там же, стр. 11—12.

«Повести о Куликовской битве». Изд-во АН СССР. М. 1959. 511 стр. Тираж 4 000. Цена 19 руб. 30 коп.

В истории русского народа Куликовская битва сыграла исключительно важную роль. Поэтому следует приветствовать издание сборника «Повести о Куликовской битве», подготовленного к печати М. Н. Тихомировым, В. Ф. Ржигой и Л. А. Дмитриевым.

В первую часть книги включены «Слово Софония рязанца (Задонщина)», «Летописная повесть о побоище на Дону», «Сказание о Мамаевом побоище» (Основная, Летописная и Распространенная редакции и Забелинский список).

«Слово Софония рязанца (Задонщина)» снабжено интересным текстологическим комментарием, примечаниями и вариантами. В результате тщательного изучения различных списков, а также отрывков этого замечательного памятника XIV в. В. Ф. Ржига опубликовал реконструированный им текст «Слова Софония рязанца о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его Владимире Ондреевиче», в основу которого положен список, хранящийся в собрании Государственного исторического музея под № 2060. Последний был пополнен и исправлен путем сличения с другими списками пространной редакции «Слова» (Синодальной библиотеки, № 790; Государственного исторического музея, № 3045; Ундольского, № 632), более близкой к оригиналу. Опыт реконструкции первоначального текста «Слова Софония рязанца», проделанный В. Ф. Ржигой, следует признать удачным.

«Летописная повесть о побоище на Дону» («О побоищи, иже на Дону, и о том, князь велики како бился с Ордою») приведена по Новгородской IV летописи (ПСРЛ. Т. IV) и подготовлена В. Ф. Ржигой без существенных отклонений от летописного текста. «Сказание о Мамаевом побоище» (Основная редакция) публикуется Л. А. Дмитриевым по списку Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (О. IV—22) с двумя исправлениями «по смыслу» (стр. 76).

Летописная редакция «Сказания о Мамаевом побоище» подготовлена к печати М. Н. Тихомировым (который исправил явные описки в примечаниях к этой редакции) по списку Государственного исторического музея (Синодальное собрание, № 485. Вологодско-Пермская летопись) [1]. Им же

[1] Вологодско-Пермская летопись опубликована недавно. См. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 26. М.-Л. 1959, стр. 125—145.

опубликован с примечаниями и вариантами Забелинский список «Сказания» («В лето 6888 побоище великого князя Дмитрия Иоанновича Московскаго на Дону з безбожным Мамаем»), хранящийся в Государственном историческом музее (Собрание Забелина, № 261). Распространенную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище» по списку Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Собрание Погодина, № 1414) подготовил Л. А. Дмитриев, исправив ее «по смыслу» или по списку Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Собрание Н. С. Тихонравова, № 337) и по Основной редакции.

В археографическом отношении рецензируемый сборник выполнен на высоком научном уровне.

В статьях Л. А. Дмитриева, помещенных в «Примечаниях», дан обстоятельный анализ редакций «Сказания о Мамаевом побоище» и описание 95 рукописных списков «Сказания», «Сказания» в редакции Синопсиса и 17 отрывков «Сказания», редакция которых пока не установлена.

Раздел «Приложения» открывается исследовательской работой акад. М. Н. Тихомирова «Куликовская битва 1380 года», в которой показана роль Куликовской битвы в истории русского и других народов Восточной Европы. Автор справедливо считает ее «поворотным моментом в борьбе русского народа с ненавистным татарским игом» (стр. 336).

М. Н. Тихомиров выступает против традиционного изображения похода Мамая на Русь как столкновения «Золотой Орды с крепнущей Россией, вне международных событий конца XIV в.» (стр. 351). Литва времен Ягайло, итальянские колонии в Крыму, армяне, жившие в городах Поволжья, правители народов Северного Кавказа — ясов и черкесов — таковы те силы, которые в определенной степени влияли на взаимоотношения Руси и Золотой Орды. Автор справедливо критикует описание Куликовской битвы Д. Иловайским (стр. 335—336), а также считает весьма преувеличенными цифры, определяющие количество войск, сражавшихся с той и другой сторон на Куликовом поле (стр. 352—353). М. Н. Тихомиров обращает внимание на важнейшую особенность битвы: на поле Куликовом с врагом сражались не только «князи и бояре», но прежде всего «сынове християнстии от мала и до велика», «сынове и молодые люди», то есть ремесленники и крестьяне, составлявшие народное ополчение. Некоторых из них Новгородский хронограф XVII в. знает по именам: Юрка Сапожник, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец (стр. 354).

Опираясь на древнейшие редакции сказаний о Куликовской битве, М. Н. Тихомиров полагает, что «далеко не все русские земли приняли участие в борьбе с татарами» (стр. 358). Вряд ли участвовали в битве новгородцы, тверичи, рязанцы, суздальцы, нижегородцы (стр. 357—358). Сражавшиеся на Куликовом поле русские полки «в основном... пришли из областей, уже вошедших в состав Российского государства,— пишет М. Н. Тихомиров.— Это — силы складывающейся русской народности, складывающейся России во главе с Москвой» (стр. 357). Данное обстоятельство не снижает значения одержанной над Мамаем победы, а, напротив, свидетельствует о росте могущества Руси (стр. 359).

В статье «Слово Софония рязанца о Куликовской битве (Задонщина)» как литературный памятник 80-х годов XIV в.» В. Ф. Ржига подчеркивает не только общерусские интересы, но и патриотизм Софония, его приверженность христианству, что отличает его от автора «Слова о полку Игореве». В то же время В. Ф. Ржига отмечает, что Софоний находился под влиянием «Слова о полку Игореве» (стр. 393). Софония рязанца В. Ф. Ржига считает возможным отождествить с рязанским боярином Софонием Алтыкулачевичем, упоминаемым в жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю близ Рязани (стр. 404—405).

Датировка «Слова Софония рязанца», предложенная М. Н. Тихомировым еще в 1947 г.[2] (стр. 224, 397), по мнению В. Ф. Ржиги, заслуживает внимания. В. Ф. Ржига, на наш взгляд, также правильно указывает, что под Железными воротами «Задонщины» надо понимать не Дербент[3],

---

[2] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М. 1947, стр. 202—203.

[3] «Воинские повести древней Руси». М.-Л. 1949, стр. 304. На территории древней Руси были еще одни Железные ворота, куда ходил новгородец Улеб в 1032 году. Это какое-то место в Заволочье, либо проливы в Белом море, или, наконец, Карские ворота Новой Земли. См. «Новгородская Софийская первая летопись». ПСРЛ. Т. V. 1851, стр. 136; А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб. 1819, стр. 80—82;

а Железные ворота на Дунае (стр. 224, 375). Следует согласиться также с М. Н. Тихомировым, считающим бесермен народом, отличным от татар (стр. 348). Немногочисленная народность бесермен обитает в СССР и ныне. Бесермен считают обудмуртившимися камскими (волжскими) болгарами[4].

Составителями сборника «Повести о Куликовской битве» и авторами статей, примечаний и т. п. проделана большая и полезная работа, значительно продвинувшая вперед дело изучения сказаний о Куликовской битве. Однако некоторые вопросы еще нуждаются в уточнении, отдельные места рецензируемого издания вызывают замечания.

В сборнике «Повести о Куликовской битве» приводится выдвинутая С. К. Шамбинаго и А. Д. Седельниковым[5] версия о Псковщине как месте написания «Задонщины». Речь идет о следующем тексте «Слова Софония рязанца»: «Русская земля, то ти есть как за Соломоном царем побывала» (стр. 12). Он связывается с известным рефреном «Слова о полку Игореве» («О, Русская земля уже за шеломянем еси»), в котором слово «шеломянем» превратилось в «Соломоном» (стр. 223). По нашему мнению, предположение о псковском происхождении «Задонщины» подтверждается также и тем, что рязанцу, писавшему в Рязани, незачем было бы подчеркивать, что он «рязанец»; в то же время это было логично при условии, если рязанец писал где-либо за пределами своего родного края. Рязанец Софоний, говоривший на «акающем» диалекте, в условиях Пскова с его произношением мягкого «ш» как «с», где «Слово о полку Игореве» было, очевидно, довольно широко распространено, мог создать такое слово как «Соло̀ман» — «соломянем» («шеломянем»). Таким образом, исследователи, считающие Псков местом написания рязанцем Софонием «Задонщины», опираются не только на бытование на Псковщине «Слова о полку Игореве», оказавшего огромное влияние на «Задонщину». Автор последней мог познакомиться с замечательным памятником XII в. в любом районе Руси, но создать словесную амальгаму рязанского «акающего» и псковского шепелявого диалекта автор-рязанец мог только на псковской земле[6].

М. Н. Тихомиров в статье «Куликовская битва 1380 года» предлагает иную трактовку указанного места «Задонщины», полагая, что «Соломоном царем» Софоний называл старшего сына Баязеда (Баязида) Сулеймана, разорившего Болгарскую землю (стр. 375). Но вряд ли весть о судьбе, постигшей Болгарию, могла вызвать такую ассоциацию у Софония рязанца. В. Ф. Ржига считает, что «вопрос о месте создания Слова Софония рязанца в основном ясен. Это произведение было написано не в Рязани, а в Московском княжестве. Дальнейшее территориальное уточнение пока невозможно» (стр. 397).

При решении вопроса о месте написания «Слова Софония рязанца» необходимо учесть еще одно место из этого замечательного произведения: «Туто щурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах...» (стр. 14). Автор примечаний к переводу «Слова Софония рязанца» отметил, что «щуры» — это «маленькие птички» (стр. 226). «Щурами», или «щурками», русские называют ласточку городскую, ласточку береговую, стрижа, собственно щура и щурку. Софоний рязанец имел в виду не этих птиц, так как они не поют песен, а издают лишь «чирканье» и немелодичное щебетанье. Кроме того, береговые ласточки не гнездуют в населенных пунктах. Очевидно, речь идет лишь о щурах и щурках. Но щур — северная птица, залетающая на юг лишь в суровые зимы и выбирающая глухие, хвойные леса. Вряд ли о ней говорил Софоний рязанец. Следовательно, остаются щуры-щурки, с их мелодичным гортанным пением, обитающие в оврагах, на холмах, валах и т. п. Область их распространения ограничена юго-востоком европейской части страны. На север и запад, дальше Пензы, Рязани и Горького они не залетают[7]. Изображая природу, животный мир, Софоний рязанец мог мыслить привычными образами своего родного края и заселять щурами валы и рвы Коломны даже в том случае, если он писал в Псковской земле или на территории Московского княжества. Вы-

---

А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 93; В. В. Мавродин. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен до XVI века. «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 96.

[4] А. Токарев. Этнография народов СССР. М. 1958, стр. 148, 154—155.

[5] С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб. 1906; А. Д. Седельников. Где была написана Задонщина? Slavia. Т. IX. Вып. 3. 1930.

[6] «Воинские повести древней Руси», стр. 296, 302—304.

[7] Н. Холодковский, А. Силантьев. Птицы Европы. СПб. 1901, стр. 283—285, 336—337, 342—343, 359.

бор именно щурок для поэтического образа, на наш взгляд, не случаен.

В сборнике дается одна дата битвы на Калке — 1224 г. (стр. 220, 283). Но, как известно, датировка этого события в разных источниках различна. Ипатьевская, Новгородская I, Новгородская IV, Софийская, Тверская, Псковская II, Симеоновская, летопись Авраамки, Львовская, Ермолинская летописи датируют битву на Калке 1224 г., Лаврентьевская, Троицкая, Воскресенская, Типографская приводят 1223 г., Никоновская и Густынская — 1225 г., а Рогожский летописец даже 1226-й. Генрих Латвийский дает основание считать, что битва на Калке была в 1223, а Ибн-эль-Асир — в 1224 году. Разные источники считают днем битвы вторник и пятницу, 1, 16, 23, 31 мая, 2 и 16 июня. Работы А. Куника, Э. Боннеля и А. Б. Салтыкова не разрешили вопроса о датировке этого важного в истории Руси события.

В степях на границе с Русью половцы впервые появились не в 1061 г. (стр. 221), а в 1054 г., когда «приходи Болушь с половци и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася половци вспять» [8].

Дмитрий Михайлович Боброк Волынский (Волынец) — выходец из Волыни, принадлежавшей в то время Литве, но едва ли его можно назвать «литовцем по происхождению» (стр. 222).

Вопрос о том, кем были буртасы, до сих пор не решен. В. В. Гольмстен, А. П. Смирнов, П. Д. Степанов отождествляют буртасов с мордвой-мокшей. А. И. Попов и А. Е. Алихова это отрицают, причем А. И. Попов считает, что буртасы по своему происхождению связаны с Кавказом и Предкавказьем. Передвинувшись в Поволжье, в южную часть лесной полосы, «буртасы держались долго, пока не утеряли сначала свой язык, а потом, весьма все-таки поздно, свое имя, и таким образом, не растворились сами в местной этнической стихии» [9]. Учитывая спорность этнической принадлежности буртасов, нам кажется, не следовало бы ставить знак равенства между ними и коренными народами Поволжья (стр. 238, 348).

Вряд ли можно безоговорочно считать ясами только осетин (стр. 238, 348). «Асами» осетины, в свою очередь, называют балкарцев, потомков черных болгар, живших когда-то гораздо севернее, в придонских степях, тесные связи которых с Русью не вызывают сомнений.

Интересно было бы знать мнение М. Н. Тихомирова по поводу того места из Никоновской летописи, в котором речь идет о походе русских «на Болгары рекше на Казань». 16 марта 1376 г. русское воинство подошло к Болгарам. «Казанцы же изыдоша из града противу их, стреляюще из луков и из самострелов, а инии гром пущающе з града, страшаще Русское воинство...» [10]. Анализируя это место, М. Н. Тихомиров подчеркивает: «Во время битвы под стенами Великих Болгар осажденные применили новые средства борьбы: пускали со стен города «гром», устрашая русских...» (стр. 342). Что это за новые средства борьбы? С чем имели дело русские у стен Великих Болгар: с огнестрельным оружием, огнеметными машинами или установками, бросавшими гранаты, начиненные зажигательным составом? Указание Никоновской летописи на «гром», который «пущающе» осажденные, пугая этим русских воинов, очевидно, впервые столкнувшихся с новым видом оружия, заинтересовало советских исследователей и породило довольно обширную и противоречивую литературу [11].

М. Н. Тихомиров отмечает, что «рассказ Троицкой летописи, древнейшей из московских, до нас не дошел... Можно только предполагать, что этот рассказ был сходен с соответствующим текстом Симеоновской

---

[8] «Повесть Временных лет». Ч. 1. М.-Л. 1950, стр. 109.

[9] А. И. Попов. Буртасы и мордва. «Ученые записки» ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2, № 105. 1947, стр. 210; см. также В. В. Гольмстен. Буртасы. «Краткие сообщения» ИИМК АН СССР. Вып. XIII. Л. 1946; С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 150.

[10] Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. X. СПб. 1897, стр. 25.

[11] В. Г. Федоров. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М. 1949; В. В. Мавродин. О появлении «огненного боя» на Руси. «Вопросы истории», 1946, № 8—9; его же. О появлении огнестрельного оружия на Руси. «Вестник Ленинградского университета». 1946. № 3; А. М. Беляницкий. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI веках. «Известия» Таджикского филиала Академии наук СССР. 1949, № 15; А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. Журнал «Советская археология», 1957, № 3; В. Б. Вилинбахов, А. Н. Кирпичников. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. Сборник «Исследования и материалы Артиллерийского исторического музея». Т. III. Л. 1958; В. Б. Вилинбахов. К истории огневого оружия в древней Руси. Журнал «Советская этнография», 1960, № 1

летописи «О великом побоище иже на Дону» (стр. 345). К сожалению, М. Н. Тихомиров в данном случае не высказал своего отношения к попытке М. Д. Приселкова реставрировать текст Троицкой летописи[12].

[12] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.-Л. 1950.

«Повести о Куликовской битве» представляют собой ценную публикацию и собрание статей, принадлежащих перу известных исследователей, и заслуживают высокой оценки.

В. В. Мавродин

Заметки о книгах

М. А. ВЫЛЦАН. *Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.).* М. 1959. 143 стр. Тираж 1 200 экз. Цена 4 руб. 60 коп.

Вопросы создания и развития материально-технической базы колхозного строя представляют значительный интерес для советских историков и экономистов. Во многих исследованиях, посвященных колхозному строительству, в той или иной степени затрагиваются отдельные стороны данной проблемы; специальных же работ мало[1].

В центре исследования автора — техническая реконструкция сельского хозяйства, которая, по существу, составляла основу проблемы укрепления материально-технической базы колхозного производства в период второй пятилетки. Книга состоит из трех глав, в которых последовательно рассматриваются такие важнейшие вопросы, как рост технической оснащенности сельского хозяйства, подготовка механизаторских кадров, механизация колхозного производства.

В развитии материально-технической базы колхозов М. А. Вылцан выделяет два важнейших периода. Первый — непосредственная техническая реконструкция сельского хозяйства, когда осуществлялся переход от конно-ручных машин и орудий живой тяги к системе усовершенствованных машин механической тяги. Второй период, еще не завершенный в настоящее время, характеризуется развитием комплексной механизации сельского хозяйства, то есть механизацией не только основных, но и всех производственных процессов (стр. 4). С такой периодизацией можно согласиться.

Автор делает правильный вывод о том, что если в конце первой — начале второй пятилетки сплошная коллективизация была в основном завершена, то период непосредственной технической реконструкции в деревне длился значительно дольше. Характерно, что в 1932 г. механическая тяга составляла 22,2% от общих энергетических ресурсов сельского хозяйства, а основные полеводческие работы были механизированы всего на 10—20%. МТС обслуживали 34% всех колхозов. В 1937 г. удельный вес механической тяги в сельском хозяйстве поднялся до 66,7%, а механизация основных полеводческих работ достигла 50—70%. МТС обслуживали 78,3% колхозов, посевная площадь которых равнялась 91,2% от всей посевной площади колхозов. Анализируя эти и другие статистические данные об уровне механизации сельского хозяйства, автор утверждает, что к концу второй пятилетки «переход от конно-ручных машин и орудий на живой тяге к системе усовершенствованных машин на механической тяге был в основном завершен», в результате чего было ликвидировано существовавшее ранее временное несоответствие между передовым социальным строем советской деревни и ее недостаточно развитой материально-технической базой (стр. 48). Таким образом, если организация колхозов закончилась в основном в годы первой пятилетки, то про-

[1] См. В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М. 1957; О. Б. Джамалов. Развитие материально-производственной базы колхозов Узбекистана. Ташкент. 1959. Сведения об отдельных сторонах создания и укрепления материально-технической базы социалистического сельского хозяйства содержатся в книге М. А. Краева «Победа колхозного строя в СССР». М. 1954.

цесс подведения под колхозное производство индустриальной материально-технической базы был завершен во второй пятилетке.

Развитие индустриальной базы сельского хозяйства партия и правительство направляли главным образом по линии роста сети и технической вооруженности МТС. Конкретный материал, который мы находим в книге, показывает, что на всем протяжении периода непосредственной технической реконструкции машинно-тракторные станции были наиболее целесообразной формой производственно-технического обслуживания колхозов. Попытки передачи тракторов и других машин непосредственно колхозам, предпринятые в начале первой пятилетки, не были успешными. В то время колхозы не имели достаточно средств, чтобы самостоятельно использовать сложную сельскохозяйственную технику (стр. 17—18). Правда, как справедливо отмечает автор, отрицательные последствия наличия на одной земле двух хозяев — МТС и колхоза — в известной мере сказывались и тогда. В целом, однако, та помощь, которую получали колхозы от МТС, значительно перекрывала ряд недостатков, связанных с применением данной формы технического обслуживания.

Интересны выводы автора о социально-экономическом положении колхозников-механизаторов, составлявших основную часть работников МТС. Работая на машинно-тракторных станциях, они в то же время не входили в штаты МТС, считались колхозниками. Однако труд этих колхозников базировался на средствах производства, принадлежавших государству, и был сходен с трудом индустриальных рабочих. По своему социально-экономическому положению, замечает автор, колхозник-механизатор находился как бы на стыке двух классов (рабочих и крестьян) и, воплощая в себе черты, присущие тем и другим, служил ярким примером постепенного стирания существенных различий между ними (стр. 43).

Укрепление материально-технической базы колхозного строя в годы второй пятилетки явилось решающим условием подъема колхозного производства. Весьма характерны сведения о росте производительности труда в колхозах в результате применения передовой техники. В 1937 г. МТС затрачивали на весновспашке в 6 раз меньше человеко-дней, чем в единоличных крестьянских хозяйствах в 1922—1925 гг., и в 4,5 раза меньше, чем на конно-ручных работах в колхозах в 1937 году. На уборке (комбайнами) МТС затрачивали в 33 раза меньше человеко-дней, чем единоличные хозяйства (стр. 114). В конце второй пятилетки в колхозах на обработку 1 га зернового посева затрачивалось труда вдвое меньше, чем в единоличных крестьянских хозяйствах до коллективизации (стр. 113).

Рост производительности труда в колхозах позволил высвободить для социалистической промышленности большое число рабочих рук. В годы второй пятилетки советская деревня ежегодно давала промышленности несколько миллионов человек (1935 г.— 3,7 млн., 1937 г.— 4 млн.).

Важнейшим достижением колхозного строя во второй пятилетке следует считать значительное увеличение товарной продукции сельского хозяйства по сравнению с предыдущим пятилетием. Так, государственные заготовки и закупки зерновых и технических культур в 1933—1937 гг. возросли против 1928—1932 гг. не менее чем в 1,5 раза [2]. Вместе с тем в книге вскрываются причины недостаточного роста урожайности в годы второй пятилетки: недочеты в области применения агротехники, отсутствие материальной заинтересованности МТС в увеличении амбарного урожая, нехватка в МТС прицепного тракторного инвентаря, слабое использование имевшейся техники и др. (стр. 107, 123).

М. А. Вылцан извлек из архивов данные о распределении колхозной продукции в 1935 и 1937 гг. (стр. 129, 134). Показательно, что в конце второй пятилетки распределялись по трудодням 35,9% зерновой продукции и 47,7% денежных доходов. Доходы колхозников от общественного хозяйства в колхозах, обслуживаемых МТС, как правило, были более высокими, чем в колхозах, которые не прибегали к помощи машинно-тракторных станций. В 1935 г. на один трудодень в колхозах, обслуживаемых МТС, приходилось 2,8 кг зерна, а в необслуживаемых — 2,3 кг. В этом наглядно проявились результаты механизации сельского хозяйства.

Фактический материал, содержащийся в рецензируемой книге, свидетельствует о значительном повышении к концу второй пятилетки материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. Окончательная победа колхозного строя открыла новые возможности на пути развития социалистического сельского хозяйства.

---

[2] См. «Народное хозяйство СССР в 1958 году». Статистический сборник. М. 1959, стр. 352—355.

Книга М. А. Вылцана не свободна от недостатков. Отметим некоторые из них.

При определении уровня механизации колхозного производства важно знать не только количество обслуживаемых МТС колхозов и размер их посевных площадей, но и удельный вес машин тракторной тяги в полеводческих работах. Известно, например, что в конце первой пятилетки в колхозах, обслуживаемых МТС, с помощью тракторов производилось не более 1/3 работ (правда, наиболее тяжелых), а 2/3 работ выполнялись с помощью лошадей[3]. На стр. 45 говорится, что и в годы второй пятилетки в колхозах, обслуживаемых МТС, применялась живая тяга. Однако автор не иллюстрировал это положение конкретными показателями.

Рассказывая о достижениях колхозного строя во второй пятилетке, М. А. Вылцан приводит мало данных о производстве колхозами товарной продукции. А ведь в росте товарности прежде всего и проявились достижения колхозов в рассматриваемый период. Не совсем правильно утверждение автора, что в статистических справочниках ЦУНХУ Госплана СССР совершенно отсутствуют сведения о валовых сборах зерновых культур в колхозах в годы второй пятилетки (за исключением 1937 г.). В статистическом ежегоднике по сельскому хозяйству за 1935 г. такие данные приводятся за 1933, 1934 и 1935 гг., равно как и сведения о товарной продукции колхозов[4].

И. Е. Зеленин

[3] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 7446, оп. 17, ед. хр. 8, л. 16.

[4] См. «Сельское хозяйство в СССР. Ежегодник. 1935». М. 1936, стр. 629—630.

М. Л. БОГДЕНКО. *Строительство зерновых совхозов в 1928—1932 гг.* Изд-во Академии наук СССР. М. 1958. 250 стр. Тираж 2 000. Цена 9 руб. 15 коп.

Изучение истории совхозного строительства в СССР на разных этапах имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение.

Строительству советских зерносовхозов в годы первой пятилетки посвящено сравнительно немного работ[1]. Их авторы, как правило, были участниками или очевидцами событий, связанных с организацией зерносовхозов, и факты и сведения, с которыми они нас знакомят, имеют безусловную ценность. Вместе с тем эти работы касаются лишь истории отдельных совхозов; в них отображены далеко не все стороны организации и деятельности совхозов. Исследованию деятельности зерновых совхозов посвящены также некоторые диссертации[2].

В монографии М. Л. Богденко сделана первая попытка дать обобщенный очерк развития зерновых совхозов за 1928—1932 годы. Автор использовал широкий круг источников: труды классиков марксизма-ленинизма, решения партии и правительства, статистические данные, прессу, большое количество ранее не использовавшегося архивного материала, особенно из Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Документы из этого архива позволили М. Л. Богденко хорошо осветить роль ЦК ВКП(б) в строительстве зерновых совхозов в годы первой пятилетки. М. Л. Богденко первая из историков совхозного строительства использовала документы Комиссии Политбюро ЦК по организации зерновых совхозов.

В книге освещены три основных вопроса: ход строительства зерновых совхозов, их производственная деятельность, роль совхозов в коллективизации сельского хозяйства.

В первой главе коротко рассматривается состояние зерновой проблемы в начале реконструктивного периода, раскрывается историческая необходимость социалистической перестройки деревни, создания крупных зерновых совхозов. Показывая политические и социально-экономические предпосылки широкого строительства совхозов, автор опирается на решения XV партийного съезда и июльского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП(б).

[1] М. А. Абросимов, Т. А. Коваль, В. Д. Тищенко. Зерносовхоз «Гигант» (Опыт организации крупного зернового хозяйства). М.-Л. 1930; М. А. Абросимов, Т. А. Коваль. 10 лет борьбы за хлеб (зерносовхоз «Гигант»). М. 1939; А. С. Анфилофьев. Социалистический город зерна. Учебно-опытный зерносовхоз № 2. М. 1939; Ф. А. Бойко. Первый зерносовхоз. К двадцатилетию совхоза «Гигант». М. 1949; Б. И. Горчаков. Как живут рабочие зерносовхоза «Гигант». М.-Л. 1931, и некоторые другие.

[2] И. Черкасов. Зерновые совхозы и их роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М. 1947; К. Русанов. Борьба Коммунистической партии за строительство зерновых совхозов на Северном Кавказе в годы первой пятилетки. М. 1953; Н. Соколов. Борьба Коммунистической партии за усиление роли совхозов в социалистическом преобразовании сельского хозяйства (1927—1930). М. 1956, и др.

М. Л. Богденко впервые знакомит читателя с содержанием неопубликованного выступления на указанном пленуме М. И. Калинина, давшего развернутое обоснование необходимости строительства совхозов, их роли в подготовке и проведении коллективизации сельского хозяйства.

Большой интерес представляют материалы, рассказывающие о выработке постановления о строительстве совхозов, а также о мерах по проведению его в жизнь. Интересны сведения, приводимые автором об отводе земель для новых совхозов, снабжении их техникой и укреплении квалифицированными кадрами.

Автором привлечены ранее не публиковавшиеся материалы о роли местных партийных, советских организаций и выявлении земельных массивов для зерносовхозов.

М. Л. Богденко привела новые ценные документы, свидетельствующие о конкретных формах активнейшего участия отечественных заводов в снабжении первых зерносовхозов техникой.

В рецензируемом труде широко освещен вопрос о создании кадров зерновых совхозов в годы первой пятилетки, о шефской помощи промышленных рабочих в разрешении этой проблемы. Автор пишет о трудностях на пути создания постоянных кадров зерносовхозов, о первых результатах работы по подготовке таких кадров, дает обстоятельный анализ состояния совхозных кадров к концу первой пятилетки.

Производственная деятельность зерновых совхозов подробно рассматривается во второй главе монографии. Автор рассказывает о том, как был организован труд в совхозах, как использовалась земля, техника, как повышался трудовой энтузиазм рабочих совхозов, подводит итоги производственной деятельности совхозов. При этом в книге приводятся не только средние показатели, но и данные по отдельным районам и совхозам. Уже в 1929 г. совхозы ввели в хозяйственный оборот более 1 млн. га новых земель. В 1930 г. совхозы Зернотреста освоили еще свыше 3 млн. га, а к концу 1931 г. ввели в оборот около 8 млн. га (стр. 175—176).

Анализируя производственную деятельность зерновых совхозов в 1926—1932 гг., автор показал и недостатки, которые имелись в их работе в тот период (плохое использование техники, невысокий уровень агротехники и др.). М. Л. Богденко указывает на причины этих недостатков (отсутствие опыта работы, нехватка квалифицированных кадров).

Роли совхозов в коллективизации сельского хозяйства посвящена третья глава. Здесь автор прежде всего подчеркивает, что самый факт создания крупных зерновых совхозов, вооруженных первоклассной техникой, оказывал на крестьян огромное революционизирующее влияние. Интерес вызывают помещенные в книге отзывы крестьян, посещавших зерновые совхозы.

В работе подробно анализируются формы непосредственного участия совхозов в социалистическом переустройстве деревни: помощь крестьянству техникой, посылка рабочих бригад, помощь в организации труда и т. д. Большое место в книге занимает показ массово-политической и агрикультурной работы совхозов среди крестьянства, их роли в подготовке массовых колхозных кадров. Огромная армия совхозных рабочих оказала значительную помощь местным партийным и советским организациям в успешном проведении коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Ценно в книге и то, что она в качестве приложения содержит список совхозов и таблицы основных показателей строительства зерновых совхозов в 1928—1932 годах.

Монография М. Л. Богденко не лишена отдельных недостатков. В книге следовало бы, по нашему мнению, дать более подробный историографический обзор и анализ источников. В первой главе следовало бы устранить излишнюю детализацию ряда вопросов, связанных с подготовкой строительства совхозов. При изложении вопроса о подготовке кадров надо было полнее показать, как, несмотря на большую текучесть, уже в те годы было сформировано устойчивое ядро постоянных рабочих, вынесших на своих плечах основную тяжесть начального периода строительства зерновых совхозов. Интересно было бы узнать имена наиболее отличившихся рабочих.

Во второй главе автор недостаточно глубоко анализирует существовавшие формы организации и оплаты труда трактористов. Неверно утверждение М. Л. Богденко, что будто бы в тот период еще не существовало в совхозах дифференцированного учета и оплаты труда трактористов.

В первый параграф третьей главы включено много лишнего материала, не имеющего прямого отношения к зерновым совхо-

зам. Не всегда автор выясняет масштабы влияния зерносовхозов на развитие сельского хозяйства. В ряде случаев читателю не ясно, идет ли речь о деревне вообще, или о деревне в районе деятельности совхозов. В третьей главе книги слабо освещены события 1932 года. Все внимание автора сосредоточено на периоде 1928—1931 годов. Между тем в последнем году пятилетки менялись формы помощи колхозам со стороны совхозов и, в частности, резко сокращались масштабы производственной помощи. Этот факт автору следовало бы объяснить. В книге встречаются неточности и опечатки (стр. 86, 175, 182).

Но все эти недочеты носят частный характер. Они не меняют общей положительной оценки книги.

И. Е. Тропп

В. И. ВОЛГИН. *Ватикан — центр реакции и мракобесия.* Л. 1960. 136 стр. Тираж 10 000. Цена 1 руб. 30 коп.

В книге В. И. Волгина рассказывается о современном Ватикане — крупном международном религиозно-политическом центре, который поставил религию и ее организации на службу империализму. Автор сообщает также ряд сведений из истории папства и его реакционной роли в прошлом. Он показывает, как постепенно складывалось политическое и экономическое могущество папства в средневековой Европе, когда католическая церковь являлась одним из крупнейших эксплуататоров. В наше время, замечает В. И. Волгин, Ватикан и его представители связаны тесными узами с миром банков и промышленности. Автор знакомит читателя с организацией современного Ватикана, с его учреждениями и руководящими деятелями, в частности с теми папами, которые возглавляли это средоточие мракобесия в последнее полустолетие. Начиная со Льва XIII, отмечает автор, папство работало над перестройкой католической церкви в целях наибольшего ее приспособления для служения буржуазии. Со второй половины XIX в. главным в деятельности папства становится борьба с социализмом. Отсюда, как показано в книге, в позднейшее время сотрудничество Ватикана с фашистскими государствами и ярая ненависть к СССР и коммунизму. Такой программой руководствовались в политике Пий XI и особенно Пий XII (стр. 24—25). С избранием в 1958 г. нового папы политический курс Ватикана не изменился, и папа Иоанн XXIII также ведет политику, «по сути дела, в том же реакционном, империалистическом направлении, что и его предшественник Пий XII» (стр. 28).

В числе организаций Ватикана имеются специально созданные для ведения антисоветской деятельности. Так, «Руссикум» под видом священников готовит шпионов и диверсантов, которых засылают в СССР и другие социалистические страны (стр. 46—47). Большой интерес в книге представляют данные об ордене иезуитов — одном из наиболее коварных, вероломных и злостных врагов демократии, коммунизма и прогресса.

Некоторые сведения, сообщаемые во второй главе («Всемирный католический спрут»), требуют уточнения, так как в составе руководящих органов Ватикана произошли за последнее время изменения. Например, численность кардинальской коллегии сейчас не 74 человека (стр. 36), а 85 (с марта 1960 г.).

Специальная глава в книге посвящена реакционной политике Ватикана начиная с конца XIX в. и особенно после первой мировой войны, его связям с миром банков и промышленности. Эта глава сообщает сведения о его богатствах, составивших, по некоторым данным, к 1952 г. 11 млрд. долларов (стр. 55), о росте политического влияния католической церкви в США, являющейся ныне «наиболее реакционной церковной организацией, служащей империализму США» (стр. 63).

Говоря об отношении современной католической церкви к науке, автор правильно отмечает, что папство и церковь остались такими же враждебными передовой науке, какими они были в прошлом, когда отправляли ученых на костры инквизиции. Однако ныне они вынуждены считаться с огромными успехами науки и ищут возможности «примирить» научные открытия с религией. В. И. Волгин подчеркивает, что церковники изо всех сил приспосабливаются к современной обстановке и «от методов искоренения науки перешли ныне к лицемерной декларации, объявляющей церковь сторонницей и чуть ли не созидательницей науки» (стр. 76).

В книге приводится и малоизвестный широкому читателю материал о проимпериалистическом политическом курсе Ватикана. Клерикальная и буржуазная пропаганда стремится представить папство как «надклассовую» силу, будто бы отстаивающую демократию и мир. На самом деле во всех

коренных вопросах современности Ватикан, лицемерно выступая на словах за мир, поддерживает агрессивные замыслы империалистов; антикоммунизм и борьбу с социалистическими странами он сделал центральным вопросом всей своей политики. Факты, приводимые В. И. Волгиным, опровергают легенды о «миротворческой миссии» современного папства.

В заключение автор подчеркивает, что проимпериалистическая политика Ватикана углубляет кризис в католическом лагере, вызывает все большее недовольство среди рядовых верующих.

В книге, к сожалению, есть опечатки и некоторые неточности. Так, декрет об отлучении коммунистов от церкви был издан Ватиканом не в 1948 г. (стр. 25, 113), а в 1949 г.; кардинальская коллегия — это не «высший орган католической церкви» (стр. 34), так как неограниченным и верховным главой церкви является папа.

Книга В. И. Волгина написана просто и интересно. Она окажет помощь пропагандисту-антирелигиознику и будет полезна для широкого круга читателей.

М. М. Шейнман

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ *

«Вопросы истории КПСС» № 1. «Документы В. И. Ленина» (документы характеризуют огромную работу В. И. Ленина в 1919—1922 гг. по претворению в жизнь выработанной им политики мирного сосуществования государств с различными социальными системами); «Документы о деятельности Ф. Э. Дзержинского» (публикация содержит некоторые материалы из нового пополнения фонда Ф. Э. Дзержинского, хранящегося в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС); К. П. Абросенко. В. И. Ленин о закономерностях перерастания социализма в коммунизм; С. П. Трапезников. Новый исторический этап в развитии социалистического сельского хозяйства; А. Ф. Васильев. Парторганизации Южного Урала во главе перестройки промышленности на военный лад (1941—1942 гг.); А. А. Бородин, П. П. Бачинский. Компартия Украины в борьбе за осуществление решений VIII съезда РКП(б) по крестьянскому вопросу; А. Р. Корсунский. VII конгресс Коминтерна о едином рабочем и народном фронте; Индржих Веселый. Коммунистическая партия Чехословакии — вдохновитель Словацкого народного восстания 1944 года; В. В. Горбунов, Б. М. Яковлев. Листовка В. И. Ленина о русско-японской войне; А. Я. Казаков. О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б).

«Вопросы истории КПСС» № 2. «Документы В. И. Ленина» (публикуются две группы документов В. И. Ленина. Первая из них составлена из документов нового, XXXVI Ленинского сборника. Вторая группа состоит из впервые публикуемых писем и телеграммы В. И. Ленина, подготовленных к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС); М. Д. Стучебникова. В. И. Ленин о руководящей роли партии в условиях диктатуры пролетариата; М. Волин. У истоков ленинской идеи гегемонии пролетариата; И. И. Минц. Развитие взглядов Ленина на Советы (1905 — апрель 1917 г.); Н. Г. Кристостурьян. В. И. Ленин о роли рабочего класса в строительстве социализма и коммунизма; В. М. Селунская. Разработка В. И. Лениным кооперативного плана; М. И. Сидоров, К. Л. Селезнев. Международный характер ленинизма; Н. Е. Королев. В. И. Ленин и Циммервальдское объединение (февраль — октябрь 1917 года); Н. М. Добротвор, В. П. Фадеев. В. И. Ленин в Нижнем Новгороде; Н. В. Бычкова, И. Б.

* Настоящий библиографический обзор включает исследовательские, дискуссионные, историографические, обзорные статьи, публикации документов и важнейшие сообщения по истории. Содержание других разделов советской периодики представлено выборочно. Обзор сделан по журналам, поступившим в читальные залы Москвы с 1 января по 18 мая 1960 года. Содержание научных трудов и ученых записок, то есть непериодических изданий, вышедших в свет в первой половине 1960 г., будет опубликовано в одном из следующих номеров «Вопросов истории».

Русанова. Пополнение фондов Центрального партийного архива.

«История СССР» № 1. «Об историческом образовании в школе на современном этапе» (передовая); А. Ф. Чумак. Борьба за технический прогресс в Карагандинском угольном бассейне (1950—1957 гг.); П. В. Волобуев. Монополистический капитал и экономическая политика Временного правительства; А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.; М. В. Нечкина. О периодизации истории советской исторической науки; Г. Д. Алексеева. Возникновение советской исторической науки; А. Д. Мамедов. Из истории культурного строительства в азербайджанской деревне в годы пятой пятилетки; А. З. Бегиян, А. В. Вартапетян. Военно-политическая и экономическая помощь Российской Федерации Армянской ССР в 1920—1922 гг.; К. Л. Селезнев. Революционная работа большевиков в войсках интервентов (1918—1919 гг.); А. М. Гак, В. Н. Дворянов, Л. М. Папин. Как был спасен золотой запас России; А. И. Андрущенко. Классовая борьба яицких казаков накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг; И. Ф. Ковалев. Документы по истории калмыцкого народа в ЦГИАЛ; П. А. Ковалев, М. Х. Назаров, А. П. Савицкий. Книги по истории Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане; Г. В. Киселев. Новые труды историков Литвы по истории крестьян в XIX в.; Г. Ловмяньский, Л. Житкович. История СССР в историографии народной Польши; И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии; Б. Спиру. Западногерманские остфоршеры на службе политики реваншизма.

«История СССР» № 2. М. В. Нечкина, М. П. Ким. В. И. Ленин о роли народных масс в истории; Л. С. Гапоненко. В. И. Ленин — великий вождь пролетарской революции и основатель Советского государства; А. Богомолов. В. И. Ленин и внешняя политика Советского государства; А. П. Кучкин. О последних статьях В. И. Ленина; Х. Ш. Иноятов. В. И. Ленин и строительство национальной государственности народов Средней Азии; С. А. Федюкин. В. И. Ленин и проблема привлечения буржуазных специалистов к социалистическому строительству в первые годы Советской власти; О. Д. Соколов. Письма В. И. Ленину из-за рубежа; А. А. Дризулис. В. И. Ленин и революционное движение в Латвии; Б. И. Королев. Борьба В. И. Ленина против ревизионизма и оппортунизма в крестьянском вопросе (1899—1907 гг.); И. А. Гуржий, В. Г. Сарбей. В. И. Ленин о некоторых вопросах истории Украины; В. К. Яцунский. Приемы научного исследования в работах В. И. Ленина по социально-экономической истории; Г. Ф. Дахшлейгер. К истории подготовки постановления ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» (июнь 1920 г.); Т. А. Ремизова. Производственная пропаганда и зарождение групп ударного труда (1920—1921 гг.); А. М. Гиндин. Как большевики овладели Госбанком; А. Ротштейн. В. И. Ленин и политическая жизнь Англии; А. Б. Арутюнян-Аренц. В. И. Ленин и первый съезд народов Востока; Г. С. Жуйков. Сотрудничество В. И. Ленина в газете немецких социал-демократов «Vorwärts».

«Новая и новейшая история» № 1. В. П. Волгин. Французская коммунистическая пресса 40-х годов XIX века; Н. И. Мицкун. О восстаниях в Валенсии летом 1808 года; И. А. Никитина. США и англо-бурская война; В. Н. Виноградов. Внешнеполитическая ориентация правящих кругов Румынии накануне первой мировой войны; А. Ф. Шульговский. Национализация нефтяной промышленности в Мексике; Н. А. Ерофеев. Об оценке некоторых сторон чартистского движения; Л. Н. Нежинский. Из истории укрепления народно-демократического строя в Венгрии (1947—1948 гг.); Б. А. Айзин. Судебный процесс Карла Либкнехта в 1907 году; Ф. И. Нотович. О попытках австрийско-германской дипломатии вовлечь Болгарию в мировую войну в августе 1914 года; М. Ф. Лебович. Революции 1918—1919 годов в Венгрии в освещении венгерской марксистской историографии.

«Новая и новейшая история» № 2. «Неопубликованный документ В. И. Ленина» (впервые публикуемое письмо В. И. Ленина (адресат письма не указан) было написано во второй половине июля 1915 года. Письмо касается проблем международного рабочего движения и тактики большевиков по вопросам войны); Вильгельм Пик. О роли В. И. Ленина в международном рабочем движении; И. С. Галкин. Борьба В. И. Ленина за сплочение революционных сил международного пролетариата; Р. Палм Датт. Ленинизм и английское рабочее движение; Б. Ф. Поршнев. В. И. Ленин о ранних буржуазных революциях; Генрих

Яблоньский. В. И. Ленин о польском рабочем движении; Франсиско Р. Пинтос. Влияние ленинизма на рабочее движение Уругвая; Кнут Бекстрём. Ленин в Швеции в 1917 году; А. Н. Байкова. О беседе В. И. Ленина с членом английской делегации на IV конгрессе Коминтерна; Е. П. Кандель. Новые факты из истории «Манифеста Коммунистической партии»; «40-летие Коммунистической партии Дании» (публикация); «Новые документы о Джузеппе Гарибальди».

«Проблемы востоковедения» № 1. И. И. Потехин. Характерные черты распада колониальной системы империализма в Африке; И. М. Лемин. Политическое содержание современного колониализма; Л. И. Рейснер, Г. К. Широков. Иностранный частный капитал в Индии; Г. Я. Смолин. Крестьянское восстание под руководством Чжун Сяна и Ян Яо (1130—1135); Н. Т. Федоренко. Героическая эпопея «Троецарствие»; В. И. Глунин. 10 лет советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи; Ю. Н. Розалиев. Характер и роль крупного национального капитала в Турции; И. А. Сванидзе. Аграрная политика колонизаторов в Южной Родезии; О. Е. Непомнин. Наем и отходничество крестьян в Китае второй половины XIX—начала XX в.; Г. Зограф. Индийские рукописи из Средней Азии.

«Проблемы востоковедения» № 2. «За глубокое изучение ленинского теоретического наследия о Востоке» (передовая), Хо Ши Мин. Мой путь к ленинизму; С. Н. Ростовский. Ленинское учение о некапиталистическом пути развития; Л. В. Степанов. Ленинские принципы советской экономической политики в отношении независимых стран Востока; А. Е. Ефремов. Бандунгская конференция и рост солидарности стран Азии и Африки в борьбе против колониализма; Д. П. Бугаева. Крестьянские восстания в Японии в 1750—1840 годах; С. М. Алиев. Некоторые факты о знакомстве В. И. Ленина с иранскими прогрессивными деятелями; Н. П. Виноградов. Рабочий класс Китайской Народной Республики; М. А. Персиц. Из истории борьбы за советско-китайскую дружбу; Н. А. Халфин. Новые ленинские материалы по Востоку; А. С. Дергунова. Основоположники научного социализма о колониальной системе капитализма.

«Советская этнография» № 1. Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков; Ч. М. Таксами. Современные нивхские селения и жилища; Б. Л. Рифтин. Современная китайская фольклористика; С. А. Арутюнов. К оценке роли миграций в древней истории Японии; Н. А. Бутинов. Короткоухие и длинноухие на острове Пасхи; М. Чураков. «Новая история Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии Центральной Аравии.

«Советская этнография» № 2. «Торжество ленинских идей (передовая); Т. А. Жданко. Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму); Л. П. Потапов. Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу; В. Белицер, Т. Смирнова. К 30-летию Мордовской АССР; В. А. Александров. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII века; Г. В. Шипунова. Народное искусство коми (узорное тканье, вязанье, вышивка); Л. А. Фадеев. Проблема происхождения культуры Зимбабве; Т. А. Трофимова. Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии; А. Д. Дридзо. Население Кубы.

«Советская археология» № 1. Н. Я. Мерперт. О семилетнем плане Института археологии АН СССР; С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры; П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура; В. В. Седов. Кривичи; И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным; М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII веков; Ю. Л. Щапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия Древней Руси; Г. К. Вагнер. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском; А. М. Негруль. Археологические находки семян винограда; Д. А. Крайнов. К столетию со дня рождения В. А. Городцова.

«Вестник древней истории» № 1. И. А. Стучевский. О специфических формах рабства в Древнем Египте в эпоху Нового Царства; М. А. Дандамаев. Восстание Вахьяздаты (Из истории народных движений в Древней Персии); Б. Б. Маргулес.

Геродот III, 80—82 и софистическая литература; Л. М. Глускина. Социальный аспект eranos — займов в Аттике IV в. до н. э.; В. И. Кузищин. О латифундиях во II веке до н. э.

«Исторический архив» № 1. «Резолюции В. И. Ленина на письмах и телеграммах трудящихся». Подг. Н. В. Бычкова, И. Б. Русанова; «Из истории совхозного и колхозного строительства (к концу восстановительного периода)». Подг. В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, М. И. Рыбинский; «Письма Артема (Ф. А. Сергеева) из Австралии (1911—1913 гг.)». Подг. Л. В. Ахапкина, Н. В. Бычкова, Н. В. Матковский, А. П. Якушина; «О численности и концентрации рабочего класса России накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Подг. Л. С. Гапоненко; «Из истории помощи России сербскому народу в период первого народного восстания». Подг. В. Н. Автократов, Р. Е. Альтшуллер; «К истории крестьянского движения в России в 1775 г.». Подг. А. П. Пронштейн; «О победе отрядов Е. И. Пугачева под Оренбургом». Подг. Р. В. Овчинников; Г. Я. Тарле. Собирание документов по истории народного хозяйства СССР (1917—1931 гг.).

«Исторический архив» № 2. «Новые документы В. И. Ленина» (публикуемые письма В. И. Ленина в основном посвящены вопросам идейной борьбы с ликвидаторами, впередовцами и другими противниками марксизма); «Из переписки ЦК РСДРП с местными партийными организациями (1912—1914 гг.)». Подг. С. Т. Беляков, А. М. Володарская, В. Т. Логинов; «К истории потопления Черноморского флота в 1918 г.». Подг. Т. С. Дмитренко, Н. К. Юрковский; «Документы Ф. Э. Дзержинского по хозяйственным вопросам (1922—1926 гг.)». Подг. Л. К. Виноградов, В. Ф. Кутьев; «Политические и общественные деятели Франции о дружбе с Советским Союзом (1936—1937 гг.)». Подг. Л. С. Митрофанова; «Эпизоды боевой деятельности полка «Нормандия — Неман». Подг. П. Я. Добровольский; «Об установлении связей между СССР и США». Подг. Ф. К. Межлаук, В. В. Постников; «Содружество женщин СССР и США в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Подг. И. К. Бормашова, Л. И. Новицкая; «Финансовая политика царизма в 70—80-х годах XIX в.». Подг. А. П. Погребинский; «Волнения приписных крестьян Вышегородской волости во второй половине XVII в.». Подг. А. П. Гудзинская; Ю. Я. Махина. Работа Н. К. Крупской в Институте Ленина; В. С. Дридзо. История создания и краткий обзор документов фонда Н. К. Крупской; Б. Г. Литвак. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи.

«Вестник истории мировой культуры» № 1. Э. Памленьи. О культурной политике Венгерской Советской Республики; Л. Р. Клецкий. К истории советско-китайских культурных связей в 1949—59 годах; А. Н. Соловьев. Из истории франко-советских культурных и научных связей в 1931—35 годах.

«Вестник истории мировой культуры» № 2. Л. Н. Пажитнов. В. И. Ленин и вопросы культуры; И. Н. Голенищев-Кутузов. Гуманистическое направление в чешской литературе XV—XVI веков; В. А. Путинцев. Герцен в борьбе за передовую, демократическую культуру народов Запада; Л. С. Васильев. Земледелие в Древнем Китае; М. В. Райт. Русские путешественники и ученые в Африке (XV — начало XX вв.).

«Исторические записки». Т. 66. В. Е. Полетаев. Жилищное строительство в Москве в 1931—1934 гг.; И. Ф. Гиндин, Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции; Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. О некоторых спорных проблемах мировоззрения А. Н. Радищева; И. С. Курицын. Рабочая сила на металлургических заводах князей Голицыных во второй половине XVIII в.; С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.); А. Г. Рашин. Рост городского населения в СССР (1926—1959 гг.); Б. В. Ананьич. Россия и концессия д'Арса; А. П. Погребинский. Налоговая политика царизма в Средней Азии в 1860—1880 годах; Я. И. Линков. Начало революционной агитации А. И. Герцена, обращенной к народным массам; В. И. Буганов. О социальном составе участников московского восстания 1662 года.

«Военно-исторический журнал» № 1. Н. Павленко. Решающая роль СССР и его Вооруженных Сил в разгроме германского империализма; М. Спыхальский. О польско-советском боевом содружестве; А. Ковтун-Станкевич. Записки военного коменданта Мукдена; Е. Барвин-

ский. Восстание балтийских моряков в Либаве в 1905 году; «Генеральный план «Ост» (публикация).

«Военно-исторический журнал» № 2. Ф. Голиков. За дальнейшее развитие военно-исторической работы в Советских Вооруженных Силах; А. Гречко. Некоторые вопросы военного искусства в Львовско-Сандомирской операции; Е. Цветаев. Военно-научная деятельность М. В. Фрунзе; Л. Горев. Из истории партизанской борьбы на Украине (1941—1944 гг.); публикации: «Из истории создания Красной Армии в 1918 году», «Из личного архива фельдмаршала Паулюса».

«Военно-исторический журнал» № 3. А. Никитин. Состояние важнейших отраслей промышленности СССР накануне Великой Отечественной войны; И. Тюленев. На Южном фронте (воспоминания о первых месяцах Великой Отечественной войны 1941—1945 годов); Ф. Шестерин. Боевое содружество советских и французских летчиков в Великой Отечественной войне; И. Сорокин. Советские морские десанты в оценке зарубежной военной литературы; А. Фрайман. Формирование первого корпуса Красной Армии в 1918 году; публикации: «Нормандия — Неман», «Из личного архива фельдмаршала Паулюса».

«Военно-исторический журнал» № 4. В. Цветков. Основные черты военного руководства В. И. Ленина; Н. Азовцев. В. И. Ленин во главе обороны Советского государства; И. Ростунов. В. И. Ленин и военная история; С. Кляцкин. Создание единой военной организации советских республик в 1919 году; А. Шурыгин. Борьба с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.); С. Буденный. Встреча с В. И. Лениным в 1920 году; Г. Антонов. Ленин и кремлевские курсанты; С. Шершов. Я видел Ленина; О. Воронова. В. И. Ленин — почетный красноармеец; «Положения о высших органах военного управления» (публикация).

«Исторические науки. Научные доклады высшей школы» № 1. Б. Г. Пименов. Работа партийных организаций по развитию массового шефства города над деревней в восстановительный период; И. В. Анохин. Сельскохозяйственная кооперация Московской губернии в 1921—1930 гг.; Н. А. Ефимов. Из истории легендарной Таманской армии; А П. Корелин. Группа Русско-Азиатского банка в 1914—1915 гг.; З. К. Янель. О некоторых особенностях развития крестьянского хозяйства в Лифляндии в 20—50-е гг. XIX в.; Н. С. Киняпина. Мюнхенгрецкие и берлинские конвенции 1833 г.; А. П. Пронштейн. Характер и особенности заселения Донского края в XVIII в.; А. В. Райков. Деятельность подпольных патриотических организаций в Индии в 1909—1917 гг.; С. И. Сидельников. Взгляды Васила Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии в 60-х — начале 70-х годов XIX в.; Я. М. Захер. Политические и социально-экономические взгляды Жака Ру; Н. Ф. Колесницкий. Характеристика феодальной собственности по королевским и частновладельческим документам Германии X—XII вв.; И. Ш. Шифман. К истории основания Карфагена.

«Преподавание истории в школе» № 1. «За дальнейший подъем исторического и правового образования» (передовая); К. Л. Майданик. Национально-революционная война испанского народа (1936—1939 гг.); А. С. Бланк. Борьба Коммунистической партии Германии против фашистской диктатуры (1933—1945 гг.); А. А. Новиков. Важный этап в организационно-хозяйственном и политическом укреплении колхозов.

«Преподавание истории в школе» № 2. М. Е. Найденов. В. И. Ленин и историческая наука; Ю. В. Тодорский. Ленинское учение о социалистическом государстве; М. В. Парнев. Ленинские идеи пролетарского интернационализма.

«Украинский исторический журнал» № 1 (на украинском языке). П. В. Шостак. Перестройка сельских партийных и комсомольских организаций на Украине в годы коллективизации; Н. И. Горлач. Профсоюзы Советской Украины в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.); П. М. Пономаренко. Борьба Коммунистической партии за организацию партизанского движения против англо-французских интервентов на юге Украины (декабрь 1918 — апрель 1919 г.); А. А. Лысенко. Михайло Павлик и его место в социально-политической жизни Галиции последней четверти XIX столетия; обзоры источников и литературы: Н. И. Компаниец. В борьбе за социальное освобождение и воссоединение с Советской Украиной; В. А. Голобуцкий. Проблема казачества в украинской и иностранной историографии XVI — первой половины XVIII века.

«Украинский исторический журнал» № 2. «Новые документы об Украине, подписанные В. И. Лениным (1918—1920 гг.)»; «Великий вождь и учитель трудящихся» (передовая); Ф. П. Шевченко. В. И. Ленин о познании исторического процесса; И. И. Коломийченко. Торжество ленинского плана социалистического строительства на Украине; Г. Н. Цветков. Ленинский принцип мирного сосуществования побеждает; М. Ф. Лебович. В. И. Ленин о революционных событиях в Венгрии в 1918—1919 гг.; документы и материалы: «Трудящиеся Украины В. И. Ленину (1917—1923 гг.)». Подг. П. И. Павлюк, С. Я. Случевская, Д. С. Щедрина; «Переписка ленинского партийного центра с партийными организациями на Украине в 1901—1912 гг.». Подг. М. И. Горбунова, Р. А. Парфенов, Е. Д. Пухова, Т. Н. Степаненко.

«Известия АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук» № 1. И. А. Исаев. Восстановление и развитие промышленных предприятий Баку (1920—1940) (азерб. яз.); С. Асланов. Подъем производительности труда на промышленных предприятиях Азербайджана в годы первой пятилетки; Р. Каграманов. Из истории развития сельского хозяйства Нахичевани (азерб. яз.); Р. Сеидов. О некоторых пережитках сельской общины в современном Иране.

«Известия АН Белорусской ССР. Серия общественных наук» № 1. У. А. Полуян. Возникновение и деятельность Белорусской крестьянско-рабочей громады в Западной Белоруссии в 1925—1926 гг. (белорус. яз.); И. В. Полуян. Крестьянское движение в Западной Белоруссии в 1932—1933 гг. (белорус. яз.); Е. И. Фирсова. Крестьянское движение в Белоруссии в 40—50-х гг. XIX ст. (белорус. яз.); И. И. Парфенов. Участие белорусского народа в Северной войне (белорус. яз.); В. Д. Будзько. Кельсиевская стоянка — новый памятник костенковско-авдеевской культуры (белорус. яз.).

«Известия АН Латвийской ССР» № 2. К. Мартинсон. О борьбе пролетариата в январские дни 1905 года в Риге; А. Гринберг. О работе Грицанского ревкома в 1919 году.

«Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук» № 1. Т. Б. Бердыев. За дальнейшее развитие гуманитарных наук в республике; Т. Дурдыев. Из истории борьбы за осуществление всеобщего начального обучения в туркменском селе; Н. В. Атамамедов. Работа профсоюзов Туркменистана по охране труда и ликвидации безработицы в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.); Д. М. Реджебов. Из истории рабочего класса Туркменистана; Л. М. Мошев. Укрепление союза рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана (1921—1922 гг.); А. Оразов. К вопросу о земледелии прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в.; С. Б. Лунина. Средневековые штампы для орнаментации керамики из Мерва; В. М. Массон. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии.

«Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук» № 1. И. И. Умняков. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV века; М. А. Батунский. К вопросу о значении научного наследия И. Гольдциера.

«Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук» № 2. А. Х. Бабаходжаев. Ленин и Восток; Д. Г. Мурсалимов. Из истории сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса в Сурхан-Дарьинской области УзССР; Д. А. Салямов. Подготовка кадров рабочего класса в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны; Р. Шарафутдинова. Подготовка учительских кадров в Узбекской ССР в послевоенный период; А. М. Юлдашев. Банки и положение дехканства в дореволюционном Туркестане; М. Т. Абдурасулов. Из истории ростовщического капитала в сельском хозяйстве дореволюционного Туркестана; М. Баратов. О произведении Аль-Газзами «Ким'ё-и Саодат».

«Известия АН Эстонской ССР. Серия общественных наук» № 1. Ю. Кахк. Об историческом фоне крестьянской реформы 1816 года в Эстляндской губернии (эст. яз.); Х. Арумяэ. О политических отношениях буржуазной Эстонии с империалистическими державами в 1920 году (эст. яз.); Э. Тарвел. О выбранцах в Тартуском старостве (эст. яз.).

«Вестник Московского университета. Исторические науки» № 1. К. Г. Левыкин. К вопросу об итогах механизации колхозного производства в годы второй пятилетки (1933—1937); Ю. С. Кукушкин. Участие рабочих в выборах сельских Сове-

тов в 1930—1931 гг. (по материалам РСФСР); М. М. Залышкин. Волнения среди рабочих на строительстве железной дороги Плоешти — Предял в Румынии осенью 1876 г.; Е. Б. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.).

«Вестник Московского университета. Исторические науки» № 2. И. С. Галкин. В. И. Ленин о единстве рабочего класса; Б. Е. Штейн. В. И. Ленин и Генуэзская конференция 1922 года; И. М. Сороковановa. Ленинский план реорганизации ЦКК—РКИ; В. С. Голубцов. В. И. Ленин и образование «Автономной индустриальной колонии Кузбасс»; Ю. Б. Гертман. Вопросы аграрной программы пролетарской партии в произведениях В. И. Ленина 90-х годов XIX века.

«Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы». Вып. 1. А. П. Кознов. Участие петербургских большевиков в созыве и работе VI Всероссийской (Пражской) конференции РСДРП; В. В. Кульвичус. Деятельность литовских большевиков в Петрограде (февраль — октябрь 1917 года); В. И. Зубарев. Мероприятия КПСС по укреплению и совершенствованию советского государственного аппарата в 1930—1933 годах; Г. Л. Курбатов. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV века.

«Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы». Вып. 2. А. Я. Вяткин. Ленинский призыв в партию; П. В. Соловьев. Ленинградские рабочие в борьбе за осуществление ленинских идей о шефстве города над деревней; М. С. Кузьмин. Борьба международного пролетариата за поддержку СССР в 1924—1927 годах; В. Г. Брюнин. В. И. Ленин и германские левые (1917—1918 гг.); И. А. Росенко. Рапалльский договор — важная победа ленинской политики мира; П. И. Борисковский. В. И. Ленин и проблемы закономерностей развития первобытного общества; Н. Г. Сладкевич. В. И. Ленин и Петербургский университет; А. Н. Соловьев. Из истории заключения франко-советского договора о ненападении 1932 года.

Хроника научной жизни

ЛЕНИНСКАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

На историческом факультете Московского университета подготовка к празднованию 90-летия со дня рождения В. И. Ленина ознаменовалась значительным подъемом творческой работы всего коллектива. Кафедры истории СССР советского периода и истории КПСС подготовили и издали юбилейные сборники статей [1]. Вышел специальный выпуск исторической серии «Вестника Московского университета» [2].

«Ломоносовские чтения» 1960 г., посвященные 90-летию со дня рождения В. И. Ленина, стали важным событием в научно-общественной жизни исторического факультета. На юбилейных заседаниях Ученого совета факультета, ученых советов секций и одиннадцати кафедр в апреле было заслушано более 30 научных докладов.

Доклады, заслушанные на сессии, по своей тематике и содержанию могут быть подразделены на четыре основных группы: «В. И. Ленин — вождь Коммунистической партии, основатель и руководитель Советского государства», «В. И. Ленин и вопросы методологии марксистской исторической науки», «В. И. Ленин и некоторые важные проблемы отечественной и всемирной истории», «В. И. Ленин и международное революционное и рабочее движение».

К первой группе относится доклад

[1] «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина». М. 1960; «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства». М. 1960.

[2] «Вестник Московского университета». Серия IV. «Исторические науки», 1960, № 2.

доцента Н. В. Савинченко «Разработка В. И. Лениным новой программы партии в период Октябрьской революции» [3].

Вопросам борьбы Ленина за идейное и организационное единство партии был посвящен доклад доцента А. М. Коптевой. Она рассмотрела формы и методы борьбы за сплочение партийных рядов на основных этапах истории партии.

В докладе доцента Е. Н. Городецкого «В. И. Ленин в Петроградском военно-революционном комитете» был освещен слабо разработанный в исторической литературе вопрос о деятельности Ленина в ВРК в период подготовки и проведения вооруженного восстания, разгрома контрреволюционных сил в первые недели пролетарской диктатуры.

Докладчик показал, как по инициативе и под руководством Ленина складывались и функционировали основные звенья созданного большевистской партией «механизма» восстания. Особое внимание в докладе было уделено структуре, задачам и работе гарнизонного совещания, деятельность которого изучена слабо.

Анализируя работу гарнизонного совещания, собиравшегося 15, 18, 21, 23 октября, Е. Н. Городецкий проследил, как была осуществлена директива В. И. Ленина об установлении постоянной связи со всеми частями гарнизона, о превращении этого совещания в важное звено аппарата восстания, в орудие политической мобилизации и военно-технической подготовки солдатских масс к вооруженной борьбе за власть Советов.

В докладе были охарактеризованы основные направления деятельности ВРК, ставшего главным оперативным органом Советского правительства в период, когда аппарат Совета народных комиссаров и наркоматов находился в процессе формирования. В. И. Ленин принимал непосредственное участие в подборе и направлении комиссаров ВРК на особо ответственные участки. Об этом свидетельствуют некоторые новые документы. Например, недавно был опубликован выданный комиссару ВРК С. В. Косиору мандат, подписанный В. И. Лениным как председателем Военно-революционного комитета [4].

Подводя итоги, Е. Н. Городецкий выделяет три основных периода в деятельности В. И. Ленина в Военно-революционном комитете. Первый период — от создания ВРК до 24 октября. В это время Владимир Ильич занимался вопросами, связанными с формированием Военно-революционного комитета как легального штаба восстания, определением его задач и функций, непосредственным руководством подготовкой вооруженного восстания. Второй период — непродолжительный, но исключительно важный — с 24 по 31 октября. В. И. Ленин руководил всеми действиями вооруженных сил революции из штаба восстания в Смольном. После победы восстания он опирался на ВРК как на главный орган борьбы с антисоветским мятежом. И, наконец, третий период — с 1 ноября по 5 декабря, когда Ленин направлял все силы ВРК на строительство центрального и местного государственного аппарата Советской власти.

Роль В. И. Ленина в организации борьбы молодой Советской республики против интервенционистских и контрреволюционных сил была освещена в докладах кандидата исторических наук Ю. С. Кукушкина «Деятельность В. И. Ленина в Совете рабочей и крестьянской обороны» [5] и доцента Д. А. Коваленко «В. И. Ленин о военном единстве советских республик в годы гражданской войны».

Д. А. Коваленко проанализировал процесс складывания военно-политического единства и организационного оформления военного союза советских республик. В его докладе была дана характеристика важнейших документов, разработанных В. И. Лениным, определявших основные принципы военного единства советских республик. Докладчик остановился также на практическом осуществлении ленинских директив и указаний по данному вопросу.

Доцент В. М. Селунская сделала доклад «История разработки В. И. Лениным кооперативного плана» [6], а кандидат

---

[3] Статья Н. В. Савинченко на эту тему опубликована в юбилейном сборнике кафедры истории КПСС «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства».

[4] «Исторический архив», 1957, № 5.

[5] В юбилейном сборнике «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина» опубликована статья Ю. С. Кукушкина «К вопросу о деятельности В. И. Ленина на посту председателя Совета рабочей и крестьянской обороны в 1918—1920 гг.».

[6] Статьи В. М. Селунской «Разработка В. И. Лениным кооперативного плана» и «История разработки В. И. Лениным кооперативного плана (1918—1923 гг.)» опубликованы в журнале «Вопросы истории КПСС» (1960, № 2) и в юбилейном сбор-

исторических наук А. Ф. Чмыга — «В. И. Ленин и колхозное движение в первые годы Советской власти»[7].

Ряд заслушанных на сессии докладов был посвящен некоторым вопросам ленинской теории культурной революции, роли В. И. Ленина в решении задач культурного строительства в первые годы после победы Октябрьской революции: создание рабфаков (кандидат исторических наук В. И. Бессонова); монументальная пропаганда (профессор И. Л. Маца); проблемы культурного наследия прошлого (доцент А. Ч. Козаржевский); подготовка первого советского географического атласа (А. М. Гак). В этих докладах было показано, как коммунистическая партия, руководствуясь ленинскими идеями, обеспечивает неуклонное прогрессивное развитие советской социалистической науки и культуры.

Постановка и решение В. И. Лениным важнейших вопросов методологии и методики исследовательской работы составляют важную часть ленинского этапа в историографии. Этим проблемам на юбилейной сессии было посвящено несколько докладов.

Доцент Г. Н. Голиков в докладе «В. И. Ленин и советская историческая наука» охарактеризовал огромное методологическое значение наследства В. И. Ленина для становления и развития советской исторической науки.

Развивая и обогащая теорию марксизма, решая сложнейшие вопросы теории и практики революционной борьбы пролетариата, В. И. Ленин вместе с тем углублял и обогащал марксистскую теорию исторического процесса, марксистскую методологию исторического анализа. Уроки и опыт истории ставились В. И. Лениным на службу задачам классовой борьбы пролетариата, освобождения трудящихся от социального и национального гнета, задачам строительства коммунистического общества.

Характерная черта ленинского научного метода — неразрывная связь истории с коренными вопросами современной ему общественной жизни.

В. И. Ленин разрабатывал важнейшие проблемы отечественной и всемирной истории. Ленинский этап в развитии марксистской историографии характерен появлением нового раздела исторической науки, предмет которой составляет история становления и развития социалистического общества.

Ленин положил начало научной разработке истории Октябрьской революции и Советского государства, определил круг основных проблем, указал путь и методы их творческого исследования. В трудах В. И. Ленина, отметил докладчик, определены принципы научного изучения истории пролетарской революции в России, истории строительства социализма и коммунизма, поставлены все важнейшие проблемы экономической, политической, культурной и внешнеполитической истории советского общества.

В. И. Ленин не только идейный основоположник советской исторической науки, но и ее организатор. Он сыграл решающую роль в становлении советской исторической науки, в создании ее центров и учреждений, в подготовке кадров.

На трудах В. И. Ленина советские историки учатся действительно по-марксистски решать проблему связи истории с современностью, истории и политики. Ленинское идейное наследство является неиссякаемым источником творческого обогащения и роста советской исторической науки.

В заключение Г. Н. Голиков подчеркнул, что коммунистическая партия в решениях XX и XXI съездов и в постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» призывает работников общественных наук, в том числе историков, творчески осваивать и продолжать ленинскую традицию — всемерно укреплять связь науки с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

В докладе доцента А. Г. Бокщанина «Учение В. И. Ленина о теории исторического процесса» даны анализ ленинской критики буржуазных историко-философских теорий и ленинских положений о содержании, формах и темпах исторического процесса. Изучение особенностей развития каждой общественно-экономической формации является необходимой предпосылкой определения общего хода исторического процесса.

Доцент М. Е. Найденов в докладе «Некоторые особенности ленинского метода

нике кафедры истории КПСС «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства».

[7] Статья А. Ф. Чмыги «В. И. Ленин и творчество народных масс в колхозном строительстве» опубликована в сборнике «Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина».

исторического анализа» поставил ряд вопросов изучения историографического наследства В. И. Ленина.

Ленинский метод исторического анализа, сказал докладчик, есть конкретизация исторического материализма и его творческое применение к исторической науке в связи с ее задачами и особенностями ее предмета исследования. М. Е. Найденов рассмотрел основные черты ленинского метода анализа исторического процесса. От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков основной путь и в историческом исследовании.

В. И. Ленин был врагом всякого догматизма, схематизма и субъективизма вообще и в подходе к историческим проблемам в частности. Он считал фундаментом научного исследования любого общественно-исторического явления совокупность всех фактов, всесторонне его характеризующих. Сбор фактов Ленин рассматривал как исходный этап процесса научного исследования. Этот этап и является живым созерцанием исторической действительности. Второй этап исследования — объективный научный анализ фактов, установление взаимосвязей и взаимозависимости между ними, определение сущности и характерных черт исторического явления. Это этап абстрактного мышления — важнейшее звено в ленинской цепи диалектического метода.

М. Е. Найденов подчеркнул, что В. И. Ленин считал единственной научной основой объективного анализа фактов классовый подход с позиций пролетарской партийности. Именно с таких позиций он подходил к анализу и оценке явлений и событий экономической, политической и идеологической истории и современной общественной жизни.

Характерной особенностью ленинского метода является последовательный историзм, требующий рассмотрения общественного явления в процессе возникновения, становления и развития. М. Е. Найденов отметил, что исторический подход к явлениям общественной жизни позволяет определить перспективу исторического развития и связывает ленинский метод исторического анализа с общественной практикой, являющейся критерием истинности концепций исторического процесса. Это и составляет третий этап — заключительное звено в ленинском методе исследования.

На пленарном заседании Ученого совета факультета был заслушан доклад академика С. Д. Сказкина «В. И. Ленин об истории средних веков».

Отметив значение марксистского учения о формациях для утверждения истории как подлинной науки, С. Д. Сказкин показал характер и смысл борьбы В. И. Ленина против субъективной социологии народников, ленинский вклад в развитие основных положений исторического материализма. С гениальной глубиной В. И. Ленин творчески применил эти положения к анализу экономического и политического строя России. Задачи разработки стратегии и тактики пролетариата на этапе буржуазно-демократической, а затем социалистической революций, создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства определяли необходимость всестороннего анализа остатков средневековья как в базисе, так и в надстройке. При этом В. И. Ленин как гениальный мыслитель проникал в глубь и сущность явлений и в каждом индивидуальном факте усматривал то общее содержание, что делает его выводы одинаково ценными для понимания не только русского варианта феодальных отношений, но и существа феодальных производственных отношений в целом.

Ленинская характеристика реформы 1861 г., системы отработок, как своеобразного развития крепостничества, аграрного кризиса, который Россия переживала с 80-х годов XIX в., всей реальной действительности русской пореформенной общественной жизни опиралась на глубокий анализ феодальных отношений и их эволюции в сторону капитализма.

Приведя известные ленинские положения о сущности феодальной хозяйственной системы, о соотношении помещичьего и крестьянского хозяйства, о формах эксплуатации и организации производства, С. Д. Сказкин подчеркнул значение выводов В. И. Ленина о том, что помещичья земля обрабатывалась крестьянским инвентарем. Этот ленинский вывод, отметил докладчик, особенно важен, ибо он опровергает ошибочное мнение некоторых историков и экономистов, которые в сеньериальном хозяйстве на так называемой домениальной земле усматривают образец крупного производства. Крупное хозяйство феодала было лишь комбинацией и сочетанием массы мелких индивидуальных хозяйств с мелким индивидуальным производством. Именно поэтому К. Маркс определял мощь феодала не размерами его хозяйства, а ко-

личеством его подданных, имевших самостоятельное хозяйство и плативших ренту своему сеньеру. Ленин не раз указывал, что «крепостнические латифундии — опора мелкого кабального земледелия, а вовсе не крупного производства»[8], что до капитализма и в крестьянском и в помещичьем хозяйстве господствовала гигантская раздробленность производства[9]. Марксистско-ленинское истолкование конкретного историко-экономического материала приводит, сказал С. Д. Сказкин, к выводу, что ни о каком крупном производстве — как бы ни было велико хозяйство средневековья — говорить не приходится.

С. Д. Сказкин показал важное методологическое значение известной ленинской характеристики основных черт феодальных производственных отношений. Опираясь на эту характеристику, докладчик подчеркнул необходимость всегда иметь в виду качественное отличие крупного хозяйства, базировавшегося на мелком индивидуальном производстве (рабовладельческие латифундии и огромные средневековые маноры-сеньерии), от крупного хозяйства, основанного на крупном производстве, зарождение и развитие которого стало возможным только с проникновением капиталистических отношений. Анализируя капиталистическую эволюцию сельского хозяйства вообще и частновладельческого в частности, В. И. Ленин подчеркивал тормозящую роль пережитков крепостничества в развитии всей русской общественной жизни. Дворянские латифундии, отработочная система были источником застоя народного хозяйства, принижения и кабального угнетения крестьянских масс, политического и социального господства «дикого помещика», варварства и отсталости.

В докладе была раскрыта органическая связь, установленная и прослеженная В. И. Лениным, между крепостническими пережитками в аграрном строе России и социальной природой и эволюцией русского самодержавия. С. Д. Сказкин отметил логическую последовательность работы творческой мысли Ленина: от критики самодержавия к учению о государстве вообще и от этого учения — к разработке вопроса о диктатуре пролетариата.

В. И. Ленин творчески обогатил и развил марксистское учение о государстве, его происхождении, сущности, формах и функциях. Революционная практика, подчеркнул С. Д. Сказкин, побуждала В. И. Ленина обращаться к теории и истории государства, в том числе и к истории феодального государства, которое нашло в русском самодержавии наиболее одиозную для второй половины XIX в. форму.

Вопросы, поставленные и освещенные в докладе С. Д. Сказкина, характеризуют огромное значение ленинского теоретического наследства для научной разработки важнейших вопросов социально-экономического и общественно-политического развития целой полосы в истории человечества — так называемых средних веков. Вместе с тем, как подчеркнул С. Д. Сказкин, ленинские положения о феодализме актуальны и в современных условиях, ибо в общественной жизни многих освободившихся и борющихся против колониализма народов сохранились в той или иной степени феодальные отношения.

Профессор Е. В. Гутнова выступила с докладом «Значение трудов В. И. Ленина для разработки проблем историографии средних веков».

Ленинские теоретические труды и конкретные историко-экономические исследования составляют выдающееся явление в развитии историографической мысли. Они открыли ленинский этап в развитии марксистской исторической науки. Без глубокого и всестороннего историографического исследования ленинского научного наследия нельзя создать ни общего марксистского курса историографии, ни отдельных исследований по русской и зарубежной историографии.

В трудах В. И. Ленина советские историки находят важнейшие методологические принципы подхода к историографическим проблемам и образцы их конкретного решения. В. И. Ленин заложил основы научной периодизации истории исторической науки и определил принципы оценки буржуазной историографии на разных этапах ее развития.

Е. В. Гутнова дала затем обстоятельный анализ основных принципов ленинского подхода к изучению и оценке историографических проблем. В. И. Ленин органически сочетал в своем подходе к явлениям историографической мысли принцип партийности и последовательного историзма. Характеризуя домарксовскую историографию как ненаучную, он отмечал прогрессивную роль отдельных историков и целых

---

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 59.
[9] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 271.

школ в период, когда буржуазия была прогрессивным классом. Разоблачая реакционность буржуазной историографии в эпоху империализма, В. И. Ленин не отрицал возможности отдельных достижений в области конкретных исследований. Задачу марксистов в борьбе с реакционной историографией он видел не в огульном отрицании результатов тех или иных исследований, а в разоблачении реакционных историко-философских концепций, в осуждении антинаучных тенденций. Произведения В. И. Ленина, посвященные борьбе против экономического материализма «легальных марксистов», против биологизма в социологии, проповедниками которого выступали эмпириокритик Богданов и историки позитивистского направления, ленинская критика «статистического» метода, оторванного от социально-экономического анализа, являются замечательным вкладом в разработку методологии, в развитие марксистской историографии.

Е. В. Гутнова подчеркнула особенно важное значение для исследования проблем историографии труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», который является действенным методологическим оружием в борьбе с реакционными субъективно-идеалистическими течениями, широко распространенными в современной буржуазной историографии.

В докладе доцента В. В. Кузина «В. И. Ленин и некоторые вопросы источниковедения истории СССР эпохи социализма» отмечалась необходимость усиления источниковедческого исследования документов и материалов по истории советского общества. Для решения этой задачи, отметил докладчик, нужно глубоко изучить ленинское наследие, связанное с источниковедческой проблематикой. Это изучение, по мнению В. В. Кузина, должно идти по следующим основным направлениям: роль В. И. Ленина в создании документальных комплексов по истории советского общества, ленинские указания о классификации источников и характеристика их основных групп, ленинская методика работы над источниками по истории советского общества.

В следующей группе докладов были освещены взгляды В. И. Ленина по некоторым проблемам отечественной и всемирной истории.

Профессор Е. Д. Черменский в докладе «В. И. Ленин о развитии самодержавия в буржуазно-бонапартистском направлении» дал анализ ленинской характеристики социальной структуры абсолютизма и особенностей русского варианта бонапартистской эволюции.

Кратко осветив основные черты бонапартистской политики после третьеиюньского переворота в аграрном, национальном и рабочем вопросах, Е. Д. Черменский сосредоточил основное внимание на анализе думского бонапартизма и соотношения классово-партийных сил начиная с 1907 г. до Февральской революции 1917 года. При этом он высказал соображения о необходимости уточнения некоторых вопросов политической истории России эпохи империализма. К ним, по мнению Е. Д. Черменского, относятся вопросы о соотношении сил в третьеиюньском блоке, о характере и сущности «прогрессивного блока», о существовании двух заговоров накануне Февральской революции 1917 года.

Анализируя программу образовавшегося в августе 1915 г так называемого «прогрессивного блока», борьбу партийных группировок в Государственной думе и ее решения по ряду вопросов, Е. Д. Черменский пришел к выводу, что широко распространенная в литературе версия о распаде третьеиюньского блока и прекращении бонапартистской политики лавирования царизма в годы войны не соответствует историческим фактам. Поэтому несостоятельна и схема «двух заговоров» против назревавшей революции. В основе этой схемы лежит ошибочное представление о полном разрыве накануне февраля 1917 г. между полуфеодальными и буржуазными элементами третьеиюньской системы.

Е. Д. Черменский считает, что тезис о «двух заговорах», впервые выдвинутый в 1936 г. в первом томе «Истории гражданской войны в СССР», а затем прочно вошедший в научную и учебную литературу, связан с неправильной оценкой эволюции царизма и третьеиюньского блока в условиях войны и основан на некритическом отношении к буржуазным источникам.

Тезис докладчика о том, что, по существу, заговоры были фикцией и существовали только на бумаге и в головах их участников, вызвал критические замечания со стороны ряда участников заседания.

Доцент С. И. Антонова в докладе «В. И. Ленин о периодической печати в России периода империализма» изложила взгляды В. И. Ленина на характер и значение периодической печати как оружия

в руках различных классов для выражения и защиты своих интересов. Появление и рост рабочей печати неразрывно связаны со всей историей освободительного движения в России, с историей борьбы пролетариата и его революционной марксистской партии. Организатором и руководителем революционной рабочей печати в России был В. И. Ленин.

Разоблачение В. И. Лениным классовой сущности правой, буржуазно-либеральной, эсеровской и меньшевистской прессы, его высказывания о роли рабочей печати имели большое значение для организации периодической партийно-советской печати после Великой Октябрьской социалистической революции. Оценки, данные В. И. Лениным различным периодическим изданиям, его приемы классового анализа материала газет и журналов имеют большое методологическое значение при исследовании печати как исторического источника.

Доцент И. Д. Ковальченко сделал доклад «В. И. Ленин об этапах революционного движения в России в XIX веке» [10], доцент А. М. Сахаров — «В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России» [11].

С докладом «В. И. Ленин и проблема русской дореформенной мануфактуры» выступил доцент П. П. Епифанов. Советские историки и экономисты, сказал он, внесли большой вклад в изучение русской мануфактуры XVII—XVIII веков. Однако многолетняя дискуссия о характере русской дореформенной мануфактуры до сих пор не завершена. В дореволюционной историографии широкое распространение получила антинаучная теория «крепостной фабрики» в России М. И. Туган-Барановского, П. Струве и др. Эта буржуазно-либеральная концепция была некритически воспринята Н. А. Рожковым и М. Н. Покровским.

Развивая дальше анализ мануфактуры и мануфактурного периода, данный К. Марксом в «Капитале», В. И. Ленин подверг уничтожающей критике антинаучные взгляды народников и «легальных марксистов» на генезис капитализма в России. В. И. Ленин постоянно подчеркивал капиталистический характер русской мануфактуры; он дал полное и глубокое определение основных черт мануфактурного периода капитализма, раскрыл тесную и непосредственную связь русской пореформенной мануфактуры с ее предшествующими зачаточными формами, показал своеобразие русской дореформенной мануфактуры, заключающееся «в применении крепостного труда в промышленности». Труды В. И. Ленина имеют огромное значение для научного освещения истории русской мануфактуры. Затянувшаяся дискуссия о русской мануфактуре и мануфактурном периоде в России может быть решена лишь на основе глубокого усвоения ленинской концепции.

На юбилейных заседаниях кафедр истории средних веков и истории древнего мира были заслушаны доклады о некоторых важных историко-теоретических проблемах этих периодов всеобщей истории.

В докладе доцента Ю. М. Сапрыкина «В. И. Ленин о генезисе капитализма в сельском хозяйстве» были проанализированы ленинские положения о феодализме, об особенностях зарождения и развития капиталистических отношений в земледелии при господстве феодального строя.

Профессор В. И. Авдиев в докладе «Учение В. И. Ленина о возникновении классового государства и его значение для древней истории» раскрыл значение ленинской критики буржуазных теорий «вечного существования внеисторического государства» для разоблачения измышлений современных реакционных буржуазных историков, тенденциозно истолковывающих в целях идеализации древневосточных деспотических государств шумерийские, вавилонские, ассирийские и древнееврейские термины, обозначающие понятия «народное собрание» и «совет старейшин».

В. И. Авдиев на конкретном материале показал методологическое значение ленинского учения о возникновении государства для решения ряда важнейших проблем перехода от родового строя к классовому обществу, для изучения периода военной демократии.

В докладе «Античная философия в «Философских тетрадях» В. И. Ленина» доцент Н. Н. Пикус охарактеризовал ленинский подход к анализу и оценке основных течений древнегреческой философии в связи с общественно-историческими условиями ее возникновения и развития.

В докладах, заслушанных на заседаниях

[10] Статья И. Д. Ковальченко «В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России» опубликована в журнале «Вопросы истории», 1960, № 4.

[11] Статья А. М. Сахарова «В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России» опубликована в журнале «Вопросы истории», 1960, № 4.

кафедр новой истории и истории южных и западных славян, был поставлен ряд вопросов, связанных с деятельностью В. И. Ленина на международной арене, с влиянием его идей на рабочее движение зарубежных стран, с значением ленинского теоретического наследства для изучения истории международного революционного движения и истории развития социалистических идей.

Важному и актуальному вопросу был посвящен доклад профессора И. С. Галкина «В. И. Ленин о единстве рабочего класса»[12].

Доцент Г. Г. Толмачев в докладе «В. И. Ленин о Ноябрьской революции 1918 г. в Германии» дал анализ ленинских взглядов на характер, движущие силы и особенности германской революции и раскрыл значение ленинских указаний по вопросам стратегии и тактики для создания и укрепления Коммунистической партии Германии.

В докладе «Борьба В. И. Ленина за сплочение левых во французском рабочем движении в годы первой мировой войны» доцент Л. А. Бендрикова показала интернациональное значение ленинской характеристики положения во французском рабочем движении и помощи В. И. Ленина левому течению в деле политической, теоретической и организационной консолидации и отмежевания его от оппортунизма и центризма.

Доцент Г. Г. Куранов в докладе «В. И. Ленин о мирном сосуществовании» дал анализ ленинских идей и принципов, определяющих генеральную линию внешней политики советского социалистического государства от его возникновения до наших дней.

Доклад доцента Н. Е. Застенкера был посвящен характеристике значения ленинского теоретического наследия для изучения основных этапов и важнейших проблем истории возникновения и развития социалистических идей.

Доцент И. М. Белявская в докладе «Коммунистическая партия Польши и ленинизм (от I ко II съезду КПП)» на основе анализа материалов КПП, и в том числе некоторых малоизвестных ранее документов, показала, что идеи Ленина, его контакты с польскими коммунистами, опыт большевистской партии и опыт революционного движения в Польше дали возможность польским коммунистам выработать правильную в основном программу и тактику на II съезде КПП в 1923 году. Раскрывая содержание и историческое значение того идеологического перелома в сторону ленинизма, который произошел в КПП между ее I и II съездами, И. М. Белявская охарактеризовала процесс постепенного освобождения польских коммунистов от груза люксембургианских ошибок по крестьянскому и национальному вопросам, от сектантской узости и догматического подхода к решению важнейших вопросов стратегии и тактики революционной борьбы пролетариата в условиях послевоенной Польши.

В ряде докладов было раскрыто влияние ленинских идей на развитие революционно-освободительного движения, на сплочение революционно-интернационалистских сил, на возникновение, идеологическое и организационное укрепление коммунистических партий в Болгарии (доцент И. Н. Частухин «В. И. Ленин о Болгарии периода первой мировой войны и послевоенного подъема революционного рабочего движения»; доцент В. И. Владимирская «Распространение работ В. И. Ленина в Болгарии в 1902—1924 гг.»[13]), в Чехословакии (кандидат исторических наук Б. М. Руколь «В. И. Ленин в воспоминаниях участников революционных событий 1917—1921 гг. в Чехословакии»), в Югославии (кандидат исторических наук И. Д. Очак «В. И. Ленин и югославские народы»).

Ленинская юбилейная сессия показала, что университетский отряд московских историков систематически работает над освоением теоретического наследия великого Ленина и творчески применяет ленинские идеи в исследовании важных проблем истории и историографии.

Юбилейная научная сессия вместе с тем свидетельствовала о необходимости дальнейшего глубокого изучения ленинского историографического наследия, играющего огромную роль в развитии исторической науки и исторического образования, в идейно-теоретическом и методологическом воспитании и подготовке молодых кадров историков-марксистов.

В. И. Злобин, М. И. Хейфец

---

[12] Статья И. С. Галкина «В. И. Ленин о единстве рабочего класса» опубликована в юбилейном выпуске «Вестника Московского университета». Серия «Исторические науки», 1960, № 2.

[13] Статья В. И. Владимирской «Распространение работ В. И. Ленина в Болгарии» опубликована в сборнике «В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства».

НАУЧНЫЕ СЕССИИ В ЛЕНИНГРАДЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В ознаменование 90-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина в Ленинграде состоялись теоретические конференции, ленинские чтения, научные сессии. В Доме политического просвещения областного и городского комитетов КПСС проведена общегородская теоретическая конференция на тему «В. И. Ленин и современное международное коммунистическое и рабочее движение», в которой приняли участие лекторы, пропагандисты, преподаватели кафедр общественных наук, научные работники. Теме «Ленинизм — знамя борьбы советского народа за коммунизм» была посвящена общегородская теоретическая конференция партийного актива, состоявшаяся в актовом зале Смольного.

Широко отмечала ленинские дни научная общественность Ленинграда. 14 апреля на заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института истории АН СССР старший научный сотрудник кандидат исторических наук Ш. М. Левин выступил с докладом «В. И. Ленин — историк революционного народничества». Докладчик отметил, что Владимир Ильич неоднократно писал о народничестве, находя отчетливые истоки его у Герцена и Чернышевского и вместе с тем особо выделяя революционное народничество 70-х годов XIX века. Тема о народничестве занимает большое место в ленинском литературном наследстве. Уделив много внимания спорному в литературе вопросу о времени окончательного оформления «цельной» народнической доктрины, Ш. М. Левин предупреждал против смешения этого вопроса с другим — о первоначальном зарождении и распространении в русском обществе ряда кардинальных идей народничества.

Докладчик остановился также на анализе в трудах В. И. Ленина отдельных периодов и различных направлений народничества 70-х годов.

Доктор исторических наук профессор О. Л. Вайнштейн в докладе «Развитие В. И. Лениным взглядов Маркса на Парижскую Коммуну и разоблачение фальсификации современной буржуазной историографией истории Парижской Коммуны» подчеркнул то большое значение, которое имела история Коммуны, ее опыт и уроки для выработки революционной ленинской тактики. В. И. Ленин не только отстоял в борьбе с отщепенцами марксизма концепцию К. Маркса и Ф. Энгельса о Парижской Коммуне как диктатуре пролетариата, но и всесторонне развил и обосновал ее на основе опыта российского революционного движения.

Вторая часть доклада была посвящена критике современных англо-американских и французских буржуазных ученых, которые фальсифицируют историю Коммуны.

20 апреля в Ленинграде состоялась научная сессия Отделения исторических наук АН СССР. В ее работе приняли участие ученые, преподаватели высших учебных заведений, работники музеев и библиотек. Сессию открыл член-корреспондент АН СССР А. А. Губер.

Член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов выступил с докладом «В. И. Ленин и борьба за мир и разоружение».

Член-корреспондент АН СССР Б. Г. Гафуров выступил с докладом «Ленин и Восток», в котором было показано всемирно-историческое значение ленинского учения по национально-колониальному вопросу.

Старший научный сотрудник ЛОИИ кандидат исторических наук С. И. Аввакумов в докладе «В. И. Ленин и питерские рабочие» на большом фактическом материале показал, что в решающие периоды революционной борьбы рабочего класса России В. И. Ленин непосредственно общался с питерскими рабочими, в которых видел один из самых стойких, организованных и выдержанных отрядов российского пролетариата.

Особенно подробно была освещена в докладе революционная деятельность В. И. Ленина в Петрограде в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

С 13 по 22 апреля в Ленинграде проходила совместная научная сессия Казанского и Ленинградского университетов, посвященная 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Эта встреча ученых двух старейших научных центров страны была глубоко символичной. В Казанском университете учился великий корифей науки В. И. Ленин. В Петербургском университете весной и осенью 1891 г. он сдавал экстерном экзамены по юридическому факультету и получил диплом первой степени. В Казани началась революционная деятельность

Владимира Ильича, в Петербурге-Петрограде она увенчалась всемирно-исторической победой российского пролетариата, заложив основы первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян.

Во вступительном слове «В. И. Ленин и наука» ректор Ленинградского университета член-корреспондент АН СССР профессор А. Д. Александров обрисовал образ Владимира Ильича как гениального ученого и мыслителя, смелого новатора науки, поставившего все достижения современной научной мысли, особенно в области общественных отношений, на службу высшей цели человечества — свержения власти эксплуататоров и строительства коммунизма.

Ректор Казанского университета профессор М. И. Абдрахманов осветил начало революционной деятельности В. И. Ленина в Казанском университете, охарактеризовал нарастание в 80-х годах XIX в. рабочего, крестьянского, революционно-демократического движения в стране. Вместе с тем М. И. Абдрахманов отметил специфические причины превращения Казани в эти годы в один из крупных центров революционной борьбы. Сохранение в Казани и ее губернии весьма многочисленных феодально-крепостнических форм эксплуатации, сочетавшихся с жестоким национальным угнетением, делало процесс капиталистического развития здесь особенно противоречивым и мучительным для трудящихся.

Передовая, революционно настроенная молодежь, составлявшая значительную часть казанского студенчества, на примере тяжелой жизни рабочих и крестьян Казани и Казанской губернии училась понимать страдания всех угнетенных масс России, проникалась твердой волей к революционной борьбе. Казань являлась перевалочным пунктом сибирской ссылки. В конце XIX в. здесь находилось много активных участников революционного движения, передававших передовой молодежи свой опыт борьбы, свою ненависть к миру эксплуататоров.

В этой обстановке у Владимира Ильича окончательно сформировалась непоколебимая решимость отдать всего себя делу освобождения трудящихся. Он стал активным участником революционного движения казанского студенчества. В декабре 1887 г. семнадцатилетний Володя Ульянов за революционную деятельность подвергся первому аресту и высылке в деревню Кокушкино под негласный надзор полиции.

Через год Владимир Ильич снова вернулся в Казань. За плечами был год напряженного изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин нашел свою дорогу революционера-марксиста. Вступление осенью 1888 г. в один из казанских марксистских кружков, организованных Н. Е. Федосеевым, помогло Владимиру Ильичу еще более укрепиться на избранном пути.

М. И. Абдрахманов говорил о связях федосеевского кружка, в котором состоял В. И. Ленин, с петербургскими группами марксистского направления, а также об активном участии Владимира Ильича в организации студенческого движения в Казанском университете. «В казанский период,— резюмировал докладчик,— у В. И. Ленина формируется революционное марксистское мировоззрение. Казань явилась началом пути великого вождя угнетенных масс, корифея науки, гения революции».

Доцент А. П. Харитонов и ассистент В. Ф. Семенов (Казанский университет) в докладе «От революционного демократизма к марксизму» показали на ряде примеров из истории Казанского университета преемственную связь идейной жизни революционной демократии 60-х и 80-х годов XIX века.

Доктор исторических наук профессор В. В. Мавродин (ЛГУ) в своем докладе показал, как В. И. Ленин изучал вопросы классовой борьбы крестьян в феодальной России. Докладчик подчеркнул, что большое внимание Владимира Ильича к истории русского крестьянства, его борьбе за освобождение было подчинено высшему интересу — разработке вопроса о союзе пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической и социалистической революциях. В заключение докладчик остановился на ленинских идеях о решающей роли руководства рабочего класса в борьбе крестьянства за свое социальное освобождение.

Доктор исторических наук А. И. Данилов (Казанский университет) рассказал о критике буржуазной историографии в произведениях В. И. Ленина. В этой области, отметил докладчик, Владимир Ильич дал блестящий образец развития и конкретного применения принципа партийности в общественных науках. Он развил марксистские взгляды на роль буржуазной общественной науки, в том числе буржуазной историографии, в классовой борьбе меж-

ду пролетариатом и буржуазией, развеял миф о беспристрастности буржуазных ученых.

В. И. Ленин, отметил докладчик, придавал решающее значение выяснению идейно-методологической направленности буржуазной исторической науки. Вместе с тем Владимир Ильич не только не отрицал возможности создания этой наукой ценных работ в некоторых специальных областях исторического знания, но и подчеркивал необходимость использования этих работ марксистами. «Суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками»...,— и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов» [1],— писал В. И. Ленин.

В докладе кандидата исторических наук И. А. Росенко (ЛГУ) получили освещение некоторые важные вопросы ленинской внешней политики Советского государства во время заключения Рапалльского договора с Германией в 1922 году. Это была одна из важных вех в осуществлении выдвинутого Владимиром Ильичем принципа мирного сосуществования двух различных социальных систем на основе полного равноправия, взаимной выгоды и уважения суверенитета договаривающихся сторон.

Кандидат исторических наук И. Я. Трифонов (ЛГУ) осветил некоторые вопросы ленинского учения о классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму. В. И. Ленин, подчеркнул докладчик, развил и обогатил новыми положениями научную теорию о классах и классовой борьбе. Марксизм, писал В. И. Ленин, «есть теоретическое обоснование уничтожения классов» [2].

В. И. Ленин определил основные этапы ликвидации эксплуататорских классов в переходный период. Первый и притом решающий этап — свержение господства эксплуататорских классов и установление диктатуры пролетариата. Второй — ликвидация эксплуататорских классов помещиков и капиталистов. Третий и самый длительный — ограничение, а затем и ликвидация нэпманской буржуазии и кулачества, социалистическое преобразование мелкого крестьянского хозяйства. Докладчик осветил формы классовой борьбы в переходный период, показал значение великого опыта Советского Союза в создании бесклассового общества для стран социалистического лагеря.

Доцент А. С. Шофман (Казанский университет) посвятил свой доклад малоизученному вопросу о взглядах В. И. Ленина на национально-освободительное движение балканских народов.

Труды В. И. Ленина, подчеркнул докладчик, сыграли выдающуюся роль в формировании марксистского мировоззрения балканских революционеров, в их борьбе с оппортунизмом, в руководстве национально-освободительным движением.

Кандидат исторических наук доцент С. А. Могилевский (ЛГУ) посвятил свое выступление борьбе В. И. Ленина против международного оппортунизма в 1917—1922 годах. Докладчик отметил, что советскими и прогрессивными зарубежными авторами проделана большая работа по изучению роли В. И. Ленина в международном рабочем движении, по разоблачению буржуазной историографии, стремящейся принизить международное значение ленинизма. Однако ряд вопросов еще недостаточно освещен в литературе. К их числу относится многообразная по формам и методам борьба В. И. Ленина против лидеров социал-демократических партий, Международного социалистического бюро, а затем II и II$^1/_2$ Интернационалов после Октябрьской революции.

На значительном фактическом материале С. А. Могилевский показал, как В. И. Ленин своей непримиримой последовательной борьбой против международного оппортунизма учил и воспитывал молодые коммунистические партии, вошедшие в Коммунистический Интернационал. В этой борьбе Владимир Ильич творчески развивал и обогащал новыми положениями свое учение о партии, о революции, о диктатуре пролетариата. Он систематически разоблачал сторонников так называемой «чистой демократии» как врагов рабочего класса, апологетов буржуазного строя. Главный огонь Владимир Ильич направлял против центризма, как наиболее опасной разновидности международного оппортунизма.

В. И. Ленин разработал вопросы тактики единого фронта рабочего класса в борьбе против капитала, выдвинутой Коминтерном. Благодаря ленинскому руководству коммунистические партии быстро справились с трудностями роста, укрепились идейно и организационно, успешно выполнили вставшие перед ними задачи.

Наряду с докладами на научной сессии

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 328.
[2] В. И. Ленин. Соч., Т. 30, стр. 472.

двух университетов были заслушаны также сообщения на заседаниях кафедр исторического факультета ЛГУ. Значительный интерес вызвало выступление кандидата исторических наук доцента Р. С. Мнухиной «В. И. Ленин и венгерское рабочее движение». Р. С. Мнухина рассказала о тесных связях Владимира Ильича с венгерским рабочим движением. Она отметила, как В. И. Ленин с поразительной силой проникновения в ход исторических событий предсказал неминуемый распад габсбургской монархии. Особое внимание в докладе было уделено ленинской оценке создания в 1919 г. Венгерской Советской Республики и уроков ее героической борьбы против сил международной реакции.

Кандидат исторических наук доцент В. Г. Брюнин посвятил свой доклад отношению В. И. Ленина к германским левым социал-демократам. На большом конкретном материале докладчик показал, что Владимир Ильич, критикуя левых, вместе с тем бережно выделял революционное содержание в их программе и деятельности.

Кандидат исторических наук доцент Н. Я. Иванов выступил с докладом по мало освещенному в литературе вопросу о разоблачении В. И. Лениным контрреволюционного заговора накануне Октябрьского вооруженного восстания («второй корниловщины»).

Ряд докладов, посвященных В. И. Ленину, сделали профессора и доценты кафедр философии, политической экономии, истории КПСС.

Научные сессии и заседания кафедр, прошедшие на высоком научно-теоретическом уровне, свидетельствуют, что сокровищница ленинского теоретического наследства поистине неисчерпаема. В выступлениях были поставлены многие новые вопросы исторической науки, вытекающие из трудов В. И. Ленина и ждущие своего дальнейшего исследования.

Н. Я. Иванов, А. Л. Фрайман

15-ЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ

7 апреля 1960 г. в Институте истории АН СССР состоялось расширенное заседание сектора новейшей истории западноевропейских стран, посвященное 15-летию освобождения Венгрии от гитлеровских оккупантов.

С докладом «15 лет борьбы и побед народной Венгрии» выступил кандидат исторических наук Л. Н. Нежинский. Докладчик рассказал о ходе демократических преобразований Венгрии в период 1944—1948 гг., а также об успехах социалистического строительства в Венгерской Народной Республике в годы первой пятилетки (1950—1954 гг.), когда уровень промышленного производства страны возрос по сравнению с 1938 г. в 3,5 раза и народная Венгрия превратилась в индустриально-аграрную страну. Однако созидательный труд венгерского народа был прерван контрреволюционным мятежом в октябре — ноябре 1956 года. Контрреволюция нанесла народному хозяйству Венгрии ущерб, исчисляющийся в 22 млрд. форинтов, что составляет $^1/_4$ годового национального дохода.

Докладчик отметил, что после разгрома мятежа венгерский народ самоотверженным трудом с помощью стран социалистического лагеря восстановил к 1960 г. экономику страны: безработица в промышленности и сельском хозяйстве была ликвидирована; к 1958 г. зарплата рабочих и служащих повысилась по сравнению с 1949 г. на 56%, реальные доходы крестьян — на 26%, объем жилищного строительства увеличился на 65%.

VII съезд ВСРП в 1959 г. рассмотрел план развития народного хозяйства на 1961—1965 гг., согласно которому промышленное производство в стране возрастет по сравнению с 1958 г. на 65—70%, продукция сельского хозяйства — на 30—32%, производительность труда—на 37—40%, национальный доход страны увеличится в 1,5 раза.

Кандидат исторических наук А. И. Пушкаш сделал доклад «О некоторых вопросах социалистического преобразования сельского хозяйства Венгерской Народной Республики в 1949—1960 гг.». Докладчик подчеркнул, что социалистическое преобразо-

вание сельского хозяйства в Венгрии проходило в условиях острой борьбы. Реакционные буржуазные партии, помещики, кулаки выступали против организации производственных кооперативов в деревне.

Реакционные силы, подготовившие контрреволюционный мятеж осенью 1956 г., рассчитывали, что крестьянство станет на сторону мятежников. Но их надежды не оправдались — крестьяне с оружием в руках защищали свои кооперативы.

Докладчик подчеркнул, что в настоящее время основной формой производственного кооператива в Венгрии является кооператив, в котором обобществлены основные средства производства, распределение доходов производится по труду с выплатой земельной ренты при отчислении 5% в общекооперативный фонд.

К VII съезду ВСРП социалистический сектор охватывал 50% пахотной площади страны, а в феврале 1960 г. производственные кооперативы и госхозы обработали 70% пахотных земель. Целые районы Венгрии добились сплошного кооперирования. Общее число членов кооперативов в это время составляло 870 тысяч. Вспашка земли в кооперативных хозяйствах механизирована на 95%, уборка зерновых — на 70%, обработка пропашных культур — на 60%.

Успехи социалистического преобразования сельского хозяйства Венгрии свидетельствуют об упрочении народно-демократического строя и укреплении союза рабочего класса и трудового крестьянства. Недалек тот день, когда социалистическое преобразование сельского хозяйства Венгрии будет завершено.

С большим интересом собравшиеся прослушали выступление генерал-майора И. Н. Виноградова, который передал приветствие и поздравления венгерскому народу от участников битв за освобождение Венгрии, поделился воспоминаниями о боях Советской Армии за освобождение Венгрии от фашистского ига и рассказал, как в ходе этих боев укреплялась дружба советского и венгерского народов.

На заседании присутствовал советник посольства Венгерской Народной Республики в СССР Петер Кош.

К. Н. Бараков

К 150-ЛЕТИЮ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

12 мая 1960 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института истории АН СССР, посвященное 150-летию начала войны за независимость в Латинской Америке.

С докладом «Основные проблемы войны за независимость 1810—1826 гг. в Латинской Америке» выступил кандидат исторических наук Н. М. Лавров. Без пристального изучения войны за независимость, отметил докладчик, невозможно понять тот исторический путь, который прошли за 150 лет образовавшиеся на развалинах колониальных владений Испании и Португалии государства Латинской Америки. Важность исследования данной проблемы в настоящее время возрастает в связи с попытками современных апологетов колониализма переписать историю заново. Такие попытки делают, в частности, известные буржуазные историки Г. Б. Паркс, А. Уайтекер (США), Э. Гандиа, Р. Левене (Аргентина), Капдекл и Мадариата (Испания) и др., которые отрицают освободительный характер войны за независимость, стремясь доказать, что колонии «вовсе не были колониями», а являлись якобы равноправными провинциями Испании и Португалии. События 1810—1826 гг. они рассматривают как проявление внутреннего конфликта между различными частями империй. При этом, как правило, решающая роль приписывается всякого рода внешним факторам (например, вторжению в Испанию и Португалию наполеоновских армий).

Докладчик убедительно показал, что война за независимость была порождена объективным развитием внутренних социально-экономических факторов в колониях и явилась прежде всего выражением глубокого кризиса многовекового режима колониализма.

В конце XVIII — начале XIX в. народное движение и креольские выступления, подчеркнул Н. М. Лавров, стали постепенно сливаться в общий поток, направленный против колонизаторов. Большую роль в объединении национальных сил играла патриотически настроенная интеллигенция, представители которой создавали организации для подготовки революционных вооруженных выступлений против ненавистного колониального режима. Росту освободительного движения в Латинской Америке содействовали такие важные события, как война за независимость английских колоний в Америке, Великая французская революция. На рубеже XVIII—XIX вв. уже начались антиколониальные выступления в Латинской Америке (успешная борьба рабов-негров острова Гаити в 1791—1803 гг. против французских колонизаторов, героическое и успешное сопротивление населения Буэнос-Айреса и Монтевидео попыткам английской интервенции в 1806—1807 гг.). Борьба против колонизаторов вступала в новую фазу — в фазу вооруженной войны патриотических сил за независимость.

В докладе Н. М. Лаврова были намечены два общих этапа войны за независимость: первый — 1810—1815 гг. и второй — 1816—1826 годы. В начале борьбы патриоты нанесли испанским войскам ряд серьезных ударов, но к 1815 г. колонизаторам удалось все же восстановить в большинстве районов свое господство. Однако их победа была неполной и временной.

Особенно важную роль в дальнейшем подъеме борьбы за независимость стала играть Ла-Плата, где испанцам не удалось восстановить свое господство.

Докладчик подверг критике высказывания буржуазных историков о том, что независимость Бразилии была достигнута якобы без участия народа, мирным путем, вследствие волеизъявления монарха. Н. М. Лавров на конкретных фактах показал, что главную роль в борьбе против колонизаторов сыграли широкие трудящиеся массы Латинской Америки — индейцы-крестьяне, гаучо, льянерос, негры-рабы, рудокопы, городская беднота, ремесленники, мелкие торговцы. Активное участие в освободительном движении принимали патриотически настроенная интеллигенция, низшее духовенство, а также креольские купцы и помещики. Докладчик обратил особое внимание на необходимость изучения противоречий внутри антииспанского лагеря, в частности классовых противоречий, без чего нельзя правильно понять социальную сторону войны за независимость.

Изучение войны за независимость в Латинской Америке, отметил Н. М. Лавров, у нас фактически только начинается. Перед нами стоит задача создать монографические исследования, посвященные происхождению войны, ее движущим силам, характеру и целям, решающей роли масс в войне и т. д.

Кандидат исторических наук А. И. Штрахов посвятил свое выступление освободительному движению в 1810—1816 гг. на Ла-Плате. Он подверг критике буржуазную школу «исторического ревизионизма» (Э. Гандиа, Э. Паласио, Ф. Ибаргурен и др.), сторонники которой извращенно трактуют вопрос о предпосылках и характере освободительного движения в Аргентине. К концу XVIII в., отметил А. И. Штрахов, вопреки тормозящему влиянию испанского колониализма на Ла-Плате уже получили некоторое развитие элементы капиталистических отношений, появились значительные слои купечества, ремесленников, кустарей. Эти слои составили передовую часть патриотических сил, боровшихся против колонизаторов.

Кандидат исторических наук М. С. Альперович осветил в своем выступлении основные этапы войны за независимость в Мексике. В отличие от большей части Южной Америки в Мексике наиболее массовый и демократический характер освободительное движение носило на первом этапе (1810—1815 гг.). Основную массу борцов против испанского колониального гнета составляли здесь крестьяне-индейцы, негры-рабы, горнорабочие, ремесленники, городская беднота, мелкая буржуазия городов, часть интеллигенции, офицеров, чиновников, низшего духовенства.

Первоначально к восставшим примкнули также представители креольской помещичье-буржуазной верхушки, которые стремились к независимости, но отнюдь не считали нужным менять существовавший социальный строй. Большинство же повстанцев было заинтересовано в ликвидации феодальных порядков, рабства, в проведении демократических преобразований. Видя в антифеодальном характере народного движения угрозу своим классовым интересам, помещики и купцы, а с ними часть чиновников и офицеров, как правило, переходили на сторону колонизаторов. Это яв-

ление, отметил М. С. Альперович, было характерно для всего первого этапа войны за независимость в Мексике, который, в свою очередь, подразделяется на два периода: сентябрь 1810 — март 1811 гг.— народное восстание под руководством Идальго; с середины 1811 г. до конца 1815 г.— развертывание широкого партизанского движения против колонизаторов под руководством Морелоса, В. Герреро, М. Матаморо, братьев Браво и др.

На втором этапе войны за независимость в Мексике (1816—1826 гг.) борьба продолжалась, но уже не носила прежнего массового характера.

Кандидат исторических наук Б. И. Коваль осветил вопрос о социально-экономических предпосылках движения за независимость в Бразилии. Главное внимание он уделил проблеме рабства. В португальской колонии Бразилии вплоть до XIX в. число рабов превышало свободное население. Развитие здесь товарного производства все больше требовало освобождения от колониальной регламентации и ограничений, навязанных Португалией. Класс плантаторов-рабовладельцев и тесно связанная с ним местная торговая буржуазия все активнее стремились к самостоятельности на международной арене и внутри страны. В ходе самой ожесточенной борьбы масс в 1822 г. Бразилия завоевала независимость, хотя рабство и монархическая форма правления сохранялись вплоть до конца 80-х годов XIX века.

Кандидат исторических наук Л. Ю. Слезкин остановился в своем выступлении на политике России и отношении русской общественности к войне за независимость в Латинской Америке. Политика России, подчеркнул он, отнюдь не лимитировалась ее принадлежностью к Священному союзу, как это считают многие буржуазные ученые, поскольку было ясно, что Испания уже не сможет вернуть свои владения в Америке. Царское правительство, симпатизируя «законному» испанскому монарху, тем не менее придерживалось политики нейтралитета. Это определялось тем, что Россия не имела непосредственных интересов в Латинской Америке, видела фактическое бессилие Испании. Русское правительство учитывало также не только настроение русской общественности, выражавшей свои симпатии повстанцам, но и международное положение. Ни Россия, ни Священный союз, сделал вывод Л. Ю. Слезкин, не предпринимали каких-либо приготовлений для осуществления интервенции в страны западного полушария. Л. Ю. Слезкин привел ряд данных о том, как война за независимость в Латинской Америке влияла на формирование мировоззрения русских декабристов.

Кандидат исторических наук Н. Н. Болховитинов затронул вопрос о политике США в Латинской Америке в период войны за независимость. Главное внимание он уделил критике буржуазной историографии, пытающейся доказать якобы благожелательное отношение США к борьбе восставших народов Латинской Америки (У. Мэннинг, Д. Локки, Ф. Паксон, С. Ф. Бемис и др.). На ряде конкретных исторических фактов Н. Н. Болховитинов показал, что правящие круги США преследовали свои эгоистические цели, нисколько не заботясь об интересах народов Латинской Америки. Народы стран Латинской Америки добились независимости только в результате своих собственных героических усилий в ходе ожесточенной и длительной борьбы против колонизаторов.

Научная сессия, посвященная 150-летию начала войны за независимость в Латинской Америке, вызвала интерес большого круга специалистов.

Б. И. Колыбин

60-ЛЕТИЕ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В. И. ШУНКОВА

Отделение исторических наук АН СССР отметило шестидесятилетие со дня рождения и тридцатипятилетие научной деятельности заместителя академика-секретаря Отделения, директора Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР, доктора исторических наук Виктора Ивановича Шункова. В торжественном заседании участвовало более 200 человек, представлявших различные научные учреждения Москвы.

О вкладе юбиляра в изучение истории

Сибири XVII—XVIII вв. рассказал открывший заседание академик Б. А. Рыбаков. Академик М. Н. Тихомиров, заместитель директора Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР доктор исторических наук З. К. Эггерт, директор Института истории АН СССР член-корреспондент Академии наук СССР В. М. Хвостов, доктор исторических наук Л. В. Черепнин в своих выступлениях подробно охарактеризовали научно-исследовательскую деятельность В. И. Шункова, значение его трудов по важнейшим проблемам истории производительных сил Сибири XVII—XVIII вв., русского крестьянства, ясачного нерусского населения Сибири, и прежде всего фундаментальных монографий: «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в.» и «Очерки по истории земледелия в Сибири XVII в.». Была отмечена также большая научно-организационная работа В. И. Шункова в Институте истории, Фундаментальной библиотеке по общественным наукам, Отделении исторических наук.

С приветствиями в адрес юбиляра выступили начальник Библиотечной инспекции Министерства культуры СССР Н. Ф. Гаврилов, директор Библиотеки АН СССР Г. А. Чеботарев, директор Государственной библиотеки имени В. И. Ленина И. П. Кондаков, директор Всесоюзной книжной палаты Н. Н. Кухаренко, ученый секретарь Библиотечной комиссии при Президиуме АН СССР М. В. Варфоломеева, доктор исторических наук А. А. Новосельский (от Археографической комиссии при Отделении исторических наук), главный редактор журнала «Вопросы истории» доктор исторических наук В. Г. Трухановский, главный библиотекарь Всесоюзной библиотеки иностранной литературы Р. С. Гиляровский и другие. К поздравлениям и пожеланиям творческих успехов и здоровья юбиляру присоединились историки Иркутска, Томска, Бурятии. На имя В. И. Шункова было получено более 30 приветственных адресов, около 100 телеграмм и большое количество писем.

Виктор Иванович Шунков горячо поблагодарил собравшихся за внимание и заверил их в том, что отдаст все свои силы развитию советской исторической науки.

С. М. Пенчковская

Хроникальные заметки

◆ 12—14 мая 1960 г. в Баку проходила объединенная научная сессия Академии наук СССР и академий наук Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, посвященная 40-летию установления Советской власти и создания Коммунистической партии в Азербайджане.

На пленарном заседании академик АН Аз. ССР И. А. Гусейнов выступил с докладом «Установление Советской власти в Азербайджане». Роль дружбы народов СССР в строительстве социализма и коммунизма в Азербайджане раскрыл в своем докладе академик АН Аз. ССР А. С. Сумбатзаде. Академик АН Арм. ССР, старый большевик, один из комиссаров Бакинской коммуны, А. Б. Каринян, поделился воспоминаниями о революционном движении в Баку, рассказал о нерушимом интернациональном единстве бакинских пролетариев.

С докладами о развитии науки в республиках Закавказья в годы Советской власти выступили вице-президент АН Груз. ССР Р. Р. Двали и президент АН Аз. ССР Ю. Г. Мамедалиев.

На заседаниях секции исторических, философских и правовых наук были заслушаны доклады академика И. И. Минца («Государственный гений В. И. Ленина»), академика М. Б. Митина («Философские тетради» В. И. Ленина — выдающийся вклад в развитие марксистской диалектики»), члена-корреспондента АН СССР М. Д. Каммари («Некоторые вопросы развития национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма»), академика АН Аз. ССР А. А. Ализаде («Развитие востоковедения в Азербайджане»).

С докладами на заседаниях секции выступили также доктора исторических наук А. Б. Арутюнян (Ереван) и Е. А. Токаржевский, кандидаты исторических наук И. М. Джафарзаде (Баку), Н. И. Струва (Тбилиси), З. Шихлинский, Э. Мамедов (Баку) и другие.

Сессия показала важность и необходимость разработки ряда научных проблем путем совместных усилий историков из различных республик, способствовала укреплению творческого содружества ученых Азербайджана, Армении, Грузии, РСФСР.

◆ 18 июня 1918 г. российские моряки, выполняя свой долг перед революционным Отечеством, по ленинскому указанию затопили на Новороссийском рейде корабли Черноморского флота. Научными сотрудниками Центрального государственного архи-

ва Военно-Морского Флота при активной помощи капитана 2-го ранга А. И. Киселева расшифрована разыскивавшаяся в течение сорока лет радиограмма председателя Совнаркома В. И. Ленина и председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, содержавшая приказ о потоплении кораблей Черноморского флота. В радиограмме говорится: «Вести свою особую политику против воли Центрального Исполнительного Комитета флот не имеет права. Флот в Новороссийске отстоять себя не может. Следовательно, из положения есть только два выхода: либо уничтожить флот, либо перевести его в Севастополь. Агитаторы, которые при этих условиях говорят о боевых действиях флота,— либо безумцы, либо провокаторы. Немецкие военные власти хотят вызвать флот на какую-либо авантюру, чтобы занять Новороссийск, как они заняли Севастополь. Тогда они овладеют флотом по праву войны и будут употреблять его против нас и против союзников.

Ответственность за это падет на головы безумцев и преступников, не считающихся с общим положением страны и ее военных сил.

Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. В противном случае флот будет объявлен вне закона...»

◆ В Смоленском областном краеведческом музее (Соборный двор) открылась выставка рукописных и печатных памятников X—XVIII веков. На выставке представлены уникальные книги и документы, отражающие историю русской графики. Большой интерес вызвали замечательные памятники на пергаменте—«Греческая рукопись» XII в. и «Служебник», орудия письма XII—XIII вв., найденные при раскопках в Смоленске — «стили», или «писала», которыми писали по навощенным дощечкам и на бересте. Интересны образцы первой печати — книги первопечатника Ивана Федорова (1588 г.) и «Апокрисис», напечатанный в Вильно в 1597 г., а также книги начала XVII в.— «Шестоднев» и первопечатная «Лествица», с первыми печатными гравюрами. Демонстрируются также уникальный документ — подлинник рукописи Петра I и Указ подполковнику Вырубову о наблюдении над оружейными заводами, памятники скорописи XVII—XVIII вв., так называемые свитки, жалованная грамота на пергаменте с большой вислой печатью. Экспонируется ряд книг, отпечатанных новым шрифтом: «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова, первые издания Российской Академии наук, Московского университета и газета «Санктпетербургские ведомости» (1784 г.). В одной из витрин показаны народные книги XVIII в. в лубочном издании.

◆ Научные сотрудники Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР закончили изучение оборонительной стены, окружавшей Бухарский оазис. Ее длина — около 350 километров. Впервые установлено, что такие стены, называемые «кампор деворами», в разные времена были сооружены вокруг отдельных оазисов, а потом соединены в одну оборонительную систему протяженностью более тысячи километров.

◆ В Риге ведется реставрация ценного памятника старины — Домского собора, построенного в 1226 году. Одновременно с капитальным ремонтом будут восстановлены в первоначальном виде старинные фрески, стенные фамильные гербы с эпитафиями, уцелевшие художественные витражи.

◆ В Институте истории АН СССР состоялось заседание ученых Москвы и Элисты и авторского коллектива первого тома «Очерков истории Калмыцкой АССР» (период до Великой Октябрьской социалистической революции). Были обсуждены некоторые проблемы, возникшие в ходе работы над этим трудом (вхождение калмыков в состав России; характер общественного строя калмыков в XVII в.; характер калмыцкой государственности до и после создания ханства; оценка ухода части калмыков в Джунгарию в 1771 г.; сущность политики царизма в отношении калмыков на различных ее этапах). На заседании были затронуты также вопросы периодизации истории культуры калмыцкого народа, времени складывания калмыков в народность, расширения круга источников по истории Калмыкии начала XX в. и др. По мнению участников заседания, указанные вопросы, как и дальнейшая разработка общей периодизации истории калмыцкого народа, требуют более детального обсуждения на специальном совещании. В написании «Очерков» участвуют историки Калмыцкой АССР и центральных научных учреждений.

◆ В Туркменской ССР в связи с 40-летием ликвидации Закаспийского фронта и окончания гражданской войны в Туркмении по инициативе местных архивных учреждений были организованы выставки в городах Ашхабаде, Мары, Ташаузе и Чарджоу. Работники архивов республики выступили с лекциями на предприятиях, в учреждениях и школах. В специальном выпуске киножурнала «Советский Туркменистан» были широко использованы материалы Центрального государственного фотоархива ТССР. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина по инициативе Архивного отдела МВД ТССР совместно с Таджикским филиалом ИМЛ при ЦК КПСС был издан на русском и туркменском языках сборник документов «Трудящиеся Туркменистана В. И. Ленину». Большая часть документов, помещенных в нем, публикуется впервые.

«Перспективным планом научно-исследовательской работы госархивов ТССР на 1960—1965 гг.» предусмотрена подготовка сборников документов, количество которых вдвое превышает общее число публикаций, изданных в республике до 1960 года. Намечено издать, в частности, сборники документов «Туркменистан в период восстановления народного хозяйства (1920—1925 гг.)»; «Образование Туркменской ССР»; «Коллективизация сельского хозяйства в Туркменской ССР (1928—1933 гг.)».

Рецензии

NICOLAS V. RIASANOVSKY. *Nicolas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855.* Berkeley and Los Angeles. 1959. XII + 296 pp. НИКОЛАЙ В. РЯЗАНОВСКИЙ. *Николай I и «официальная народность» в России (1825—1855).*

Западноевропейские и американские буржуазные историки опубликовали в последнее время десятки книг и сотни статей по истории русской общественной мысли XIX века. Все эти работы направлены против научного, марксистского объяснения истории. В подавляющем большинстве этих книг и статей намеренно преувеличивается роль либерального и консервативного направлений в развитии русской общественной мысли, делаются попытки «доказать» их решающее влияние на ход исторического развития страны. Вместе с тем в них всячески затушевывается значение передовой революционной мысли. На Западе имеют самое широкое хождение также версии о «несамостоятельности» русской общественной мысли, о ее «зависимости» от западноевропейских идей. Большой интерес буржуазные историки проявляют к реакционным деятелям России XIX в.: М. Погодину, С. Шевыреву, П. Валуеву, К. Победоносцеву, М. Каткову и другим [1]. Стремление поднять на щит представителей либерально-монархической, реакционной идеологии и умалить роль руководителей революционного движения является, по сути дела, одним из методов борьбы современной буржуазной историографии против марксистско-ленинской концепции истории русского освободительного движения и общественной мысли. К числу такого рода работ относится и книга адъюнкт-профессора истории Калифорнийского университета Н. В. Рязановского [2].

Хорошо известно, что реакционный, самодержавно-полицейский режим Николая I был одной из самых мрачных эпох в русской истории. В условиях кризиса феодально-крепостнической системы и роста массового антикрепостнического движения во второй четверти XIX в. наиболее отчетливо проявился реакционный характер царизма, все усилия которого были направлены на то, чтобы предотвратить гибель феодально-крепостнических порядков и сохранить господство помещиков. Разумеется, для сохранения своих устоев самодержавие не могло обойтись одними полицейскими мерами. В качестве одного из средств идеологического воздействия на массы была выдвинута теория «официальной народности». Основные принципы ее — «православие, самодержавие, народность», сформулированные в 1832 г. С. С. Уваровым, ставшим впоследствии министром народного просвещения,— были своеобразной попыткой теоретически доказать и обосновать «незыблемость» самодержавия, «глубокую религиозность» народа и его «преданность» царю. Ярыми пропагандистами этой теории были реакционные профессора истории М. П. Погодин и С. П. Шевырев, названные А. И. Герценом «добровольными помощниками жандармов»,

[1] См. N. V. Riasanovsky. Pogodin and Ševyrëv in Russian Intellectual History. «Harvard Slavic Studies». Vol. IV, 1957; E. Schneerberger. P. A. Valujev, ein russischer Staatsmann der Reformäre. Marburg. 1951; A. E. Adams. Pobedonostsev and the rule of firmness. «Slavonic and East European Review». Vol. 32, 1953, и др.

[2] Н. В. Рязановский считается в США специалистом по истории русской общественной мысли. Он известен как автор книги «Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles. A Study of Romantic Ideology». Cambridge. 1952 (докторская диссертация), а также ряда статей о петрашевцах, славянофилах, западниках и представителях «официальной народности».

представители рептильной прессы Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин, Н. В. Кукольник и др. Пресловутая «уваровская троица», или, как метко окрестил ее А. И. Герцен, «цареградская философия рабства», была помещичье-крепостнической идеологией, выражавшей взгляды самой реакционной части помещиков. Так, Уваров объявлял крепостное право одним из важнейших устоев Русского государства, «деревом, осеняющим и церковь и престол», пытался доказать необходимость и законность существования крепостного права и самодержавия, называя их «священными и неприкосновенными». «Политическая религия,—говорил он на заседании Московского цензурного комитета в 1832 г.,— имеет свои догматы, неприкосновенные, подобно христианской религии; у нас они: самодержавие и крепостное право, зачем их касаться, когда они, к счастью России, утверждены сильной рукой» [3]. Погодин, в свою очередь, заявлял, что простой народ «низок, ужасен и скотен», и требовал от него безусловного повиновения правительству и помещикам [4]. Теория «официальной народности» явилась, по существу, реакцией на передовую антикрепостническую идеологию. Представители теории «официальной народности» не только пели дифирамбы самодержавно-крепостническим порядкам, но и активно боролись против революционных идей, распространявшихся как в России, так и на Западе. Эта теория, как правильно отметил в своей книге советский историк С. Б. Окунь, «рассматривалась господствующим классом как надежная плотина, призванная задержать развитие прогрессивной мысли» [5].

Однако, несмотря на все старания III отделения, цензуры, министерства народного просвещения и синода, принципы «официальной народности» не оказали сколько-нибудь существенного влияния на развитие русской общественной мысли и потерпели полный крах под ударами представителей революционной мысли, вскрывших ее реакционность и полную несостоятельность.

Конечно, Н. В. Рязановский хорошо понимает реакционный характер теории «официальной народности» и даже сам пишет об этом (например, стр. 183, 267), но сознательное отрицание им классовой сущности этого явления и идеалистическая, субъективистская интерпретация фактов привели его к извращению исторической действительности. Автор, по его словам, видел свою задачу в том, чтобы изложить содержание «этой государственной доктрины» и «определить ее роль в русской истории» (стр. VII). Однако, как явствует из содержания книги, его истинная цель — попытаться доказать, что теория «официальной народности» и ее главный вдохновитель и исполнитель Николай I играли якобы решающую роль в общественно-политической и культурной жизни страны. Самодержавие и его идеология рассматриваются Н. В. Рязановским как некие надклассовые явления, совершенно оторванные от социально-экономических условий их существования. В книге ничего не говорится ни об идейных противниках «официальной народности», ни о тех вопросах, вокруг которых в изучаемое время развертывалась общественно-политическая борьба в России.

Книга Н. В. Рязановского служит ярким образчиком субъективистской интерпретации роли личности в истории. В ней проводится мысль о том, что историческое развитие зависит якобы от воли отдельных правителей. Отсюда большое внимание, уделяемое автором Николаю I. Оценке его личности посвящена вся первая глава книги. Свое пристрастие к этим сюжетам автор объясняет тем, что черты характера Николая I оказывали якобы существенное влияние на его политику. Совершенно очевидно, что при таком подходе к оценке деятельности Николая I Н. В. Рязановский не в состоянии был определить подлинной роли царя как ярого защитника интересов помещичьего класса. Заметим, кстати, что сам Николай I, называя себя «первым помещиком», в определении своего политического лица был гораздо ближе к истине, чем автор рецензируемой книги.

Во второй главе дается характеристика лиц, являвшихся идеологами «официальной народности» и применявших ее принципы на практике. Здесь, так же как и в первой главе, основные проповедники и исполнители принципов «официальной народности» рассматриваются только с точки зрения их личных качеств, категорически отрицается необходимость анализа классовой сущности проповедуемой ими идеологии и проводимой ими политики. Подробнее характеризуются проповедники «официальной

---

[3] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. IV. СПБ. 1891, стр. 98; т. IX. СПБ. 1895, стр. 306.

[4] Н. Барсуков. Указ., соч. Т. II. СПБ. 1889, стр. 17.

[5] С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. 2-я четверть XIX века. Л. 1957, стр. 301.

народности» (С. Уваров, М. Погодин, С. Шевырев, Ф. Булгарин, И. Сенковский, Н. Греч и др.). При этом Н. В. Рязановский занимается пространными рассуждениями о том, насколько были сходны по своему характеру и жизненному пути Булгарин и Сенковский, Шевырев и Погодин, Нессельроде и Уваров. Деятельность каждого из них показана лишь под углом зрения их отношения к царской власти для того, чтобы возможно сильнее оттенить якобы решающую роль Николая I в истории России второй четверти XIX века.

Центральное место в книге занимает третья глава, посвященная, собственно, идеологии «официальной народности». Автор, как и всякий буржуазный историк, не показывает, да и не желает показать, ее социальную сущность, цели, ею преследуемые, ее отношение к либеральному и особенно к революционному направлениям русской общественной мысли. Его больше занимают абстрактные рассуждения о том, что́ вообще означают понятия «православие», «самодержавие» и «народность».

Принцип «православие», по мнению автора, основывался якобы на глубокой, искренней религиозности как самого Николая I, так и проповедников «официальной народности» и преследовал главным образом этические цели. Он утверждает, что идеологи «официальной народности» «имели много других различных задач, но все же нравственный элемент в их планах преобладает» (стр. 91—92). Вместе с тем Н. В. Рязановский, явно впадая в противоречие с самим собой, не может не признать, что «религия была используема для проповеди повиновения императору, офицеру, помещику» и что «церковь находилась под бдительным контролем государства и в основном выполняла его приказания» (стр. 95). Так при малейшем соприкосновении с исторической правдой рушится выдуманное автором толкование «православия» как некоего нравственно-этического принципа.

Далее Н. В. Рязановский рассматривает происхождение и сущность другой составной части идеологии «официальной народности»—«самодержавия». Если верить автору, этот принцип отражал якобы искреннее убеждение царя и его окружения в том, что «человек слаб, склонен к порокам и беззаконию» и, следовательно, нуждается в «строгой авторитарной власти над ним» (стр. 99). Сам автор ищет объяснения происхождения и сущности этого принципа в свойственном будто бы русскому государству исконном милитаризме, утверждая, что «империя Романовых представляла собою в основном результат долгих и успешных войн» (стр. 120). Такого рода заявления есть не что иное, как перепев имеющих широкое хождение в современной буржуазной историографии измышлений о «милитаристском» характере русского государства и «традиционной агрессивности» его внешней политики.

Что касается третьего принципа — «народности», то Н. В. Рязановский, отмечая сложность и противоречивость этого понятия, фактически отказывается дать его точное определение. Он признает, что этот принцип, трактующий о «преданности подданных царю и их помещикам», «направлен на защиту крепостного права». Однако вовсе не этот признак «народности» представляется ему в качестве главного (стр. 124). Основной смысл «народности» он усматривает в том, что указанный принцип являлся якобы выражением русского «национализма», панславизма и стремления к русификации других народов[6]. Н. В. Рязановский при этом не желает видеть того факта, что проповедуемые «официальной народностью» национализм и панславизм отражали интересы наиболее реакционной части русских помещиков и нарождавшейся буржуазии, стремившихся к захвату чужих территорий и к порабощению других народов. Не учитывать этого — значит приписывать взгляды господствующих классов России всему русскому народу.

Н. В. Рязановский ополчается против «классовой интерпретации» историками-марксистами реакционной идеологии «официальной народности». По его словам, «официальная народность» представляла собою, собственно, «выражение взглядов и интересов Николая I и его правительства». «Хотя это правительство и поддерживало тесную связь с помещичьим классом,— утверждает он,— однако интересы того и другого не имели между собою ничего общего» (стр. 181). Приходится только пожалеть, что автор книги не знаком с правилами элементарной логики. Для доказательства «внеклассового» характера самодержавия и его идеологии он находит всего лишь один аргумент. Дело, видите

[6] Эту же мысль Н. В. Рязановский высказывает в недавно опубликованной им статье «Nationality» in the State Ideology during the Reign of Nicolas I. «Russian Review», 1960, № 1.

ли, в том, что «официальная народность» «проповедовала абсолютное повиновение монарху всех русских», независимо от их социального положения (стр. 181). Такой довод звучит поистине парадоксально, еще раз свидетельствуя о бесплодности современной буржуазной историографии.

Попытки замаскировать классовый характер «официальной народности» и объяснить ее существо в отрыве от конкретной исторической обстановки неизбежно привели автора к другой крупной ошибке. Отмечая, что представители «официальной народности» делились на две группы — «династическую» (Николай I, Уваров, Греч и Булгарин) и «националистическую» (Погодин и Шевырев),— Н. В. Рязановский делает отсюда неверный вывод о принципиальном якобы отличии одной группы от другой и даже об «антагонизме» между ними. В то время как «династическая» группа носила, по его мнению, «всецело реакционный характер» и решительно боролась за сохранение крепостничества, «националистическая» группа якобы выступала «за освобождение крестьян», за «широкое образование народа и за предоставление народу активного участия в судьбах России» (стр. 139—140, 164—165, 181—182).

Попытаемся разобраться, насколько правильны эти утверждения Н. В. Рязановского. Как известно, поражение царской России в Крымской войне нанесло сильный удар по идеологии «официальной народности», показав еще раз ее полную несостоятельность. В этих условиях даже бывшие поборники «официальной народности», вроде Погодина, выступили с критикой самодержавно-крепостнических порядков, поскольку и для них стали уже очевидны гнилость и бессилие крепостной России. Однако разве можно на основании только одного этого факта говорить о существовании среди представителей «официальной народности» двух различных групп, из которых одна чуть ли не находилась в оппозиции к самодержавно-крепостническому режиму? (стр. 140). Обе эти группы отражали интересы помещиков-крепостников, и, следовательно, их позиции не могли принципиально отличаться друг от друга. Совершенно голословным является также утверждение Н. В. Рязановского о том, что «националистическая» группа имела якобы широкую поддержку со стороны «образованной молодежи». Никаких аргументов при этом автор не приводит, да и не может привести. Наоборот, многочисленные свидетельства современников, в том числе из консервативного лагеря, говорят о глубоком влиянии на молодежь идей В. Г. Белинского и А. И. Герцена и о крайней непопулярности теории «официальной народности» [7].

Стремясь показать «официальную народность» более влиятельной, чем она была в действительности, расширить круг ее сторонников, Н. В. Рязановский не останавливается даже перед грубой фальсификацией взглядов и творчества великих русских писателей А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, утверждая, что они «тоже были причастны (?!) к этой официальной доктрине» (стр. 52). Чтобы как-то подкрепить свою точку зрения, он прибегает к произвольным параллелям между историческими взглядами Пушкина и Погодина. Так, он усматривает «сходство» в оценке Петра I у Пушкина и Погодина, которые, по его словам, «одинаково превозносили» Петра I. Вся разница, по мнению Рязановского, заключается, дескать, в том, что Пушкин это делал «с бо́льшим блеском, поэтической грацией и талантом, нежели посредственный и скучный Погодин» (стр. 110). Отсюда-то и делается явно подтасованный вывод о «тесной связи» А. С. Пушкина с доктриной «официальной народности» (стр. 111). Автор не желает понять элементарной истины, что А. С. Пушкин, так же как В. Г. Белинский, А. И. Герцен и другие представители передовой русской общественной мысли, высоко оценивал Петра I именно за прогрессивный характер его преобразований, в то время как Погодин и иже с ним делали экскурсы в петровскую эпоху лишь с целью защиты самодержавия и обоснования своих реакционных идей.

Н. В. Рязановский, невзирая на факты, категорически отрицает антикрепостническую направленность творчества Н. В. Гоголя. Игнорируя громадное революционизирующее значение критики самодержавно-крепостнического строя Гоголем, Рязановский бесцеремонно заявляет, что Гоголь якобы «никогда не разделял» антикрепостнических идей и если давал «разоблачающие описания России, то только в силу своего таланта, как сатирик, а не под влиянием идей слева» (стр. 87).

---

[7] См., например, «Иван Сергеевич Аксаков и его письма». Т. 3. М., 1892, стр. 290—291; М. И. Венюков. Воспоминания. «Русская старина», 1886, № 7, стр. 93—94.

Н. В. Рязановский целиком разделяет и даже пытается обосновать пропагандируемую на все лады в современной буржуазной литературе версию о «несамостоятельности» русской общественной мысли и «зависимости» ее развития от идей Запада. Для него, например, является «непререкаемой истиной» давно опровергнутое советскими историками положение о том, что движение декабристов было якобы инспирировано западноевропейскими идеями «века разума» и «якобинской практикой» (стр. 269). Игнорируя совершенно очевидные факты, он считает, что не только прогрессивные идеи, но даже и реакционная теория «официальной народности» есть не что иное, как восприятие Россией идей Запада (стр. 169—170).

Н. В. Рязановский «доказывает» влияние на теорию «официальной народности» идей Жозефа Де́местра, Шатобриана, Шлегеля, Бадера и других западноевропейских философов и писателей. При этом факты знакомства некоторых зарубежных публицистов с русскими консервативными деятелями и знание последними иностранных языков выдаются едва ли не за главный аргумент в пользу этого «доказательства». Хорошо известно, что никто из историков-марксистов никогда не отрицал теснейшей связи русского царизма и его официальной идеологии с международной реакцией того времени. Однако изображение теории «официальной народности» только как простого перепева реакционных идей Запада является ошибкой, проистекающей из игнорирования объективных исторических условий возникновения этой теории и отрицания ее связи с интересами помещичьего класса.

В четвертой и пятой главах своей книги Н. В. Рязановский рассматривает вопрос о том, какое отражение находили принципы «официальной народности» в политике царского правительства. Автор настойчиво проводит субъективистский тезис о том, что личная воля Николая I и официальная идеология царизма являлись главными силами, определявшими характер внутренней и внешней политики России. Особенно упорно отстаивает автор версию о «надклассовом» характере самодержавия, согласно которой не царь являлся выразителем интересов помещиков, а, наоборот, помещики были выразителями и беспрекословными исполнителями воли царя (стр. 207). Только потому, что «дворянство контролировало значительные массы крепостного населения», утверждает Н. В. Рязановский, царь был иногда вынужден считаться с дворянством, «возлагая на него заботу о поддержке существующего режима» и его защите от крестьянских восстаний (стр. 207—208). Так, извращая истинное положение вещей, трактует этот буржуазный историк проблему взаимоотношений самодержавной власти и помещиков.

Искаженно, без учета общеизвестных фактов рассматривается в рецензируемой книге и такой важный вопрос внутренней политики царизма, как крестьянский. По мнению Н. В. Рязановского, Николай I якобы «лично не одобрял» крепостного права. Более того, он будто бы вовсе «не симпатизировал аристократическим привилегиям, когда они сталкивались с интересами государства» (стр. 209). Спрашивается, почему же тогда Николай I, чья воля, по мнению автора, определяла политический курс страны, не реализовал своего намерения освободить крестьян? Оказывается, ему помешали сделать это «опасность» конституционных требований со стороны дворянства в связи с освобождением крестьян и страх перед стихийным народным восстанием (стр. 210). На деле же именно рост массового антикрепостнического движения вынуждал царизм идти на некоторые уступки, чтобы, поступившись малым, сохранить главные устои существующего строя.

Проводимая правительством Николая I политика никоим образом не затрагивала основ крепостного права, помещичьего землевладения и политического господства крепостников-дворян. Однако Н. В. Рязановский пытается представить ее как проявление доброй воли царя. Он даже стремится оправдать Николая I: царь не был якобы повинен в том, что результаты его усилий в крестьянском вопросе оказались «недостаточными» (стр. 209—210). И все же автор делает вывод о том, что за время правления Николая I были осуществлены серьезные преобразования. Особенно преувеличивает он значение проведенной в 1837—1841 гг. реформы положения государственных крестьян и введенных в 1847 и 1848 гг. в западных губерниях России инвентарных правил, считая, что эти меры якобы значительно облегчили положение некоторых категорий крестьян. Так, он пишет, что реформа П. Д. Киселева «упорядочила управление и улучшила экономическое положение огромной массы государственных крестьян», а в результате

введения инвентарей «крепостное крестьянство западных русских губерний получило определенные существенные выгоды» (стр. 211—212). Фактически эти реформы, как доказано советскими историками[8], были попыткой решить крестьянский вопрос, не затрагивая основ самодержавно-крепостнического строя. Массовые восстания государственных крестьян в 1841—1845 гг. и волнения 1847—1848 гг. в связи с инвентарной реформой являются наглядным свидетельством того, что крестьяне ничего существенного не получили от этих преобразований, проведенных правительством крепостников-помещиков.

Не замечая и не желая видеть основных социально-экономических причин, обусловивших курс правительства Николая I, автор не в состоянии объяснить политику царизма и в области просвещения, национального вопроса и т. д. Указывая, например, на «двойственный» характер политики самодержавия в области просвещения, которая «с одной стороны, способствовала, а с другой — задерживала просвещение в России» (стр. 214), он не может понять, что открытие технических школ и институтов, основание сельскохозяйственных обществ и выставок отнюдь не противоречили в целом реакционному характеру политики царизма. Автор не в состоянии уяснить себе такую простую истину, что царизм, вынужденный ходом исторического развития идти на уступки развивавшимся в стране капиталистическим отношениям, не переставал оставаться реакционной силой и сильнейшим тормозом экономического и культурного развития страны. Простая констатация «двойственного характера» политики Николая I, равно как и оценка ее с точки зрения влияния идей «официальной народности», нисколько не помогает выяснить существо дела. Несостоятельной является и попытка автора объяснить внешнеполитический курс России также с точки зрения влияния принципов «официальной народности».

Таковы основные черты концепции Н. В. Рязановского о происхождении и значении теории «официальной народности», кратко резюмированные им в шестой, заключительной главе книги. Книга в основе своей является повторением взглядов таких русских либерально-буржуазных историков, как А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер, М. О. Гершензон, М. Полиевктов и др. Последние тоже преувеличивали роль Николая I, затушевывали классовую сущность самодержавия и его идеологии. Заявления Н. В. Рязановского о том, что проводимый самодержавием во второй четверти XIX в. политический курс есть лишь проявление личной воли Николая I, «значение которого для идеологии и истории его царствования трудно переоценить» (стр. 35 и 119), перекликаются с такими, например, утверждениями М. Полиевктова, как: «абсолютная монархия при Николае I воплощается в его личности» или: «правительственная система в николаевское царствование и биография Николая I — две стороны одного и того же явления»[9]. Но отдельные личности не могут по своему произволу творить историю, которая подчиняется объективным законам общественного развития. Роль личности может быть правильно понята лишь в связи с конкретной исторической обстановкой.

В заключение несколько слов о документальной базе книги Н. В. Рязановского. Обширный список использованной им литературы сопровождается краткими аннотациями периодических изданий и наиболее крупных работ. Но при ближайшем ознакомлении с этим списком становится ясно, что выбор литературы сделан односторонне. Основным пособием для Н. В. Рязановского послужили реакционные журналы («Москвитянин», «Маяк», «Северная пчела» и др.), писания мракобесов-профессоров (Погодина и Шевырева) и представителей продажной прессы (Греча, Булгарина и пр.). Этот факт отнюдь не случаен, ибо аргументы в пользу своей ненаучной концепции Н. В. Рязановский мог найти только в многочисленных высказываниях сторонников «официальной народности». Именно поэтому он прошел мимо произведений передовой русской общественной мысли того времени, активно боровшейся с идеологией самодержавия. Широко привлекая работы русских и зарубежных буржуазных историков, Н. В. Рязановский фактически игнорировал исследования со-

[8] См. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. II. М., 1958; А. К. Кошик. Инвентарная реформа 1847—1848 гг. и крестьянское движение на Правобережной Украине. «Наукові записки Київського держ. ун-ту». 1949. Т. 8, вып. 1, № 2; Н. Н. Улащик. Введение обязательных инвентарей в Белоруссии и Литве. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г.». Таллин. 1959.

[9] М. Полиевктов. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918, стр. XI.

ветских историков, философов и литературоведов. Вся его книга направлена на то, чтобы замолчать ожесточенную борьбу между революционной идеологией той эпохи и идеологией господствующих классов — «официальной народностью».

Сущность этой теории нельзя понять, не изучив передовую русскую печать второй четверти XIX в., в которой с революционно-демократических позиций дается оценка этой реакционной теории. Вспомним хотя бы знаменитое «Письмо к Гоголю» В. Г. Белинского, которое В. И. Ленин считал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»[10]. Великий русский критик и революционный демократ дал в нем уничтожающую характеристику теории «официальной народности». В этом «Письме» В. И. Ленин видел отражение «интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями»[11].

Книга Н. В. Рязановского—яркий пример того, насколько бесплодны попытки буржуазной историографии показать подлинную роль личности и идей в истории, поскольку они предпринимаются в отрыве от тех ведущих социально-экономических процессов, которые определяют их историческое место и значение. Субъективистская интерпретация роли личности и идей Н. В. Рязановским, как и другими современными буржуазными социологами, фактически направлена на то, чтобы умалить творческую роль народных масс в истории и отвлечь трудящихся от активной политической деятельности.

В. А. Федоров

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 223—224.

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 108.

Заметки о книгах

«Суэцкий канал (факты и документы)». Сборник статей. Перевод с арабского Е. С. Евсеева и Ю. С. Селиверстова, под общей редакцией А. Ф. Султанова. Вступительная статья М. Ф. Гатауллина и Г. С. Никитиной. Изд-во иностранной литературы. М. 1959. 245 стр. Цена 4 руб. 60 коп.

Четыре года отделяют нас от того дня, когда правительство Египетской республики объявило о национализации «Всеобщей компании Суэцкого канала», носившей ярко выраженный колонизаторский характер. Этому весьма значительному событию в истории борьбы египетского народа за свою национальную независимость посвящен сборник «Суэцкий канал», содержащий 11 статей, написанных египетскими юристами, историками, экономистами.

В книге освещаются вопросы истории создания Суэцкого канала, его стратегическое и экономическое значение, причины и правовая основа национализации, довольно подробно говорится о маневрах западных держав в суэцком вопросе и т. д. В приложениях к сборнику печатаются конвенции, договоры, декларации и другие документы, относящиеся к данной проблеме.

Изложение истории вопроса начинается с тех отдаленных времен, когда Англия и Франция повели активную борьбу за захват и закабаление Египта. «Наша история на протяжении последних ста пятидесяти лет,— пишет Хусейн Мунис в статье «Мы не должны забывать историю!» — это история непрекращающейся борьбы с Францией и Англией. В течение этих полутора веков мы не помним ни одного года, когда бы мы не боролись то с одним, то с другим из этих врагов» (стр. 29). Автор напоминает читателю основные этапы борьбы этих держав за Египет и междоусобного соперничества как до, так и после постройки Суэцкого канала.

В сборнике приводятся убедительные факты и цифры, неопровержимо свидетельствующие о том, что Суэцкий канал по праву принадлежит египетскому народу. Канал был построен руками арабов. За время строительства канала погибло 120 тыс. человек. Воистину Суэцкий канал построен на костях египтян.

Воспользовавшись банкротством Египта (1876 г.), империалистические государства поставили страну под жесткий и тщатель-

ный финансовый контроль, а затем принудили Египет отказаться от своей доли в прибылях компании Суэцкого канала. Суэцкий канал сыграл большую роль в закабалении Египта. Процесс ограбления, захвата и закабаления Египта империалистическими государствами показан в сборнике весьма ярко. С огромной силой и убедительностью звучит ответ авторов на вопрос: почему египтяне не верят Западу? «...Печальный опыт наших отношений с западными странами научил нас не верить Западу, потому что европейские банки, ссужая нас деньгами, готовили путь для захвата нашей страны, потому что правительства западных стран, предлагая нам свои услуги и свою помощь, привели нас к кредиторам и предали забвению наши права, а в другом случае они привели нас к оккупации. После всего этого западные страны удивляются, почему мы не хотим протянуть им руку» (стр. 35-36).

В 1888 г. в Константинополе была подписана Международная конвенция, провозглашавшая свободу судоходства по каналу для всех судов (торговых или военных) как в мирное время, так и во время войны без всякой дискриминации. В конвенции подчеркивалось, что канал не может быть подвергнут блокаде и в его водах запрещается держать военный флот. Но Англия, подписав конвенцию в числе девяти государств, в действительности никогда ее не выполняла. Захватив господствующее положение в компании Суэцкого канала и оккупировав Египет, Англия основную массу своих вооруженных сил сосредоточила в зоне канала, не допуская установления контроля за соблюдением свободы судоходства по каналу со стороны какой бы то ни было международной комиссии.

Таким образом, подчеркивают в своих статьях Абдель Кадер Хатем и Ибрагим Саккар, Англия, которая после национализации компании Суэцкого канала египетским правительством обвиняла Египет в нарушении Константинопольской конвенции, сама являлась первым нарушителем свободы судоходства по каналу. Такое положение продолжалось вплоть до 1956 г., когда был опубликован декрет президента Египетской республики о национализации компании Суэцкого канала.

Многие статьи сборника посвящены вопросам, возникшим после этого акта египетского правительства. В них подчеркивается, что национализация компании была законной и обоснованной со всех точек зрения. Канал, построенный египтянами и на египетские средства, должен принадлежать только его действительному хозяину — Египту. Акт национализации имеет под собой и правовую основу, о чем подробно говорится в сборнике. Согласно положению международного права, национализация собственности, находящейся на территории, на которую государство распространяет свою юрисдикцию, есть акт вполне законный; государство имеет право национализировать собственность независимо от того, являются собственниками этого имущества граждане данного государства или иностранцы.

Это положение международного права нашло, как известно, подтверждение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 1952 году. Практика различных государств в вопросе о национализации собственности также говорила в пользу Египта.

Таким образом, в основе нападок империалистов на Египет по поводу его якобы незаконных действий лежали другие причины, весьма далекие от международной юриспруденции. Их настоящая суть заключалась в опасении империалистов за судьбы своих колониальных владений на Востоке, а также за судьбы колоссальных доходов от эксплуатации канала. В книге приводятся весьма красноречивые цифры, показывающие, в чем состояла подлинная заинтересованность западных акционеров компании. В последнее время перед национализацией акционеры получали 71% дохода, 10% отчислялось наследникам ее основателей, 2% — служащим, 2% — директорам.

Получая такие огромные прибыли, компания почти ничего не выделяла для реконструкции и усовершенствования оборудования канала, что являлось грубым нарушением концессии и соглашения, заключенного между египетским правительством и компанией в феврале 1902 года. Об этом со всей убедительностью говорит в своей статье д-р Мухаммед Абу Носейр. «Всеобщая компания морского Суэцкого канала,— пишет Абу Носейр,— была средством оккупации и развилась в чисто колониальное предприятие. Она не соблюдала ни условий концессии, ни обязательств, взятых на себя, но в то же время строго соблюдала свои интересы и защищала свои привилегии. Компания в своей деятельно-

сти отставала от прогресса в кораблестроении, которое шло в направлении увеличения размеров судна. Особенно это касается нефтяных танкеров, которые не имели возможности проходить по каналу из-за своих размеров» (стр. 96).

Сразу же после национализации компании Египет предпринял все меры к тому, чтобы обеспечить ритмичную и бесперебойную работу канала. Канал продолжал функционировать нормально, суда всех стран беспрепятственно следовали по его водам, египетское правительство разработало и приняло пятилетнюю программу реконструкции канала. Несмотря на это, западные державы продолжали настаивать на том, чтобы Египет отказался от национализации. Судьбу канала пытались решить без его законного владельца — Египта. В статьях сборника описываются различные попытки оказать давление на египетское правительство, начиная от экономических и политических санкций и кончая актами вооруженной агрессии. Все эти попытки закончились провалом.

Не все статьи указанного сборника являются равноценными по аргументации, последовательности в изложении материала. В некоторых из них авторы неоправданно акцентируют внимание читателя на исключительно личных восприятиях тех или иных событий без достаточного подкрепления их фактическими данными и документальными свидетельствами. Иногда желаемое выдается за действительное. Например, в статье д-ра Мустафы Хафнави «Что в действительности скрывается за заговором об «интернационализации» Суэцкого канала» говорится, что «империализм окончил свое существование в Азии...» (стр. 170). К сожалению, это еще не так. Исторические события движутся именно в этом направлении. Всемирно-историческое значение послевоенного периода состоит в том, что он характеризуется распадом колониальной системы империализма. Вопрос о полной ликвидации позорной колониальной системы стоит в порядке дня. То, что пишет Мустафа Хафнави, можно отнести пока только к некоторым странам Азии, таким, как Китайская Народная Республика, Демократическая Республика Вьетнам, Корейская Народно-Демократическая Республика, Монгольская Народная Республика, где действительно империализм окончил свое существование навсегда. Что касается других стран Азии, то там позиции империализма еще довольно сильны. Даже в таких крупных азиатских странах, как Индия, Индонезия, и других, которые добились политической независимости, экономические позиции империалистических государств продолжают оставаться еще довольно прочными.

Авторы сборника подчас не видят разницы между народами и правящими кругами западных держав. Однако в то время, как реакционные круги плели интриги вокруг Египта в суэцком вопросе и в конце концов пошли даже на вооруженную агрессию против него в октябре 1956 г., народы этих стран поддержали справедливую борьбу Египетской республики против интервентов. Лозунг «Руки прочь от Египта!» облетел все страны. Под этим лозунгом проходили массовые митинги и демонстрации простых людей мира. Именно это всенародное движение в поддержку Египта наряду с последовательной миролюбивой политикой Советского Союза и других стран социалистического лагеря явилось одной из главных причин того, что Египет сумел отстоять свою независимость.

Статьи сборника проникнуты исключительным миролюбием, стремлением урегулировать возникший из-за Суэцкого канала конфликт мирными средствами. Но вместе с тем все они имеют острую антиимпериалистическую направленность; в них содержится ясная и определенная мысль, что египетский народ не согнется и не отступит перед угрозами империалистов.

Е. А. Лебедев

R. G. COLODNY. *The struggle for Madrid.* New York. 1958. Pain Whitman publishers.

Р. Г. КОЛОДНЫ. Борьба за Мадрид.

«Странник, ступай и скажи лакедемонянам, что, их законам верны, здесь мы костьми легли»,— гласит эпиграф к изданной недавно в США книге Р. Колодны «Борьба за Мадрид», посвященной событиям 1936—1939 годов в Испании. В ней автор, бывший боец интернациональной бригады (ныне американский историк) взволнованно повествует о защите героического Мадрида — антифашистских Фермопил, о мужестве испанского народа и его зарубежных соратников, о первом поражении международного фашизма.

Известно, что идеологическая борьба вокруг оценки событий 1936—1939 гг. до сего времени не прекращается. За последние годы несколько новых книг и статей на эту

тему появилось и в США [1]. Характерной чертой большинства из них по-прежнему является антикоммунистическая заостренность и вытекающая отсюда фальсификация истории (правда, в некоторых работах 1956—1958 гг. на смену грубым, «маккартистским» методам фальсификации приходят более тонкие, наступление на компартии и СССР ведется не с открыто реакционных, а с либеральных и ревизионистских позиций). Книга Р. Колодны резко отличается от литературы подобного рода.

Автор не стал на фальшивую и столь излюбленную буржуазными историками позицию объективизма. Его симпатии и антипатии ясны. И 20 лет спустя, уже на страницах своей книги, он стремится продолжать борьбу с врагом, против которого он сражался на поле боя в Испании и на фронтах второй мировой войны.

«Борьба за Мадрид» является плодом 10-летнего труда автора.

Р. Колодны использовал богатую литературу, посвященную событиям 1936—1937 гг. в Испании, в том числе и работы советских авторов (особенно «Испанский дневник» М. Кольцова), а также, хотя и с недостаточной полнотой, ряд письменных источников. Но, пожалуй, главным источником при написании книги послужил личный опыт и воспоминания автора. Р. Колодны дополнил известный фактический материал своими наблюдениями и ввел в научный оборот новые факты, цифры, оценки. Наибольший интерес с научной точки зрения представляют страницы, посвященные боям 6—15 ноября 1936 г., действиям интернациональных бригад, битве на Хараме. Книга богато документирована.

Изложение событий начинается описанием захвата Толедо фашистами (27 сентября 1936 г.) и заканчивается рассказом о разгроме интервентов у Гвадалахары (март 1937 г.). Автор подробно воссоздает картину военных действий вокруг Мадрида в эти шесть месяцев, анализируя при этом и политическую сторону событий.

Выводы автора в основном совпадают с положениями прогрессивной демократической историографии событий 1936—1939 годов. Это относится и к характеристике сильных и слабых сторон народной революции в Испании, и к анализу позиции фашистских держав, а также США, Англии, Франции, и к общей оценке событий.

В книге раскрывается значение итало-германской интервенции и подлой политики «невмешательства» для успехов фашистской армии в августе — октябре 1936 г. (стр. 18, 151), показывается помощь американских империалистов мятежникам (стр. 13, 150). Автор отмечает, к каким тяжелым последствиям в тылу и особенно на фронте вела раздробленность, стихийность, децентрализация, характерные для революционных сил Испании в первый период войны (стр. 16—18, 21—22, 33 и др.). Резкую, справедливую оценку дает он политике Ларго Кабальеро (стр. 16, 23—25, 61, 93, 98, 101, 110—111), действиям анархистов. В то же время в книге Р. Колодны мы не встречаем того откровенно неприязненного или высокомерно поучающего отношения к народной революции, к революционному творчеству масс, которое характерно для многих реформистских авторов, даже сочувственно относящихся к Испанской республике.

В книге показывается, как Испанская республика, испанская революция с помощью своих друзей преодолевали слабости и ошибки первых дней. И в этой связи особенно следует отметить научную добросовестность автора в таких вопросах, как освещение роли КПИ и СССР. В отличие от подавляющего большинства американских буржуазных обществоведов, которые, по их собственному признанию, «предпочитают сильно извращать факты, лишь бы не сойти за подозрительную личность» [2], Р. Колодны не побоялся написать правду, положительно и высоко оценить роль испанских коммунистов, Советского Союза в национально-революционной войне. Он сравнительно подробно останавливается на военно-организационной деятельности КПИ, постоянно подчеркивает правильность и эффективность действий коммунистов на фронте и в тылу (стр. 19, 20, 23, 26 и др.). В книге приводятся многочисленные примеры самоотверженности и энергии коммунистов, их умения поднять массы. Неоднократно автор прямо признает решающую, руководящую роль коммунистов в организации обороны Мадрида (стр. 44, 47, 52) [3]. С уважением и сим-

[1] См., например, D. Cattel. Soviet Diplomacy and Civil War in Spain. Berkeley. Los Angeles 1957; L. Fernsworth. Spain's Struggle for Freedom. Boston. 1957.

[2] См. Lazarfeld and Teelens. The Academie Mind. New York. 1958.

[3] «Автор подчеркивает значение деятельности коммунистов. Во многих отношениях его книга является похвалой мужеству, упорству и энтузиазму сил, руководимых коммунистами при защите Мадрида»,—

патией пишет Колодны о советских людях, принявших участие в борьбе испанского народа.

Автор выступает против мошеннической «басни о русской колонизации Испании, получившей широкое хождение в Лондоне, Париже, Риме, Берлине — там, где дипломаты обменивались нотами о дележе доходов от рудников в Рио-Тинто...» (стр. 82). Он убедительно опровергает и другое распространенное в буржуазной литературе[4] клеветническое утверждение о том, что коммунисты якобы намеревались осуществить «захват власти» в январе 1937 г., опираясь на интернациональные бригады (стр. 215, 217).

Самые яркие страницы книги посвящены интернациональным бригадам, беззаветному героизму их бойцов, духу интернациональной солидарности и самопожертвования тех, кто «призван был служить живой стеной, за которой Испанская республика формировала свою Народную армию», «ценой своей крови выиграть время» (стр. 58). Он дает прекрасные картины сражений в Каса дель Кампо, Университетском городке, на Хараме. В то же время Р. Колодны в большинстве случаев не допускает и преувеличения роли интернациональных бригад в событиях, отдавая должное решающей роли мадридских рабочих, а впоследствии и испанских частей Народной армии в битве у Мадрида и особенно в сражении при Гвадалахаре.

Однако надо признать, что методология Р. Колодны в целом эклектична, хотя, как весьма раздраженно отмечает один из американских рецензентов, выводы, терминология и даже политические симпатии автора подчас сближают его с историками-марксистами. В ряде вопросов он находится под влиянием либерально-реформистской литературы. В изложении зачастую отсутствует классовый анализ событий (это относится в первую очередь к характеристике деятельности КПИ). Поэтому некоторые из суждений Р. Колодны о деятельности КПИ накануне войны, о действиях коммунистов в тылу врага, о росте влияния КПИ носят поверхностный характер. В книге изредка встречаются даже отдельные формулировки, заимствованные из арсенала антикоммунистической литературы (стр. 18, 157). Не отражаясь на выводах автора, эти уступки веяниям, господствующим в американской буржуазной историографии, снижают научную ценность книги, резко нарушают единство концепции автора и не могут не вызвать протеста у всех, кому дороги память и уроки борьбы 1936—1939 годов.

В частности, совершенно не соответствует действительности утверждение Р. Колодны о стремлении советников, присланных из СССР по просьбе испанского правительства, вести войну по образцу гражданской войны в России, не заботясь о специфике Испании (стр. 157). Единственный, по существу, довод, приводимый автором в подтверждение этого, заключается в том, что генеральным консулом СССР в Барселоне был назначен Антонов-Овсеенко, один из видных деятелей Красной Армии в 1918—1920 годах. Не проявив критического отношения к некоторым источникам[5], автор чрезвычайно преувеличил роль генерала Миаха в обороне Мадрида, приписал ему часть заслуг КПИ. Недосмотром автора является, на наш взгляд, то обстоятельство, что в книге почти не уделено внимания эволюции внутриполитического положения республики после ноября 1936 года. Много путаницы чисто фактического характера допускает автор, пытаясь выяснить, кто из советских командиров был в Испании (стр. 162—165, 179—180).

И все же в идейно-политической борьбе вокруг уроков национально-революционной войны в Испании книга Колодны, несмотря на указанные серьезные изъяны, займет место в строю прогрессивной, антифашистской, демократической литературы.

Книга Колодны завершается рассказом о победе Народной армии у Гвадалахары. Но война в Испании закончилась кровавым поражением республики. Говоря о причинах этого, автор с горечью указывает в эпилоге книги: «Если бы демократический мир проявил такую же солидарность по отношению к республике, как фашистская ось по отношению к Франко, поражение под Гвадалахарой стало бы роковым для мятежников

со скрытым раздражением пишет рецензент из «Journal of Modern History» (1959, № 2). Это же сдержанно отмечает и его коллега из «American Historical Review» (Vol. LXIV, № 1): «Автор не скрывает своего восхищения коммунистическими элементами, как испанскими, так и иностранными, которым он приписывает главную роль в успешном сопротивлении города».

[4] См. F. Borkenau. The Spanish Cockpit. London. 1937, p. 274—275; D. Cattel. Comunism and Spanish Civil War. Los Angeles-Berkeley. 1955, p. 130—131, и др.

[5] Книги бывшего адъютанта Миаха Лопеса Фернандеса («La defensa de Madrid». Mexico. 1945) и его штабного офицера Сомоса Сильва («El general Miaja. Biographia de Negoe». Mexico. 1944).

и победа Мадрида приобрела бы огромное значение в исторической перспективе. Но решения, означавшие жизнь или смерть для республики, принимались в Лондоне, Вашингтоне и Париже, где западный мир озирался в поисках «другого пути», в то время как политики и генералы Рима и Берлина отправляли Франко людей и оружие, что обеспечило ему победу. Советский Союз и интернациональные бригады помогли спасти Мадрид, но не смогли спасти республику, хотя они и пытались сделать это» (стр. 146).

Трагический исход борьбы с фашизмом в Испании предопределил трагический пафос книги Р. Колодны. Но ей чужды настроения безнадежности или скептицизма, ибо автор понимает значение испанских событий в общем процессе антифашистской борьбы. И хотя нанести фашизму решающее поражение в Испании не удалось, обагренное кровью и овеянное славой знамя антифашистской борьбы испанских трудящихся подхватили борцы с фашизмом в других странах. Пример и уроки легендарного сопротивления испанского народа превратились в могучую материальную силу, помогавшую антифашистам всего мира в их борьбе.

От первой победы под Мадридом, через исполинское горнило Великой Отечественной войны, через решающую победу у Сталинграда путь вооруженной антифашистской борьбы привел к окончательному разгрому фашизма в его логове. Наступило то «будущее фашизма», которое «приоткрылось бойцам Испанской республики» в дни разгрома и бегства итальянского корпуса под Гвадалахарой (стр. 143). И не падение Мадрида, а падение Берлина раскрыло перед всем миром исторический смысл беспримерного мужества и великих жертв испанских трудящихся и их боевых соратников. Отсюда и дух исторического оптимизма, присущий книге Колодны. Но мы знаем, что борьба еще не окончена. Город, ставший Фермопилами антифашизма, все еще во власти фашистов. Поднимают голову силы реакции и фашизма в других капиталистических странах. И в то же время во всем мире все выше вздымается волна народных движений, расшатывающих и опрокидывающих режимы фашистских диктаторов и марионеток империализма. К единству, к бдительности, к бескомпромиссной борьбе за демократию, за полный и окончательный разгром фашизма зовет трудящихся память о подвиге революционного Мадрида.

К. Л. Майданик

Robert ARON. *Histoire de la libération de la France.* Juin 1944 — mai 1945. Librairie Arthème Fayard. Paris. 1959. 779 p.

Робер АРОН. *История освобождения Франции (июнь 1944 — май 1945).*

Во Франции вышла новая книга французского католического историка и публициста Робера Арона.

Р. Арон известен советскому читателю по работе «История Виши» (Париж. 1954) [1]. Новая книга Р. Арона непосредственно примыкает к его «Истории Виши», являясь как бы вторым томом истории Франции 1940—1945 гг., описанной одним из участников событий этого бурного периода [2]. Как и в первой книге, в «Истории освобождения Франции» автор использовал множество неопубликованных или малоиспользованных материалов (воззвания политических группировок, листовки, приказы немецкого командования и т. п.), почти все опубликованные источники (в том числе прессу), огромное количество мемуаров, а также материалы опроса свыше 400 непосредственных участников и очевидцев событий. В библиографии дан большой перечень работ на французском и английском языках (но не указано ни одной работы советских авторов!), посвященных этому периоду. Ссылками на широкий круг источников автор, видимо, хотел доказать читателю свою... добросовестность и объективность. Но на деле этот огромный и, надо сказать, весьма интересный фактический материал мобилизован, чтобы служить иллюстрацией для подтверждения реакционных выводов автора. Не случайно и игнорирование Р. Ароном работ советских ученых. Замалчивая эти труды, автор пытается представить дело так, будто ему впервые удалось встать «выше» любых политических концеп-

---

[1] См. «Вопросы истории», 1957, № 4, стр. 162—166.

[2] Вся структура книги построена по этапам военного освобождения территории Франции; она состоит из 6 частей, каждая из которых освещает события от нескольких дней до месяца. Часть первая — высадка союзников в Нормандии и их военные действия (6—24 июня 1944 г.); часть вторая — начало освобождения и первые дни освобождения, освобождение Нормандии и Бретани; часть третья — «Национальное восстание» (характеристика групп и партий движения Сопротивления, маки); часть четвертая — освобождение Парижа; часть пятая — освобождение юга Франции; часть шестая — полное освобождение территории страны. Заключение — итог освобождения.

ций и написать «чисто» исторический труд. В то же время это замалчивание советских трудов позволяет Р. Арону уйти от анализа важнейших принципиальных вопросов истории французского освобождения в дебри фактологии.

Для понимания концепции Р. Арона следует учесть два момента: политические симпатии автора и время написания книги. В ноябре 1942 г. Р. Арону удалось бежать из рук гестапо в Алжир, где он активно сотрудничал в правительствах Жиро и де Голля. Впоследствии Арон целиком стал на сторону де Голля. Это сказалось на всей концепции автора: он не видит других политических сил в движении Сопротивления, кроме «движения де Голля». Мы далеки от мысли преуменьшать роль «движения де Голля» в освобождении французской территории от оккупантов. Однако плохо скрытая тенденциозность Р. Арона, стремление замолчать известные факты, признанные самим же де Голлем [3], заставляют усомниться в объективности автора, вынуждая рассматривать его книгу как сочинение, написанное на потребу реакционных кругов Франции.

По существу, книга Р. Арона — односторонний исторический очерк, посвященный главным образом «движению де Голля». Автор принижает роль других антигитлеровских политических группировок и партий и прежде всего роль Коммунистической партии Франции. Как известно, 13 мая 1958 г. во Франции пришли к власти именно те люди, заслуги которых так старательно расписывает Р. Арон.

Какова же, согласно концепции Р. Арона, история освобождения Франции? По его мнению, основным содержанием процесса освобождения явились три главных, одновременно происходивших конфликта: военные операции против немецкой армии на территории Франции, дипломатический конфликт между союзниками и правительством де Голля по вопросу об определении статута Франции (стремление союзников не признавать временное правительство как единственно законное правительство Франции и рассматривать ее как оккупированную страну, подобно Италии) и внутриполитический конфликт между сторонниками де Голля (единственными носителями, по утверждению автора, государственной власти), «честными» сторонниками Петэна — «противниками» Гитлера, и коммунистами.

Мы не можем согласиться с характеристикой сущности освобождения Франции, даваемой Р. Ароном. Прежде всего истинная борьба за освобождение Франции началась не 6 июня 1944 г. (момент высадки союзников в Нормандии), а значительно раньше, в 1940 году. По существу, автор описывает последний, заключительный этап освобождения. Но, даже если «принять» терминологию Р. Арона, главным конфликтом и на заключительном этапе был прежде всего конфликт всех честных французов с немецкими оккупантами.

Отличительной чертой борьбы за освобождение Франции было единство действий различных политических группировок. Известно, что в марте 1943 г. во Франции был создан «Национальный совет Сопротивления», в который наряду с коммунистами вошли представители пяти некоммунистических партий и группировок движения Сопротивления. «Национальный комитет Сопротивления» разработал план борьбы за освобождение Франции. Несмотря на эти очевидные факты, Р. Арон предпочитает акцентировать основное внимание не на единстве действий различных политических течений французского Сопротивления, а на тех разногласиях, которые имели место. Именно поэтому автор в своей книге уделяет основное внимание третьему конфликту, производя экскурс даже в предвоенную историю Франции. И не является ли при этом слишком подробное описание военных действий союзников во Франции свидетельством того, что автор не придает большого значения военным действиям сил внутреннего Сопротивления в освобождении Франции?

Посмотрим теперь, как характеризуются Р. Ароном «три основных конфликта», составлявших, по его мнению, основное содержание заключительного этапа борьбы за освобождение Франции.

Нет необходимости останавливаться на описании Р. Ароном военных операций союзников на территории Франции: здесь он дает подробную картину войны, уже обрисованную до него Ж. Жубером [4]. Отметим

---

[3] В частности, роль Восточного фронта, отвлекавшего основную массу немецких дивизий, что облегчило союзникам высадку во Франции; роль СССР в признании правительства де Голля как единственно законного правительства Франции, равноправного партнера «большой четверки»; выдающуюся роль ФКП в борьбе за освобождение Франции.

[4] J. Joubert. La libération de la France, 1940—1945. Paris. 1951, pp. 113—191.

лишь, что Р. Арон приписывает этим операциям главную роль в освобождении Франции. Подобно Жуберу, он ни слова не говорит о том действительно решающем значении побед Советской Армии на Восточном фронте, которые в конечном итоге сделали возможным высадку союзников во Франции. А ведь этот факт признан был и де Голлем, мемуары которого Р. Арон указывает в своей библиографии! [5]. 24 мая 1942 г. де Голль заявил, что «военная мощь и военные усилия СССР произвели громадное впечатление на французский народ и явились для него стимулом к повышению его собственной активности в борьбе с врагом, а также и большим аргументом в пользу СССР» [6].

Анализируя отношения де Голля и союзников, Р. Арон верно отмечает стремление представителей США и Англии отложить вопрос о будущем политическом устройстве Франции до конца войны и рассматривать ее в 1944—1945 гг. как оккупированную страну (стр. 42). Вместе с тем он обходит молчанием усилия СССР в дипломатической поддержке Франции, стремившейся вернуть себе роль великой державы. Излагая свою беседу с наркоминделом СССР 24 мая 1942 г., де Голль писал: «...Советское правительство соглашалось поддержать в Вашингтоне и Лондоне наши стремления, направленные на восстановление путем вооруженной борьбы единства Франции и империи» [7]. Как известно, и позднее Советское правительство неизменно поддерживало Францию в ее стремлении стать полноправным членом «большой четверки» [8]. Усилия СССР были по достоинству оценены правительством де Голля; в ноте министра иностранных дел временного правительства Французской республики Ж. Бидо послу СССР во Франции А. Е. Богомолову от 15 ноября 1944 г. говорилось: «...Временное правительство республики высоко ценит то, каким образом правительство СССР ходатайствовало перед другими союзными правительствами о приглашении Франции участвовать в работах этой комиссии (Консультативной комиссии по делам Европы.— *В. С.*) в качестве ее четвертого постоянного члена» [9].

В ложном свете представлена в книге внутриполитическая история Франции 1944—1945 гг., которую автор сводит главным образом к военному и политическому конфликту трех основных политических группировок: приверженцев Петэна, сторонников де Голля и французских коммунистов (стр. 101). Характеризуя вишистов, Р. Арон вновь реабилитирует коллаборационистов, оправдывая политическое и моральное предательство интересов Франции вишистами (стр. 101—112). Он стремится доказать некую «историческую», «миссианскую» роль Лаваля, якобы взявшего на себя всю ответственность за действия Виши. В книге приведен отрывок из инструкции Лаваля вишистским префектам, в которой Лаваль заявлял, что коллаборационизм — это «его дело», а им-де «не следует сотрудничать», в случае же давления немцев сваливать все на него, Лаваля. Р. Арон делает вывод: «До самого конца в своем подавляющем большинстве администрация Виши оставалась верной этим инструкциям; иногда даже она трактовала их шире, а часто и принимала участие в противодействии нации немецким требованиям» (стр. 108).

То, о чем пишет Р. Арон, не имеет ничего общего с действительной историей Виши. На деле вишистская администрация, прикрываясь лозунгом новой «национальной революции» во Франции, верой и правдой служила оккупантам. Уже в те тяжелые годы М. Торез вскрыл истинную подоплеку коллаборационизма. 1 сентября 1940 г., в годовщину начала второй мировой войны, «L'Humanité» опубликовала его статью «О так называемой «национальной революции» во Франции». М. Торез показал всю ложь петэновской пропаганды «национальной революции», разоблачив предательскую сущность французского варианта гитлеровского тезиса «надклассового» государства и «союза труда и капитала» [10].

Р. Арон не жалеет черной краски для описания деятельности французских коммунистов. Ради этого он не преминул вернуться в своей книге к 1939 г. и советско-германскому пакту о ненападении, не добавив ничего нового к уже существующим фальсификациям на этот счет. Освещая период

---

[5] См. Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942 годы. М. 1957, стр. 254—255.

[6] «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». М. 1959, стр. 80.

[7] Шарль де Голль. Указ. соч., стр. 257; «Советско-французские отношения...», стр. 80.

[8] «Советско-французские отношения...», стр. 324—325.

[9] Там же, стр. 329.

[10] M. Thorez. Communistes français pendant la deuxième guerre mondiale. Paris. 1959, pp. 87—114.

1939—1940 гг., автор пытается противопоставить руководство ФКП ее рядовым членам. Под давлением фактов Р. Арон вынужден все же признать, что французские коммунисты внесли в движение Сопротивления «один из самых смелых вкладов» (стр. 112), но тут же спешит навязать читателю мысль о «черных замыслах» руководства ФКП. Основной смысл борьбы коммунистов против захватчиков Р. Арон видит лишь в их стремлении «захватить» власть во Франции. Этот «тезис» весьма живуч в современной буржуазной историографии. При характеристике внутриполитической истории Франции Р. Арон уже совершенно открыто сбрасывает личину «объективизма», стремясь принизить выдающуюся роль, которую сыграли коммунисты в движении Сопротивления.

Таковы основные положения книги. Автор, прикрывая свои реакционные взгляды тенденциозно подобранными цитатами, ссылками на героическое прошлое Франции, пытается, по существу, «доказать» заслуги тех ультраколониалистских кругов, которые 13 мая 1958 г. вместе с парашютистами из Алжира и бывшими коллаборационистами похоронили Четвертую республику во Франции.

Р. Арон исказил историю освобождения Франции. Героическая история французского освобождения еще ждет правдивого освещения.

В. Г. Сироткин

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Исторически преглед». София. 1960, № 1.

Статьи: Ж. Натан. Пятнадцать лет журнала «Исторически преглед»; К. Кожухаров. 60 лет борьбы Болгарского союза; В. Мутафчиева. Откуп государственных доходов в Оттоманской империи в XV—XVII вв. и развитие денежных отношений. Сообщения: А. Наков. Экономическая помощь, оказанная Красной Армией восстановлению болгарского народного хозяйства; П. Петров. К вопросу о болгаро-византийских отношениях второй половины XIII в.

«Századok». Budapest. 1959, № 5—6.

Статьи: Э. Мольнар. Йожеф Реваи (1898—1959). Исследования: Э. К. Обермайер, И. К. Хорват. Ласло Мацедонский. Жизнь и деятельность гуманиста времен битвы при Мохаче; П. Хорват. Некоторые вопросы буржуазной исторической и правовой литературы по проблемам средневековой сельской общины (часть I); Д. Немеш. Внешняя политика правительства Бетлена (в 1924—1926 гг.); А. Рожньои. 15 октября 1944 года; К истории путча Салаши (ч. II). Сообщения: Э. С. Хаваш. Материалы к общественно-экономической истории рабовладельческих штатов США в 1790—1861 годах. Дискуссии: Д. Секель. К вопросу о толковании отдельных понятий венгерского сословного государства XV века; Исторический фронт Советского Союза и стран народной демократии; А. Оцетя. Развитие исторической науки в Румынии после 23 августа 1944 года.

«Történelmi Szemle». Budapest. 1959, № 3—4.

Статьи и сообщения: В. Шураньи. Торговая гильдия в г. Надьсомбат в период Вышеградского конгресса; Л. Элекеш. Некоторые вопросы централизации европейских феодальных государств; П. Ханак. Документы к истории венгерского правительственного кризиса 1894—1895 годов; Л. Катуш. Основные черты капиталистического развития сельского хозяйства на южнославянских территориях Австро-Венгерской монархии; Я. Йемниц. К столетию со дня рождения Жореса; М. Лацко. Из истории нашей народной демократии.

«Nghiên cứu lịch sử». Hà — nội. 1960, № 4.

Чан Хьюи Льеу. 30 лет борьбы вьетнамских женщин под руководством партии; Нгуен Хонг Фонг. Развитие то-

варного хозяйства и проблема зарождения капитализма во Вьетнаме в феодальный период; Ван Тан. Некоторые соображения по вопросу о рабовладельческой собственности во Вьетнаме; Нгуен Донг Ти. Значение политики распределения земли во Вьетнаме в период феодализма; Дао Ты Кхай. Что сделали французы в области археологии и охраны исторических памятников Вьетнама; Тионг Тхау. Процесс формирования вьетнамского рабочего класса; Чан Хьюи Льеу. Отражение вьетнамского революционного движения в произведениях вьетнамских писателей.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 1.

Приветствие ЦК СЕПГ конференции Комиссии историков ГДР и СССР от 14 декабря 1959 г.; Хейнц Кюнрих. Трактовка партизанского движения в западногерманской историографии. К вопросу о борьбе партизан во время второй мировой войны; Рольф Бадштюбнер. Реакционные устремления немецкой монопольной буржуазии в Западной Германии в 1945—1947 годах; Экхард Мюллер-Мертенс. Покорение г. Берлина в 1346 г. и отношение бранденбургских городов к борьбе Виттельсбахов и Люксембургов за имперский престол; Ригоберт Гюнтер. Класс рабов и его классовая борьба; Макс Штейнмец. Ранняя буржуазная революция в Германии (1476—1535 гг.); Клаус-Дитер Хёфт. О макете учебника германской истории; Соня Штригниц. Активное участие бывших военнопленных в Октябрьской революции 1917 г. и в гражданской войне 1918—1922 гг.; Зигфрид Томас. О советско-французских отношениях во время второй мировой войны (1941—1945 гг.); Бернхард Тёпфер. Список Evangelium aeternum Джерардино из Борго Сан Доннино.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1960, № 2.

Дитер Фрикке. В Германской Демократической Республике выполняются заветы Августа Бебеля; Клаус Дробиш. Кружок друзей Гиммлера. Пример подчинения нацистской партии и фашистского государственного аппарата финансовой олигархии; М. И. Козовой. Н. Г. Чернышевский о вопросах истории Германии; Шарль Парэн. Проблема технического прогресса в римском земледелии; Манфред Коссок. Меннонитские поселения в Парагвае в 1935—1939 гг. (К политической роли немцев-эмигрантов в Южной Америке); Ханс Радант, Дитер Баудис. Документы о роли Альберта Зюдекума.

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1960, № 1.

Задачи партийных историков в выполнении семилетнего плана; Резолюция V Международной конференции институтов марксизма-ленинизма, а также институтов и комиссий по истории партии при ЦК коммунистических и рабочих партий. Бухарест. Август — сентябрь 1959 г.; Н. И. Шатагин. Задачи исторической науки в борьбе против современного ревизионизма; Курт Вробель. Традиции борьбы западногерманских рабочих за единство действий рабочего класса в 1945—1946 гг.; Эрнесто Раджионери. Влияние немецкой социал-демократии на возникновение Социалистической партии Италии; Бруно Кайзер. Неизвестная работа молодого Фридриха Энгельса. Август Бебель — враг капитализма, передовой борец за марксистскую рабочую политику; Генрих Гемков. Письма Августа Бебеля 1886—1887 гг.; Клаус Маммах. К письму протеста Эрнста Тельмана.

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». 1960, № 2.

Арнольд Рейсберг. Великая идея Ленина о мирном сосуществовании — решающий фактор современной международной политики; Гельмут Кольбе. Произведение В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — серьезная помощь молодой КПГ; Клаус Маммах. Борьба КПГ за вовлечение крестьян в антиимпериалистический, антимилитаристский боевой фронт; Ганс Юрген Фридерици. К оценке Лассаля и лассальянства в буржуазной и правой социал-демократической историографии; Эдит Шиклош-Винце. Борьба против лассальянского влияния в венгерском рабочем движении (1867—1872 гг.); Отто Браун. К изданию Сочинений В. И. Ленина на немецком языке. Научные сообщения и заметки: О. Д. Вейцман. Эрнст Тельман в Ленинграде.

«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin — Luther-Universität». Halle. 1959, Oktober.

Гейнц-Дитер Винтер. Борьба Советского Союза за единую миролюбивую и

демократическую Германию в период Великой Отечественной войны; Гюнтер Горски. Роль Советского Союза в возникновении и развитии Германской Демократической Республики; Росвита Берндт. Демократическая земельная реформа в провинции Саксония; Герхард Рейнтанц. Германская Демократическая Республика и Женевская конференция; Рейнгольд Триттч. Национальная программа Коммунистической партии Германии по демократическому преобразованию Германии; Эберхард Штейн. О некоторых вопросах формирования идеологии концернов; Антон Блашка. От Праги до Лейпцига; Янис Шмельцер. Секретная директива J.C.S. 1067 (Joint Chiefs of Staff (USA); Антон Блашка. Готская рукопись X Speculum stultorum и ее сравнение с Бреславльской рукописью; Вальтер Цёлльнер. Три гамерслебенские грамоты XII века.

«歷史研究» («Лиши яньцзю»). Пекин. 1960, № 1—2

Ли Шу. Марксизм-ленинизм или чья-то частная «наука» (критика теории Шан Юе о времени начала капитализма в Китае); Люй Чжэнь-юй. О взглядах Е Ши (прогрессивный мыслитель XIII в.); Чан Синь-минь. Успехи КНР в области разрешения национального вопроса; Чэнь Чжэфу. Правый оппортунизм Чэнь Ду-сю в период первой гражданской революционной войны; Ду Де-фын. Некоторые вопросы, относящиеся к тайпинскому «Закону о земле»; Хуа Шань. «Кэху» в период Сун (земельные отношения в X—XIII вв.); Шао Дин-сюнь. Американская политика на Дальнем Востоке в период «революции Мэйдзи» в Японии; Хуан Шэн-чжан. К вопросу о локализации столицы царства Чу в IV — III вв. до н. э.

«歷史研究». 1960, № 3.

Цьянь Бо-цзань. «Новая» система историографии, или переиздание «старой традиционной системы историографии» (критика взглядов Шан Юе); Гун Юн-ши. Положение рабочего класса Китая в районах господства гоминьдана (1937—1945 гг.); О. Шлёдер. Традиции рабочего движения в Германии; Цянь Бао-шэнь. Эволюция китайского календаря с VII в. до н. э. до XVII в.; Лю Цай-юй. К вопросу об истоках реки Фэйшуй в связи с прорытием канала между Янцзы и Хуайхэ.

«력사 과학» («Екса квахак»). Пхеньян. 1960, № 1.

Ким Чхан Ман. Некоторые вопросы изучения истории Трудовой партии Кореи; Пак Пён Мук и Ким Чи Сун. Политическое и экономическое значение завершения первого пятилетнего плана для социалистического развития нашей страны; Ли Гук Сун. Декабрьский пленум ЦК ТПК 1956 г. и возникновение среди рабочего класса КНДР движения бригад «Челима»; Ким Ыль Чхон. Борьба корейской народно-революционной армии в горах Чанбексан против карательных экспедиций японского империализма в 1936—1937 гг.; Ли Сан Чжун. Результаты обследования деятельности сельскохозяйственного производственного кооператива; Ким Сок Хён. К вопросу о племенах и государственных образованиях в эпоху троецарствия; Ким Мен Чхоль. О единстве диалектики, логики и теории познания в диалектическом материализме.

«력사 과학». 1960, № 2.

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина; Ким Сон Чи. Развитие системы народного образования в нашей стране после освобождения; Цой Тхэ Чжин. Борьба корейского народа против агрессии французских империалистов в 1789—1866 гг.; Ли Чи Рин. Некоторые соображения о формировании государства в древней Корее; Ким Чхоль Хи. Основные черты и реакционный характер современной буржуазной философии в Южной Корее.

«Kwartalnik Historyczny». Warszawa. 1960. № 1.

Тысячелетие Польского государства. Постановление подготовительного комитета по проведению празднования тысячелетия Польского государства, утвержденное Государственным советом на заседании 12 февраля 1960 г.; С. Руссоцкий и Е. Сенковский. Некоторые проблемы социального и правового расслоения шляхты в Мазовецком княжестве; З. Вуйцик. Изменения в соотношении политических сил Средневосточной Европы во второй половине XVII века; В. Мощеньска. Задачи и условия научной работы в области истории историографии.

«Z Pola Walki». Warszawa. 1960, № 1.

В. Найдус. Начало социалистического рабочего движения в Галиции; Ежи Холь-

цер. Политика руководства Польской социалистической партии Галиции накануне восстановления независимого Польского государства (февраль — октябрь 1918 г.); Хенрик Малиновски. Формирование аграрной программы Коммунистической Рабочей партии Польши (1918—1922 гг.). Документы: «Архив Бардовского». Часть II. Подготовил к печати Леон Баумгартен. Биографические статьи и материалы: Ян Томицки. Норберт Барлицки — Библиография; Мечислав Пфайффер. Анастазы Ковальчик.

«Studii Revista de istorie». București. 1959, № 6.

Статьи: Б. Бэлтяну. Характер экономического угнетения Румынии гитлеровской Германией (1940—1944); С. Штефэнеску. «Основание» Молдавского феодального государства в румынской историографии; К. Шербан. Бухарестские цеховые организации в XVIII веке. Заметки и сообщения; Ирина Сулковска (Варшава). Новые документы о румыно-польских отношениях в период 1589—1622 гг.; И. Хуза. Вклад румынских моряков в разгром немецкого фашизма; Д. Чуря. «Описание» Молдавии и Валахии в 1699 году; П. Черноводяну и Н. Вэтэману. К вопросу о старой топографии Бухареста: Остров Дымбовицы (XVI—XVII вв.). Вопросы, связанные с подготовкой трактата по истории Румынии: Дискуссии по вопросам средневековой культуры в румынских княжествах.

«Analele Institutului de istorie partidului de pe linga C. C. al P. M. R.» București. 1960, № 1.

Документы о героической борьбе железнодорожников и нефтяников в январе—феврале 1933 года. Очерки и рефераты: К. Мокану. Стачечное движение 1920 г., предшествовавшее всеобщей забастовке; Б. Бэлтяну. Влияние Сталинградской битвы на политическое положение Румынии. Сообщения и научные заметки: Ф. Пыркалаб. Забастовка рабочих фабрики «Дермата» в Клуже в 1932 году; Е. Чимпонериу. Из истории борьбы рабочих Решицы во главе с коммунистами в период 1934—1937 годов. Борцы за свободу и социализм: Бела Брайнер.

«Analele Institutului de istorie partidului de pe linga C. C. al P. M. R.». 1960, № 2.

Воодушевленные великими идеями Ленина, трудящиеся Румынской Народной Республики строят социализм. Очерки и рефераты: Георге Василики и В. А. Варга. Владимир Ильич Ленин о некоторых проблемах истории Румынии; Вальтер Роман. Распространение трудов В. И. Ленина в Румынии; В. Керестешиу. Ленинский принцип партийности — руководство в деятельности историков нашей Родины; Параскива Никита, Г. Цуцуй. Ленинизм — направляющая сила в борьбе КПР за переход от завершения буржуазно-демократической революции к революции социалистической; С. Пуни. Ленинизм — путеводная звезда РРП в борьбе за формирование социалистического сознания у трудящихся РНР. Документы: Письмо В. И. Ленина, найденное в нашей стране; Открытка, подписанная В. И. Лениным, адресованная К. Доброджану-Геря.

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 1.

Й. Мацек. Состояние и задачи чехословацкой историографии в период завершения строительства социализма; Л. Голотик. О состоянии и задачах исторической науки в Словакии; Й. Гендрих. О задачах исторической науки в период строительства социалистического общества; З. Неедлы. Об отношении истории к современности; И. Веселы. Историческая роль рабочего класса в истории Чехословакии.

«Československý časopis historický. 1960. № 2.

Ч. Аморт. Помощь СССР Чехословакии в ее борьбе за национальное освобождение в 1939—1945 гг.; И. Коржалка. Совместная борьба чехословацкого и немецкого рабочего класса — исторический фундамент дружбы ЧСР и ГДР; Ф. Грбата. Европейский антифашистский съезд и его значение в борьбе за единый и национальный фронт (к истории международного антифашистского и антивоенного движения в 1933 г.). Дискуссии: Ф. Граус. О «юридически-историческом» изложении истории средневековья; П. Раткош. К методу датирования В. Менцлом двух сохранившихся древнейших зданий в Венгрии.

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Антифашистское и освободительное движение во время второй мировой войны

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Sonderheft zum 15. Jahrestag der Befreiung Deutschlands vom Hitlerfaschismus. Berlin. 1960. S. 10—68.

В специальном номере, посвященном 15-летию освобождения Германии от гитлеризма, журнал опубликовал большую статью директора Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ Л. Эйнике «Антифашистское движение и освободительная борьба народов как важные факторы поражения германского империализма во второй мировой войне». В основе статьи лежит доклад, сделанный автором на научной сессии историков ГДР и СССР в Берлине (декабрь 1959 г.).

Один из вопросов, рассмотренных Л. Эйнике,— борьба КПГ против подготовки войны германским империализмом. Автор анализирует решения Бернской конференции КПГ (1939 г.), вооружившей рабочий класс программой действий против гитлеровской диктатуры.

Во втором разделе статьи прослеживается начальный период движения Сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах Европы — Польше, Чехословакии, Франции, Голландии, Албании и др. Приводимые Л. Эйнике архивные материалы убедительно опровергают фальсификаторские утверждения реакционных буржуазных историков относительно позиции коммунистов в первые годы войны, до нападения гитлеровской Германии на СССР. Благодаря политике объединения антифашистских сил, последовательно проводившейся компартиями с самого начала войны, отдельные выступления против оккупантов выросли в дальнейшем в могучее национально-освободительное движение народов.

Л. Эйнике характеризует значение Великой Отечественной войны Советского Союза для роста сопротивления фашистским агрессорам. Подвиги советских людей придавали патриотам всех стран силу и уверенность в том, что антифашистское сопротивление, несмотря на временные поражения и огромные жертвы, увенчается успехом. Как видно из материалов, извлеченных автором из архивов гестапо, борьба против фашистских захватчиков стала повсеместной.

Особенно подробно автор освещает влияние победы советских войск под Сталинградом на рост освободительного движения в разных странах. Он привлекает для этого разнообразный, в том числе и архивный, материал.

Уделяя внимание главным образом Германии, автор раскрывает ту трудную обстановку, в которой приходилось действовать немецким антифашистам. В статье дается оценка заговора 20 июля 1944 г., раскрываются реакционные цели основной группы заговорщиков (Герделер, Бек, Попиц и др.) и характеризуется позиция группы Штауфенберга, которая выступала за установление демократического строя в Германии и налаживание мирных отношений со всеми странами.

Развертыванию антифашистской борьбы способствовало создание Национального комитета «Свободная Германия», возникшего в СССР и затем привлекшего значительное количество приверженцев как в самой Германии, так и в оккупированных ею странах. Существенную роль играло также все более налаживавшееся сотрудничество немецких антифашистов с военнопленными и с иностранными рабочими, согнанными в Германию.

Важное место в статье Л. Эйнике отводится партизанской борьбе, которая особенно широкий размах приняла на территории Советского Союза. Автор доказывает несостоятельность часто встречающегося в буржуазной литературе тезиса о «незаконном характере» партизанского движения. Он рассматривает действия партизан как одну из важнейших и эффективных форм сопротивления гитлеровским захватчикам, как выражение наивысшей готовности к борьбе и проявление подлинного героизма. Л. Эйнике раскрывает глубоко интернационалистский характер партизанского движения, в рядах которого плечом к плечу сражались представители различных народов. Приводимые в статье цифры о размахе сопротивления народов оккупированных стран отражают широкие масштабы народной борьбы.

Л. Эйнике показывает, как после Сталинградской битвы внутри движения Сопротивления начался процесс дифференциации. Националистические элементы в ряде европейских стран усилили свои попытки разбить единство антифашистского лагеря.

Эти реакционные силы, как и оппозиционная часть германской буржуазии и генералитета, желавшая свергнуть Гитлера во имя спасения германского империализма, пользовались поддержкой правящих кругов Англии и США. Однако попытки реакции в большинстве европейских стран окончились провалом. Антифашистское движение, подчеркивает Л. Эйнике, выражало патриотическое сознание народных масс, превративших вторую мировую войну в войну справедливую, освободительную.

Национально-освободительная борьба, в которой решающую роль сыграли народы Советского Союза, явилась одной из исторических предпосылок возникновения народно-демократического строя в странах Восточной и Юго-Восточной Европы. В ряде стран Запада единство патриотических сил, достигнутое в ходе движения Сопротивления, сохранилось и после разгрома гитлеризма. Опыт сотрудничества людей различных политических взглядов, приобретенный в борьбе против гитлеризма, сказался в послевоенные годы на развитии всемирного движения сторонников мира.

Л. И. Гинцберг

Социал-демократия и крестьянское движение в Румынии в конце XIX века

«Analele institutului de istorie a Partidului de pe lînga C. C. al P. M. R.». Bucureşti. 1959, № 5, p. 5—28.

Статья Г. Матея «Рабочее движение и усиление классовой борьбы в деревне в конце XIX века» посвящена малоизученному в румынской историографии вопросу. Она написана главным образом на материалах архива Института истории партии при ЦК РРП. Использованы также документы социал-демократической и рабочей прессы того периода.

Г. Матей показывает глубокое различие взглядов у оппортунистических руководителей социалистических кружков (а впоследствии— социал-демократической партии) и у революционных элементов социалистического движения относительно путей решения крестьянского вопроса. В конце XIX в. в установках кружков, а затем партии по аграрному вопросу предусматривалась не экспроприация помещичьих земель, а постепенный выкуп крупных земельных владений. Вместе с тем Г. Матей подчеркивает, что социал-демократы выдвигали требования, направленные на ограничение помещичьей эксплуатации.

Используя богатый фактический материал, автор прослеживает связи рабочего и крестьянского движения. Он приводит интересные сведения о том, что инициаторами обсуждения крестьянского вопроса на съездах социал-демократической партии выступали, как правило, делегаты с мест, рядовые участники движения; уже на втором съезде, в 1894 г., в числе делегатов находились четыре представителя крестьян.

С 1895 г. определилось более четкое размежевание между оппортунистической и революционной тенденциями в социал-демократии Румынии, в частности по крестьянскому вопросу. Оппортунисты хотели ограничиться буржуазными реформами в деревне и боялись роста революционного движения крестьянства. Против этой оппортунистической тактики выступил на V съезде представитель революционных элементов И. К. Фриму. Он потребовал поставить во главу угла пропагандистской работы в деревне вопрос о земле.

Оппортунизм социал-демократических руководителей нашел также отражение в уставе созданных партией сельских клубов. Устав предусматривал лишь мирные, легальные действия ради завоевания отдельных реформ. Но рабочие, непосредственно участвовавшие в организации клубов, и крестьяне, ставшие их членами, рассматривали клубы как организаторские центры борьбы с помещиками. В деревне начались выступления против кабальных арендных контрактов, нападения на помещичьи усадьбы. Напуганные движением, оппортунисты прилагали отчаянные усилия, стараясь свести его в русло петиций, просьб и т. п. Захват крестьянами помещичьих земель оппортунисты квалифицировали как «грабеж».

С середины января 1899 г. правительство приступило к жестокому подавлению крестьянских выступлений. Многие активные участники клубов были арестованы и подверглись избиениям. Это вызвало протест рабочих против «гнусностей либерального правительства и его администрации» (из резолюции митинга, созванного рабочим клубом Бухареста 27 февраля 1899 г.). Г. Матей приводит примеры попыток крестьян освободить своих односельчан, попавших под арест. Дело доходило до осады примарий и жандармских постов, где содержались арестованные.

Автор подчеркивает, что мощное крестьянское движение, пользовавшееся сочувст-

вием и поддержкой рабочих, напугало оппортунистических лидеров социал-демократии. Они решились на открытое предательство и перебежали к либералам.

В. Н. Виноградов

Как создавалась Коммунистическая партия Великобритании

«Marxism Today». London. January 1960, pp. 1—10.

Статья члена ЦК английской компартии Джеймса Клугманна «Образование Коммунистической партии Великобритании» начинается с краткого обзора состояния английского рабочего движения перед первой мировой войной. Тогдашней отличительной чертой движения являлось наличие, с одной стороны, массовых организаций пролетариата (тред-юнионы, лейбористская партия и др.), проповедовавших реформизм и классовое сотрудничество, и с другой — небольших социалистических организаций, стоявших на позициях научного социализма, но часто сектантских, изолированных от масс.

Великая Октябрьская социалистическая революция усилила стремление передовых английских рабочих-социалистов к организации марксистской революционной партии. Большую роль в ее создании сыграла Британская социалистическая партия (БСП), наиболее крупная и авторитетная из всех имевшихся в Англии марксистских организаций, упорно боровшаяся против империалистической войны и интервенции в Советской России, воспитавшая многих видных деятелей революционного крыла рабочего движения. Именно она выступила инициатором создания компартии. Активное участие в образовании коммунистической партии приняла и Социалистическая рабочая партия (СРП), также выступавшая против войны и интервенции. Небольшая по численности СРП успешно пропагандировала идеи марксизма в Шотландии. Наряду с этими двумя политическими организациями в переговорах о создании коммунистической партии, начавшихся после окончания первой мировой войны, участвовали и другие социалистические организации и группы. Это прежде всего Рабочая социалистическая федерация, отличавшаяся крайним антипарламентаризмом, и Социалистическое общество Южного Уэльса, имевшее большой опыт боевой работы среди горняков.

Переговоры об образовании компартии Джеймс Клугманн подразделяет на три фазы.

В первой — после окончания войны до марта 1919 г.— участвовали Британская социалистическая партия, Социалистическая рабочая партия и Независимая рабочая партия. В ходе дискуссий выяснилось, что лидеры НРП (Р. Макдональд, Ф. Сноуден) стоят на реформистских позициях и не желают создания боевой социалистической организации. Вести с ними переговоры далее было бессмысленно.

Вторая, основная фаза переговоров имела место с ноября 1919 по май 1920 года. В них участвовали в основном четыре организации: Британская социалистическая партия, Социалистическая рабочая партия, Рабочая социалистическая федерация и Социалистическое общество Южного Уэльса. В ходе переговоров была достигнута договоренность по всем важнейшим вопросам: о необходимости революционной борьбы за свержение капитализма и установление диктатуры пролетариата, о вступлении в Коммунистический Интернационал. Однако по тактическим вопросам — о парламентской деятельности и об отношениях с лейбористской партией — ввиду резких разногласий единства взглядов достичь не удалось. Поэтому было решено оставить два последних вопроса на рассмотрение делегатов Учредительного съезда.

Последняя фаза переговоров началась в июне 1920 года. Обсуждались главным образом организационные моменты. Для созыва Учредительного съезда был создан Объединенный временный комитет.

Учредительный съезд Коммунистической партии Великобритании состоялся 31 июля — 1 августа 1920 года. На нем присутствовало около 160 делегатов, располагавших 211 мандатами. Съезд с большим энтузиазмом встретил послание В. И. Ленина, который одобрил план немедленной организации компартии и высказался за ее участие в парламентской деятельности, а также за ее вхождение в лейбористскую партию. По последним двум вопросам на съезде развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой одержали верх сторонники участия коммунистов в парламентской деятельности и вхождения в лейбористскую партию.

Отдельный раздел статьи Джеймса Клугманна посвящен роли В. И. Ленина и Коммунистического Интернационала в создании английской компартии. В своих выступлениях и работах В. И. Ленин подчеркивал

настоятельную необходимость немедленного основания в Англии марксистской партии, даже при наличии тактических разногласий между ее членами. Особенно подчеркивал В. И. Ленин важность установления связей партии с рабочими массами. На II конгрессе Коммунистического Интернационала (июль — август 1920 г.) В. И. Ленин принял активное участие в дискуссии по вопросам о парламентской деятельности и о вхождении в лейбористскую партию, что оказало огромное влияние на английскую делегацию и в значительной мере способствовало принятию партией правильного решения.

После конгресса была предпринята новая попытка вовлечь в компартию те марксистские группы, которые все еще оставались вне ее рядов. С августа 1920 по январь 1921 г. состоялась серия совещаний, результатом которых явился созыв Лидского объединительного съезда. Делегаты единодушно одобрили представленный им доклад созданного осенью Объединенного комитета, приняли временный устав партии и избрали ее руководящие органы.

«Создание коммунистической партии,— пишет Джеймс Клугманн в заключение,— означало, что революционное знамя было поднято в стране, где реформизм глубоко проникал рабочее движение и где все ключевые позиции в рабочем движении находились в руках реформистов».

И. Н. Ундасынов

Из истории боевого содружества советского и французского народов

«Cahiers du communisme». Paris. Mars 1960, № 3, pp. 380—411.

Статьи П. Энтжеса «Нормандия— Неман» и Г. Лароша «Советские люди во французском Сопротивлении» — это исторические исследования о солдатах, «которые сражались каждый в стране другого против общего врага и вписали одну из самых прекрасных страниц в историю франко-советского братства по оружию».

Статья П. Энтжеса посвящена прославленному авиаполку «Нормандия — Неман». Источниками ее послужили «Боевой журнал» полка, а также уже опубликованные работы. В статье рассказывается об истории создания авиаэскадрильи «Нормандия» (февраль — ноябрь 1942 г.), о жизненном пути ее летчиков, о том, как весной 1943 г. они вступили над советской землей в бой с фашистами. Автор убедительно показывает, что́ влекло французских пилотов в небо далекой России. «Столица СССР,— писал один из героев «Нормандии», Франсуа де Жоффр,— была столицей мира, борющегося против фашизма». На советских самолетах, бок о бок с советскими летчиками французские пилоты героически сражались за победу над общим врагом. Лишь за неделю боев — с 12 по 19 июля 1943 г.— эскадрилья (15 самолетов) провела 70 воздушных боев, сбила 18 фашистских самолетов (потеряв около половины своего состава). Французские летчики сражались под Орлом и Смоленском, у Витебска и Орши, над Березиной и Неманом. К лету 1944 г. эскадрилья выросла в полк, которому вскоре было присвоено наименование Неманского. Последние месяцы, вплоть до мая 1945 г., французские летчики вели борьбу уже над Восточной Пруссией. Всего за два с лишним года борьбы на советско-германском фронте они выполнили более 5 тыс. боевых заданий, провели 900 воздушных боев, сбив 273 фашистских самолета (потеряв 46 своих).

Автор взволнованно говорит о дружбе и чувствах интернационального братства, с которыми советские люди относились к французским патриотам, о высокой оценке, которую советский народ и Советское правительство дали их воинскому подвигу, о горячих симпатиях к СССР, которые навсегда остались в сердцах «107 людей из Франции, закрепивших своей самоотверженностью и пролитой кровью франко-советскую дружбу».

Со статьей о «французах в форме», сражавшихся в СССР, перекликается статья руководителя общества «Франция — СССР» Г. Лароша, посвященная советским патриотам «без формы», действовавшим во Франции. Некоторые факты из истории этой борьбы известны советским читателям из одновременно опубликованной в Советском Союзе статьи М. А. Кокорина и А. А. Стручкова «О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943 — 1944 годах» («Вопросы истории», 1960, № 3). Г. Ларош приводит ряд новых подробностей об этой борьбе.

В конце 1943 г., указывает автор, во Франции находилось около 20—25 тыс. советских граждан. Половину из них составляли военнопленные, томившиеся за колючей проволокой в лагерях на севере и востоке страны. Каторжные условия жизни не сломили воли заключенных. С помощью местного населения и сил французского Со-

противления советские люди уже в 1943 г. активно включились в борьбу. Во всех лагерях были организованы комитеты, возглавлявшие организацию саботажа, диверсий, подготовку к вооруженному восстанию.

Борьба протекала в труднейших условиях. У бежавших из лагерей не было оружия, они не знали французского языка. В это время особенно велико было значение самоотверженной помощи французских шахтеров и крестьян советским бойцам. Создание лагерных комитетов и подпольного общего штаба советских военнопленных позволило придать борьбе советских патриотов во Франции организованный характер.

С каждым месяцем борьба становилась все шире и ожесточенней. К маю 1944 г. уже тысячи советских людей — представители многих народов Советского Союза — сражались в партизанских отрядах на территории Франции. Существовало несколько десятков советских партизанских отрядов: «Котовский», «Чапаев», «За Родину», «Донбасс», «Катюша», «Парижская коммуна» и т. д. В других отрядах советские люди сражались рядом с французами, испанцами, поляками. «Наши действия,— указывалось в печатном органе советских партизан во Франции,— это наша конкретная помощь наступающей Красной Армии, наша братская помощь французскому народу».

После высадки союзнических войск во Франции удары советских отрядов по врагу стали еще сильнее. Недалеко от Дижона отряд имени Максима Горького, действуя с исключительным мужеством, уничтожил до тысячи гитлеровцев, 800 человек взял в плен и передал войскам союзников. Советские партизанские отряды освобождали французские города, без устали преследовали отступающих фашистов и в конце августа 1944 г. вместе с отрядами французского Сопротивления вышли к северо-восточным границам Франции. Советские бойцы приняли участие в героическом Парижском восстании в августе 1944 года. Именно они, захватив здание советского посольства, подняли красный флаг над ним. В конце 1944 г. из состава советских партизан, действовавших на юге Франции, был сформирован первый советский партизанский отряд, существовавший фактически как часть регулярной Советской Армии.

Так в едином строю с героями французского Сопротивления вдали от Родины боролись советские люди, воспитанные Коммунистической партией Советского Союза. Их борьба и жертвы, высокий дух пролетарского интернационализма, воодушевлявший патриотов, навсегда запечатлелись в сердце великого французского народа. «Кровь советских партизан, оросившая французскую землю,— пишет Ларош,— скрепила дружбу, которая навсегда соединила французский и советский народы».

Обе статьи своевременно и убедительно напоминают о важных уроках истории, о подлинных друзьях и действительных врагах французского народа.

К. Л. Львов

Связи немецких и итальянских социалистов в 70—80-х годах XIX века

«Studi storici». Roma. 1959, № 1, p. 62—136.

Новый итальянский исторический журнал «Studi storici», издаваемый с конца 1959 г., поместил в своем первом номере статью Э. Раджоньери «Немецкие социал-демократы и итальянские социалисты (1878—1888)».

В результате введения в Германии исключительного закона против социалистов многие руководители немецкой социал-демократии эмигрировали в Швейцарию. Это содействовало установлению более тесных и многообразных контактов между социалистами Германии и Италии. В первой половине 80-х годов Италию посетили некоторые ведущие деятели немецкой социал-демократии, выступившие с докладами перед итальянскими товарищами.

Важную роль в укреплении связей между рабочим и социалистическим движением в Италии и Германии сыграл в то время еженедельник «Der Sozialdemokrat», который с сентября 1879 г. издавался в Цюрихе. В журнале часто помещались материалы о положении итальянского рабочего класса, о рабочем и социалистическом движении в Италии. Первым итальянским корреспондентом журнала был социалист Андреа Коста, освещавший в своих статьях тяжелые условия жизни итальянского пролетариата и крестьянства. Э. Раджоньери уделяет много внимания деятельности немецкого социалиста Эмиля Кербса, благодаря которому, по мнению автора, рабочие общества и ассоциации Северной Италии значительно укрепили связи с немецкой социал-демократией.

В 80-е годы Кербс принимал активное участие в итальянском рабочем движении. В конце 1880 г., когда социалистические группы Северной Италии решили созвать съезд с целью создания общеитальянской социалистической организации, Кербс на-

стойчиво проводил в своих статьях мысль о необходимости борьбы итальянского социализма за «чистоту принципов» и за «единство организации». Выдвигая эти задачи, Кербс имел в виду прежде всего отделение рабочего класса от буржуазии и решительную борьбу за ликвидацию всякой опеки буржуазии над рабочим движением. В то же время Кербс боролся против всякого доверия политике «государственного социализма», которую по примеру Бисмарка пытались проводить представители итальянских правящих кругов.

В это время Доминико Берти, один из министров в правительстве Депретиса, выступил с проектами законов о пенсионных кассах, об юридическом признании рабочих обществ взаимопомощи и об урегулировании забастовок. Разрабатывая эти законопроекты, Берти, как и Бисмарк, вдохновлялся идеей о необходимости проведения по отношению к рабочему движению политики «кнута и пряника». Кербс добивался того, чтобы Итальянская рабочая партия, в основании которой он принимал участие, повела решительную борьбу против проекта законов Берти, следуя примеру немецкой социал-демократии, развернувшей выступления против социальной политики Бисмарка. Кербс оказал значительную помощь итальянскому рабочему движению в овладении опытом этой борьбы. Автор статьи указывает, что в результате усилий Кербса газета Итальянской рабочей партии повела кампанию по разоблачению «реформ» Бисмарка и проектов законов Берти.

Вместе с тем Кербс на страницах итальянской рабочей печати призывал итальянских социалистов к активному участию в избирательной борьбе. Он настаивал на использовании различных средств для достижения целей трудящихся: «Сегодня — избирательного бюллетеня и избирательной борьбы, завтра — ружья и баррикад». В то же время Кербс выступил в «Der Sozialdemokrat» с резкой критикой Коста, который в ходе избирательной кампании действовал в союзе с представителями радикальной буржуазной демократии. В развернувшейся на страницах журнала полемике между Коста и Кербсом последний подчеркивал необходимость преодолеть организационную слабость и раздробленность итальянского рабочего движения.

В 1885—1887 гг. Итальянская рабочая партия продолжала поддерживать связи с немецкой социал-демократией. В 1885 г. «Der Sozialdemokrat» известил своих читателей, что Центральный Комитет Итальянской рабочей партии обратился к рабочим Германии и Швейцарии с просьбой оказать помощь 800 бастующим рабочим в Монце. В 1886 г., в момент наиболее широких репрессий итальянского правительства против рабочей партии, «Der Sozialdemokrat» призывал оказать поддержку семьям арестованных итальянских товарищей. Эти акты пролетарской солидарности содействовали укреплению среди итальянских социалистов симпатий к немецкой социал-демократии. В своей статье Раджоньери познакомил читателей с интересной страницей в истории братских связей передовых рабочих двух стран.

В. С. Бондарчук

Предыстория аншлюса

«*Weg und Ziel*». Wien. 1960, № 3, S. 207—219.

В журнале напечатана статья профессора К. Обермана (ГДР) ««Особая миссия» Папена и подготовка аннексии Австрии». Эта работа, отмечает редакция журнала, приобретает тем больший интерес, что Папен не так давно назначен тайным советником папы.

К. Оберман на основе архивных документов из фондов министерства иностранных дел Германии показывает, что Папен был занят в Австрии прежде всего организацией нажима на австрийское правительство, с тем чтобы заставить его удовлетворить требования гитлеровцев. Как установил автор статьи, орудие для такого нажима Папен нашел в руководстве христианских профсоюзов Австрии и связанного с ними военизированного «Союза свободы». С их помощью Папен вел деятельную подготовку к переговорам о германо-австрийском «соглашении», которое должно было проложить путь аншлюсу.

Папен предпринял также определенные шаги, чтобы обеспечить внешнеполитическую поддержку планов германских империалистов в отношении Австрии. В апреле 1936 г., во время посещения Вены Чемберленом, Папен имел с ним беседу. Как показывает К. Оберман, Чемберлен заявил Папену, что он выступает за договоренность с гитлеровской Германией. Вскоре после этого состоялась встреча Папена с Гитлером, во время которой были намечены дальнейшие шаги Германии в отношении Австрии. В статье освещена закулисная механика деятельности

папеновской агентуры, приведшей к подписанию 11 июля 1936 г. известного соглашения, которое поставило Австрию в зависимость от гитлеровской Германии.

Следующим этапом закабаления Австрии, согласно замыслам гитлеровцев, должен был стать аншлюс. Из секретных донесений Папена, относящихся к 1937 г., видно, что он уже тогда рассматривал Австрию не как самостоятельное государство, а как будущую германскую провинцию — «Остмарк», призванную «выполнять в рамках общегерманской политики предуказанную ей роль посредника в восточном пространстве». На этом этапе на Папена была возложена не только внутриполитическая подготовка захвата Австрии, но и важные функции внешнеполитического зондажа. С этой целью Папен в начале ноября 1937 г. совершил, например, тайную поездку в Париж, где беседовал с французским премьером Шотаном и министром иностранных дел Бонне. Из донесения Папена Гитлеру, которое цитирует К. Оберман, явствует, что французские государственные деятели обещали ничего не предпринимать против «расширения немецкого влияния в Дунайском бассейне».

В заключение К. Оберман раскрывает роль Папена в дни самого аншлюса. Последняя беседа Папена с Шушнигом, о которой пишет автор, вновь изобличает Папена как рьяного проводника планов германского империализма, а не «миротворца», каким хотела бы представить его буржуазная историография.

Л. И. Гинцберг

Французские буржуазные историки о перспективах развития исторической науки

«Revue historique». Paris. 1959, juillet — septembre, pp. 34—50.

В июльско-сентябрьском номере опубликован доклад «Ориентация исторической науки», составленный тремя широко известными историками, представляющими различные направления современной французской буржуазной науки: Фернаном Броделем, Эрнестом Лябруссом, Пьером Ренувеном[1]. Доклад определяет в общей форме широкий круг проблем, на разработку которых следует, по мнению его авторов, прежде всего направить усилия историков, занимающихся вопросами новой и новейшей истории. Содержание доклада во многом отражает научные интересы и социологические представления значительного отряда современных буржуазных историков Франции, со всей очевидностью показывает слабости и пороки методологии французской буржуазной историографии. Авторы признают неудовлетворительным состояние организации исторической науки во Франции. Они предлагают провести целый ряд мер для устранения этих недостатков.

В докладе справедливо отмечается, что плодотворное развитие исторической науки требует, с одной стороны, тесной связи ее с сопредельными «науками о человеке» (география, философия, экономика и т. д.), с другой — солидарности и взаимной поддержки между различными отраслями собственно исторического знания (экономическая, социальная, дипломатическая история и т. д.).

По мнению авторов, для преодоления неудовлетворительного состояния в организации исторической науки необходимо провести ряд организационных мер. Они предложили конкретную программу, пронизанную одной главной идеей — преодолеть распыленность и параллелизм в исследовательской работе путем концентрации сил историков в рамках научных центров (институтов и групп), создаваемых по проблемному принципу. Одним из таких учреждений должен стать, по их мнению, Комитет по истории второй мировой войны, включенный недавно в систему Национального центра научных исследований.

Каковы же «главные направления в развитии исследований», предлагаемые в намеченной докладом программе?

На первом месте стоит экономическая история, включающая прежде всего историю сельскохозяйственной и промышленной техники «в ее связи со всей экономической и социальной историей» и с ее «отражением на истории социальных групп». С историей техники (а также с вопросами демографии, которым посвящен особый подраздел) граничит исследование за длительный период роста продукции и населения, а также движения цен. В этой связи выдвигается проблема истории доходов (прежде всего заработной платы и прибыли), вложений, кредита и банков. Поставленные задачи должны решаться в форме региональных иссле-

[1] Ф. Бродель — видный представитель так называемой «школы Анналов»; Э. Лябрусс — один из председателей «Общества по изучению истории робеспьеризма»; П. Ренувен — почетный декан историко-филологического факультета Сорбонны, директор журнала «Revue historique».

дований и трудов, посвященных истории отдельных отраслей экономической деятельности. Авторы считают необходимым, в частности, умножить усилия по созданию истории отдельных, прежде всего крупных, предприятий (отмечая как пример готовящиеся диссертации по истории рудников и шахт Кармо, Луары, Севера и Па-де-Кале).

В качестве второго общего направления докладчиками выдвинута социальная история, изучение которой, по мнению авторов, до сих пор отставало. Под изучением социальной истории они понимают прежде всего исследование (на основе фискальных, нотариальных, ипотечных, демографических, избирательных, экономических материалов) «социо-профессиональных структур общества нового и новейшего времени» с построением соответствующей статистики, создание истории «социо-профессиональных групп», сопоставление ее в определенных географических рамках с историей экономики, исследование «коллективной идеологии» и т. д.

В области политической истории авторы, не оспаривая целесообразности наметившейся в современной буржуазной науке тенденции к изучению прежде всего истории учреждений, считают нужным привлечь внимание ученых к сравнительному исследованию французских и иностранных учреждений XVI—XVIII веков.

Доклад рекомендует расширить горизонты исследователей истории идей и, не ограничиваясь изучением теорий, крупнейших трудов, их влияния на массы, перейти к созданию работ, воссоздающих «интеллектуальный климат» отдельных социальных групп, то есть выясняющих для определенной эпохи «влияние политических идей на литературу, религию, политическую и социальную мысль и влияние социальных структур, экономических обстоятельств и научного прогресса на формирование этих идей; в итоге получится исследование взаимных влияний и связей».

Намечая далее программу работ в области истории религии, авторы считают нужным усилить внимание к исследованию «социологии религии», организуя коллоквиумы с участием служителей церкви, социологов, философов. В истории международных отношений основное внимание исследователей должно привлечь изучение политических экономических и интеллектуальных отношений между народами, а также изучение «коллективной психологии» народов в международном аспекте.

Таковы основные направления, намеченные в докладе.

Нельзя не признать справедливость критики современной организации французской исторической науки, а также разумность предложенных авторами мер по концентрации усилий ученых (хотя их осуществимость в условиях буржуазной Франции не может не показаться весьма сомнительной). Заслуживают внимания соображения о необходимости взаимной связи между историей и другими общественными науками, между различными отраслями самого исторического знания, так же как проявившееся в докладе стремление подчинить конкретные исследования решению определенных задач исторического синтеза, в частности в области социально-экономической истории.

Отражают ли, однако, структура предложенной в докладе системы исторических исследований и взаимная связь поставленных авторами проблемных комплексов объективную внутреннюю логику самого исторического процесса? В целом ответ должен быть отрицательным. Авторы исходят из наиболее распространенных в буржуазной литературе Франции социологических концепций. В частности, доклад носит печать исторических воззрений так называемой «школы Анналов» с ее стремлением к созданию обобщающих работ, сближению различных общественных наук, вниманием к социально-экономическим проблемам и вместе с тем эклектичной методологией позитивистского толка, явственно заостренной у некоторых ее представителей против марксизма.

Поэтому не должен вводить в заблуждение тот факт, что рассмотрение важнейших направлений исторического исследования начинается в докладе с проблем социально-экономической истории. Предлагая французским историкам сосредоточить внимание на изучении этих проблем, авторы, по сути дела, ориентируют на рассмотрение их не как первоосновы исторического процесса, а лишь как одного из «факторов» (хотя и весьма важного, но не первичного), воздействующих на движение человеческой истории. Проблематика экономической истории, предлагаемая в докладе, концентрирует внимание главным образом на истории техники и обращения. Характерно, что авторами вообще обойдены такие понятия, отражающие определенные конкретные закономерности исторического процесса, как промышленная революция (впрочем, такая же участь по-

стигла революции вообще), монополии, империализм и т. д.

Призывая к исследованию социальной истории (прежде всего так называемых социальных структур), они видят одну из главных задач этой работы в исследовании «социо-профессиональных групп» (их численности, имущественного положения, образа жизни и т. д.). Авторы придерживаются модных в западной социологии теорий «социальной мобильности», «социальной стратификации», направленных против марксистского учения о классах[2]. Понятие «класс» вообще не фигурирует в докладе, равно как и проблема борьбы классов, без изучения которой не может быть, разумеется, понята ни социально-экономическая, ни любая другая история.

Взгляды авторов на изучение проблем политической истории находят свое яркое отражение в предлагаемых ими темах. Так, для политической истории Франции XIX—XX вв., насыщенной, как известно, острейшими классовыми и, стало быть, политическими битвами, доклад предлагает следующие конкретные вопросы: крупные темы, поднятые в предвыборной литературе, и то, каким образом эти темы были переняты и трансформированы в парламентских дебатах; социальный состав парламентских собраний; социальный состав высших кадров администрации, армии, преподавателей университетов, духовенства. Совершенно очевидно, что любое количество статистических и иных данных, собранных исследователями, идущими в русле этих установок, не может дать основы для изучения исторического процесса.

Авторы явно находятся под влиянием позитивистских доктрин. Не случайно они ориентируют историков на изучение так называемой коллективной психологии. Причем фигурируют такие «проблемы», как исследование «коллективных представлений» и «социологических образов и типов», например, коллективное представление о «святости» священника, «социологический образ» «священника, отца семейства, порядочного человека» и т. д. В заключение отметим, что в докладе не обойдена и проблема так называемой «западной цивилизации», сама постановка которой в буржуазной историографии имеет вполне определенный политический смысл.

Доклад показывает неспособность современной буржуазной науки создать такую программу исторических исследований, которая правильно отражала бы действительную логику исторического процесса. Он свидетельствует о кризисе, который переживает буржуазная историческая и социологическая мысль.

А. В. Адо

[2] См. А. Я. Боярский. О так называемой социальной мобильности. «Вопросы философии», 1958, № 5.

Памяти Жоржа Лефевра

«Annales historiques de la Révolution Française». Paris. 1960, № 1.

Первый номер журнала за 1960 г. посвящен памяти скончавшегося в августе 1959 г. редактора журнала, президента «Общества по изучению истории робеспьеризма», крупнейшего французского историка Жоржа Лефевра. В номере помещены статьи видных ученых Франции, Италии, Советского Союза, Англии, Германской Демократической Республики, Соединенных Штатов Америки, Японии.

В работе академика В. П. Волгина и доктора исторических наук А. З. Манфреда дана характеристика значения трудов Лефевра, показано, что советские историки высоко ценят его вклад в изучение социальной истории революции. Авторы отмечают, с какой теплотой и радушием относился Лефевр к советским ученым.

Для выяснения роли Лефевра в изучении истории французской революции наибольший интерес представляет статья ближайшего ученика покойного, автора монографии «Санкюлоты II-го года» Альбера Собуля. Отметив влияние, оказанное на Лефевра трудами Жореса и Лучицкого, Собуль подробно останавливается на вкладе Лефевра в изучение аграрной истории революции. Его книга «Крестьяне Севера во время французской революции», эта «жемчужина французской историографии», по определению бельгийского историка Анри Пиренна, написанная в результате 20-летней работы, является не только образцом кропотливого монографического исследования. Она пролила новый свет на историю классовых взаимоотношений и классовой борьбы во французской деревне накануне и в годы революции. Важнейшим дополнением к этому исследованию была работа «Аграрный вопрос во время террора». Лефевр, считавший, что «каждый капитан должен прежде всего побывать матросом», только в 50-летнем возрасте разрешил себе заняться обобщающими, синтезирующими трудами по истории революции. Его «Французская революция»,

написанная сперва в сотрудничестве с Ф. Саньяком и Р. Гюйо, а затем, в 1951 г., переработанная им самим заново, является прекрасным сводным курсом по истории революции.

В работах Ж. Сюррато, Ж. Годшо, М. Рейнара, М. Булуазо освещены другие стороны деятельности Лефевра как историка Директории и наполеоновской империи, руководителя комиссии по изданию документов по экономической истории революции, профессора Сорбонны. Жан Дотри в статье «Ж. Лефевр и бабувизм» отмечает, что из своего маленького домика в Булонина-Сене Лефевр «руководил целым интернационалом ученых, занимавшихся бабувизмом и буонарротизмом».

Интересны труды, посвященные изучению влияния Ж. Лефевра на историков других стран. Вальтер Марков (ГДР), состоявший в длительной переписке с Лефевром, подчеркивает, что исследованию истории революции в Германии 20—30-х годов уделялось мало внимания. Только после разгрома фашизма в Лейпцигском университете сформировалась группа ученых, развернувшая значительную работу по изучению истории революции. Ж. Лефевр проявлял живейший интерес к их деятельности и всячески ей содействовал.

Статья А. Галанте Гарроне показывает, какое большое значение имели труды Лефевра для прогрессивной исторической науки в Италии. Работы Франко Вентури, Армандо Саитта и Галанте Гарроне, посвященные историографии революции, Буонарроти и Бабефу, были написаны под непосредственным влиянием Лефевра.

Любопытна работа видного японского историка Коаширо Такахаси, в которой отмечается влияние трудов Лефевра на японские исследования по истории революции Мейдзи.

В номере помещены также статьи, освещающие значение трудов Лефевра для американских и английских историков. Любопытную деталь сообщают А. Дэвис и Р. Кобб. В последние годы своей жизни Лефевр предполагал написать для английского исторического журнала «Past and Present» статью о «Священном союзе», считая эту тему чрезвычайно актуальной. «Известно,— пишут авторы,— как мало симпатий питал Лефевр к Атлантическому пакту».

В статьях и воспоминаниях (особенно Р. Гарми и Ж. Палу) содержится много интересного для характеристики общественных взглядов Лефевра. Внук ткача, Лефевр был всю жизнь честным и последовательным демократом. Не боясь преследований, он сразу же выступил в защиту Дрейфуса и был одно время близок к Ш. Пеги (в первые годы существования «Cahiers de la Quinzaine», когда в этом журнале ближайшее участие принимал Ромен Роллан). С огромным интересом читал Лефевр воспоминания о Коммуне Максима Вильома, печатавшиеся в этом журнале. Традиции Коммуны Лефевр ценил очень высоко и не раз участвовал в демонстрациях к «Стене коммунаров» на кладбище Пер-Лашез.

Жорж Лефевр с чрезвычайной враждебностью относился к германскому империализму, к гитлеризму. Его брат, географ Теодор Лефевр, был обезглавлен нацистами во время оккупации Франции. Горячий сторонник Народного фронта, Лефевр, как отмечает в своих воспоминаниях Рене Гарми, «никогда не скрывал своего восхищения Лениным и своих симпатий к международному коммунистическому движению». В статье «Лефевр и народ» Ж. Палу напоминает, что Лефевр в своем выступлении в Сорбонне, на праздновании его 80-летия, подчеркнул, что его всегда особенно привлекало изучение роли народных масс, которые являются «подлинными создателями истории и о которых неблагодарные историки чаще всего забывают».

Специальный номер «Анналов» является ценным вкладом в изучение биографии Ж. Лефевра. Глубоко поучительно то, что крупнейший французский историк первой половины XX в., ученый с мировым именем, вобравший в себя лучшие традиции французской культуры, стал искренним сторонником ленинских идей, как об этом с гордостью говорил Жак Дюкло в докладе «Ленин и уроки французской истории», прочитанном в Институте истории Академии наук СССР в дни празднования 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

В. М. Далин

Критика прагматизма с идеалистических позиций

«The American Historical Review». New York. Vol. LXIV, № 4, july 1959, pp. 879—890.

В № 4 за 1959 г. помещена статья Б. Т. Уилкинса «Прагматизм как теория исторической науки: Джон Дьюи о природе исторического исследования». Статья дает представление о дискуссии, которая ведет-

ся среди американских буржуазных ученых по философским основам исторической науки.

Проблемы философских основ исторической науки являются важным участком в современной идеологической борьбе. Буржуазные ученые, стоящие на позициях философского идеализма, продолжают отрицать закономерности общественного развития, пытаются доказать невозможность объективного исторического исследования. Немало потрудились на этой ниве прагматисты — представители субъективно-идеалистического течения, наиболее влиятельного в американской философии первой половины нашего столетия. Прагматизм оказал большое воздействие на таких крупнейших американских историков, как Ф. Тэрнер, Ч. Бирд и др.

В начале статьи Б. Т. Уилкинс отмечает, что влияние прагматизма в американских академических кругах ныне ослабло, на смену ему пришли такие «модные» философские течения, как экзистенциализм. Однако он считает, что философия прагматистов содержит в себе «дух и предпосылки современной американской историографии». Автор ставит своей задачей рассмотреть «критически, но доброжелательно» взгляды на историческую науку Джона Дьюи, «главного прагматиста нашего столетия».

Как отвечал Дьюи на коренной вопрос: является ли история наукой? По словам Уилкинса, Дьюи «отказывался углубляться в эту проблему». Такое определение Уилкинса является слишком мягким и обеляет Дьюи. На деле же Дьюи отказывался положительно ответить на кардинальный вопрос: является ли история наукой?

Функцию исторического исследования Дьюи ограничивает лишь отбором и классификацией материала. Но он лишает историю и этой функции, поскольку считает, что всякий акт отбора произволен и незаконен. По мнению Дьюи, суждение историка вырывает событие из того целого комплекса, частью которого оно является, и дает ему место в новом контексте, причем «и контекст и место, оба являются определениями, созданными исследованием, а не природными свойствами первоначального существования». Исходя из своих субъективно-идеалистических позиций, Дьюи, таким образом, совершенно отрицает возможность объективного исторического исследования. При всем своем благожелательном подходе к Дьюи Уилкинс не может согласиться с подобной точкой зрения. Расценивая позицию Дьюи как яркий пример исторического релятивизма, он говорит: «Если бы это было так, то я не знаю, какую функцию могла бы выполнять история, кроме как помогать тем, кому доставляет удовольствие обманывать мертвецов».

Отрицая объективный характер исторических исследований, Дьюи утверждал, что история пишется исключительно с точки зрения настоящего. Принцип непрерывности истории он доводит до такой крайности, что стирается различие между прошлым, настоящим и будущим. Для него прошлое совершенно похоронено под хаосом современных модных интерпретаций. Уилкинс критикует презентизм Дьюи, заявляя, что последний стирает всякую грань между открытиями историка и мотивами, определяющими его интерес к той или иной проблеме.

Историк, отмечает автор, действует совсем не так, как говорит Дьюи. «Историческое исследование — это открытие, и это также разумный комментарий». Дьюи не дает ответа на вопрос об истинности суждений историка. По этому поводу Уилкинс замечает: «Если мы не можем сказать, что истинно и что неверно в наших суждениях о прошлом, то мы отдаем себя во власть создателей мифов. Прагматизм не говорит нам... как мы можем избежать того, чтобы не стать жертвами наших собственных мифов. Например, говоря метафорично, мы можем думать, что находимся на гребне волны истории, а в действительности поток идет против нас».

Уилкинс отмечает, что рассуждения Дьюи об историческом исследовании напоминают высказывания другого апостола прагматизма — Чарлза Пирса, по словам которого, на место идеи истинности необходимо поставить веру. Это, по сути дела,— признание, что взгляды Дьюи ведут к фидеизму. Однако сам Уилкинс не признает этого открыто, не называет вещи своими именами. Последнее обстоятельство, впрочем, вполне понятно. Уилкинс полемизирует с Дьюи по ряду вопросов, но сам стоит на идеалистических позициях. Критикуя взгляды Дьюи на историю, он отдает предпочтение представителям идеалистической неогегельянской школы Б. Кроче и Р. Коллингвуду. «Исторические факты должны быть признаны идеями, сохранившимися от прошлого. ...Если достаточное количество этих идей укладывается в определенную систему, мы можем расширить позицию Кроче — Коллингвуда до того, чтобы позволить себе

формулировать обобщения или даже «законы»... помня о том, что это законы мысли, а не природы...» — говорит Уилкинс. Таким образом, хотя он и полемизирует с Дьюи, но не выходит из рамок философского идеализма, не признает объективного характера законов истории.

Статья Б. Т. Уилкинса показывает, что философские школы в американской исторической науке меняются, но идеалистические основы буржуазной историографии остаются неизменными. В этом одна из главных причин ее глубокого идейного кризиса.

В. П. Золотухин

Американские историки ищут выхода из кризиса

«History Today». London, November 1959.

В конце 1959 г. на страницах лондонской газеты «Times» была поднята дискуссия о перспективах развития исторической науки. В заметке Мориса Эшли «История в поисках читателя», открывшей эту дискуссию, выражалось беспокойство тем, что английские историки воздерживаются от «освещения больших проблем в ясной и живой форме», а это приводит к тому, что круг читателей исторической литературы неуклонно сокращается. Этим вопросам была посвящена передовая статья январского номера журнала «History Today» (1960, № 1) «История и массовый читатель». Редакция журнала отвергает упреки в адрес историков, объясняя их неудачи тем, что они «излишне скромны» и убеждены, что интерес к их работе не простирается дальше «учебных аудиторий или круга читателей специальных журналов».

В действительности причинами этих неудач является не стиль изложения или «скромность» историков, а их неспособность с позиций буржуазной методологии объяснить исторический процесс.

В поисках путей преодоления кризиса некоторые авторы обращаются к концепциям английской либеральной школы историков XIX века. В ноябрьском номере журнала «History Today» за 1959 г. напечатана статья Р. У. К. Хинтона «История вчерашнего дня», в которой автор стремится дать новую оценку работам четырех крупнейших английских либеральных историков XIX в.: Г. Галлама, Т. Б. Маколея, В. Стеббса, С. Р. Гардинера.

Успех их работы, по мнению автора, определялся в первую очередь тем, что форма изложения материала доведена до такого совершенства, которое, «вероятно, невозможно превзойти». Другой сильной стороной этих историков было то, что они пытались дать схему исторического развития, охватывавшую все периоды английской истории. «И хотя историческая схема либералов дискредитирована, еще не создано ничего, что могло бы заменить их трактовку конституционной истории»,— пишет Хинтон. Он пытается подновить концепции либеральных историков и советует отказаться от стремления объяснять ход исторического развития экономическими и социальными факторами. Только таким образом, считает Хинтон, удастся избежать марксистского объяснения исторического процесса, ибо если «принять экономические предпосылки и марксистскую теорию экономического развития, то будут логично объяснены конституционные изменения XVII века» (речь идет об эпохе английской буржуазной революции.— *В. Ч.*). Но именно это больше всего страшит автора статьи. По его мнению, проблематика исторических исследований должна быть ограничена вопросами морально-этическими, так как последнее время «история начала отклоняться от моральных целей» и появилась «опасная» тенденция к исследованию экономических мотивов человеческих действий. Только отказавшись от такого подхода, считает Хинтон, можно будет успешно заниматься проблемами новейшей истории. Все это делает настоятельно необходимой переоценку работ либеральных историков XIX века. По утверждению автора статьи, только у них можно найти трактовку исторического процесса, «достойную дискутирования с моральной точки зрения».

Статья Хинтона свидетельствует о глубоком кризисе, переживаемом буржуазной исторической наукой. В то же время она показывает бесплодность поисков выхода из этого кризиса на пути совершенствования формы изложения, равно как и отказа от изучения социально-экономических факторов, подмены их изучением абстрактных моральных проблем.

В. С. Чада

Американские империалисты и Куба («кубинский кризис» 1933 г.)

«The Hispanis-American Historical Review». Durham. Vol. XXXIX, november, № 4, pp. 538—563.

Победа народной революции на Кубе является знаменательным событием в истории народов Латинской Америки.

Правящие круги США прилагают все усилия, чтобы задушить кубинскую революцию. Немалую роль в этом играет идеологическая обработка общественного мнения Америки. В последнее время особенно настойчиво стала пропагандироваться идея о том, что США якобы всегда проводили в отношении Кубы и других стран Латинской Америки «бескорыстную», «дружественную» политику, что Вашингтон всегда заботился и готов заботиться и впредь не столько об интересах монополий США, сколько о судьбе самой Кубы.

Целям дезинформации общественности служит недавно опубликованная статья профессора истории в университете штата Небраска (США) Е. Давида Кронона «О новой политике «доброго соседа»: кубинский кризис 1933 года».

Как известно, под влиянием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. на острове развернулось всенародное движение против диктатора Мачадо, стоявшего у власти с 1925 года. Мощный революционный подъем на Кубе вызвал серьезную тревогу в Вашингтоне. Правительство США, стремясь сохранить свои позиции на Кубе, решило пожертвовать Мачадо и, чтобы не допустить революционного взрыва, организовать руками буржуазно-помещичьей оппозиции государственный переворот. Осуществить этот план было поручено помощнику государственного секретаря по Латинской Америке Самнэру Уэллесу, назначенному в апреле 1933 г. послом США в Гавану.

Как же эти вопросы освещает Кронон?

Он пишет, что положение на Кубе в то время было весьма напряженным, народное недовольство диктатурой Мачадо грозило принять опасный характер. Однако автор стремится представить имевший место общенациональный подъем революционной борьбы как чисто правительственный кризис. Все внимание Кронон сосредоточивает на политической грызне за власть в правящих кругах.

В статье приводится интересный фактический материал, частично еще не публиковавшийся, о действиях Самнэра Уэллеса. Автор пишет о грубом вмешательстве С. Уэллеса во внутренние дела Кубы, но представляет дело так, будто оно было вынужденной мерой, так как сами кубинцы не могли найти выхода из кризиса. Кронон отмечает, что именно из-за боязни перерастания всеобщей стачки в вооруженное восстание С. Уэллес 9 августа 1933 г. попросил государственный департамент послать в кубинские воды военные корабли. Известно, что еще до этого С. Уэллес, действуя по совету своего правительства, угрожал кубинцам интервенцией и высадкой десанта. Кронон явно идеализирует позицию Рузвельта, государственного секретаря К. Хэлла и посла США в Мексике Даниелса, которые якобы не советовали С. Уэллесу вмешиваться в дела Кубы, и перекладывает всю ответственность на самого С. Уэллеса. Однако исторические факты неопровержимо доказывают, что С. Уэллес лишь выполнял волю своего правительства и американских монополий, которые были кровно заинтересованы в сохранении своих позиций на Кубе и подавлении революционного движения. В августе 1933 г. в Гаване был совершен переворот, и временным президентом стал реакционер Сеспедос. Таким образом, американский империализм в союзе с кубинской реакцией при помощи верхушечного переворота сумел предотвратить революционное свержение диктатуры Мачадо. С. Уэллес сыграл в этом самую активную роль. Автор пишет об этом времени, что «развитие событий в стране быстро выходило из-под контроля». Режим Сеспедоса трещал по всем швам. Армия, студенчество, рабочие — все выступили против контрреволюционного правительства Сеспедоса.

Интересны приводимые автором факты о военном перевороте, совершенном в ночь на 5 сентября 1933 года. Правительственная хунта немедленно взяла на себя обязательство выплатить долги США и соблюдать все договоры. Утром 5 сентября руководитель заговора сержантов Ф. Батиста (ставший главнокомандующим) заверил С. Уэллеса, что хунта приложит все силы для «обеспечения порядка». С. Уэллес преувеличивал революционность хунты, а ее лидеров считал «слишком радикальными». 5 сентября он просил свое правительство послать на Кубу дополнительно военные корабли и настаивал даже на высадке десанта. 11 сентября правительство США направило в кубинские воды 30 военных судов. Американцы хотели принудить к отставке вновь сформированное правительство либерала Грау Сан Мартина, демократические реформы которого встретили поддержку в народе. Однако США не удалось немедленно убрать Грау. Тогда вновь активизировал свою подрывную деятельность С. Уэллес. 21 сентября он совещался с Батистой о замещении Грау более приемлемой для США фигурой. Батиста дал понять С. Уэллесу, что он разделяет его тревогу и готов сам

возглавить будущее правительство. 15 января 1934 г. Грау вынужден был уйти в отставку, президентом стал реакционер К. Мендиета, а подлинным диктатором — ярый враг кубинского народа Ф. Батиста. Так в результате грубого вмешательства США на Кубе вновь был восстановлен режим террора.

Вопреки приводимым фактам Кронон считает, что США в целом вели себя как «настоящие добрые соседи», ибо «Вашингтон не ввел свои войска, а военно-морские силы ограничили свои действия патрулированием в прибрежных водах». Если и были кое-какие передержки, то это лежит на личной совести С. Уэллеса, утверждает автор.

Для общей тенденции работы Кронона характерны комплименты в адрес кровавого диктатора Батисты, свергнутого в 1959 г. в ходе всенародной революционной борьбы. Статья Кронона написана с претензией на объективность, формулировки весьма осторожны, кое в чем политика США даже критикуется. Однако за этим видна попытка автора доказать читателю, что США всегда якобы заботились не о наживе, а лишь о том, чтобы на Кубе было «хорошее», «устойчивое» правительство, способное поддержать надлежащий порядок. Работа Кронона относится к тому роду фальсификаций в американской буржуазной историографии, которые оправдывают грубое вмешательство американского империализма во внутренние дела стран Латинской Америки лживыми утверждениями о «помощи» в создании «устойчивого» правительства или «защите» государственной безопасности США.

Б. И. Коваль

Проблемы истории византийских городов

«Dumbarton Oaks Papers», Washington. 1959. № 13, pp. 47—66.

Известный югославский ученый Г. А. Острогорский в статье «Византийские города раннего средневековья» ставит своей задачей выяснить пути и методы решения проблемы о судьбах византийского города VII века. По справедливому суждению автора, в это время империя переживала коренные сдвиги: возникали новые формы аграрных отношений, иная социальная структура общества; аграризация городов, наблюдавшаяся повсюду в период раннего средневековья, затронула и Византию. Ее города не сохранили старой, полисной организации и коренным образом отличались от позднеантичных городских центров Римской империи.

Признание качественных сдвигов в истории Византии отличает все работы Г. А. Острогорского, и это чрезвычайно существенно в настоящий момент, когда в западноевропейской историографии весьма распространено направление, либо вовсе отвергающее прогресс в истории Византии, либо сводящее этот прогресс к медленному и постепенному накоплению количественных факторов. В своей статье автор стремится рассмотреть развитие ранневизантийского города, который до последнего времени почти совершенно не привлекал внимания зарубежных исследователей.

Говоря о развитии византийского города VII в., Г. А. Острогорский вместе с тем подчеркивает, что процесс аграризации городов не был здесь всеобщим, что многие из них сохранялись как крупные экономические центры, что денежное обращение оставалось господствующим. Это утверждение, по нашему мнению, нуждается в уточнении. Автор выдвигает два основных аргумента в доказательство своего тезиса: упоминание большого количества епископальных центров (особенно малоазийских) в актах церковных соборов и сохранение значительного количества золотой чеканки на протяжении VII—IX веков.

Первый аргумент не может считаться убедительным. Бесспорно, что города как епископальные центры сохранялись в большом числе на византийской территории. Но ведь они сохранялись и в Западной Европе, где аграризация городов была почти всеобщей. Вопрос заключается в том, чтобы доказать, что эти епископальные центры были вместе с тем центрами ремесла и торговли, а этого пока еще не сделано. По той же самой причине не могут рассматриваться в качестве городов те многочисленные укрепления, о которых упоминают ибн-Хордадбех и византийские хронисты. Как правильно отметил немецкий ученый Э. Кирстен (его работа была опубликована в 1958 г.), византийские «города» VII—IX вв. являлись преимущественно крепостицами, бургами.

Большего внимания заслуживает второй аргумент Г. А. Острогорского. Факт наличия денежного обращения в Византии XII—XIX вв., разумеется, бесспорен, как, впрочем, бесспорен и другой факт — наличия натурального обмена, домашнего ремесла и т. п. Проблема, следовательно, состоит в определении степени развитости денежно-

го обращения. Автор признает значительный упадок чеканки медной монеты в эти века. То же должно быть сказано и относительно серебряной, так как именно эти два типа монеты служили непосредственным средством обмена, а золото чаще шло на уплату дани и проч. Однако и в отношении золотой монеты выводы Г. А. Острогорского недостаточно обоснованны. Его расчеты сделаны на основе монетных каталогов, которые учитывают преимущественно число типов чеканки, а не количество найденной монеты; если же строить расчеты на основании реальных монетных находок, то картина получится иная. В сводной работе американского византиниста Моссера учтена следующая масса византийских золотых монет: 491—685 гг.— 4 512, 685—842 гг.— 246, 842—1025 гг.— 241, 1025—1204 гг.— 947. Перед нами картина резкого сокращения также и золотой чеканки.

Говоря о путях и методах исследований судеб ранневизантийского города, следует указать еще на один, которому в дальнейшем суждено играть все большую роль,— это изучение материальной культуры при помощи преимущественно археологических раскопок. Археологические материалы (там, где они имеются: в Херсоне, Коринфе, Афинах, Пергаме, Сардах и т. д.) свидетельствуют об упадке византийских городов во второй половине VII века. В этой связи нужно обратить внимание и на значительное сокращение каменного зодчества в VIII—IX вв. даже в таких городах, как Константинополь и Солунь. Анализ качества византийской керамики также приводит к аналогичному выводу.

Все это, конечно, не означает, что византийские города полностью исчезли с лица земли к началу VIII века. Конечно, Константинополь, Солунь, Эфес и еще два-три города оставались существенными экономическими центрами. Но в целом упадок византийского города VII—IX вв. был более значительным, нежели это представляется Г. А. Острогорскому.

А. П. Каждан

Из истории внешней политики Швеции XIX века

«Historick tidskrift». Stockholm. 1959, № 1, s. 1—35; № 3, s. 21—41.

В журнале помещены две статьи по внешней политике Швеции в XIX в., представляющие интерес и для советского читателя. Одна из них, «Политика 1813 г.», принадлежит перу Х. Ульссона (№ 3). Автор посвятил свою работу вопросу о складывании шестой антифранцузской коалиции, в частности, заключению союза между Швецией и Англией. Им использованы неопубликованные материалы из переписки министра иностранных дел Англии лорда Каслри с британскими представителями в Швеции (наиболее важная депеша Каслри от 28 апреля 1813 г. опубликована в приложении к статье Ульссона).

Представляют интерес выводы Ульссона о влиянии побед русских войск в Германии на положение в Северной Европе. Автор, в частности, считает, что успешное продвижение русской армии заставило правителя Швеции кронпринца Карла Юхана (Бернадотта) отказаться от первоначального плана немедленного нападения на Данию.

Несмотря на то, что работа Ульссона в основном посвящена англо-шведским отношениям, она еще раз показывает огромное значение союза между Швецией и Россией для выполнения внешнеполитической программы Бернадотта. Из статьи можно также сделать вывод, что быстрые и успешные действия русских войск в Пруссии избавили Данию от кровопролитной войны на ее территории.

С. Валлер (№ 1) исследует сроки и причины переориентации правительства Оскара II (1872—1907 гг.) от политики, дружественной Англии и Франции, к политике сближения с Германией. В отношении мотивов такого поворота среди шведских историков имеются большие разногласия. Привлекая не использованный ранее материал (в частности, ставший теперь доступным отрывок из все еще «закрытых» мемуаров короля, посвященный внешней политике Швеции в 60-х годах), Валлер возобновляет дискуссию. Он показывает кронпринца Оскара как сочувствовавшего делу объединения Германии «сверху», поклонника бисмарковской Пруссии. Оскар мечтал о скорейшем примирении скандинавских стран с Германией, не был чужд появившимся тогда идеям «срединной Европы».

Хронологически поворот в пользу шведско-прусского сближения Валлер относит к августу—сентябрю 1866 года. Он опирается при этом на депеши прусского посланника с поздравительными высказываниями кронпринца после Садовой и особенно на письмо Оскара министру иностранных дел Швеции от 31 августа 1866 г., в котором тот признавал факт своего «обращения» и настаивал на шведско-прусском сближении. Непо-

средственным толчком, таким образом, послужила победа Бисмарка над Австрией. В дальнейшем падение империи во Франции еще более усилило тяготение Оскара к Германии.

Решающим мотивом переориентации Оскара С. Валлер считает присущий шведским правящим кругам второй половины XIX в. страх перед «русской угрозой». Как и многие другие современные шведские историки, Валлер справедливо считает, что эти опасения не имели никаких серьезных оснований.

Внешняя политика оскаровской Швеции не случайно столь живо занимает умы шведских историков и публицистов в последние десять лет. Ложная презумпция «русской опасности» в наши дни служит для реакционных кругов Швеции важнейшим пропагандистским аргументом в пользу сотрудничества с военно-политическими блоками империалистических стран и для оправдания гонки вооружений.

А. С. Кан

Исследование о социально-экономической программе Морелоса

«Historia Mexicana». Mexico. 1959, № 4, p. 499—511.

В 1960 г. исполняется 150 лет с начала войны за независимость испанских колоний в Америке. В латиноамериканских странах публикуется за последнее время много книг и научных статей, посвященных этой знаменательной дате. Значительный интерес представляет статья историка Альфонсо Теха Сабре «Морелос в дни войны и в условиях мира».

На протяжении многих лет автор изучает жизнь и деятельность выдающегося руководителя освободительного движения начала XIX в. в Мексике Хосе Мария Морелоса. Еще в 1917 г. он опубликовал ценное исследование, посвященное этому национальному герою. С тех пор книга выдержала ряд изданий и недавно вышла в свет в значительно переработанном и дополненном виде [3].

В своей статье Теха Сабре рассматривает вопрос о социально-экономической программе Морелоса, нашедшей отражение в составленной им во второй половине 1812 или в начале 1813 г. инструкции командирам партизанских отрядов. Исходя из интересов эксплуатируемого крестьянства и других трудящихся слоев населения, Морелос, возглавлявший после гибели Идальго в 1811 г. наиболее радикальное крыло освободительного движения, предлагал в этом документе конфисковать имущество богачей, в частности помещичьи латифундии. Половина этого имущества должна была распределяться между бедняками, а остальное использоваться для финансирования вооруженной борьбы против колонизаторов.

Подлинник составленного Морелосом документа до нас не дошел. В середине XIX в. известный мексиканский консервативный историк Л. Аламан опубликовал копию его для обоснования враждебных инсинуаций и клеветнических измышлений по адресу Морелоса. Современный мексиканский автор Э. А. Чавес недавно опубликовал биографию Морелоса, в которой утверждает, что указанный выше документ составлен не Морелосом, а кем-то другим. Мотивируя свою точку зрения, Э. А. Чавес заявляет, что язык данного документа сильно отличается от обычного стиля Морелоса, указывает на отсутствие этого документа среди материалов судебного следствия по делу Морелоса и т. д.

Полемизируя с Чавесом, Теха Сабре последовательно рассматривает приводимые им аргументы и убедительно доказывает их несостоятельность. По мнению Теха Сабре, есть все основания полагать, что указанный документ написан Морелосом. Теха Сабре справедливо считает, что попытки отрицать авторство Морелоса продиктованы стремлением преуменьшить его революционный радикализм. При этом, однако, сам Теха Сабре склонен видеть в этом документе не столько выражение социальных взглядов Морелоса, сколько план мероприятий военного времени, обусловленный стремлением обеспечить патриотам материальные ресурсы, необходимые для борьбы против испанских колонизаторов.

Подобная точка зрения вызывает возражение. На наш взгляд, рассматриваемый документ характеризует стремление Морелоса к проведению глубоких преобразований антифеодального характера и является важным элементом разработанной им программы социально-экономических и политических реформ.

М. М. Альперович

[3] A. Teja Zabre. Vida de Morelos. Nueva version. Mexico. 1959.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ*

«Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.». Ч. 2. Подготовили к печати Л. В. Черепнин и А. А. Зимин. М. 1956, 663 стр. Рец. Dewey H. W.— «Speculum». Cambridge. Mass. 1959, Vol. 34, № 2, p. 252—253.

Алтмышбаев А. Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними. Фрунзе. 1958. 92 стр. Рец. «Central Asian Review». London. 1959. Vol. 7, № 2, p. 160—161.

Альперович М. С., Руденко В. Т. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М. Соцэкгиз. 1958. 330 стр. Рец. Daszkiewicz W. — «Spravy międzynarodowe». Warszawa. 1959, r. 12, № 7—8, s. 202—205.

Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.-Л 1958. 235 стр. Рец. Horváthová E. — «Slovenský národopis». Bratislava. 1959, № 3, s. 483—484.

«Археографический ежегодник за 1957 год». Под ред. М. Н. Тихомирова. М. 1958. 520 стр. Рец. Bogdan D. P.— «Analele romîno-sovietice». București. 1959. № 2, p. 162—166.

«Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953». Т. 2. Под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко. М. 1958 812 стр. Рец. Miletic M. — «East and West». Roma. 1959, Vol. 10, № 1—2, p. 100—105.

Бахитов М. Ш. Об одной «новейшей» социальной утопии. (Критические заметки о микросоциологии.) М. Соцэкгиз. 1958. 150 стр. Рец. Cernea S. Microsociologia — variantă modernă a psihologismului in sociologia burgheză. «Cercetări filozofice». București. 1959, anul 6, № 2, p. 163—167.

«Большевистские военно-революционные комитеты». М. Госполитиздат. 1958. 567 стр. Рец. Łopatka A. — «Czasopismo prawno-hist». Poznań. 1959, t. 11, zesz.1, s. 221—224.

Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М. Географгиз. 1956. 200 стр. Рец. Павићев и ћ. Б.— «Ист. часопис». Београд. 1959, кн. 8 (1958), стр. 291—292.

Васильева В. Я. Распад колониальной системы империализма. М. 1958. 610 стр. Рец. Zusmanovici A. Z. — «Analele romîno-sovietice. Istorie». București. 1959, anul 13, № 1, p. 141—145.

Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М. 1958. 415 стр. Рец. Markow W. — «Annales hist. de la Révolution Française». Paris. 1959, avr.— juin, № 156, p. 182—183.

«Вопросы развития социалистического общества». Сборник статей. М. МГУ. 1958. 144 стр. Рец. «Филос. мисъл». София. 1959, г. 15, № 1, стр. 142; Рец. Mihailovici R. Cercetări sovietice cu privire la unele probleme ale dezvoltării societătii socialiste. «Cercetări filozofice». București, 1959, anul 6, № 1, p. 175—178.

«Восстание декабристов». Документы. Т. 7. Под ред. М. В. Нечкиной. М. Госполитиздат. 1958. 692 стр. Рец. Venturi F.— «Rivista stor. ital.». Napoli. 1959, fasc. 3, p. 507—509.

«Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк». Под общей ред. С. П. Платонова. М. Воениздат. 1958. 931 стр. Рец. W. P. Poważna praca radzieckich historyków wojskowych o Drugiej wojnie swiatowej. «Mysl wojskowa». Warszawa. 1959. № 10, s. 102—107.

Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 г.— июль 1918 г.). М. 1958. 179 стр. Рец. Łopatka A.— «Czasopismo prawno-hist.» Poznań. 1959. T. 11. № 1, s. 204—207.

Давидсон А. Б. Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации. 1888—1897. М. Изд-во восточной литературы. 1958 184 стр. Рец. Sicard H. — «Anthropos». Freiburg, Schweiz. 1959. Bd. 54, № 1—2, S. 296—298.

«Декреты Советской власти». Т. 1. 25 окт. 1917 — 16 марта 1918. М. Госполитиздат. 1957. VIII. 626 стр. Рец. T. M.—«Studii. Revista de istorie». București. 1959, № 2, p. 247—248.

Джунусов М. С. Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М. Госполитиздат. 1958. 264 стр. Рец. Stanescu M. Despre experienta construirii socialismului în unele țări foste înapoiate. «Probleme economice». București. 1959, anul 12. № 9, p. 102—108.

«Документы внешней политики СССР». Т. 1—2. М. Госполитиздат. 1957—1958. Рец. Zabiełło S. — «Sprawy międzynarodowe», Warszawa. 1959, czerw, № 6, s. 113—117.

«Древняя Греция». Отв. ред. В. В. Струве, Д. П. Каллистов. М. 1956. 614 стр. Рец. Jaczynowska M. — «Roczniki hist.». Poznań. 1959, rocz. 25, zesz. I, s. 173—178.

Еременко А. И. Против фальсификации истории 2-й мировой войны. М. Изд-во иностранной литературы. 1958. 119 стр. Рец. Lider J. Prawda i mity o froncie wschodnim w 2-ej wojne swiatowej. «Wojsko ludowe», Warszawa. 1959, № 7, s. 36—41.

Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М. 1956. 504 стр. Рец. H. H. — «Studii. Revista de istorie». București. 1959, anul 12, № 3, p. 312—313; Рец. Moissonier M. Quatre livres d'histoire. «Nouv. Critique». Paris. 1959, dec., № 111, p. 148—150.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М. 1958. 500 стр. Рец. Andreyev N. — «Slavonic and

---

* Перечень рецензий составлен сотрудниками сектора науки Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР по журналам, поступившим в ФБОН в течение июля — декабря 1959 года.

East European review» London. 1959, vol. 37, № 89, p. 532—534.

Зограф А. Н. Монеты Тиры. М. 1957. 130 стр. Рец. Preda C. — «Studii şi cercetrajri de istorie veche». Bucureşti. 1959, anul 10, № 1, p. 188—192.

«Из истории русско-болгарских отношений». М. 1958. 291 стр. Рец. N. C.— «Studii. Revista de istorie». Bucureşti. 1959, anul 12, № 3, p. 315—316.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источники. М. 1957. 208 стр. Рец. Grabski A F. Kilka uwag o analizie tekstu latopisu pod r. 6523. «Slavia orientalis». Warszawa. 1959, roc. 8, № 1, s. 129—132.

Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М. Госполитиздат. 1958. 319 стр. Рец. «Central Asian review», London. 1959, vol. 7, № 2, p. 106—108.

«История русской экономической мысли». Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1—2. М. 1955—1958. Рец. Spiesz A. — «Hist. časopis». Bratislava. 1959, № 3, s. 456—461.

«История СССР. Указатель советской литературы за 1917—1952 г.». Отв. ред. К. Р. Симон. 1. История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма. М. 1956. 726 стр Рец. Niederhauser E. — «Századok». Budapest. 1959, évf. 93, sz. 2—4. 588—589 old.

«История СССР. Эпоха социализма (1917—1957 гг.)». М. Госполитиздат. 1957. 664 стр. Рец. Tănăsescu V. — «Analele Inst. de istorie a partidului de pe lîngă C. C. al P. M R.». Bucureşti. 1959, anul 5, № 4, p. 150—157.

Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского государства. М.-Л. 1958. 580 стр. Рец. Kudláček J. — «Slovenská archeológia». Bratislava. 1959, t. 7, № 2, s. 479—484.

Королюк В. Д. Древнепольское государство. М. 1957. 216 стр. Рец. Bardach J. — «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1959, № 2, s. 530—535; Рец. Perényi I. — «Századok» Budapest. 1959, № 2—4, 582—584 old.

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М. 1957. 238 стр. Рец. Krader L. — «Amer anthropologist» Menasha. 1959, June, vol. 61, № 3, p. 518—519.

Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М. 1957. 175 стр. Рец. Ferenczy L.— «Archaeologiai értesitö». Budapest. 1959, № 2. 227—229 old.

Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола. 1956. 159 стр. Рец. Erdödi I — «Nyelvtudományi közlemények». Budapest. 1959, № 2, 443—444 old.

Найда С. Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М. Воениздат. 1958. 243 стр. Рец. Lider J.— «Wojsko ludowe». Warszawa 1959, pazd, № 10, s. 85—90.

«Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ 1957. 631 стр. Рец. Kudlaček J. — «Slovenská archeológia». Bratislava. 1959 T. 7, № 1, s. 196—200

«Народы Африки». Под ред. Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехина. М. 1954. 732 стр. Рец. Pantůček S. «Archiv orientální». Praha. 1959, № 2—4, 586—588 oid.

Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М. 1956. 899 стр. Рец. Iózsa S. — «Századok». Budapest. 1959, № 2—4, 586—588 old.

Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956. 419 стр. Рец. Modzelewski K.— «Przegląd hist.». Warszawa. 1959, t. 50, zesz. 2, s. 364—370.

Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 1—2. М. 1955. 2 т. Рец. Togawa T. — «Сурабу кэн'кю». Саппоро. 1959, № 3, стр. 133—138. (на японск. яз.).

Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск. 1956, 273 стр. Рец. Horváthová E. — «Slovenský národopis». Bratislava. 1959, № 3, s. 478—480.

«Новейшая история стран зарубежного Востока». Т. 1. М. 1954. 371 стр. Рец. Sollohub A. — «East and West». Roma. 1959, vol. 9, № 4, p. 360.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.-Л. 1957. 408 стр. Рец. Dewey H W. — «Slavonic and East Europ. review» London. 1959, June. vol. 37, № 89, p. 529—532.

Ольдерогге Д. А. Искусство народов Западной Африки в музеях СССР. М.-Л. «Искусство». 1958, 94 стр. Рец. Sicard H.—. «Anthropos». Freiburg. Schweiz. 1959, Bd. 54, № 1—2, S. 289—292.

«Очерки по истории Коми АССР». Т. 1. Ред. К. В. Сивков, А. А. Зимин, Л. И. Сурина. Сыктывкар. 1955, 351 стр. Рец. László Gy. — «Nyelvtudományi közlemények», Budapest. 1959, № 1, 136—139. old.

«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. 1—2. М. Госполитиздат. 1957. Т.2. Рец. Feis H The three who led. — «Foreign affairs». New York.1959, vol. 37, № 2, p. 282—292; Рец. Michel H. — «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», Paris 1959, an. 9. № 34, p. 1—8; Рец. Weinberg G L — «Journal of modern history». Chicago. 1959, vol. 31, № 2, p. 142—143.

Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии. 1933—1936. М. 1956. 270 стр. Рец. Żarrowski J. — «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1959, r. 56. № 2, s. 587.

Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов. Изд-во Львовского ун-та. 1957. 174 стр. Рец. Ochmański J. — «Roczniki hist» Poznań. 1959, roc. 25 zesz. I, s 192—198

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л. 1957. 456 стр. Рец. Niederhauser E. — «Századok» Budapest. 1959, № 2—4, 585—586 old.

Реизов Б. И. Французская романтическая историография. Л. ЛГУ. 1956. 534 стр. Рец. Corbet Ch.— «Revue de littérature comparée». Paris. 1959, jt. — sept., année 33, № 3, p. 453—456.

Рубцов Б. Т. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М. 1958. 194 стр Рец. Graus Fr. — «Čs. časopis hist.». Praha. 1959, roč. 7, № 2, s. 301—303.

«Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917». М. Госполитиздат. 1952. 464 стр. Рец. Batowski H. Układy Rosji z innymi państwami, 1856—1917. «Slavia orientalis». Warszawa. 1959, roc. 8, № 1, s. 133—136.

Спиваковский Е. И. Подъем революционного движения в Румынии в начале XX века. М. Соцэкгиз. 1958. 212 стр. Рец. Hurezeanu D — «Analele Inst. de istorie a partidului de pe lîngă CC al R.M.P.». Bucureşti. 1959. № 2, p. 133—139.

«Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции». М. 1956. 182 стр. Рец. Temir A. — «Türk tarih kurumu. Belleten». Ankara. 1959, nisan, cilt 23, № 90, s. 333—334.

Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М. Соцэкгиз. 1958. 591 стр. Рец. Bünger S. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1959, Jg. 7, Hf. 4, S. 889—892.

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М. 1957. 336 стр. Рец.: Keckowa A. — «Kwartalnik historii kultury materialnej». Warszawa. 1959, № 2, s. 318—322.

«Ученые записки» (Пермский гос. ун-т). Т. 9, вып. 3. Труды Камской археологической экспедиции. Харьков. Харьк. гос. ун-т. 1953. 197 стр. Рец. Bartha A. — «Archaeologiai értesitő». Budapest. 1959, № 1, 100—103 old.

Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М. 1958. 396 стр. Рец.: Bazyłow L. — «Kwartalnik hist.». Warszawa. 1959. № 2, s. 577.

Хренов И. А. Лодзинское восстание. М. Соцэкгиз. 1958. 167 стр. Рец. Korzec P.— «Z pola walki». Warszawa. 1959, № 2, s. 209—211.

Цамерян П. Советское многонациональное государство. Особенности и пути его развития. М. 1958. 335 стр. Рец. Enache S. Un studii despre statul sovietic multinational. «Cercetări filozofice». Bucureşti. 1959, anul 6, № 2, p. 167—170.

Шейнман М. М. Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в. М. 1958. 466 стр. Рец. Čelko J. — «Hist. časopis». Bratislawa. 1959, roč. 7, № 2, s. 326—329.

Хроника научной жизни

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ВЕНГЕРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И НАУЧНАЯ СЕССИЯ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОРИКОВ

С 10 по 14 апреля 1960 г. в Будапеште проходили общее собрание Венгерской Академии наук и собрания отделений, посвященные 15-летию Венгерской Академии наук.

На торжественном пленарном заседании был заслушан доклад члена-корреспондента Венгерской Академии наук, члена Политбюро ЦК ВСРП Деже Немеша о развитии народной Венгрии. Он подчеркнул одну из особенностей периода общедемократических преобразований, то, что уже тогда рабочий класс был руководящим классом и под водительством своей партии участвовал в управлении страной, был ведущей ее силой. Благодаря этому обстоятельству демократические преобразования в Венгрии содержали существенные элементы социалистической революции. Докладчик отметил, что в Венгрии перерастание общедемократической революции в пролетарскую происходило в условиях острой политической борьбы, но без гражданской войны. Этот процесс был осуществлен рабочим классом в союзе с беднейшим крестьянством и частью середняков, при постепенной изоляции буржуазии и лишении ее экономических позиций и политической власти.

Далее Д. Немеш подробно охарактеризовал изменения, происшедшие в общественной жизни Венгрии за 15 лет после освобождения.

На заседании в Отделении гуманитарных и исторических наук с докладом выступил академик Имре Сабо. Докладчик остановился на той борьбе, которую пришлось вести в области гуманитарных наук про-

тив реакционных взглядов, в том числе и буржуазного национализма, за победу марксистского мировоззрения.

Директор Института истории ВАН академик Эрик Молнар посвятил доклад анализу развития венгерской исторической науки за последние 10 лет. Особый интерес представила вторая часть доклада, посвященная развитию исторической науки после разгрома контрреволюционного мятежа осенью 1956 года. В этот период венгерская историческая наука развивалась в острой борьбе против ревизионизма и его самого открытого проявления — буржуазного национализма. Центр тяжести в научно-исследовательской работе был перенесен на изучение сюжетов новейшей истории.

Отметив успехи венгерских историков в разработке вопросов истории феодализма, Э. Молнар вместе с тем подчеркнул, что венгерская историческая наука еще далека от того, чтобы дать полную и окончательную оценку экономического развития Венгрии в эпоху XVI—XVIII веков. Венгерские историки проделали большую работу по изучению истории эпохи капитализма, в частности вопроса о прусском пути развития капитализма в сельском хозяйстве Венгрии. Однако предстоит еще исследовать ряд проблем сельского хозяйства, торговли, идеологического развития, национальный вопрос в период капитализма и другие.

Венгерская историческая наука преодолела трудности первых шагов в исследовании истории эпохи народной демократии. По мнению докладчика, проблемы истории народно-демократического периода следует изучать в тесной связи с историей страны до освобождения.

По докладу академика Э. Молнара развернулась творческая дискуссия.

В работе общего собрания академии принимали участие И. Доби, Д. Каллаи, Е. Фок и другие руководители партии и правительства.

20 апреля 1960 г. состоялась объединенная научная сессия историков, посвященная 15-летию освобождения Венгрии. В сессии приняли участие сотрудники Института истории партии при ЦК ВСРП, Института истории Венгерской АН и Института военной истории. Сессия открылась докладом профессора А. Мода на тему «Об идеологических основах народной демократии».

Большой интерес вызвал доклад Б. Сабо «О характере и этапах революционных преобразований в Венгрии после освобождения страны». Б. Сабо солидаризируется с теми учеными Советского Союза и стран народной демократии, которые проводят четкое разграничение между понятиями народно-демократической революции и народно-демократического строя. Он придерживается мнения, что на первом этапе (1944—1948 гг.) народно-демократический строй был формой революционной диктатуры рабочего класса и крестьянства. К началу второго этапа в развитии народно-демократического строя в стране был окончательно решен вопрос о власти: народная демократия стала формой диктатуры пролетариата.

Б. Сабо остановился на характере революционных преобразований в Венгрии на первом этапе развития народно-демократического строя.

К лету 1945 г., отметил докладчик, ко времени полного освобождения страны и капитуляции фашистской Германии, с проведением аграрной реформы, по существу, завершился период антифашистской, антифеодальной общедемократической революции в Венгрии и начался процесс постепенного перерастания общедемократической революции в социалистическую. Это был период, когда основными противоречиями в Венгрии стали противоречия между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией, противоречия, которые могли быть разрешены только пролетарской революцией. Борьба, которая велась за восстановление экономики начиная с лета 1945 г., тесно срослась с борьбой рабочего класса за власть. С установлением диктатуры рабочего класса завершился первый этап развития народно-демократического строя и начался второй его этап — строительство социализма в Венгрии.

На сессии были заслушаны также выступления Д. Ранки («Германский империализм и Венгрия в годы второй мировой войны»), А. Шагвари («Венгерская коммунистическая партия во главе демократических преобразований (1945 г.)»), М. Лацко («Народное движение и борьба партий в 1946 г.»), Ш. Муч («О создании венгерской народной армии»).

А. И. Пушкаш

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

ЖУРНАЛ ДОЛЖЕН ПЕРЕСТРОИТЬ СВОЮ РАБОТУ

В настоящее время в нашей стране издается значительное количество специальных журналов, освещающих проблемы истории. В числе этих изданий видное место занимает журнал «Вопросы истории».

Читатель вправе предъявить к этому журналу повышенные требования, особенно в наше время. В постановлении Центрального Комитета КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» подчеркивается необходимость создания новых, глубоких по содержанию марксистских исследований в области истории.

Журналу «Вопросы истории», для того чтобы занимать достойное место среди других наших исторических периодических изданий, необходимо шире освещать опыт борьбы партии и народа за победу коммунизма, ставить и разрабатывать теоретические проблемы современности, актуальные вопросы новой и новейшей истории, истории КПСС и истории СССР, мирового рабочего и коммунистического движения, развития мировой социалистической системы и национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки и Южной Америки.

Журнал должен проявлять высокую политическую бдительность и давать отпор различным извращениям исторического процесса, исторических событий в буржуазной историографии, разоблачать и бичевать буржуазных фальсификаторов истории и реваншистов различных мастей, как бы они ни маскировались.

Чтобы отвечать наиболее полно своему названию, журнал должен публиковать прежде всего проблемные статьи, освещающие вопросы методологии, источниковедения, историографии.

История — конкретная наука. Поэтому проблемные, теоретические статьи не должны быть абстрактными. Абстрактная постановка вопросов лишь отталкивает читателя от журнала и не дает ему никакой пользы.

Чтобы статья была полноценной в теоретическом и практическом плане, по нашему мнению, необходимо опираться при ее написании на большой фактический материал, на глубокое знание архивных данных. При этом очень хотелось бы пожелать, чтобы сотрудничающие в журнале историки всячески изживали в своих работах иллюстративность. Ведь известно, что зачастую автор той или иной статьи вместо анализа всех фактов, относящихся к данному вопросу, приискивает к готовым выводам отдельные, произвольно выхваченные факты, примеры. В. И. Ленин учил, что только вся совокупность фактов (а не отдельный фактик) создают полноту исторического полотна.

Публикуя проблемные статьи, журнал, на наш взгляд, ни в коем случае не может отказываться от статей, посвященных сравнительно узким конкретным темам. Последние имеют полное право быть помещенными на страницах журнала, если они развивают, углубляют и уточняют выводы, содержащиеся в проблемных статьях (что особенно важно), если они не фактографичны (а этим, к сожалению, грешат многие статьи, публикуемые в наших исторических журналах).

Ознакомление с материалами журнала за последние два года показывает, что в журнале мало печатается материалов по истории буржуазных стран. На страницах журнала лекторы, учителя, практики не находят достаточного материала для разоблачения международного империализма, в особенности американского.

«Вопросы истории» должны стремиться к расширению авторского коллектива, независимо от места жительства того или иного автора.

Для пользы дела желательно было бы завести специальную страничку читателя, где можно было бы помещать корреспонденции широкого круга читателей. Таким путем осуществлялась бы живая связь журнала с читателями, авторами, общественностью.

Журнал «Вопросы истории» может сыграть важную роль в координации работы всех исторических журналов нашей страны, а также институтов, занимающихся исследованием исторической тематики.

Ю. Е. Савельев

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ ЧИТАТЕЛЯ

«Вопросы истории» — один из старейших наших исторических журналов со сложившимися традициями, определенным, постоянным кругом читателей. Однако чувствуется, что в последнее время журнал переживает известные трудности. Сейчас много говорят о падении тиража. Тираж, безусловно, важный показатель популярности журнала. Но досаднее другое: падение интереса к журналу со стороны его постоянного подписчика. Иногда бывает так, что с нетерпением ждешь очередного номера, а когда наконец получишь, оказывается, что интересных для тебя статей в номере очень мало. Вот и получается, что все знакомство с очередным номером ограничивается чтением его оглавления.

В чем же причины этого? На работе журнала, очевидно, отразились некоторые организационные неполадки. Но главное не в этом. Когда «Вопросы истории» являлись единственным центральным историческим журналом, направление работы журнала определить было довольно легко. Тогда в нем печатались конкретно-исторические статьи, представлявшие интерес для широкого круга читателей. Но вот появились отраслевые исторические журналы, и тут-то «Вопросы истории» не смогли найти свое место. Сначала редакция заявила, что она намерена публиковать статьи преимущественно историографического характера. Затем было объявлено, что в отличие от отраслевых журналов, которые публикуют материалы преимущественно частного характера, «Вопросы истории» будут публиковать обобщающие статьи по отечественной и всеобщей истории. Но, во-первых, отраслевые журналы вовсе не отказывались от публикации статей обобщающего характера по своим отраслям знаний. Об этом убедительно свидетельствует даже беглый просмотр номеров, вышедших в свет. Во-вторых, понятие «обобщающая статья» вовсе не означает, что эта статья не должна носить научно-исследовательского характера. А в журнале начали публиковаться, и довольно часто статьи по крупным темам, не представляющим, однако, интереса для специалиста-историка, поскольку в них отсутствует элемент исследования. К сожалению, поиски журналом своего места в исторической периодике затянулись.

Создание отраслевых журналов — факт положительный, отражающий новый качественный скачок в развитии исторической науки. По мере ее развития, как и всякой науки вообще, происходит «отпочкование» и обособление различных ее отраслей. На основе этого процесса «разделения труда» и возникли специализированные журналы. Но всякое разделение имеет и свои отрицательные стороны. Дробятся бывшие ранее едиными научные коллективы, страдает изучение общих закономерностей исторического процесса. Исследователи, посвятившие себя изучению истории СССР, как правило, теперь мало знают, что делают специалисты в области всеобщей истории, в области истории КПСС и т. д. Очевидно, нужен единый координирующий орган. Кстати говоря, в этом отношении весьма знаменателен факт создания научных советов, которые объединяют в своем составе специалистов различных отраслей знаний, занимающихся одной проблемой. Заседания этих советов проходят весьма плодотворно. Нам представляется, что публикация на страницах «Вопросов истории» статей об общих и особенных закономерностях исторического развития различных стран в периоды феодализма, капитализма, империализма и социализма вызовет большой интерес у читателей журнала.

Есть и еще один вопрос, в решении которого журнал мог бы сыграть положительную роль. Если мы говорим о намечающейся разобщенности историков, то в отношении гуманитарных наук в целом можно говорить не просто о разобщенности, а об обособленности. Получается парадоксальное явление: философы изучают исторический материализм, будучи уверенными в том, что их труды окажут помощь при проведении конкретно-исторических исследований. В свою очередь, историки надеются, что их работы помогут философам сделать широкие научные обобщения. Но мы не имеем ни одного печатного органа, который организовал бы взаимную информацию о результатах этих исследований. То же самое можно сказать и о взаимоотношениях юристов и историков, историков и экономистов. Один из путей ликвидации такого ненормального положения — публикация в центральном историческом журнале информационных материалов о работах философов, экономистов, юристов, филологов, имеющих прямое отношение к истории. Нужны статьи и по теории исторического исследования, которых мы давно уже не видели в исторических журналах. Можно назвать большое число проблем в решении которых крайне остро нуждаются историки (например, «о границах применения иллюстративного метода в историческом исследовании», «о методике работы над массовым источником», «история и социология» и др.).

Короче говоря, хотелось бы, чтобы «Вопросы истории» не дублировали работу наших отраслевых журналов, а занялись бы разработкой проблем, которые объединяют интересы ученых, изучающих историю различных народов. Было бы наивно полагать, что журнал может перестроить свою работу в несколько месяцев. В конечном итоге работа журнала определяется состоянием развития науки. Желательно, чтобы редакция выступила инициатором в проведении тех изменений в исторической науке, которые уже назрели.

Л. М. Орехова

МОИ ПОЖЕЛАНИЯ ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ».

Журнал «Вопросы истории» до сих пор, на мой взгляд, страдает рядом недостатков, которые он должен устранить как можно скорее, чтобы его заслуженная популярность привлекла новый круг читателей.

Как в прошлом, так и сейчас в журнале непропорционально много публикуется статей по сравнительно узким вопросам, которые получают зачастую параллельное освещение в других исторических журналах нашей страны. В связи с появлением других исторических журналов «Вопросы истории» как-то утратили характер органа, который призван публиковать глубокие проблемные статьи, обобщающие историографические исследования, координировать работу историков национальных республик СССР и широко знакомить их с зарубежными исследованиями по вопросам истории.

Еще недостаточно журнал уделяет внимания разоблачению фальсификаторских «исследований» буржуазных историографов.

Редакция журнала почти совершенно обходит вопросы истории государства, советского строительства.

Несколько слов в заключение хотелось бы сказать относительно методики исследований по истории советского общества, точнее — использования историками документальных материалов. Исследователи зачастую ограничиваются пересказом того или иного решения, постановления или закона, сопровождая их общими фразами (вроде «такое-то постановление имело большое значение», «сыграло большую роль» и т. д.). Но почти никогда при этом не разъясняется, как та или иная директива претворялась в жизнь, какое реальное значение она имела в истории исследуемого явления, события. А ведь в этом главное.

Н. Н. Блохин

НОВЫЙ ФАКТ ЗНАКОМСТВА РУСИ С ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ

Вопрос о времени первого знакомства Руси с огнестрельным оружием неоднократно привлекал к себе внимание историков. В имеющихся источниках нет никаких сведений о том, когда и при каких обстоятельствах русские познакомились с действием «армат». Гипотеза, выдвинутая В. В. Мавродиным (последний полагает, что русские впервые столкнулись с огнестрельным оружием в 1376 г., во время похода на волжских булгар) [1], вызывает сомнения [2]. Единственной достоверной датой остается 1382 г., когда москвичами были использованы «пушки» против Тохтамыша [3]. Это событие является важнейшей вехой в истории отечественной артиллерии. Однако с действием огнестрельного оружия русские впервые познакомились, по-видимому, раньше. В связи с этим обращает на себя внимание следующая запись в Ливонской хронике Германа Вартберга: «В том же году (1377.— *Авт.*) магистр и орденские чины повели вверх по реке Двине большое войско к Новому замку [4] русских, лежавшему почти в 11-ти милях за нашим замком Динабургом; они прибыли туда в день св. Варфоломея (24 августа) и поставили четыре осадныя машины, а также два других военных орудия, так называемыя гуки. Дней с тринадцать магистр храбро с большими усилиями и издержками трудился при осаде этого замка, но не достиг ничего» [5]. В этом отрывке прежде всего обращают на себя внимание слова: «Два других военных орудия, так называемыя гуки» [6]. Г. Вартберг писал на латинском языке, но слово «гуки» он передает по-немецки (instrumentum bellicum dictum «huke»).

По форме приводимых в хронике немецких слов установлено, что Г. Вартберг был выходцем из Нижней Саксонии. В немецкой лексикографической литературе нет сведений о слове «huke» в интересующем нас значении. В рассматриваемую эпоху конкурентом верхненемецкой группы диалектов, легших затем в основу общенемецкого национального языка, был голландский язык [7], который относится к числу германских языков, а по некоторым классификациям считается западным диалектом нижненемецкого языка [8]. Географическая близость способствовала проникновению голландской лексики и влиянию голландской фонетической системы на нижнесаксонский диалект, носителем которого был Г. Вартберг. В голландском же языке «hoek» (в международной фонетической транскрипции — «hu'k») и «haak» (ha'k) различаются между собой лишь аблаутом [9] корневого гласного, не меняющим смысл слова [10]. Голландское же haak, немецкое Hake не вызывают никаких затруднений в толковании. Это часто упоминаемое в средневековых немецких хрониках огнестрельное оружие, снабженное упорным крюком для восприятия отдачи [11]. Известно, что от слова «Hake» через посредство «Hakenbüchse» произошло французское слово аркебуза (l'arquebuse, в памятниках XV в.— haquebute, harquebuze) [12].

---

[1] В. В. Мавродин. О появлении огнестрельного оружия на Руси. «Вестник» Ленинградского университета. № 3. 1946, стр. 72 и сл.

[2] См. В. Б. Вилинбахов, А. Н. Кирпичников. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. Сборник «Исследования и материалы Артиллерийского исторического музея». Вып. III. Л. 1958, стр. 245.

[3] «Полное собрание русских летописей». Т. VIII, стр. 44.

[4] Точное название его неизвестно, скорее всего это была Друя, упоминаемая в XIV в. как владение князя Андрея Полоцкого. M. Stryjkowski. Kronika, Zbior dziejopisów polskich. T. II. Warszawa. 1768, S. 442.

[5] «Ливонская хроника Германа Вартберга». Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига. 1879, стр. 131.

[6] В комментариях к немецкому изданию хроники говорится о невозможности расшифровки этого слова. Hermanni de Wartberge. Chronicon Livoniae. Herausgegeben von Ernst Strehlke. Leipzig. 1863, S. 105.

[7] Th. Frings. Die Stellung der Niederlande im Aufbau des Germanischen. Halle, 1944, S. 9.

[8] Там же, стр. 5.

[9] «Franck's etymolgisch woordenboek der nederlandsche taal». Granvenhage. 1949, S. 222.

[10] P. Marin. Nederduitsch en fransch woordenboek. Amsterdam. 1782, S. 357, 402.

[11] K. Schiller und A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen. 1876, S. 175.

[12] E. Littré. Dictionnaire de la langue française. T. I. Paris. 1855, p. 197.

В XVII в. в польском языке появляется слово «huk», означающее: грохот, гром [13]. От него произошли глагольные формы «huknać» — загреметь, грянуть («huknał strzał» — грянул выстрел). В Чехии в XV—XVII вв. также бытовало слово «Hug», «hukot» — грохот, гул [14]. В русском языке сохранился глагол гукати — издавать отрывистый, глухой звук [15]. Таким образом, в XV—XVII вв. в славянских языках появляются равнозначные слова с корнем «huk». Значение их служит аргументом в пользу того, что под «гуками» следует понимать огнестрельное оружие. Понятие «гуки» не было исконно славянским, поскольку слова с этим корнем у южнославянских народов имеют иной смысл. Звуки, происшедшие от грома выстрелов «гуков», обозначались, очевидно, указанными выше в польском, чешском и русском языках словами. Расшифровывая термин «huk», следует помнить, что, говоря об этих орудиях, Г. Вартберг употребляет здесь слово «instrumentum», которым в средневековых хрониках часто обозначалось только что появившееся огнестрельное оружие [16].

Можно ли доверять данным, приводимым Г. Вартбергом? Последний, вероятнее всего, прибыл в Ливонию около 1358 года [17]. Будучи капелланом Ливонского провинциального магистра, Вартберг при составлении своей хроники мог пользоваться архивными материалами орденского замка в Риге. Г. Вартберг участвовал в походах магистров А. Фитингофа и В. Фримерсгейма против Литвы; вполне возможно, что он был участником похода 1377 г. и поэтому знал, какие орудия использовались в этой операции. Приведенная выше запись его хроники была, видимо, сделана им сразу же после событий 1377 г., либо в самое ближайшее время после этого, поскольку летопись обрывается 1378 годом. Следовательно, можно с полным доверием относиться к сведениям Г. Вартберга об использовании ливонцами артиллерии против полоцкого укрепления в 1377 году.

Ливонский орден в то время достиг своего наивысшего расцвета. Благодаря своим огромным средствам он быстро обзавелся артиллерией [18]. Известно, что огнестрельное оружие впервые появилось во владениях Ливонского ордена в середине 70-х годов XIV столетия [19]. Данные Г. Вартберга подтверждают это и опровергают имеющиеся в ряде работ утверждения, что до 1384 г. Орден использовал при осадах «только метательные машины и другие доогнестрельные средства» [20]. Сведения о том, что немцы применили новое оружие, могли из Полоцкого княжества быстро распространиться по Руси. Таким образом, учитывая данные Ливонской хроники Г. Вартберга, можно полагать, что с действием огнестрельного оружия русские познакомились, во всяком случае, не позднее 1377 года.

В. Б. Вилинбахов, М. Ф. Мурьянов

---

[13] F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Z. IV. Kraków. 1955, S. 432.

[14] J. Gebauer. Slownik Staročesky. Praha. 1901. S. XV.

[15] В. Даль. Толковый словарь. Т. 1. М. 1956, стр. 406.

[16] В. В. Арендт. К истории средневековой артиллерии. «Архив истории науки и техники». Вып. 7. М.-Л. 1935, стр. 318.

[17] «Allgemeine deutsche Biographie», Bd. 41. Leipzig. 1896. S. 185.

[18] В начале XV в. в Мариенбурге (столице Ордена) отливались уже совершенные для того времени пушки. Н. Грацианский. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 104.

[19] M. Jahns. Handbuch einer Geschichte der Kriegswesens. Leipzig. 1880, S. 877; B. Rathgen. Das Geschütz im Mittelalter. Berlin. 1928, S. 392.

[20] А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. «Советская археология», 1957, № 3, стр. 63, примеч. 6.

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

Academician E. M. ZHUKOV: **On Periodization of World History**

The article, written as a report for the Eleventh International Congress of Historical Science, deals with the origin and substantiation of the periodization of world history accepted by Soviet historians and Marxist historians abroad.

The author points out that world history traces the path traversed by mankind. Its task is to give a general (though not abstract) idea of the evolution of human society and its rise from the lower rungs to the higher. World history is the history of all nations. It is impossible to follow the general course of world history if one ignores the destinies of that part of mankind which developed outside the traditional "civilizations."

The article shows that the scientific periodization of world history is based on the recognition of the general laws of human development. Marxist historical science, founded on dialectical and historical materialism, proceeds from the conception that material production is the main prerequisite for the existence and evolution of society in all historical eras.

E. M. Zhukov outlines the materialistic view of historical processes and characterizes the main social-economic formations, whose consecutiveness forms the indestructible basis of unified and natural historical processes. The Marxist periodization of world history, based on the theory of the changes of social-economic formations, at the same time does not ignore the real multiformity of the social-economic relationships that existed simultaneously and recognizes the division of history into ancient, medieval, modern and contemporary.

The author regards as landmarks in world history the events which marked a revolutionary transition from one social-economic formation to another, that is, events which testify to mankind's advance from the relatively low to higher forms of social organization.

The boundary between ancient and medieval history is the conventional date of the fall of the Roman Empire (A.D. 410, A.D. 476). The conventional end of the Middle Ages, according to Soviet historiography, is the mid-17th century. Soviet science considers that modern history, which basically coincided with the rule of the capitalist system, ended in 1917, the year the socialist revolution triumphed in Russia. That year ushered in a new historical era, known as contemporary history. The factor determining the development of world history was the emergence of the socialist system, which is steadily expanding and exerting an influence on all nations.

Marxist periodization recognizes that under certain conditions some nations may by-pass certain phases of mankind's evolution.

Analyzing the correlation between the general periodization of world history and the more informal periodization of separate eras, as well as of countries and peoples, Zhukov points out that the latter should be based on general principles and at the same time be more individualistic, reflecting the specific forms of manifestation of general laws. The most important landmarks in the history of each country are the mass social movements, which reflect the activity of the people, the makers of history.

V. P. DANILOV: **Concerning the Results of the Study of the Soviet Peasantry and Collective Farm History.**

The article describes the results of the study by Soviet historians of the key problems of the history of Soviet peasantry and organization of collective farms. On the basis of the analysis of appropriate literature, the author shows that Soviet researchers concentrated their attention mainly on studying the history of the agrarian reforms of 1917-18, the preparation and complete collectivization of agriculture (1927-32), the development and consolidation of the worker-peasant alliance. The author stresses the imperative need for the all-round study of the social-economic, political and cultural history of the countryside in Soviet years.

At the same time, it is pointed out in the article, in the above-mentioned problems on which the historians concentrated their attention, there are aspects that have not yet been studied or have been studied very little. These are, first and fore-

most, the social changes in the countryside, the changes in the peasantry's class structure and social-economic relationships, the correlation between the bourgeois-democratic and socialist tasks of the Great October Socialist Revolution in the countryside, the consecutiveness and interrelation of its main stages.

Many books have been written in recent years on the history of collectivization in agriculture. The question at present, the author says, is to intensify the study of the problems in the final phase of the socialist transformation of agriculture in the U.S.S.R. (1934-37).

Soviet scientists have begun the study of the history of the collective-farm system in the era of victorious socialism, in the years of the Great Patriotic War and the post-war period, as well as in the new phase of agricultural development. The most urgent and important task confronting Soviet historians is to write the history of Soviet peasantry and collective-farm system in this latest phase (1937-59) and especially in the period since 1953.

The least studied so far, the article says, is the social-economic sphere of the history of the peasantry, the problem of the changes in its class constitution and social relations, and the problem of the elimination of class differences in Soviet society.

V. P. SHUSHARIN: **On the Essence and Forms of Contemporary Normanism**

The article deals with the essence and describes the forms of contemporary Normanism, and exposes its scientific invalidity. This is done by comparing the theories of the Normanists and the factual material accumulated hitherto by Soviet and foreign historical science.

The article shows that, proceeding from their basic thesis that the Vikings founded the Ancient Russian State, Normanists treat differently of the nature of relations between the Normans and the Slavs. Today, the proponents of the Viking theory are led by the historians who regard the Vikings as "conquerors." They are M. A. Taube, S. Bolin, H. Pashkevich, G. V. Vernadsky, P. B. Struve, S. H. Cross and F. Caplan. The author exposes the invalidity of this conception and describes how it contradicts the available sources on the history of the emergence of the Russian state. It does not accord with the basic facts of the history of the Eastern Slavs and the Scandinavians in the 9th century. The claims of the exponents of this conception are refuted by documents and archeological and toponymical materials.

Current among the Normanists also is the version that the Vikings were the creators of the ruling class in Russia. This is reflected in the works of L. Segal, G. Welter, O. Hetit, M. Leritier and others. The author of the article shows that Soviet archeologists have succeeded in tracing down the process of the formation of the Slav feudal class before the appearance of the Vikings, who, entering the service of the Kiev princes as warriors, diplomats and merchants, became members of the Russian ruling class and were absorbed by the Slavs.

Some of the contemporary Normanists—among them C. Manning, A. Spector and M. Erman—regard the Vikings as "organizers" of the state in Russia. This viewpoint is refuted in the article by facts which show that the Eastern Slavs had state formations (principalities) even before the appearance of the Vikings in Russia.

Contemporary Normanists are also reviving the version that the Vikings unified Russia. In actual fact, however, the Eastern Slavs' state unity was the result of the objective process of the unification of Slav lands. Some of the aspects of this process were: unification of material culture, identity of social-economic development in various spheres, emergence of trade and cultural ties among them, formation of political organizations.

Bourgeois historiography plays up the Normanist theory that the Vikings were the defenders of Slav lands. That thesis, however, is refuted by the fact that the military system in ancient Russia developed from the earlier military organizations of the Eastern Slavs. The Vikings constituted only an insignificant part of the Kiev Prince's troops.

The supporters of the thesis that the Normans were the colonizers of Eastern Europe—N. Chadwick, S. H. Cross, T. Arne and A. Stender-Petersen—have been quite active latterly. But documents and archeological materials say nothing of Viking colonies in the Eastern Slavs' lands. Archeological materials on the development of the Eastern Slavs' productive forces in the 8th and 9th centuries give no grounds to speak of the civilizing role of the Normans. The discovery of Scandinavian things in Russia and Slav things in Scandinavia merely go to show that there were cultural and trade ties between these two regions. The article concludes that the propaganda about and the attempt to pep up the dogmas of the Viking theory in our day testify to the reactionary nature of contemporary Normanism in all its aspects.

M. A. BARG: **On the So-Called Crisis of Feudalism in the 14th and 15th Centuries**

The author seeks to analyze the basic trends of West-European bourgeois historiography in the issue of the so-called economic crisis in Western Europe in the 14th and 15th centuries. The author shows that it is in the nature of the bourgeois

historians of all trends to recognize the anti-historical idea about the eternity and universality of the laws of capitalism, and to affirm that the "economic tendencies" of any era may be studied independently of the character of the social facts connected with them and completely separately from all the other aspects of historical reality. M. A. Barg shows how some Western historians divorce the crisis of feudalism of the 14th and 15th centuries from the "theory" of economic cycles, allegedly based on "demographical cycles" (the growth or reduction of population), explaining the latter by biological, psychological and even meteorological factors. The "theory" of economic cycles is put forth in an attempt to refute the action of social-economic laws in history. In reducing history to "economic cycles" that differ from one another only quantitatively and are determined by well-nigh cosmic forces, the reactionary bourgeois scientists negate historical laws and history itself as a science. The author writes that the theoretical invalidity of this type of conceptions war proved by Karl Marx and V. I. Lenin.

Having analyzed in detail the views of W. Abel, M. Postan, R. Hilton, E. Perroit, R. Butrusch, D. Saltmarsh, E. Kelter and I. Schreiner, Barg comes to the conclusion that contemporary bourgeois historiography, for the above-mentioned reasons, is incapable of scientifically solving the basic problems of the history of the 14th and 15th centuries. Before outlining his conception of the problem of the "crisis of feudalism" in the 14th and 15th centuries, Barg briefly cites the views of Academician E. A. Kosminsky on the essence of the problem. After that he acquaints the reader with the results of the critical analysis of facts carried out by bourgeois historians. Economic recessions show that in the 14th and 15th centuries the crisis was not that of feudalism as a social-economic formation but only of the seigniorial form of feudal exploitation. The crisis of the seigniory as the main centre of production of feudal rent, of the seigniory as the embodiment of lordly, feudal economy, as the foundation of the entire social structure, is, in the opinion of M. A. Barg, the main cause of the so-called crisis of the 14th and 15th centuries.

I. A. KHODOSH: **From the History of American Monopoly Penetration into Liberia (1924-33)**

The author analyzes the activity of the Firestone Tire and Rubber Company in Liberia and shows how after World War I American automobile concerns got the U.S. government to help them to get land concessions in Liberia, on which they began to cultivate rubber. About 1,000,000 acres of land, taken away from the Liberians, passed under the company's control. At the same time, Liberia became financially dependent on American capital.

The article describes the methods used by the Americans to plunder the African nations. The author describes the Liberians' resistance to the American company's penetration and points out that in our day, when the colonial system is disintegrating, there is a growing movement in Liberia for economic independence.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Жуков Евгений Михайлович, академик, специалист в области истории Японии, истории национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран и истории международных отношений, академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР.

Данилов Виктор Петрович, кандидат исторических наук, специалист в области истории советского крестьянства и колхозного строительства, старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

Шушарин Владимир Павлович, кандидат исторических наук, специалист по истории Древней Руси, младший научный сотрудник Института истории АН СССР.

Барг Михаил Абрамович, доктор исторических наук, специалист по истории Англии XI—XVII вв., и. о. профессора Московского гос. заочного педагогического института.

Ходош Инесса Александровна, кандидат исторических наук, специализируется по политике США в слаборазвитых странах, старший библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР.

內 容

社論—在新的发展阶段上的苏联历史科学
談"历史問題"杂志的性質和結构

論 文

論世界史的分期問題……叶·米·茹可夫院士
論研究苏联农民史和集体农庄建設史的总結……維·彼·达尼洛夫
論現代日尔曼主义的本質和形式……弗·巴·苏沙林
論十四—十五世紀的所謂"封建主义危机"……米·阿·巴尔格
摘自美国垄断資本侵入利比里亚史……伊·阿·霍多什

历史科学在苏联
在苏联科学院历史科学部和科学委員会里

历史科学部的补充队伍……瑪·伊·阿薩图罗娃
討論社会主义和共产主义建設的历史学的科学会議……尤·斯·波里索夫
在"历史問題"杂志編輯部里举行的苏联科学院院士和通訊院士的会議

書 評

苏联历史杂志上的論文

科学生活紀事

莫斯科大学历史系的列宁科学会議……瓦·伊·茲洛宾，米·伊·赫伊菲茨
紀念列宁誕生九十周年的列宁格勒科学会議……
……尼·雅·伊凡諾夫（列宁格勒），安·里·弗里曼 （列宁格勒）
匈牙利解放十五周年紀念……康·尼·巴拉科夫
迎接拉丁美洲独立战爭一百五十周年紀念……波·伊·科雷宾
历史科学博士松科夫的六十誕长……苏·米·本奇科夫斯卡雅

历史科学在海外

書 評
国外报刊巡礼
科学生活紀事

匈牙利科学院的全体大会与匈牙利历史家的科学会議……安·伊·普什卡什

書信与短評

CONTENTS

Editorial: Soviet Historical Science at a New Stage of Development. On the Range of Problems of the "Voprosy Istorii" and Its Structure. Articles: **Academician E. M. Zhukov.** On Periodization of World History; **V. P. Danilov.** Concerning the Results of the Study of the Soviet Peasantry and Collective-Farm History; **V. P. Shusharin.** On the Essence and Forms of Contemporary Normanism; **M. A. Barg.** On the So-Called Crisis of Feudalism in the 14th and 15th Centuries; **I. A. Khodosh.** From the History of American Monopoly Penetration into Liberia (1924-33). Historical Science in the U.S.S.R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Science and Scientific Councils: M. I. Assaturova.** New Reinforcement to the Department of History; **Y. S. Borisov.** Scientific Session on the Historiography of Socialist and Communist Construction; Conference of Full and Corresponding Members of the U.S.S.R. Academy of Sciences in the Editorial Office of the "Voprosy Istorii" Magazine. **Criticism.** Articles in Soviet Historical Magazines. **Chronicle of Scientific Life: V. I. Zlobin, M. I. Kheifets.** Scientific Session Devoted to V. I. Lenin at the Historical Faculty of the Moscow University; **N. Y. Ivanov** (Leningrad), **A. L. Fraiman** (Leningrad). Scientific Sessions in Leningrad Devoted to V. I. Lenin's 90th Birth Anniversary; **K. N. Barakov.** The 15th Anniversary of the Liberation of Hungary; **B. I. Kolybin.** The 150th Anniversary of Latin America's War for Independence; **S. M. Penchkovskaya.** V. I. Shunkov, Doctor of History, Is 60 Years Old. Historical Science Abroad. **Criticism. Scanning Foreign Magazines. Chronicle of Scientific Life: A. I. Pushkash.** General Assembly of the Hungarian Academy of Sciences and Scientific Session of Hungarian Historians. Letters and Notes.

SOMMAIRE

Editorial: Nouvelle étape du développement de la science historique soviétique; Sur la spécialisation et la structure de la revue « Voprosy istorii ». Articles: **E. M. Joukov, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Sur la périodisation de l'histoire mondiale; **V. P. Danilov.** Aux résultats des études de l'histoire de la paysannerie soviétique et de l'édification kolkhozienne en U.R.S.S.; **V. P. Choucharin.** L'essence et les formes du normanisme d'aujourd'hui; **M. A. Barg.** A propos de la soi-disant « crise du féodalisme » aux XIV-XV siècles. **I. A. Hodoch.** De l'histoire de la pénétration des monopoles américains en Libérie (1924—33). Sciences historiques en U.R.S.S. **A la Section des sciences historiques de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: M. I. Assatourova.** Renforcement de la section des sciences historiques; **J. S. Borisov.** La session scientifique consacrée à l'historiographie de l'édification socialiste et communiste; Conférences des académiciens et des membres-correspondants de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. à la rédaction de la revue « Voprosy istorii ». **Comptes-rendus.** Articles dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: V. I. Zlobin, M. I. Heifetz.** Session scientifique consacrée à V. I. Lénine à la faculté historique de l'Université de Moscou. **N. I. Ivanov** (Léningrad), **A. L. Fraiman** (Léningrad). Sessions scientifiques consacrées au 90-e anniversaire de V. I. Lénine; **K. N. Barakov.** Le 15-e anniversaire de la libération de l'Hongrie; **B. I. Kolybin.** Au 150-e anniversaire de la guerre pour l'indépendance de l'Amérique Latine; **S. M. Pentchkovskaja.** Le 60-e anniversaire de V. I. Chounkov. Science historique à l'étranger. **Comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique: A. I. Pouchkach.** La conférence générale de l'Académie des sciences hongroise et la session scientifiques des historiens hongrois. Lettres et notes.

INHALT

Leitartikel: Sowjetische Geschichtswissenschaft auf neuer Entwicklungsstufe. Arbeitsbereich und Struktur der Zeitschrift „Woprossy Istorii". Beiträge: **Akademiemitglied E. M. Shukow.** Die Periodisierung der Weltgeschichte; **W. P. Danilow.** Die Ergebnisse des Studiums der Geschichte der sowjetischen Bauernschaft und des Kolchosaufbaus in der UdSSR; **W. P. Schuscharin.** Wesen und Formen des gegenwärtigen Normannentums; **M. A. Barg.** Über die sogenannte „Krise des Feudalismus" im 14.—15. Jahrhundert; **I. A. Chodosch.** Aus der Geschichte des Eindringens der amerikanischen Monopole in Liberia (1924—1933). Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: M. I. Assaturowa.** Die Erweiterung der Abteilung für Geschichtswissenschaften; **J. S. Borisow.** Wissenschaftliche Tagung über die Historiographie des sozialistischen und kommunistischen Aufbaus; Konferenz der Akademiker und Korrespondierenden Mitglieder der Akademie der Wissenschaften der UdSSR in der Redaktion der Zeitschrift „Woprossy Istorii". **Besprechungen.** Abhandlungen in den sowjetischen Zeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: W. I. Slobin, M. I. Cheifez.** Wissenschaftliche Lenintagung an der historischen Fakultät der Moskauer Universität; **N. J. Iwanow** (Leningrad), **A. L. Freiman** (Leningrad). Wissenschaftliche Tagungen in Leningrad zum 90. Geburtstag W. I. Lenins; **K. N. Barakow.** 15. Jahrestag der Befreiung Ungarns; **B. I. Kolybin.** Zum 150 Jahrestag des Unabhängigkeitskrieges in Lateinamerika, **S. M. Pentschkowskaja.** 60. Geburtstag von W. I. Schunkow. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik: A. I. Puskas.** Vollversammlung der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und wissenschaftliche Tagung der ungarischen Historiker. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия:

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТКОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 07139. Подписано к печати 2/VIII 1960 г. Тираж 22 800.
Изд. № 1361. Заказ № 1778. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.—19,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1961 год
на журнал
«ИСТОРИЯ СССР»

орган Института истории Академии наук СССР.

«История СССР» — научно-исследовательский журнал по вопросам истории нашей многонациональной Родины с древнейших времен до наших дней.

Журнал публикует научные статьи и сообщения о новых изысканиях по вопросам отечественной истории периода феодализма, капитализма и социализма, уделяя при этом особое внимание истории советского общества; разрабатывает вопросы историографии и источниковедения; проводит дискуссии и обсуждения нерешенных и спорных исторических проблем; в обзорах и рецензиях дает критическую оценку литературы по истории СССР, выходящей в нашей стране и за рубежом; разоблачает буржуазных фальсификаторов истории; систематически информирует о научно-исследовательской работе историков.

Журнал постоянно держит своих читателей в курсе научных проблем и новейшей литературы по истории СССР.

Журнал выходит один раз в два месяца.

Подписка на журнал производится в пунктах подписки «Союзпечати», на почтамтах, в конторах и отделениях связи, в магазинах «Академкниги», а также в конторе «Академкнига» по адресу: Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.

Подписная цена на год — 72 руб.,
на полугодие — 36 руб.

Цена 7 руб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
в магазинах книготорга

Р. ХЕННИГ

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

Четырехтомный труд Хеннига представляет собой одновременно капитальную сводку и историко-географическую хрестоматию, посвященную открытиям «неведомых земель» в древности и средневековье.

Тема Хеннига — неведомые земли всего мира, и автор не ограничивает ее ни определенной территорией, ни кругом открывателей и исследователей.

Каждая глава начинается с выдержек из записок и отчетов самих путешественников или из надписей, исходивших от организаторов экспедиций, а также из сообщений современников и более поздних древних и средневековых ученых.

За цитатами из первоисточников следует статья автора с критической оценкой источников, причем автор нередко отвергает традиционные версии и пересматривает их в свете новейших научных данных.

Том I посвящен древним открытиям и путешествиям до III в. н. э. В нем рассказывается об экспедициях древних египтян в страну Пунт и Нубийскую пустыню, о путешествиях на запад Чжан Цяня, о первых посольствах в Китай с Явы и из Рима. Освещаются также ход открытия Европы и Африки «пуническими народами» и античные путешествия греков и римлян.

Том II отведен средневековым открытиям до XII в. включительно. Здесь описываются посещения византийскими и сирийскими монахами Китая в VI—VII вв., китайские экспедиции на Тайвань в начале VII в., прославленные путешествия Сюань Цзана (629—645 гг.).

Гораздо подробнее и полнее, чем в других трудах западноевропейских авторов, рассматриваются путешествия арабов с конца VIII в. и походы норманнов и ирландцев.

Том III посвящен географическим открытиям и исследованиям XIII—XIV вв. и начала XV века.

Том IV охватывает период начиная с первой экспедиции принца Генриха Мореплавателя и до плаваний Колумба. В двух последних томах очень подробно освещаются открытия и исследования различных западноевропейских народов — португальцев, испанцев, немцев, англичан.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

Стоимость всего издания — 112 руб.

Цена отдельного тома — 28 руб. При подписке вносится задаток в размере стоимости одного тома. Оплата выходящих томов производится при их получении. Задаток засчитывается при получении последнего тома.

ИЗДАНИЕ БУДЕТ ОСУЩЕСТВЛЕНО В ТЕЧЕНИЕ
1960—1961 годов.

«СОЮЗКНИГА»